

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Асцатурова В. Е. <i>Философия в системе профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы</i>	3
Емельянова Е. В. <i>Влияние реформирования уголовно-исполнительной системы на организацию труда осужденных</i>	7
Казаринова Л. В. <i>Некоторые аспекты взаимодействия сотрудников оперативных подразделений и органа дознания при производстве следственного осмотра при расследовании убийств, совершенных в местах лишения свободы</i>	13
Леонтьева Л. С., Дмитриев Д. В. <i>Управление развитием предпринимательски ориентированных организаций (на примере производственных структур уголовно-исполнительной системы)</i>	17
Миролюбов С. Л. <i>Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по пенитенциарным преступлениям: практический аспект</i>	21
Радченко К. Н. <i>Участие Русской православной церкви в деятельности пенитенциарной системы России: общая характеристика проблемы</i>	24
Соколов А. Н. <i>Некоторые особенности организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при раскрытии преступлений в колониях-поселениях</i>	28
Хамадишин Д. З. <i>Проблемы ресоциализации и социальной реабилитации осужденных в период реформирования уголовно-исполнительной системы</i>	31
Хромов И. Л. <i>Коррупционная ситуация в уголовно-исполнительной системе: криминологические и уголовно-правовые проблемы</i>	36

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Антонов А. Г. <i>Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления</i>	46
Арефьев А. Ю. <i>Проблема формирования специализированных научных школ в теории оперативно-розыскной деятельности</i>	51
Бойко В. Н. <i>Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценностный компонент баланса интересов государства и гражданского общества</i>	56
Бяткиев А. В. <i>Досудебное соглашение: проблемы применения</i>	61
Владимиров С. В. <i>К вопросу о типизации свидетелей дорожно-транспортного происшествия</i>	67
Воловин А. Е. <i>Теоретико-методологические подходы к сущности и видам коррупции</i>	70
Глебова Н. А. <i>Правоприменительная практика: вопросы теории</i>	74
Головинская И. В., Остапенко Е. П. <i>Возвращение уголовного дела прокурору как основание проведения предварительного слушания</i>	80
Головкин Р. Б., Краснов А. М. <i>Понятие правового противодействия</i>	85
Гришина Т. Ю. <i>Символизм в праве</i>	95
Емельянов Н. С. <i>Правовой конфликт в системе исполнения наказаний</i>	100
Ерохина В. Е. <i>Реализация программ по профессиональной реабилитации инвалидов: проблемные вопросы</i>	103
Зюков А. М., Любишкин Д. Е. <i>Восстановительное правосудие (на примере защиты прав потерпевшего от преступления)</i>	106
Иванова Ж. Б., Семенов С. А. <i>Незаконная добыча водных животных: объект и предмет состава преступления</i>	111
Идрисов М. М. <i>Особенности поддержания государственного обвинения в суде на этапе прений сторон</i>	116

Каримов В. Х. <i>Возможности информационно-поисковых систем в раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности</i>	122
Колосов А. С., Зезюлина Т. А. <i>Международные стандарты в сфере применения наказания в виде обязательных работ</i>	125
Котомин Д. С. <i>Техника и тактика лоббистской деятельности: к вопросу о соотношении понятий</i>	131
Лазарева Л. В. <i>Мониторинг правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации</i>	134
Любитенко Д. Ю. <i>Системные свойства правовых доктрин</i>	140
Мартынов О. А. <i>Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации</i>	146
Меркурьев В. В., Богачевская Е. А., Александров Д. Е. <i>Система общеуголовных преступлений, повлекших смерть потерпевших. Состояние и движение преступности против жизни человека</i>	149
Невский Н. Н. <i>Виктимизация индивидуального предпринимателя</i>	160
Непотенко А. В. <i>Понятие «юридическая техника контрольно-надзорной деятельности»: проблема определения</i>	163
Новиков С. С. <i>Обеспечение мирового порядка в современном учении о функциях государства</i>	166
Петрова И. Л. <i>Лингвистический синкретизм юридического текста</i>	172
Савин А. А. <i>Средства и способы стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса</i> ...	179
Сергеев А. Г. <i>Роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите права граждан на жилище</i>	184
Смирнов И. О. <i>Понятие незаконного вооруженного формирования как признак состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации</i>	189
Ткачук Т. А. <i>Перспективы реализации задач розыска в условиях единого информационного пространства России</i>	193
Ткачук Т. А., Михайлов А. Е. <i>Идентификация личности с использованием нетрадиционных методов: перспективные направления</i>	198
Ходжич М. В. <i>Стратегическое планирование в органах внутренних дел Российской Федерации: научно обоснованные подходы</i>	202
Щеблыкина И. В. <i>Международно-правовые основы криминализации торговли людьми в российском законодательстве: некоторые аспекты криминологического исследования</i>	205

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Басов А. А. <i>Инцидент в Оцу: юридический и политический аспекты</i>	210
Кушнир Д. Н. <i>Развитие института соучастия в виде пособничества в России: от «Русской правды» до современного Уголовного кодекса</i>	214

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Горбунов М. А., Ананьин П. А. <i>Функциональные аспекты реализации сервитутов сельских и городских имений в системе римского частного права I–III вв. н. э.</i>	218
Ерохина Ю. Е. <i>Социально-экономическая модель государства (на примере Швеции)</i>	224
Илиджев А. А. <i>Суцность соучастия в преступлении по зарубежному уголовному законодательству</i>	227

Е-mail наших авторов	230
Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»	231
Анкета автора публикации и оператора персональных данных	232

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

УДК 101

В. Е. Асцатурова,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук

V. E. Astsaturova,

Associate Professor of the Department
for Humanitarian Studies of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Philosophy

ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Philosophy in the System of Professional Education of the Penal System Staff

Аннотация. В статье раскрывается роль философии в профессиональном становлении сотрудников уголовно-исполнительной системы. Как полученные знания по философии можно применить в профессиональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы? Основная цель автора – показать ценность и значимость философского осмысления мира для наиболее эффективного и компетентного решения профессиональных задач.

Ключевые слова: философия, личность, уголовно-исполнительная система, сознание, человек, духовное развитие, нравственные ценности, долг, наука.

Abstract. The role of philosophy in the professional upbringing of the penal system staff is revealed in the article. How can knowledge of philosophy be used in the professional activity of a penal system employee? The author's main purpose is to show the value and importance of philosophical understanding of the world for the more effective and competent realization of professional goals.

Key words: philosophy, individual, penal system, mind, human, spiritual development, moral values, duty, science.

Современное российское общество переживает сложный период модернизации всех сфер своей жизнедеятельности. Для осуществления позитивных преобразований и усовершенствований обществу нужны личности, которым не безразлична судьба страны, которые способны масштабно и гибко мыслить и осознавать, что иногда личный интерес должен быть подчинен интересам государства и общества.

Коренные изменения происходят и в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС). Основные направления, формы и методы реформирования и совершенствования УИС четко сформулированы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее: Концепция развития УИС) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544). Очевидно, что ожидать весомых результатов можно только при условии *осознания* каждым сотрудником УИС личной ответственности за выполнение задач, стоящих перед российской пенитенциарной системой. Именно *личностные* характеристики всех категорий работников УИС, имеющие своим источником зре-

лость сознания и уровень внутренней культуры, в большей степени определяют сегодня эффективность реформирования УИС. Бесспорно, только определенный тип личности – творчески и критически мыслящий, духовно развитый – может выступать своего рода гарантом успеха деятельности УИС в современных условиях. А это во многом проблема образования, его качества и эффективности!

Профессиональную подготовку специалистов для УИС осуществляют, среди прочих, учреждения высшего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России). Что мы сегодня ждем от наших выпускников? В обязательном порядке – высокой степени усвоения профессиональных знаний и умений, и только потом – устойчивых духовно-нравственных качеств.

Своевременно на страницах философского журнала выступил А. Л. Никифоров: «...нужны ли обществу профессионалы, не имеющие представления об элементарных нормах нравственности?.. Нельзя сводить высшее образование только к профессиональной подготовке... Стать просвещенным, широко образованным человеком – вот цель, быть может, более важная по

сравнению с обретением какой-то специальности... А образованный человек отличается от «ученого невежды» тем, что в дополнение к конкретным профессиональным знаниям еще и впитал в себя какие-то пласты мировой культуры – литературы, истории, искусства, философии» (Никифоров А. Л. Философия в системе высшего образования // *Вопр. философии*. 2007. № 6. С. 21, 22).

Учебная дисциплина «Философия» занимает центральное место в системе гуманитарной подготовки обучающегося – будущего сотрудника УИС и предстает как целостная система знаний, способствующая «перенастройке» мышления из обыденного, повседневного на творческий режим, выполняя роль пропедевтики (подготовки) человека к самостоятельной жизни. Однако существуют разные мнения о философии, ее содержательной и методологической целесообразности для обучающегося. Для некоторых изучение философии – это уникальная возможность по-новому взглянуть на мир и самого себя, поделиться своими взглядами, идеями, мыслями, сформировать свою собственную позицию и выразить ее. Вместе с тем, к сожалению, достаточно часто из уст обучающихся звучат вопросы: «Для чего мы изучаем философию? Как полученные знания из области философии можно применить в жизни, в своей профессиональной деятельности?». На первый взгляд такие вопросы имеют право на существование: ведь философия не делает человека более умелым в выполнении профессиональных обязанностей. Однако нередко именно философское осмысление тех или иных профессиональных задач влечет за собой их эффективное, компетентное решение.

Какие же функции выполняет учебный курс по философии в рамках профессионального образования сотрудников УИС?

Известно, что для большинства работников УИС главным содержанием служебной деятельности является работа с людьми. Ее успех во многом предопределяется пониманием природы и сущности человека, *человеческого* в человеке. Постигание человека в материальном, духовном и нравственном аспектах – одна из основных тем философии с древнейших времен. Это обусловлено спецификой самой философии, исследующей систему «человек – мир», рассматривающей место человека в мире и его отношение к миру. И. Кант в своем труде «Критика практического разума» сформулировал три вопроса, на которые должна ответить философия: *что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться?* В своей «Логике» он дополняет их четвертым, основным, вопросом: *что такое человек?* При-

мечательно, что каждый философ, философская школа или направление дают свое объяснение и оценку человеку, не претендуя при этом на получение окончательных решений. И в этом заключается неповторимое своеобразие философии, ее притягательная сила. Обращенность к человеку, человеческим проблемам наполняют философию глубоким *гуманистическим* смыслом. «...Ее высшее назначение соответственно этому – всемерно способствовать интеллектуальному и нравственному самоопределению личности, формировать ее теоретический и практический разум (Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии // *Вопр. философии*. 2005. № 11. С. 46).

Трудно представить современного сотрудника УИС, не имеющего устойчивых знаний о фундаментальных общечеловеческих и профессионально-нравственных ценностях. Именно на них основывается утвержденный приказом ФСИН России от 24 мая 2010 г. № 240 Свод профессионально-этических норм служебного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы (URL: <http://www.onk-ru.info/?p=3714>). Патриотизм, профессиональный долг, гуманизм, справедливость, законность и т. п. выделяются в этом Своде как морально-нравственные основания службы в УИС. На протяжении всей истории философии мыслители («любомудры») привносили в общественное сознание этические нормы и принципы, формируя тем самым мировоззрение людей и в немалой степени предопределяя их поведение. Что уж говорить о философских категориях «добро», «совесть», «долг», «достоинство», «честь», «счастье» и т. п., которые выработывались философами в качестве высших духовных ориентиров.

Проиллюстрируем данное положение следующим интересным примером. Осознание всей совокупности обязанностей человека перед обществом может быть зафиксировано этической категорией *долга*. В профессиональной деятельности сотрудника УИС эта категория приобретает особое значение и звучание. Выполнение и соблюдение возложенных на сотрудников УИС обязанностей и прав предполагают верное служение своему *профессиональному долгу*, который выступает как моральный ориентир, своего рода регулятор поведения, действенная сила в профессиональной деятельности.

В Новой философской энциклопедии под категорией *долга* понимаются нравственно-аргументированное принуждение к поступкам, нравственная необходимость, фиксированная в качестве субъективного принципа поведения (Новая философская энциклопедия / сост. А. А. Гусейнов. М., 2002. Т. 1. С. 686).

Противоречие между чувством долга и влечениями человека в истории философско-этической мысли оказалось в центре внимания уже в концепциях стоиков, эпикурейцев, Цицерона, Фомы Аквинского, а в дальнейшем детально продолжало осмысливаться Д. Юмом, Т. Гоббсом, И. Кантом, И. Г. Фихте, Ф. Ницше, А. Шопенгауэром и другими философами. Реальное же разрешение данное противоречие находит на уровне функционирования *совести* каждого человека, т. е. практического разума. И. Кант в своей работе «Критика практического разума» писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительней мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (Кант И. Критика практического разума // Соч. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 499). Моральным существом, по И. Канту, человек становится в той мере, в какой в нем разгорается борьба между долгом и всеми другими мотивами, обусловленными его эгоистической природой. Таким образом, понятие долга является у И. Канта главной категорией морали: нравственное поведение человека определяет именно чувство долга. В силу того, что воля человека испытывает влияние не только разума, но и иррациональных аспектов его духовной деятельности, а именно чувств, моральный закон предстает перед ним как долженствование, категорический императив: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Там же. С. 260).

Так, утверждая определенные ценности и идеалы, размышляя над поступками людей, внутренними и внешними регуляторами их поведения, философия обнаруживает свои аксиологическую и одновременно этическую функции.

Следует заметить, что повышение эффективности работы УИС во многом зависит от достижений современной науки. На это указывает и Концепция развития УИС, в которой говорится о необходимости активного использования научного потенциала ведомственных образовательных учреждений, об обеспечении приоритетности диссертационных исследований, направленных на научный анализ актуальных проблем практической деятельности учреждений и органов УИС. И это неудивительно, так как в современном мире наука вплетена во все сферы человеческой деятельности, она внедряется и в базисные отношения самих людей. Отсюда возрастающая роль и потребность в философском осмыслении научных исследований, этических и гуманистических оснований науки.

В связи с этим важное место в системе общей теоретической философии занимает философия науки. Эта сравнительно молодая философская дисциплина вооружает обучающихся необходимыми знаниями о генезисе науки (в частности, юридической), об основных критериях научности, о методологии научного познания, трудностях и перспективах развития науки в современном мире. А какие диссертационные исследования могут обойтись без понимания общей теории развития мира – диалектики, выступающей одновременно способом понимания и объяснения действительности?!

Таким образом, философия во всех своих ипостасях способствует формированию в сознании обучающегося целостной картины мира, выстраивает обобщенные и последовательные взгляды на все сущее. И чем глубже специализация, тем, наверное, острее ощущается потребность в предельно обобщенном, теоретическом видении мира, а именно философском.

Нелепо требовать от обучающегося, чтобы он «выучил» философию. Лишь прививая ему интерес к философской проблематике и раскрывая ее актуальность для осмысления тех проблем и трудностей, с которыми сегодня сталкивается все мировое сообщество, возможно действительно содействовать приращению того духовного потенциала, который есть, по сути, в каждом человеке. Необходимо приучить обучающегося сопоставлять обобщенные философские выводы с конкретными явлениями окружающей жизни, вырабатывать собственные оценки явлений и взгляды на тот или иной проблемный предмет. И тогда можно смело предположить, что учебный курс по философии перестанет восприниматься как обуза, дополнительная ко всем необходимым специальным предметам, а превратится в то самое «любознание», которое проповедовали философы древности и к которому современный обучающийся, как и всякий человек, приобщенный к культуре, способен испытывать искреннюю любовь.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем, что сегодня профессиональная деятельность сотрудников УИС требует определенной масштабности мышления, способности глубокого морального осмысления правовых реальностей, умения оценивать каждую служебную ситуацию в ее перспективе в соответствии с требованиями общественной морали и в рамках действующего законодательства. Однако для формирования и воспитания таких качеств и способностей нужно обладать определенной степенью *духовного развития*. Его основы и закладывает философия, побуждая человека подниматься над обыденностью и выходить за пределы очевидного.

Библиографический список

1. Бучило Н. Ф. Философия : учеб. пособие / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – М., 2008.
2. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – М., 2007. – Ч. 1.
3. Никифоров А. Л. Философия в системе высшего образования / А. Л. Никифоров // Вопр. философии. – 2007. – № 6.
4. Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии / Т. И. Ойзерман // Вопр. философии. – 2005. – № 11.
5. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.
6. Садовничий В. А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире / В. А. Садовничий // Вопр. философии. – 2006. – № 2.
7. Свод профессионально-этических норм служебного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы : утв. приказом Федер. службы исполнения наказаний от 24 мая 2010 г. № 240. – URL: <http://www.onk-ru.info/?p=3714>.

References

1. Buchilo N. F. Philosophy / N. F. Buchilo, A. N. Chumakov. – M., 2008.
2. Kant I. The Critique of Practical Reason / I. Kant. – M., 2007. – P. 4.
3. Nikiforov A. L. Philosophy in the System of Higher Education / A. L. Nikiforov // Questions of Philosophy. – 2007. – № 6.
4. Oyzerman T. I. Basic Issues in Philosophy / T. I. Oyzerman // Questions of Philosophy. – 2005. – № 11.
5. On the Concept of Russia's Correctional System Development until 2020 : order of the Government of the Russian Federation of October, 14th 2010 № 1772-p // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.
6. Sadovnichy V. A. Knowledge and Wisdom in the Globalizing World / V. A. Sadovnichy // Questions of Philosophy. – 2006. – № 2.
7. Code of Professional and Ethical Standards of Conduct for Penal System Officers : the order of the Federal Service of the Punishment Execution of May 24th 2010 № 240. – URL: <http://www.onk-ru.info/?p=3714>.

Е. В. Емельянова,
 ведущий научный сотрудник научного центра
 Академии управления МВД России
 кандидат экономических наук, доцент

E. V. Emelyanova,
 leading researcher of the Research Centre
 of the Academy of Management of the Ministry
 of Internal Affairs of Russia
 Candidate of Economics, Assistant professor

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

Influence of the Criminal Execution System Reforming on the Organization of Prisoners' Labour

Аннотация. В статье исследуются обстоятельства, влияющие на реформирование УИС, в том числе и на содержание труда осужденных. Автор предлагает выделять в реформировании современной УИС несколько этапов, каждый из которых сопровождался появлением обстоятельств, повлиявших на сферу организации труда осужденных. В основу предлагаемой периодизации обстоятельств, значимых для процесса реформирования УИС, положены характерные моменты развития современного Российского государства, связанные с изменениями в политической, экономической и социальной жизни общества.

Ключевые слова: содержание труда осужденных, реформирование уголовно-исполнительной системы, условия, обстоятельства.

Abstract. The article deals with factors that influence the process of reforming of the criminal executive system including those having an impact on the content of prisoners' labour. The author proposes to distinguish in the process of reforming of the criminal executive system several stages each of them is characterized by the emergence of circumstances that influence the sphere of organization of prisoners' labour. As the basis of this division of circumstances into periods which are important for the prison reform, some specific elements of the modern Russian state development are taken which are connected with the changes in political, economic and social life of the society.

Key words: essence of prisoners' labour, reforming of criminal executive system, conditions, circumstances.

Государственные реформы, направленные на приведение уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в соответствие с международными стандартами обращения с осужденными, являются органической составляющей происходящих в стране социально-экономических преобразований. Основной целью проводимых в области исполнения наказаний реформ названа минимизация негативных последствий лишения человека свободы.

Отечественная пенитенциарная система принципиально отличается от американской и европейских систем исполнения наказаний тем, что она базируется на трех основных составляющих – режим, труд, воспитательная работа (Ланкин Н. И. Проблемы сокращения численности осужденных к лишению свободы и обеспечения их трудовой занятости // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2005. Ч. 27. С. 166).

В своей основе труд человека в любом государстве – единственный цивилизованный способ проявления созидательности соотношения между тем, что человек готов отдать организованному в государство обществу, и тем, что взамен желает от него получить. Создание любого производства в учреждениях, где исполняются уголовные наказания, – не понуждение человека к труду, а

способ его адекватного включения в социально значимые отношения.

Уголовно-исполнительная система, являясь социальным институтом общества, подвержена тем же изменениям, которые в нем происходят, это основное обстоятельство необходимости ее реформирования.

Вопросы реформирования УИС в пенитенциарной науке исследовались многими учеными и практиками (Анисимков В. М. Реформа системы управления органами, исполняющими наказания в виде лишения свободы (теоретические основы и механизм реализации) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994 ; Зубков А. И. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе. Рязань, 1989 ; Стручков Н. А. Нужна новая концепция исполнения уголовного наказания // Правовые и организационные основы исполнения уголовного наказания. М., 1991. (Тр. Акад. МВД СССР).

На наш взгляд, в процессе, отразившемся на реформировании УИС современной России, можно выделить несколько этапов¹, каждый из

¹ Следует отметить, вопрос об этапах реформирования УИС рассматривали многие авторы. Напр.: Матвеева Н. С. Функционирование уголовно-исполнительной системы России (организационно-экономический аспект) : монография. Киров, 2007. С. 101 ; Ялунин В. У. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы : монография. Владимир, 2004. С. 52–53.

которых сопровождался появлением обстоятельств, недостижимых для управленческого потенциала системы исполнения наказаний, однако повлиявших на сферу организации труда осужденных. В данном случае под обстоятельствами следует понимать такое фактическое влияние на сферу организации труда осужденных, которое осуществляется вне пределов возможностей УИС. Если таковое осуществляется возможностями УИС, то речь идет об условиях.

В процессе изучения этих этапов можно выявить причины принятия конкретных решений в исследуемой сфере исполнения наказаний, а также адекватно оценить их последствия.

Первый этап формирования обстоятельств, существенно повлиявших на реформу УИС современной России, связан с переходным периодом в экономической и политической жизни нашей страны (с начала 1990-х гг. до 1997 г.). В это время была разрушена исправительно-трудовая система и создана УИС. Следует подчеркнуть, что произошла не просто смена названий, была изменена сама сущность исполнения наказаний в направлении открытости для общества, расширения прав осужденных, демократизации управления.

К началу 1990-х гг. производственный сектор мест лишения свободы представлял собой стройную, четко регламентированную систему организации труда осужденных, ориентированную в основном на обеспечение плановых производственных показателей. Практически все осужденные были обеспечены трудом. В каждом исправительно-трудовом учреждении действовало профессионально-техническое училище.

Сфера организации трудовой деятельности осужденных в полной мере испытала на себе все негативные последствия перехода страны к рыночным отношениям: значительно уменьшились объемы производства, большое число осужденных были лишены возможности трудиться.

Принятие Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316), разрешившего заниматься предпринимательской деятельностью с целью создания дополнительных рабочих мест и решения экономических проблем исправительных учреждений (далее: ИУ) и самих осужденных, себя не оправдало. Внешней, поверхностной причиной этого было учреждение дополнительной нагрузки на сотрудников, ответственных за организацию указанного вида деятельности. Внутренней, глубинной и главной причиной отмены неудавшейся реформы стали недооценка новой сущности характера труда осужденных и как следствие недостаток сил и средств, привлеченных к ее реализации.

В 1994 г. решением коллегии МВД России от 29 июня № 4 были одобрены Основные направления реформирования и стабилизации производственно-хозяйственной деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, в условиях развития рыночных производственных отношений (Документ опубликован не был). В этом документе допускалось потенциальное банкротство предприятий, организованных в местах лишения свободы, признавались неконкурентоспособность их продукции и неэффективность управления производством в условиях рынка.

Официально отмечались спад производства и возрастание числа безработных на предприятиях УИС. И в этом случае важное значение придавалось не причине, а следствию. Предлагалось силами системы исполнения наказаний обеспечивать конкурентоспособность выпускаемой на ее производствах продукции, тогда как обеспечивать нужно было стратегические изменения самой сущности труда осужденных и привлекать для этого гораздо более серьезные ресурсы, имеющиеся в распоряжении всего нашего государства.

С целью реорганизации и поддержки производственно-хозяйственной деятельности мест лишения свободы постановлением Правительства РФ от 29 июля 1995 г. № 764 была утверждена Федеральная целевая программа содействия трудовой занятости осужденных к наказанию в виде лишения свободы (1995–1996 годы) (Рос. газ. 1995. 29 авг.). Итогом указанной программы должны были стать трудоустройство около 200 тыс. осужденных и освоение около 1000 новых наименований конкурентоспособной продукции. Вследствие этого ожидалось снижение расходов федерального бюджета на сумму не менее 100 млрд руб. в год. Однако проблемы это не разрешило. Вместо плановой продукции усилиями осужденных предлагалось выпускать продукцию конкурентоспособную, что в условиях отсутствия прежних привычных заказов и как следствие остановки налаженного производства, острой потребности в новом оборудовании и безоговорочной потребности в новой производственной квалификации осужденных, осложненной и повышенной текучестью, было практически невозможно.

Предполагаемые затраты на реализацию программы составляли достаточно внушительную сумму (796,6 млрд руб. в ценах 1995 г.). При этом только 25 % этих средств предоставлял федеральный бюджет в виде капитальных вложений и льготных инвестиционных кредитов. Большую часть, или 75 %, планировалось привлечь за счет централизованных средств УИС, средств предприятий ИУ, коммерческих структур, а также средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в раз-

мерах, определенных соответствующими региональными программами.

Изыскать такие средства УИС самостоятельно не имела возможности. С начала 1990-х гг. в течение ряда лет УИС обеспечивалась бюджетными средствами в размерах, которые не превышали 60 % минимальных потребностей ИУ.

В новом Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, вступившем в действие с 1 июля 1997 г., была закреплена обязанность осужденных трудиться, а также обязанность администрации ИУ привлекать осужденных к труду с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности (ст. 103).

Второй этап формирования обстоятельств, существенно повлиявших на реформу УИС, охватывает период с 1998 по 2004 г. – время относительной стабилизации общественных отношений. Он связан с переходом УИС из МВД России в ведение Минюста России, который состоялся в соответствии с Указом Президента РФ от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Там же. 1997. 15 окт.). Следует отметить, что реализация уголовно-исполнительной политики России на этом этапе реформирования УИС характеризуется продолжением гуманизации уголовно-исполнительного законодательства и практики исполнения уголовных наказаний. При этом с точки зрения теории управления, справедливой и для сферы исполнения уголовных наказаний, недооценка характера проблемы, поставленной перед УИС, продолжилась. Если приоритетом в соответствии с современным видением гарантирования прав человека рассматривалась применительно к организации труда осужденных гарантия выбора ими характера труда, то перевод системы исполнения наказаний в иную государственную структуру решить этой проблемы не мог.

Именно поэтому выполнить все намеченные реформой мероприятия было достаточно сложно. Бюджетные средства на содержание УИС продолжали оставаться на уровне 60 % от потребностей (Кузнецов Ю. Ю. В режиме экономии средств // Ведомости уголов.-исполн. системы. 1999. Спецвыпуск. С. 72). В 1999 г. дефицит сметы, утвержденной для УИС, составлял 48,6 % от минимально необходимой потребности (Ялунин В. У. Система исполнения уголовных наказаний – итоги работы // Там же. 2000. № 1. С. 9). Недостаток финансирования УИС не давал возможности обеспечить условия содержания осужденных и подследственных, соответствующие требованиям законодательства. Например, при норме расходов на питание на одного осужденного в сутки в 1998 г., установленной в 12 руб. 70 коп., фактически из бюджета было выделено чуть больше 3 руб. (Там же. С. 13). Для срав-

нения: в том же 1998 г. в пенитенциарной системе Германии (земля Северный Рейн–Вестфалия) на подобные нужды выделялось 136 немецких марок в сутки (Ресоциализация осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФРГ : учеб. пособие / В. М. Морозов [и др.]. Владимир, 1999. С. 10). Недостаточное финансирование бюджетного сектора УИС привело к значительному отвлечению оборотных средств из промышленного сектора на оказание финансовой помощи ИУ. В целом объем отвлеченных средств составил около 40 % от годового выпуска продукции, а по ряду регионов этот показатель был превышен более чем в два раза (Царьков О., Шатилов В. К рентабельности и окупаемости // Ведомости уголов.-исполн. системы. 1999. Спецвыпуск. С. 59).

Таким образом, на тот момент привычная оценка характера труда осужденных продолжала доминировать. Развитие сферы труда осужденных не только решало задачи их привлечения к труду, но и обеспечивало жизнедеятельность как самих ИУ, так и в целом УИС¹.

Основные направления преобразования УИС нашли свое отражение в федеральной целевой программе «Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2002–2006 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 29 августа 2001 г. № 636 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 38, ст. 3743). Указанная программа включала подпрограмму «Реформирование промышленного сектора уголовно-исполнительной системы и содействие трудовой занятости осужденных на 2002–2006 годы». Согласно этой подпрограмме был выбран разумный курс на максимально возможное самообеспечение УИС продуктами питания, вещевым имуществом, строительными материалами, продукцией коммунально-бытового и специального назначения². Была решена ключевая проблема формирования заказов предприятиям системы исполнения наказаний, в сложившейся ситуации наиболее соответствующая ее потребностям и ресурсам. При

¹ В соответствии с п. 6 ст. 18 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учреждения, исполняющие наказания, после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты обязаны были производить отчисления в специальные внебюджетные фонды, создаваемые центральными и территориальными органами управления УИС.

² Еще до принятия этой программы приказом Минюста России от 26 апреля 1999 г. № 76 «Об организации самообеспечения уголовно-исполнительной системы Минюста России продовольствием» было положено начало одному из направлений реального сокращения расходов федерального бюджета на содержание УИС. Предполагалось, что «полное удовлетворение системы в питании, вещевом имуществе, строительных материалах, продукции коммунально-бытового назначения позволит сэкономить средств на сумму около 1 млрд руб.» (Документ опубликован не был).

этом конституционное право осужденных на выбор характера труда было реализовано с учетом объективных ограничений, возникающих в связи с тем, что оно реализуется в процессе отбывания ими наказания. Иными словами, система исполнения наказаний проявила свою жизнеспособность. Она в основном адаптировалась к новым для нее социально-экономическим условиям.

Вместе с тем условия продолжали оставаться далекими от оптимальных. Из 2 753,3 млн руб., необходимых для реформирования производственного сектора УИС и содействия трудовой занятости осужденных на период с 2002 по 2006 г., только 251 млн руб. составлял средства федерального бюджета; средства бюджетов субъектов Российской Федерации – 742,4 млн руб.; остальные 1759,9 млн руб. – средства из внебюджетных источников.

Таким образом, решение проблемы вновь было возложено на саму систему, что фактически предопределяло бесперспективность принятой программы.

Производственная база УИС и особенности профессиональной квалификации осужденных коммерческие структуры не привлекали. Однако и в этих условиях производство в местах лишения свободы сумело сохраниться: предприятия УИС освоили современные производства, нашли новых партнеров, наладили выпуск продукции, пользующейся спросом.

Однако принятие федеральных законов от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Парламент. газ. 2002. 2 нояб.), от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (Там же. 3 дек.), наряду с Налоговым кодексом РФ, резко осложнили и без того непростую ситуацию в производственном секторе УИС. Государственные структуры, ответственные за организацию и налогообложение предприятий, продолжали игнорировать разницу между прежней и настоящей оценкой сущности труда осужденных, препятствуя тем самым разрешению управленческой проблемы стратегического уровня.

Третий этап формирования обстоятельств, существенно повлиявших на реформы УИС, был предопределен некоторым экономическим подъемом и проведением в стране административной реформы и завершился с началом мирового экономического кризиса (с 2005 по 2008 г.). В этот период Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11, ст. 945) была создана Федеральная служба исполнения наказаний (далее: ФСИН России), что явилось важным событием в истории отечественной УИС. В соответствии с Указом Президента РФ

от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (Рос. газ. 2004. 19 окт.) в число полномочий вновь образованной службы входят, наряду с прочими, и привлечение осужденных к труду, и создание условий для их моральной и материальной заинтересованности в результатах труда.

В целях сохранения производства учреждений, исполняющих уголовные наказания, и обеспечения конституционных гарантий труда лиц, отбывающих наказания, руководством ФСИН России принято решение о разработке и внедрении принципиально новой структуры привлечения осужденных к труду – центров трудовой адаптации осужденных и трудовых мастерских (Об утверждении примерного Положения о Центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и примерного Положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 1 апр. 2008 г. № 80 // Там же. 2008. 16 апр.).

Организация таких подразделений была предопределена исторически и соответствовала представлениям о порядке устройства системы исполнения наказаний и требованиям международных стандартов. Однако, как показывают исследования, была неверно оценена современная роль труда осужденных и как следствие недостаточно продуманы организация и порядок преобразования государственных унитарных предприятий. Для таких предприятий должен быть законодательно обеспечен иммунитет от банкротства, так как они созданы для исполнения уголовных наказаний и социальной адаптации осужденных и по определению не могут быть приравнены к коммерческим организациям, создаваемым для получения прибыли. По этому признаку они – качественно различающиеся управляемые системы.

Между тем число осужденных, не занятых трудом, продолжало увеличиваться. Данные ФСИН России свидетельствуют о том, что в 1999 г. к оплачиваемым работам привлекалось 36,9 % от общей численности осужденных, а в 2009 г. – только 20,6 % . Следовательно, труд осужденных по-прежнему рассматривался не как способ включения осужденных в социально значимые отношения, а как производство продукции, требующей реализации.

Несмотря на более чем шестикратное увеличение финансового обеспечения УИС с 2000 по 2009 г., средств на развитие производственной базы мест лишения свободы, отвечающей своему новому предназначению, не выделялось. В 2006 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 была принята федеральная це-

левая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 гг.)» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39, ст. 4075). Для ее реализации из федерального бюджета было выделено 73,5 млрд руб., из которых 58,1 млрд руб. должны быть затрачены на строительство и реконструкцию следственных изоляторов, 15,4 млрд руб. – на ИУ. Средств на развитие производства в УИС и создание новых рабочих мест для осужденных в программе по-прежнему предусмотрено не было. При этом производственный сектор УИС ежегодно производил налоговые платежи по федеральным, региональным и местным налогам и сборам.

Четвертый этап формирования обстоятельств, существенно повлиявших на результаты реформы УИС, связан с изменениями во всех сферах общества, вызванных экономическим кризисом (с 2009 г. по настоящее время). Последний, вне всякого сомнения, отразился на процессе разработки и принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., в соответствии с которой предполагается создать новую систему исполнения наказаний в виде лишения свободы, включающую: колонии-поселения; колонии-поселения с усиленным наблюдением; тюрьмы общего режима; тюрьмы усиленного режима; тюрьмы особого режима (О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Там же. 2010. № 43, ст. 5544). Ее создание, на наш взгляд, должно позитивно повлиять на состояние производства в местах лишения свободы.

Наиболее широко труд осужденных в качестве средства подготовки к жизни на свободе предполагается развивать в колониях-поселениях обоих видов. Однако анализ практики действующих в настоящее время колоний-поселений свидетельствует о серьезных проблемах в их работе. Уровень преступности здесь почти в шесть раз выше, чем в других ИУ. Причем около половины всех преступлений, совершенных в колониях-поселениях, составляют побегі (Епифанов О. С. Некоторые проблемы исполнения наказания в колониях-поселениях // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1(68). С. 17). Причинами побегов в основном являются недостаточная трудовая занятость осужденных и неудовлетворительное состояние их материально-бытового обеспечения. В тех случаях, когда осужденные работают в колониях-поселениях, особенно это касается лесных ИУ, то их рабочие места находятся, как правило, на малочисленных отдаленных объектах, где надзор за ними практически отсутствует, а получаемый ими заработок не дает возможности самостоятельно обеспечивать себя одеждой, питанием и товарами первой необходимости, а также погашать иски. При-

веденные факты предвосхищают вывод о том, что условия отбывания наказаний диктуют требования к организации труда осужденных. Новые условия отбывания наказаний фактически предопределили появление еще одной проблемы, для разрешения которой только создание надлежащих условий трудовой адаптации осужденных может оказаться недостаточным. Не исключено, что решение данного вопроса окажется связанным не только с условиями производства, но и с характеристиками спецконтингента, направляемого в колонии-поселения. Однако так ли это, покажет только продолжительная систематизация опыта исполнения наказаний в колониях-поселениях.

Согласно вышеназванной Концепции содержание осужденных на строгих условиях тюрем общего и усиленного режима, в отличие от обычных и облегченных, не предусматривает их вывода на работу. Содержание в тюрьмах особого режима предполагает два вида условий – строгие и обычные, однако работа осужденным там предоставляться не будет. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, может серьезно осложнить и без того непростую ситуацию ресоциализации данной группы осужденных, кроме того, лишит их возможности заработать дополнительные средства на приобретение предметов первой необходимости, а также для погашения различных исков. Одновременно возрастут бюджетные расходы на их содержание. Вот что по этому поводу сказал в одном из своих интервью председатель комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П. Крашенинников: «...наряду с бюджетными проблемами, есть проблема, связанная с будущей реабилитацией таких лиц. Чем жестче режим, тем сложнее реабилитировать. Если установим тюремный режим 10 лет, 15 лет, эти люди все равно когда-нибудь выйдут на свободу. Уровень рецидивной преступности у них будет большой... Наша задача не уничтожать оступившихся, а помогать им вернуться в нормальную жизнь» (Казенный срок // Рос. газ. 2010. 26 февр. С. 4).

Разработка новой Концепции развития УИС совпала с обстоятельствами экономического кризиса в стране. Так, запланированные на 2009-й и последующие годы объемы финансирования УИС скорректированы по всем направлениям деятельности в сторону уменьшения. Например, при формировании предельных объемов бюджетного финансирования УИС на 2009 г. эти ассигнования планировались в сумме 163,8 млрд руб., а оптимизировались – в 156 млрд руб.

В настоящее время годовые расходы на все виды содержания одного осужденного составляют около 30 тыс. руб., т. е. примерно 82 руб. в сутки. Для сравнения: в Швейцарии в новой женевской тюрьме на содержание одного заключенного выде-

ляется 200 франков в день (Преступление и наказание. 2010. № 2. С. 56). Всего ежегодно Российское государство тратит на эти цели более 22 млрд руб. Данные расходы должны компенсироваться удержаниями из заработной платы осужденных, однако реально возмещается не более 13 % указанных расходов (Об администрировании доходов федерального бюджета и итогах деятельности учреждений УИС за 2009 год по приносящей доход деятельности : письмо начальникам територ. органов ФСИН России от 26 марта 2010 г. № 10/16/3-267. Документ опубликован не был).

Пропорционально приведенному соотношению осужденные погашают причиненный ими материальный ущерб, приобретают дополнительное питание и предметы первой необходимости, а также оказывают материальную помощь семьям.

Иными словами, применение указанных норм предполагает создание достаточного количества рабочих мест для работоспособных осужденных, бесперебойное производство и реализацию изготовленной продукции.

Вместе с тем в настоящее время износ основных производственных фондов в целом по УИС в среднем составляет 80 %, а работой обеспечены не более 30 % осужденных.

Таким образом, сложившееся положение дел свидетельствует о высокой вероятности того, что ожидаемых результатов система исполнения наказания на этом направлении не достигнет, прежде всего потому, что условия, обеспечивающие возможность ее системного качества – трудовой адаптации осужденных, не соответствуют ни ожиданиям общества, ни ожиданиям осужденных, ни ожиданиям самой системы.

Мы полагаем, что основные положения и перспективы уголовно-исполнительной политики государства, отражающей современную оценку роли труда осужденных и подкрепленной адекватной

оценкой системы исполнения наказаний, необходимо четко сформулировать, например, в Национальной доктрине исполнения наказаний в Российской Федерации, а на ее базе реформировать современное уголовно-исполнительное законодательство с учетом правоприменительной практики и надлежащего управления. Основные положения Национальной доктрины в области исполнения наказаний могут быть реализованы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. В принятой Концепции надлежит конкретизировать предложения по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения развития УИС России, обосновать необходимость разработки целевых программ по основным направлениям деятельности УИС. В нашем случае необходимо разработать и принять федеральную целевую программу «Содействие организации трудовой занятости и профессионального образования осужденных», где будут закреплены принципы труда осужденных; формы его организации; способы его правового регулирования; условия государственных и муниципальных заказов производствам, на которых трудятся осужденные. Будут названы формы взаимодействия УИС с региональной властью и общественными организациями; урегулированы финансовое обеспечение производственного сектора УИС и предоставление льгот предприятиям, потребляющим продукцию производства УИС. Станет обязательным для государства обеспечение условий обучения профессиям, имеющим спрос на региональных рынках труда.

На наш взгляд, только при таком научно обоснованном подходе могут быть решены проблемы сознательной обусловленности – управления, формирующего содержание труда лиц, осужденных к лишению свободы, соответствующего современным ожиданиям нашего общества.

Библиографический список

1. *Анисимков В. М.* Реформа системы управления органами, исполняющими наказания в виде лишения свободы (теоретические основы и механизм реализации) : дис. ... д-ра юрид. наук : 05.13.10 / Анисимков Владимир Михайлович. – М., 1994.
2. *Зубков А. И.* Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе / А. И. Зубков. – Рязань, 1989.
3. *Калинин Ю. И.* Уголовно-исполнительная система России: стратегия реформы / Ю. И. Калинин // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2003. – № 1.
4. *Ялунин В. У.* Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы : монография / В. У. Ялунин. – Владимир, 2004.

References

1. *Anisimkov V. M.* Reforming the System of Management of the Agencies Executing Punishments in the Form of Deprivation of Liberty (Theoretical Basics and Mechanism of Realization) / Anisimkov Vladimir Michailovich. – M., 1998.
2. *Zubkov A. I.* Concept of Reforming Correctional Labour Activities in the USSR at the Modern Stage / A. I. Zubkov. – Ryazan, 1989.
3. *Kalinin Yu. I.* Russian Criminal Executive System: Strategy of Reforming / Yu. I. Kalinin // Bulletin of the Correctional Executive System. – 2003. – № 1.
4. *Yalunin V. U.* Reforming the Criminal Execution System of Modern Russia: Problems, Trends, Perspectives / V. U. Yalunin. – Vladimir, 2004.

Л. В. Казаринова,
*старший преподаватель кафедры уголовно-
 процессуального права ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

L. V. Kazarinova,
*Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
 of VLI of the FPS of Russia*
Candidate of Law

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
 И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ,
 СОВЕРШЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**Some Aspects of Interaction between Employees of Operative Divisions and Inquiry Bodies
 while Conducting Investigatory Inspection during the Investigation of Crimes Committed
 in Places of Imprisonment**

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия органа дознания с сотрудниками оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по факту совершения осужденными на территории мест лишения свободы преступлений, связанных с причинением смерти.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, осмотр трупа, пенитенциарные преступления, связанные с причинением смерти.

Abstract. The article considers some aspects of interaction between the inquiry body and employees of operative divisions of the criminal executive system concerning the fact of committing crimes connected with causing death by the convicted on the territory of places of imprisonment.

Key words: crime scene survey, survey of a corpse, penitentiary crimes connected with causing death.

Порядок производства следственного осмотра органом дознания на территории пенитенциарных учреждений, а также использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) для подготовки и его производства на протяжении многих лет являются предметом научных исследований и дискуссий.

Производство следственного осмотра в местах лишения свободы осуществляется в специфических условиях, что обуславливает его особый характер. Эта особенность и образует сложность производства данного следственного действия. Для того чтобы преодолеть сложности, связанные с производством следственного осмотра, необходимо прежде всего достичь согласованности Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) и уголовно-процессуального законодательства по вопросам: подготовки и производства следственных действий до возбуждения уголовного дела по факту преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях; представления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или суду, а о полномочиях органа дознания в лице сотрудников оперативных подразделений при производстве следственного осмотра при совершении преступлений в местах лишения свободы.

При расследовании пенитенциарных преступлений по факту убийств на практике не встречаются оперативно-розыскные ситуации, когда не установлена личность потерпевшего (при попыт-

ке сжечь труп, длительном нахождении трупа в воде, земле и др.) или когда имеются достоверные данные о совершении убийства, но труп не найден. Тактика раскрытия убийств, совершенных осужденными, в основном зависит прежде всего от оперативно-розыскной ситуации, под которой понимается «совокупность обстоятельств (обстановка), сложившаяся на момент решения оперативно-розыскной задачи» (Козаченко И. П. О понятии и сущности оперативно-розыскной тактики // Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел : тр. Акад. МВД СССР. М., 1991. С. 28). По факту совершения осужденными умышленных убийств могут возникать типичные оперативно-розыскные ситуации, характеризующиеся определенной зависимостью от места совершения или обнаружения преступления, а также от объема и характера первичной информации о преступлении. Последнее обстоятельство позволяет на основании информации, полученной в ходе осмотра места происшествия и из других источников, организовать их раскрытие по горячим следам. При этом источники информации по делу об убийстве подразделяются на два вида: 1) следы, предметы, иные вещественные объекты; 2) лица, которые непосредственно воспринимали совершение убийства или осведомлены об иных обстоятельствах, имеющих значение для его раскрытия (Шиенок В. П. Сущность оперативно-розыскной тактики. Минск, 1988. С. 15).

Следует отметить, что непосредственное производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, особенно при расследова-

нии пенитенциарных преступлений, неразрывно связано с оперативной информацией. Розыскную информацию оперативный сотрудник может получить и в результате личного исследования места происшествия. Обоснованной представляется точка зрения В. П. Шиенка относительно того, что главным для оперативных сотрудников при участии в осмотре места происшествия является «не оказание технической и иной помощи следователю (хотя и это необходимо), а самостоятельный целенаправленный сбор информации, необходимой для правильной организации и тактики предстоящих оперативно-розыскных мероприятий» (Там же. С. 38–39).

В целях получения розыскной информации, независимо от места совершения преступления, оперативный сотрудник выясняет характер происшедшего по обстановке на этом месте: следам борьбы преступника и потерпевшего, характеру повреждения на трупe, его позе. Вывод о предшествовавшей убийству борьбе может быть сделан по повреждениям одежды на трупe, наличию не принадлежащих убитому клочков одежды, пуговиц, волос, признакам нарушения окружающей местности, частицам почвы на одежде убитого и т. д. Полученные сведения дают основания для осуществления розыска по следам, остающимся на одежде и теле преступника.

Время совершения убийства устанавливается по температуре трупа, степени его окоченелости, наличию и выраженности трупных пятен (это выясняет врач). Лужи и обильные потеки крови, в зависимости от степени ее высыхания и цвета, состояние земляного покрова и растительности на нем, следов на снегу, наличие выпавшего снега, сухая почва под трупом после дождя, дымящийся окурок и другие обстоятельства также могут свидетельствовать о времени убийства.

Место обнаружения трупа не всегда может совпадать с местом убийства. О перемещении трупа могут свидетельствовать следы волочения на полу, грунте и на самом трупe в виде продольных царапин, отсутствие большого количества крови на месте обнаружения трупа при наличии значительных повреждений, вызывающих сильное кровотечение, несоответствие позы трупа расположению трупных пятен на нем, отсутствие на месте обнаружения трупа следов борьбы, тогда как такие следы имеются на самом трупe (Руководство по расследованию убийств. М., 1977. С. 82). При подозрении на совершение убийства в драке надо иметь в виду, что драка может начаться в одном месте, продолжаться в другом, а труп может находиться в третьем (Иванов В. И. Расследование убийств, совершенных в драке : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 112–147). По делам об убийстве, таким образом, может быть несколько мест происшествий.

Способ совершения убийства определяется по позе трупа, направлению и брызгам крови, раневым каналам, местам расположения ранений. Размеры, формы и расположение пятен крови дают возможность определить позы убийцы и потерпевшего, а также наличие борьбы или самообороны перед убийством. Об орудиях убийства судят по их наличию на месте происшествия и характеру повреждений на трупe. В ряде случаев преступники могут вытирать окровавленный нож или другое орудие преступления об одежду, полотенце, различные предметы, и тогда по следам от таких действий можно определить форму слеодообразующего предмета. Иногда преступники выбрасывают орудия преступления (ножи, отвертки, заточки) в уборные, сточные канавы т. д., поэтому поиск нужно вести не только возле трупа, но и в направлении возможного отхода убийцы. По орудиям преступления можно установить его владельца или кем и где оно было изготовлено (например, нож).

О мотивах убийства можно судить по результатам осмотра трупа, его позе, характеру и множественности телесных повреждений. Возможна и инсценировка определенных мотивов убийства.

Вопрос о количестве преступников разрешается в результате обнаружения и изучения следов рук и ног нескольких человек (помимо следов потерпевшего), следов разных орудий преступления на трупe, окурков различных марок табачных изделий и др.

Рассмотренный нами круг обстоятельств, подлежащих установлению на месте происшествия для получения розыскной информации, в конечном счете направлен на получение фактических данных об осужденных, причастных к совершению преступления, поскольку данный фактор имеет решающее значение для дальнейших оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий. С этой целью оперативный сотрудник выявляет (сам или совместно с органом дознания) и фиксирует материальные следы, несущие информацию о лице, совершившем преступление. Следы-вещества (кровь, слюна и т. п.) также могут нести информацию о механизме преступления и лице, его совершившем. Оперативный сотрудник обязан учесть, что эти следы иногда остаются на теле и одежде преступника, а данное обстоятельство может быть использовано при розыске преступника по горячим следам.

В специальной литературе рассматриваются типичные недостатки, которые допускаются при осмотре мест происшествий и снижают уровень раскрываемости преступлений по горячим следам. По мнению И. Х. Турсунова, определяющими при раскрытии преступлений по горячим следам являются источники личностной информации: следы рук — 16,6 %, транспортных

средств – 33,2 %, микроследы – 8,3 %, выделения человека – 8,3 %. И это, несмотря на то, что данные следы, как правило, не изымаются при осмотре места происшествия (Турсунов И. Х. Об использовании специальных познаний при раскрытии преступлений по горячим следам. Ташкент, 1984. С. 47–48). Такой факт служит условием несвоевременного раскрытия преступлений.

Важно отметить, что оперативный сотрудник пенитенциарного учреждения осуществляет на месте происшествия оперативно-розыскные мероприятия по обнаружению и задержанию лиц, совершивших преступления, и определяет необходимые поисковые мероприятия, для проведения которых должны использоваться силы и средства других служб. В этих целях оперативный сотрудник в районе места совершения убийства проводит: опросы лиц, обнаруживших труп; разведывательные опросы осужденных, находящихся на месте происшествия; обследование местности в районе обнаружения трупа и т. д.

Оперативный сотрудник использует информацию, полученную при осмотре места происшествия в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (наружного наблюдения и разведывательного опроса и т. д.) в целях установления обстоятельств совершенного преступления и осуществления мер по установлению виновных лиц.

При наличии сведений о конкретном лице, подозреваемом в совершении убийства, проводится оперативный осмотр его одежды, обуви, рабочего и спального места. Он может сочетаться с проведением на территории пенитенциарного учреждения или производственного объекта обысков, во время которых особенно тщательно осматриваются нежилые помещения, чердаки, карнизы, выгребные ямы, пожарные водоемы, а также спальные и рабочие места подозреваемых в убийстве осужденных. Подобные обыски проводятся с целью обнаружения и изъятия орудий, с помощью которых было совершено преступление, и других предметов, имеющих к нему отношение.

Осмотр места происшествия, освидетельствование, осмотр трупа – это следственные действия, являющиеся разновидностями следственного осмотра, в которых закрепляются следы преступления по факту пенитенциарных преступлений и которые могут производиться до возбуждения уголовного дела.

Доказательственная информация, полученная посредством производства вышеперечисленных следственных действий, позволяет выдвинуть версии совершения преступного деяния, определить направление дальнейшего хода расследования и круг неотложных следственных действий в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями.

Осмотр места происшествия составляет информационную основу деятельности по раскрытию преступлений по горячим следам, данное неотложное следственное действие – главный источник получения данных о познаваемом событии. Однако оперативный сотрудник в первую очередь должен приложить все усилия для получения поисковой информации о лице, совершившем преступление, что необходимо для организации его немедленного преследования и проведения заградительных мероприятий. Одновременно должна проводиться работа по установлению очевидцев и иных лиц, которые могут сообщить что-либо о преступнике. В. П. Лавров и В. Е. Сидоров также считают необходимым выделять и проводить первоочередной осмотр «узлов ситуации», ибо он «дает сразу представление о самом главном в происшествии, а это позволяет быстрее вести целеустремленную поисковую работу по установлению преступника» (Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам. М., 1989. С. 39–43).

Большое значение для раскрытия неочевидных убийств имеет обнаружение микрообъектов – малозаметных объектов с незначительной массой. Ими могут быть микроволокна одежды, капли жидкости, пыльца и споры растений, частицы краски, почвы. Такие микрообъекты могут быть перенесены с одежды потерпевшего на одежду преступника и, наоборот, при их контакте. Поиск микрообъектов следует осуществлять с учетом характера преступления, версий о механизме его совершения и преступнике. Однако, как показывает практика, микрообъекты с мест происшествия чаще всего не изымаются.

Результаты производства осмотра места происшествия должны фиксироваться. Фиксация – это непосредственно документальное оформление результатов следственного действия, осуществленное в надлежащем порядке и в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Протокол осмотра места происшествия является основным способом фиксации хода и результатов этого важного следственного действия, поэтому он должен быть составлен полно, последовательно, объективно, а также отражать результаты осмотра. К протоколу, как правило, прилагаются фототаблицы, схемы и другие материалы, являющиеся дополнительными способами фиксации.

Задача обнаружения следов преступления и вещественных доказательств может быть решена при условии профессионального применения органами дознания технико-криминалистических средств, методов и приемов, разработанных на основе современных достижений техники.

При расследовании убийств, совершенных осужденными, возникает необходимость в ос-

мотре различных предметов, которые впоследствии становятся по делу вещественными доказательствами. Они могут быть обнаружены при обыске, выемке, осмотре участка местности и помещений, не являющихся местом происшествия. Данные предметы также могут быть доставлены другими сотрудниками, о чем составляется рапорт. Однако вышеперечисленные следственные действия, являющиеся разновидностью следственного осмотра, могут производиться строго после возбуждения уголовного дела.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом осмотр предметов, обнаруженных при осмотре места происшествия, обыске, выемке, осмотре участка местности и помещений, не являющихся местом происшествия, производится на месте проведения следственных действий. В этих случаях результаты осмотра отражаются в протоколе соответствующего следственного действия. Если же для осмотра предмета требуются дополнительные научно-технические средства, более благоприятные условия или продолжительное время для изучения их общих и частных признаков, то он производится в служебном помещении в присутствии понятых, а при необходимости – с участием специалиста (Кульков В. В. Криминалистика : в 2 т. Рязань, 1996. Т. 2: Организация, техника, тактика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания : в 2 ч. Ч. 1. С. 47–49). Общие и частные признаки предмета фиксируются в протоколе. Осматриваемый предмет фотографируется по правилам масштабной съемки.

Осмотр трупа является разновидностью следственного осмотра и производится до возбужде-

ния уголовного дела. В соответствии с криминалистической тактикой производства данного процессуального действия осмотр трупа состоит из двух стадий – общего и детального осмотра трупа. Ход и результаты осмотра трупа фиксируются в протоколе осмотра места происшествия. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться и другие специалисты, что зависит от механизма происшествия и характера телесных повреждений, имеющихся на трупе. При осмотре трупа необходимо исследовать и описать расположение трупа по отношению к окружающим неподвижным предметам на месте происшествия, позу трупа, состояние его одежды, а также следы, микрообъекты, предметы, обнаруженные около трупа или на трупе (Там же. С. 49). Орган дознания производит осмотр трупа с участием понятых, судебно-медицинского эксперта, при невозможности его участия – врача. Может привлекаться к участию в осмотре трупа сотрудник медицинской части пенитенциарного учреждения.

Таким образом, оперативно-розыскное обеспечение производства дознания на первоначальном этапе уголовного преследования по факту убийств, совершенных в местах лишения свободы, крайне важно и необходимо. Только плодотворное взаимодействие сотрудников оперативных подразделений и органа дознания, а также доброкачественная деятельность по закреплению следов преступления могут привести к изобличению виновных лиц, а также эффективному расследованию в дальнейшем уголовных дел по пенитенциарным преступлениям.

Библиографический список

1. Козаченко И. П. О понятии и сущности оперативно-розыскной тактики / И. П. Козаченко // Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел : тр. Акад. МВД СССР. – М., 1991.
2. Кульков В. В. Криминалистика. В 2 т. Т. 2. Организация, техника, тактика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания. В 2 ч. Ч. 1 / В. В. Кульков. – Рязань, 1996.
3. Лавров В. П. Расследование преступлений по горячим следам / В. П. Лавров, В. Е. Сидоров. – М., 1989.
4. Руководство по расследованию убийств. – М., 1977.
5. Турсунов И. Х. Об использовании специальных познаний при раскрытии преступлений по горячим следам / И. Х. Турсунов. – Ташкент, 1984.
6. Шиенок В. П. Сущность оперативно-розыскной тактики / В. П. Шиенок. – Минск, 1988.

References

1. Kozachenko I. P. On the Concept and Essence of Crime Detection Tactics / I. P. Kozachenko // Crime Detection Tactics of Internal Affairs Agencies (OVD). – M., 1991.
2. Kulkov V. V. Forensic Studies. In 2 vol. Vol. 2. Organization, Techniques, Tactics of Investigating Crimes in Institutions of Crime Execution. In 2 parts. Part 1 / V. V. Kulkov. – Ryazan, 1996.
3. Lavrov V. P. Disclosing Crimes without Delay / V. P. Lavrov, V. E. Sidorov. – M., 1989.
4. Guidebook on Crime Investigation. – M., 1977.
5. Tursunov I. H. On the Use of Special Knowledge during the Process of Disclosing Crimes without Delay / I. H. Tursunov. – Tashkent, 1984.
6. Shienok V. P. Essence of Crime Detection Tactics / Shienok V. P. – Minsk, 1998.

Л. С. Леонтьева,

*заведующая кафедрой общего менеджмента
и предпринимательства*

*Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики*

доктор экономических наук, профессор

Д. В. Дмитриев,

*аспирант кафедры общего менеджмента
и предпринимательства*

*Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики*

L. S. Leontyeva,

*Head of the Department of General Management
and Entrepreneurship of Moscow State University
of Economics, Statistics and Information Science*

Doctor of Economics, Professor

D. V. Dmitrov,

*post-graduate student of the Department
of General Management and Entrepreneurship
of Moscow State University of Economics,
Statistics and Information Science*

**УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СТРУКТУР УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)**

**Managing the Development of Entrepreneurial-oriented Organizations
(Considering the Example of Industrial Structures of the Penal System)**

Аннотация. В статье анализируются задачи, связанные с реформированием промышленного сектора уголовно-исполнительной системы. Раскрыто понятие трудовой адаптации, определены основные сценарии развития предпринимательски ориентированных структур в пенитенциарной среде.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, центры трудовой адаптации осужденных, трудовая занятость спецконтингента.

Abstract. The paper analyzes the tasks of reforming the industrial sector of the penal system. The concept of labour adaptation is revealed, the main scenarios of the development of entrepreneurial-oriented structures in the penal system are defined.

Key words: penal system, centres of labour adaptation of the convicted, labour of the convicted.

В различные периоды развития отечественной экономики значительная часть валового национального продукта производилась на предприятиях особого рода – промышленных предприятиях, входивших в уголовно-исполнительную систему (далее: УИС). Однако если в советский период деятельность подобного рода хозяйствующих субъектов полностью определялась Госпланом СССР, то с наступлением рыночных отношений такие организации получили статус свободно хозяйствующих единиц. При этом их деятельность была направлена как на создание продукции, выполнение работ и услуг, реализуемых с целью обеспечения производственных, хозяйственных и социальных нужд самой пенитенциарной системы, так и для получения дополнительного дохода при реализации продукции во внешней среде на свободном рынке. Это позволяло восполнить недостаток бюджетных средств, необходимых для развития как непосредственно промышленных предприятий УИС, так и учреждений УИС в целом.

Потенциальные возможности для адаптации производственной сферы УИС к новым условиям кроются в комплексном подходе к сочетанию регулируемых, планируемых государством производственных процессов и предпринимательской

деятельности, позволяющей более эффективно формировать, развивать и использовать профессиональные ресурсы как источник получения дополнительного дохода. В современной концепции развития УИС заложена стратегия длительного позитивного социального и трудового развития лиц, находящихся в местах лишения свободы (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544). Эффективно организованное производство системы ориентировано не только на экономические результаты, но и на решение важных социальных задач, таких как привитие первоначальных трудовых навыков, восстановление утраченных профессиональных компетенций, возможность самореализации лиц, находящихся в условиях изоляции от общества, с использованием реальных экономических и легитимных трудовых отношений.

В результате проведенного авторами теоретического исследования генезиса форм российского предпринимательства было определено, что основу любой рыночной системы хозяйства составляет множество экономически активных субъектов – предпринимателей, которые формируют и развивают производство, устанавливают

рыночные связи. Выявлено, что под предпринимательством понимают:

- процесс создания нового, обладающего ценностью;
- процесс, предполагающий принятие на себя финансовой, моральной и социальной ответственности;
- процесс, приносящий в результате денежный доход и личное удовлетворение достигнутым.

С переходом к рынку производственные структуры УИС России, несмотря на их полную детерминированность, становятся полноправными участниками рыночных отношений. Однако на первых этапах переходного периода их нельзя было назвать предпринимательскими структурами, поскольку предприятия УИС были созданы для обеспечения процесса исправления лиц, находящихся в изоляции, их перевоспитания путем привлечения к производительному труду.

В большинстве проанализированных авторами работ по данной тематике отмечается, что целью производственно-хозяйственной деятельности предприятий УИС, наряду с получением дохода, является профессиональная подготовка и обеспечение полной трудовой занятости лиц, находящихся в изоляции. Имеющиеся направления и подходы к классификации особенностей организации производства на предприятиях УИС вносят существенный вклад в изменение отношения к экономическим структурам как динамично меняющим свое положение в рамках пенитенциарной системы.

В 2008 г. в целях реализации требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в части привлечения к труду лиц, находящихся в местах лишения свободы, организации их профессиональной подготовки, привития им трудовых навыков и закрепления позитивного отношения к труду были созданы центры трудовой адаптации осужденных (Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 1 апр. 2008 г. № 80 // Рос. газ. 2008. 16 апр.). Однако, по мнению авторов, деятельность по созданию подразделений трудовой адаптации может быть более или менее осознанной и целенаправленной только при условии четкого представления о том, что понимается под процессом трудовой адаптации. В настоящее время в научной литературе и соответствующих нормативных правовых актах отсутствует окончательное, принятое всеми определение

понятия «трудовая адаптация». Исходя из определения труда как целесообразной деятельности человека, затрат его умственной и физической энергии, направленных на создание материальных и духовных благ, и адаптации как приспособления к чему-либо или к кому-либо (от латинского «adaptare» – приспособлять), можно предположить, что трудовая адаптация – это приспособление к трудовой деятельности.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года основными задачами, направленными на развитие предпринимательски ориентированных структур УИС, являются: создание условий для трудовой занятости спецконтингента в зависимости от вида исправительного учреждения; совершенствование производственно-хозяйственной деятельности УИС; повышение экономической эффективности труда осужденных, а также разработка наиболее перспективных направлений производственной деятельности в целях приоритетного обеспечения нужд УИС собственным производством и выпуска конкурентоспособной продукции, что свидетельствует о превращении центров трудовой адаптации осужденных в предпринимательски ориентированные структуры.

Тем самым подчеркивается ярко выраженная тенденция к повышению степени хозяйственной самостоятельности экономических структур Федеральной службы исполнения наказаний, при этом за ними сохраняется социальная функция профессиональной и социально-экономической адаптации лиц, находящихся в изоляции.

Авторами были выявлены особенности динамики результатов хозяйственной деятельности внутри центров трудовой адаптации, которые выражаются в наличии разного уровня предпринимательства:

- внутри системы движение продукции, выполнение работ и предоставление услуг осуществляются по заранее детерминированным планам и логистике;
- по отношению к внешней среде в соответствии с результатами хозяйственной деятельности, способами преодоления неопределенности, рыночных рисков социальные центры трудовой адаптации выступают как эффективные предпринимательские структуры, адаптированные к условиям реального рынка получением предпринимательского дохода. В целях преодоления подобной двойственности авторы предлагают эффективно развивать и использовать профессиональные и управленческие ресурсы всех участников экономических отношений внутри учреждений УИС.

Параллельно с разработкой комплексных мер по профессионализации трудовых и управленческих ресурсов для развития предпринимательски ориентированной деятельности необходимо ре-

шение задач стратегического развития промышленных предприятий на базе центров трудовой адаптации.

Основные факторы трудовой и социальной адаптации носят, за редким исключением, межрегиональный характер. По мнению авторов, в организационном отношении профессиональное обучение осужденных осуществляется преимущественно вне потребностей собственного производства исправительных учреждений как в силу того, что эти потребности минимальны, так и в силу низкой «пропускной способности» самих образовательных учреждений.

Превышение требований к профессиональным характеристикам рабочей силы со стороны работодателей над потенциальными трудовыми возможностями лиц, освободившихся из мест лишения свободы, выступает одним из решающих факторов, которые сдерживают их активность в поиске рабочих мест, в том числе с помощью центров занятости населения.

В рамках реформирования производственного сектора УИС авторы предлагают следующие сценарии развития предпринимательски ориентированных структур на базе центров трудовой адаптации осужденных, основанные на различных принципах, предполагающие различные варианты (степени) использования профессионального развития мотивации существующих управленческих и трудовых ресурсов учреждений УИС:

- первый (низший) уровень предпринимательски ориентированной деятельности заключается в выполнении заказов внешних предпринимательских структур по регламентированной переработке давальческого сырья;

- второй уровень предпринимательски ориентированной деятельности в центрах трудовой адаптации осужденных связан с производством товаров и оказанием услуг по принципу франчайзинга, предполагающего полную стандартизацию и приобретение по себестоимости товаров и услуг, полностью детерминированных стандартами качества, установленными внешними заказчиками;

- высшим (перспективным) уровнем развития предпринимательски ориентированных структур центров трудовой адаптации осужденных является получение на свободном рынке самостоятельных заказов на производство высокотехнологичной конкурентоспособной продукции, возможно в рамках сотрудничества с крупными предпринимательскими структурами на условиях аутсорсинга, с последующим формированием собственного бренда, стандарта качества и выработанных конкурентных преимуществ.

Для решения вышеобозначенных социально-экономических проблем авторы предлагают создать интегрированную социально-экономическую систему (далее: ИСЭС). Данная система

включает уровни или подсистемы, причем наиболее подходящая структура создаваемой ИСЭС, на взгляд авторов, – уровневая, поскольку определение значимости различных уровней в процессе реформирования УИС наиболее важно при становлении механизма управления данной системой и выработке показателей ИСЭС.

Большое значение для создания эффективной системы управления развитием ИСЭС имеют не только внутренние управленческие структуры, но и участники внешней среды, которые создают экономические и правовые предпосылки для превращения ИСЭС в базу предпринимательски ориентированных структур в УИС. Внешняя среда создает необходимые условия для эффективного функционирования ИСЭС, формирования структуры управления профессиональными ресурсами кластерного типа. При этом авторы предлагают создать центр взаимодействия в рамках структур УИС, который будет основным регулирующим звеном. Основными элементами разработанной структуры управления профессиональными ресурсами предпринимательской деятельности являются два блока институтов – формальных (право) и неформальных, в качестве которых выступают неформальные ограничения (стиль поведения, мировоззрение), структурирующие политическое, экономическое и социальное взаимодействие.

В качестве социально-экономического эффекта функционирования предпринимательски ориентированных структур на базе центров трудовой адаптации осужденных авторами предлагается комплекс показателей роста профессиональных и управленческих навыков, приобретенных как гражданами, отбывающими уголовные наказания, так и сотрудниками УИС в процессе реализации хозяйственной деятельности в рамках каждого из предложенных сценариев развития предпринимательской деятельности. В качестве критерия оценки эффективности функционирования ИСЭС предложен показатель формирования конкурентных преимуществ за счет профессиональных навыков и знаний, используемых в предпринимательской деятельности, приобретенных как лицами, находящимися в местах лишения свободы, так и сотрудниками УИС. Величина показателя прямо пропорциональна вложениям в формирование профессионального потенциала лиц, находящихся в изоляции, вложениям в формирование профессиональных навыков и повышение уровня квалификации сотрудников центра трудовой адаптации осужденных и обратно пропорциональна совокупному доходу центра трудовой адаптации осужденных, полученного в отчетном периоде.

Предложенный показатель использования конкурентных преимуществ, профессиональных навыков и знаний в предпринимательской дея-

тельности УИС позволит проанализировать эффективность функционирования ИСЭС и определить пути повышения конкурентных преимуществ предпринимательски ориентированных структур пенитенциарной системы.

Исходя из вышеизложенного авторы выделяют следующие группы факторов, определяющих характер отношений в социальной среде УИС: наличие формальных (например, юридических, экономических, финансовых, производственных) и неформальных институтов, которые устанавли-

вают правила и диапазон возможностей для реализации предложенных направлений реформирования УИС, обеспечивают коммерческие возможности УИС, предоставляя технологическое обучение и научные знания; каналы передачи знаний, навыков, информации, что в значительной степени определяется социальными и культурными характеристиками социальных слоев трудового потенциала УИС; динамические факторы внутри субъектов социальной сферы УИС или в их непосредственном окружении.

Библиографический список

1. *Аникин Б. А.* Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента : учеб. пособие / Б. А. Аникин, И. Л. Рудая. – М., 2009.
2. *Десслер Г.* Управление персоналом / Г. Десслер. – М., 1997.
3. *Кононец А. С.* Трудовая адаптация осужденных в лечебно-производственных (трудовых) мастерских / А. С. Кононец // Преступление и наказание. – 2005. – № 9.
4. *Орехов С. А.* Раскрытие информации как приоритетное направление повышения эффективности корпоративного управления / С. А. Орехов, В. А. Селезнев // Теория и практика современного менеджмента : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. д-ра эконом. наук, проф. С. Д. Ильенковой. – М., 2002.
5. *Экономико-статистический анализ : учеб. пособие для вузов / С. Д. Ильенкова [и др.] ; под ред. проф. С. Д. Ильенковой. – М., 2002.*

References

1. *Anikin B. A.* Outsourcing and Outstaffing: High Technologies of Management / B. A. Anikin, I. L. Rudaya. – M., 2009.
2. *Dessler G.* Staff Management / G. Dessler. – M., 1997.
3. *Kononets A. S.* Labour Adaptation of the Convicted in Industrial Workshops / A. S. Kononets // Crime and Punishment. – 2005. – № 9.
4. *Orekhov S. A.* Disclosure of Information as a Priority Direction of Raising the Efficiency of Corporate Management / S. A. Orekhov, V. A. Seleznev // Theory and Practice of Modern Management / ed. by Doctor of Law, Prof. S. D. Ilyenkova. – M., 2002.
5. *Economic and Statistical Analysis / S. D. Ilyenkova [et al.] ; ed. by prof. S. D. Ilyenkova. – M., 2002.*

С. Л. Миролубов,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 ВЮИ ФСИН России*

S. L. Mirolubov,
*post-graduate student of the Faculty of Research
 and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Use of the Results of Crime Detection in Proving Penitentiary Crimes: Practical Aspect

Аннотация. В статье обосновывается актуальность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по пенитенциарным преступлениям. Приводятся примеры из следственно-судебной практики. Вносится предложение об изменении ст. 89 УПК РФ для упрощения процедуры использования результатов оперативно-розыскных мероприятий, проведенных по решению суда, в уголовном процессе.

Ключевые слова: использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, уголовно-исполнительная система, судебно-следственная практика по пенитенциарным преступлениям.

Abstract. The article grounds the importance of using the results of crime detection in proving penitentiary crimes. It as well contains examples from judicial and investigatory practice. The author offers to introduce changes to article 89 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation for facilitating the procedure of the use of the results of crime detection activities conducted under a judgement in criminal procedure.

Key words: use of the results of crime detection in criminal procedure, criminal executive system, judicial and investigatory practice on penitentiary crimes.

В юридической науке и практике до сих пор не выработано единого комплексного подхода к разрешению проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в доказывании по уголовным делам. Отсутствие четко выработанной позиции по этому вопросу среди ученых не позволяет законодательно сформулировать свободные от противоречий правовые формы, которые бы способствовали правильному и эффективному решению на практике всего комплекса вопросов, связанных с использованием результатов ОРД, прежде всего при формировании на их основе доказательств в уголовном судопроизводстве. Об этом прямо свидетельствует содержащийся в уголовно-процессуальном законодательстве запрет на использование в процессе доказывания результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Такое решение фактически блокирует саму возможность использования результатов ОРД в указанных целях, поскольку они в принципе не могут отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе (Доля Е. А. Формирование доказательств на основе оперативно-розыскной деятельности : монография. М., 2009. С. 251).

Однако в настоящее время все чаще приходится использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам, в том числе и при расследовании преступлений, совершенных в пени-

тенциарных учреждениях. Изучение следственно-судебной практики позволяет сделать заключение об увеличении значимости процедуры перевода результатов ОРД в процессуальные доказательства. Чаще всего к этому прибегают в случаях дефицита доказательственной базы. Приведем несколько примеров.

Так, 5 июня 2009 г. осужденный Х., отбывавший наказание в ФБУ ИК-8 ГУФСИН России по Республике Татарстан и работавший автослесарем в гараже исправительного учреждения, с помощью сообщника, находившегося на свободе, незаконно приобрел наркотическое средство героин общей массой 53 г. Данное вещество соучастник спрятал в автомобильном бампере и через контрольно-пропускной пост передал осужденному Х. Совершение этого преступления стало возможным ввиду незаконного хранения и использования осужденным Х. сотового телефона. Раскрытие данного преступления стало возможным благодаря результатам проведенного оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» с последующим переводом их в разряд доказательств (Архив Альметьев. гор. суда Республики Татарстан. Д. № 1-448).

Другой пример. Осужденный К., находясь в ФБУ ИК-8 ГУФСИН России по Республике Татарстан, разработал ухищренный план поставки в исправительное учреждение наркотического средства героина и для этого с помощью сотовой связи вступил в сговор с сообщниками М., Я. и Ч. Первая из них приобрела наркотическое средство героин массой 2,5 г у неустановленного ли-

ца и передала его соучастнице Я., которая передала его Ч., после чего Я. была задержана. В итоге были осуждены: К. по ст. 30, ч. 3; ст. 228, ч. 2 УК РФ и Я. по ст. 33, ч. 5; ст. 228 ч. 2 УК РФ (Там же. Д. № 1-188.). Раскрытие преступления, а также признание вины данными лицами стали возможными лишь в связи с легализацией и приобщением к материалам уголовного дела фонограммы переговоров по сотовому телефону осужденного и его сообщников.

Не менее запутанную преступную схему удалось раскрыть оперативным сотрудникам ФСКН России по Республике Татарстан также с помощью оперативно-розыскных мероприятий «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи».

Так, осужденный за незаконный оборот наркотических средств И., отбывавший наказание в ФБУ ИК-8 ГУФСИН России по Республике Татарстан, в период с 1 февраля 2009 г. по 11 февраля 2009 г. посредством сотовой связи договорился со своим братом С., находящимся на свободе, о поставке наркотических средств в исправительное учреждение. С. приобрел у неустановленного следствием лица наркотическое средство героин массой 3 г и с помощью подручных средств упаковал его в металлический баллон с гелем для бритвы «Джилетт». Затем С. упаковал металлический баллон и купленные продукты питания в почтовую коробку и попросил своего знакомого Ф. переслать ее в ИК-8 не на имя своего брата, а на имя другого осужденного М., отбывающего наказание в том же исправительном учреждении, с целью сокрытия следов преступления и избежания уголовной ответственности. Так, 16 февраля 2009 г. указанная бандероль поступила в ИК-8 на имя М., где была вскрыта и досмотрена оперативными сотрудниками. Наркотическое средство было изъято, а братья И. и С. осуждены: 7 августа 2009 г. Альметьевский городской суд Республики Татарстан признал обоих братьев виновными и приговорил к нескольким годам лишения свободы. Посредники М. и Ф., не посвященные в преступный план, избежали уголовной ответственности в первую очередь благодаря профессионализму сотрудников службы по контролю за оборотом наркотиков (Там же. Д. № 1-368).

Однако незаконные сделки с наркотическими средствами – это не единственный пример преступной деятельности лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы, с помощью технических средств.

Так, 25 апреля 2009 г. в период с 10.00 до 19.00 Н., отбывавший наказание в ФБУ ИК-19 ГУФСИН России по Республике Татарстан, расположенной в г. Казани, с помощью сотовой связи представился А-ой ее сыном В., после чего неоднократно звонил ей и под вымышленным

предлогом требовал перечисления денег в различных размерах на счет своего абонентского номера. Потерпевшая А., находясь в г. Нижнекамске, не подозревая обмана, перечислила 400, 150, 300, 1535, 750, 400, 700 и 1030 руб. на указанный номер злоумышленника.

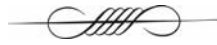
В тот же день Н. позвонил потерпевшей А., которая снова признала в нем своего сына, и сообщил, что его отчисляют из учебного заведения и для урегулирования вопроса потребовал 10000 руб., которые попросил передать знакомому К. На следующий день К. был задержан сотрудниками милиции в момент передачи денег.

Четырнадцатого августа 2009 г. Нижнекамский городской суд Республики Татарстан приговорил Н. к 3 годам лишения свободы по ст. 159, ч. 2 и ст. 30, ч. 3 УК РФ (Архив Нижнекам. гор. суда Республики Татарстан № 1-689/09).

В настоящее время для использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе требуются вынесенное начальником оперативно-розыскного органа постановление о представлении результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд за подписью руководителя оперативно-розыскного органа по субъекту Федерации; постановление о рассекречивании результатов ОРД и другие документы. Таким образом, данная процедура регламентируется не УПК РФ, а Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) и межведомственной Инструкцией (Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апр. 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 // Там же. 16 мая.). Исходя лишь из небольшого количества изложенных выше практических примеров¹ и руководствуясь принципами целесообразности и эффективности, мы позволим себе не согласиться с мнением Е. А. Доля о невозможности придания статуса доказательств результатам ОРД в уголовном процессе (Доля Е. А. Результатам ОРД нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2007. № 6).

В связи с вышеперечисленным мы предлагаем внести изменение в ст. 89 УПК РФ и разрешить использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных по решению суда, в уголовном процессе как готовое доказательство (по аналогии с результатом следственного действия).

¹ Статистика по использованию результатов ОРД в уголовном процессе, к сожалению, не ведется.

Библиографический список

1. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / Н. А. Гущин [и др.]. – М., 2005.
2. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе оперативно-розыскной деятельности : монография / Е. А. Доля. – М., 2009.
3. Доля Е. А. Результатам ОРД нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе / Е. А. Доля // Рос. юстиция. – 2007. – № 6.
4. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В. И. Зажицкий. – СПб., 2006.

References

1. Proof, Gathering of Proofs and Use of the Results of Crime Detection / N. A. Gushchin [et al.]. – M., 2005.
2. Dolya E. A. Formation of Proof on the Basis of Crime Detection / E. A. Dolya. – M., 2009.
3. Dolya E. A. Results of Crime Detection should not Be Given the Status of Proofs in Criminal Procedure / E. A. Dolya // The Russian Justice. – 2007. – № 6.
4. Zazhitskiy V. I. Results of Crime Detection in Criminal Court Procedure: Theory and Practice / V. I. Zazhitskiy. – SPb., 2006.

К. Н. Радченко,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 ВЮИ ФСИН России*

K. N. Radchenko,
*post-graduate student of the Faculty
 of Research and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia*

**УЧАСТИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ**

**Participation of the Russian Orthodox Church in the Activities of the Penitentiary System of Russia:
 General Characteristic of the Problem**

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы взаимодействия Русской православной церкви с системой исполнения наказаний в России. Анализируются организационно-правовые формы такого сотрудничества, выявляются перспективные направления его совершенствования.

Ключевые слова: Российская православная церковь в пенитенциарной системе, православное просвещение, взаимодействие церкви и государства, взаимодействие Российской православной церкви и ФСИН России, религиозные организации.

Abstract. The paper deals with the main periods of interaction between the Russian Orthodox Church and the Penal System in Russia. The given article describes organizational and legal forms of such cooperation, identifies the main directions of its improvement.

Key words: Russian Orthodox Church in the penitentiary system, orthodox education, interaction between church and state, interaction between the Russian Orthodox Church and the Federal Penal Service of Russia, religious organizations.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из приоритетных направлений в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) должна стать активизация взаимодействия с традиционными конфессиями, а именно: обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, реализация совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов. Кроме того, предполагается активно использовать потенциал религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников уголовно-исполнительной системы, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы (О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

Безусловно, ведущая роль в участии религиозных организаций в деятельности пенитенциарной системы должна принадлежать традиционным для нашей страны конфессиям, в первую очередь это касается Русской православной церкви (далее: РПЦ). В этой связи проблемы совершенствования форм и методов участия РПЦ в деятельности отечественной системы исполнения наказаний нуждаются в глубоком научном осмыслении.

В последние годы представителями теоретико-правовой науки был осуществлен целый ряд исследований, посвященных различным аспектам церковно-государственных отношений. Так, в своей работе О. Е. Авилова указывает, что «в современных условиях Российское государство явно не справляется с духовно-культурной функцией, с воспитанием общества и совершенствованием его морального облика. В этой ситуации... взаимодействие государства – института политического и церкви – института духовного позволило бы сформировать и укрепить этические, духовные и собственно правовые начала в правосознании российского общества» (Авилова О. Е. Учение о государстве Русской православной церкви в XX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 10).

Большое количество научных работ посвящено историческому аспекту взаимодействия церкви и государства (Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 ; Кольцов В. А. Правовая политика Российского государства в отношении собственности Русской православной церкви в России X – начала XX вв. (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; Нутрихин Р. В. Правовая политика Российской империи в области регулирования землевладения религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009 ; Сафонов А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в Рос-

сии в начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008).

Современные проблемы участия церкви в различных сферах жизнедеятельности государства отражены в трудах М. А. Воронковой, В. А. Живулина, Е. Л. Шапошникова (Воронкова М. А. Правовое и религиозное регулирование семейной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007 ; Живулин В. А. Теоретико-правовые основы регулирования современных государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006 ; Шапошников Е. Л. Государственно-церковные отношения в России в XX – начале XXI в.: историко-правовой и общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007). Так, В. А. Живулин отмечает, что в последние годы «вовлеченность религиозных объединений в общественную жизнь страны проявилась в проникновении в публичные сферы, в которых до недавнего времени их не было – в частности, в политику, образование, пенитенциарную систему, вооруженные силы» (Живулин В. А. Указ. соч. С. 3).

Между тем необходимо сказать, что проблематика участия РПЦ в деятельности пенитенциарной системы России в отечественной теоретико-правовой науке до настоящего времени надлежащего освещения не получила.

Пастырское служение священнослужителей РПЦ в исправительных учреждениях уже почти два века является одним из приоритетных направлений ее деятельности в обществе. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви», утвержденных на Архиерейском соборе 2000 г., этому вопросу посвящен разд. IX «Преступность, наказание, исправление». Положения данного раздела содержат принципы, на которых строится сотрудничество РПЦ с пенитенциарной системой: «Исполняя свое служение в местах лишения свободы, Церковь должна устроить там храмы и молитвенные комнаты, совершать Таинства и богослужения, проводить пастырские беседы с заключенными, распространять духовную литературу. При этом особенно важен личный контакт с лишенными свободы, включая посещение мест их непосредственного нахождения. Заслуживают всяческого поощрения переписка с осужденными, сбор и передача одежды, лекарственных препаратов и других необходимых вещей. Такая деятельность должна быть направлена не только на облегчение тяжелой участи заключенных, но и на помощь в нравственном исцелении искалеченных душ» (Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/141422.html>).

История официального сотрудничества пенитенциарного ведомства с РПЦ началась в 1819 г., когда в г. Санкт-Петербурге было создано Обще-

ство Попечительное о тюрьмах, которое содействовало введению церковных служб в пенитенциарных учреждениях. В соответствии с утвержденными Александром I «Правилами для Попечительного Общества о тюрьмах» главной целью данной организации должно было стать нравственное исправление содержащихся в местах заключения преступников. Основными средствами исправления объявлялись: «1) ближайший и постоянный надзор над заключенными; 2) размещение их по роду преступлений или обвинений; 3) наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности на оном основании; 4) занятие их приличными упражнениями; 5) заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенное место» (Об учреждении в Санкт-Петербурге Общества Попечительного о тюрьмах. Спб., 1819. С. 40–45). Сразу после создания Общества Попечительного о тюрьмах в г. Санкт-Петербурге подобные общества начали появляться в разных городах России.

В соответствии с положениями Закона Российской империи от 15 июня 1887 г. «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» священники, диаконы, псаломщики, состоявшие при местах заключения, были отнесены к аппарату управления местами лишения свободы, и по должностному окладу священник приравнивался к начальнику тюрьмы (Влияние воцерковления осужденных на их поведение в период отбывания наказания : аналит. справка. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/99/248/>).

После 1917 г. сотрудничество церкви и государства в сфере исполнения уголовных наказаний было прервано более чем на семьдесят лет.

Новый этап взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с религиозными организациями начался в 1989 г., когда в соответствии с приказом МВД СССР от 10 октября 1989 г. № 250 были приняты «Рекомендации по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов» (Там же). В 1992 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР был дополнен ст. 8.1 «Обеспечение свободы совести осужденных» (О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : закон Рос. Федерации от 12 июня 1992 г. № 2988-1 // Рос. газ. 1992. 21 июля).

Анализ существующей нормативной базы показал, что правовую основу участия религиозных объединений в деятельности уголовно-исполнительной системы составляют ст. 28 Конституции Российской Федерации, гарантирующая каждому гражданину России, в том числе и осужденным, свободу совести и вероисповедания, а также

ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в которой говорится, что осужденные вправе исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Кроме того, деятельность духовенства в местах лишения свободы регламентируется Соглашением о сотрудничестве Министерства юстиции Российской Федерации и РПЦ от 21 декабря 1999 г. и Соглашением о сотрудничестве между ГУИН Министерства юстиции Российской Федерации и Синодальным отделом Московского патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями от 28 августа 2003 г. (URL: <http://www.t-sluzhenie.ru/node/916/print>). Эти соглашения позволили наладить во всех субъектах Российской Федерации конструктивную работу территориальных органов ФСИН России и епархиальных управлений РПЦ. За исправительными учреждениями для пастырских посещений закреплены конкретные приходы и священнослужители, которые работу в колониях совмещают с приходской деятельностью. Несмотря на дефицит времени и личные трудности, они несут осужденным слово назидания, помогают им молитвой и личным примером. Такое отношение священнослужителей создает условия для нравственных и просветительных бесед в воскресных школах, для строительства новых храмов на территории исправительных учреждений и оборудования молельных комнат (Тюремное служение Русской православной церкви : сб. материалов в помощь организации служения в местах лишения свободы / сост.: протоиерей Олег Скоморох, Н. В. Пономарева. М., 2009. С. 80–81).

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы создано свыше 700 православных общин, в которых насчитывается 53 200 верующих. Действуют 523 храма и 705 молельных комнат. Создано свыше 50 воскресных школ, которые посещают более 10 тыс. осужденных (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы по состоянию на 1 ноября 2010 г. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>).

Воцерковление осужденных, их активное участие в культовой практике РПЦ основаны на убеждении в том, что данные процессы будут способствовать их скорейшему освобождению и социальной адаптации в обществе после отбывания наказания (Влияние воцерковления осужденных на их поведение в период отбывания наказания).

Руководство ФСИН России в обзорах о взаимодействии с религиозными и общественными организациями неизменно подчеркивает, что религиозное просвещение лиц, лишенных свободы, осуществляется в унисон стремлению реализовать социальную адаптацию к жизни на свободе,

духовно возродить оступившихся, внести успокоение в души осужденных, а взаимодействие религиозных объединений с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания, является важной предпосылкой совершенствования воспитательной работы с осужденными, способствует возвращению их в общество право-послушными гражданами.

Православное просвещение в местах лишения свободы как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы может реализовываться в самых различных формах: от сообщения самых общих сведений о православии до вхождения в православную общину с исполнением всех религиозных обрядов, таинств. Священнослужители при посещении исправительных учреждений проводят индивидуальную и массовую работу с осужденными по пропаганде религиозного учения, духовно-нравственному воспитанию, удовлетворяют потребности в совершении обрядов крещения, венчания, соборования, покаяния и причастия. Привычным стало проведение литургий, проповедей и нравственных бесед с осужденными (Тюремное служение русской православной церкви. С. 82).

Пятого марта 2010 г. в РПЦ был создан Синодальный отдел по тюремному служению. Как заявил начальник нового отдела епископ Красногорский Иринарх (Грезин), РПЦ собирается «развернуть широкое тюремное служение, которое должно совершаться энергично, старательно, во славу Божию». При этом он пояснил, что «Московский патриархат пока не может выделить материальные ресурсы» на тюремное служение, но «недалеко то время, когда мы сможем с помощью государства выполнить свою социальную работу» (Мальцев В. В стране появятся тюремные капелланы // Независимая газ. 2010. 30 авг.).

Весьма перспективным представляется начатый весной 2010 г. эксперимент по созданию вакансий тюремных священников в исправительных учреждениях. Так, на базе нескольких епархий (Саратовской, Мордовской, Камчатской, Вологодской) создается институт капелланов в исправительных учреждениях. В настоящее время активно обсуждается организационно-правовая форма такой работы священнослужителей и искиваются соответствующие источники финансирования (Там же).

Во Владимирской области в последние годы отмечается высокий уровень взаимодействия УФСИН России по Владимирской области с религиозными объединениями. В исправительных учреждениях Владимирской области создаются необходимые условия для вероисповедания осужденных. Наиболее активно ведется сотрудничество с РПЦ. Начало взаимодействия с Владимиро-Суздальской епархией было положено еще в 1989 г., когда была от-

крыта первая в исправительных учреждениях области молельная комната во Владимирском центре, а в 2004 г. было подписано двустороннее соглашение о совместной деятельности между УФСИН России по Владимирской области и епархией. Достигнуто хорошее взаимопонимание и налажено постоянное взаимодействие по вопросам перевоспитания осужденных, приобщения их к христианским ценностям.

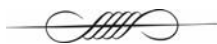
Сейчас в 11 исправительных учреждениях Владимирской области есть действующие храмы. Представители Владимирско-Суздальской епархии ведут не только проповедническую работу, но и принимают активное участие в благотворительной и попечительской деятельности, оказывают помощь осужденным продуктами питания и одеждой, духовной литературой. Владимирским епархиальным управлением произведено закрепление священнослужителей за каждым исправительным учреждением для постоянной работы. В настоящее время духовное окормление получают более 800 осужденных области. Значительное количество осужденных в исправительных учреждениях области при непосредственном участии служителей церкви укрепили и продолжают укреплять свои связи с родственниками, стремятся к сохранению или восстановлению разрушенных семей (Взаимодействие с государственными и общественными организациями. URL: <http://www.ufsin33.ru/index.php/deiatelnost-ufsin/gos>).

Несмотря на безусловный прогресс, произошедший в последнее двадцатилетие во взаимо-

отношениях церкви и государства в сфере исполнения уголовных наказаний, возможности позитивного влияния религиозных конфессий на осужденных еще далеко не исчерпаны. Как отметил директор ФСИН России А. А. Реймер, если, находясь в исправительном учреждении, «заключенный пришел к вере... она поможет ему отказаться от совершения преступления в будущем» (Цит. по: Куликов В. Камерная обстановка. Глава тюремного ведомства – о проекте воспитательных центров для осужденных подростков // Рос. газ. 2010. 26 авг.).

На основании вышеизложенного мы сформулировали следующие наиболее перспективные, с нашей точки зрения, направления взаимодействия государства и РПЦ в сфере исполнения уголовных наказаний на современном этапе:

- обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах;
- реализация совместных государственно-церковных гуманитарных проектов;
- религиозное просвещение лиц, отбывающих наказания;
- активное участие духовенства в ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;
- продолжение эксперимента по созданию в исправительных учреждениях вакансий тюремных священников и распространение его в масштабах всей уголовно-исполнительной системы страны.

Библиографический список

1. Влияние воцерковления осужденных на их поведение в период отбывания наказания : анализ. справка. – URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/99/248/>.
2. Куликов В. Камерная обстановка. Глава тюремного ведомства – о проекте воспитательных центров для осужденных подростков / В. Куликов // Рос. газ. – 2010. – 26 авг.
3. Мальцев В. В стране появятся тюремные капелланы / В. Мальцев // Независимая газ. – 2010. – 30 авг.
4. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.
5. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/141422.html>.
6. Тюремное служение Русской православной церкви : сб. материалов в помощь организации служения в местах лишения свободы / сост.: протоиерей Олег Скоморох, Н. В. Пономарева. – М., 2009.

References

1. Influence of Churching on the Prisoner's Behaviour while They are Serving Their Sentence. – URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/99/248/>.
2. Kulikov V. Prison Cell Accommodations. Head of the Prison Department – on the Project of Educational Centers for the Convicted Teenagers / V. Kulikov // Russian Newspaper. – 2010. – Aug. 26.
3. Maltsev V. Prison Chaplains Will Appear in the Country / V. Maltsev // Independent Newspaper. – 2010. – Aug. 30.
4. On the Concept of the Development of the Penal System in the Russian Federation up to 2010 : decree of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 № 1772 // The Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.
5. Basics of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/141422.html>.
6. Prison Service of the Russian Orthodox Church / composed by Archpriest Oleg Skomoroh, N. V. Ponomareva. – M., 2009.

А. Н. Соколов,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических
кадров ВЮИ ФСИН России*

A. N. Sokolov,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ФСИН РОССИИ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОЛОНИЯХ-ПОСЕЛЕНИЯХ

**Some Features of Organization of Interaction between Operative Divisions
of the Federal Penal Service of Russia and Internal Affairs Agencies (OVD)
when Detecting Crimes in Colonies-settlements**

Аннотация. В статье анализируются вопросы организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при раскрытии преступлений, совершаемых в колониях-поселениях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, организация, взаимодействие.

Abstract. The article considers some issues of organizing cooperation between operative divisions of the Federal Penal Service of Russia and internal affairs agencies when detecting crimes committed in colonies-settlements.

Key words: crime detection, organization, cooperation.

В числе актуальных задач борьбы с преступностью, стоящих перед правоохранительными органами, особое место занимает задача быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждое лицо, совершившее преступление, было подвергнуто справедливому наказанию. Органы, исполняющие уголовные наказания и являющиеся составной частью правоохранительной системы государства, призваны обеспечить выполнение требования закона о неотвратимости наказания.

В самом общем представлении под раскрытием преступления понимается деятельность уполномоченного на то законом субъекта (следователя, оперативника и др.), направленная на получение данных, позволяющих выдвинуть обоснованную версию о совершении конкретного преступления определенным человеком после того, как все иные исключаяющие ее версии будут проверены и отвергнуты. Все преступления (в аспекте их раскрытия) классифицируют на две группы: 1) очевидные (т. е. те, которые совершают в условиях очевидности, когда первичная информация несет данные и о событии, и о виновном); 2) неочевидные (исходная информация о них не содержит сведений об общественно опасном деянии и о виновном в его совершении лице или является знаниями только о событии преступления) (Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004. С. 53).

В. А. Лукашов определяет деятельность органов внутренних дел на первоначальном этапе раскрытия преступлений как сложную систему

скоординированных по целям и разнообразных по содержанию организационно-управленческих, организационно-тактических и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих раскрытие преступлений (Лукашов В. А. Введение в курс оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1976. С. 96).

Первоначальный этап раскрытия преступления начинается сразу после получения информации о его совершении и включает в себя осуществление неотложных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на оперативное установление обстоятельств дела, выявление и задержание виновных (Олейник П. А. Организационно-тактические проблемы раскрытия преступлений на первоначальном этапе // Оператив.-розыск. работа. 1982. № 119. С. 6).

По мнению А. Г. Лекаря, «под системой мероприятий по раскрытию преступлений на первоначальном этапе следует понимать определенную совокупность (комплекс) действий, направленных на достижение главной цели – раскрытие преступления – в наиболее короткий срок» (Лекарь А. Г. Система и последовательность первоначальных оперативно-розыскных мероприятий // Там же. С. 12).

В уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) задачу борьбы с преступностью, а главное – раскрытия преступлений, в основном решают оперативные аппараты исправительных учреждений, которые действуют в соответствии со ст. 84 УИК РФ, ст. 2, 13, 14 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости

Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316), ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.), иных законов и подзаконных нормативных актов.

Следует отметить, что в УИС согласно ст. 40, 41, 150 УПК РФ органами дознания являются начальники исправительных учреждений УИС, а лицами, непосредственно осуществляющими дознание, как правило, назначаются сотрудники оперативных аппаратов этих учреждений. Как гласит ч. 2 ст. 41 УПК РФ, не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

При этом начальники исправительных учреждений являются органами дознания по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно о преступлениях, совершенных в расположении исправительного учреждения. Отсюда следует, что сотрудники оперативных аппаратов колоний-поселений во исполнение требований ст. 2 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и ст. 84 УИК РФ обязаны принимать меры к выявлению и раскрытию преступлений, совершенных в расположении данных учреждений, используя при этом в полном объеме силы, средства, методы и формы оперативно-розыскной деятельности в сочетании с действиями органа дознания, определенными требованиями уголовного-процессуального законодательства.

Раскрытие преступлений, совершаемых в колониях-поселениях, является весьма сложным процессом как в организационном, так и в тактическом аспектах. Это, на наш взгляд, обусловлено следующими основными обстоятельствами:

- разграничение территории административного района в оперативном обслуживании, где дислоцируются колонии-поселения, что не всегда позволяет своевременно объединить усилия оперативных аппаратов колонии-поселения и подразделений криминальной милиции в достижении целей имеющимися силами и средствами;

- отсутствие охраны, свободное передвижение осужденных по территории колонии-поселения и производственных объектов, что создает условия для того, чтобы скрытно осуществлять подготовительные к преступлению действия, быстро покинуть место его совершения, принимать меры к сокрытию преступления, изменять место происшествия, уничтожать орудия преступного посягательства и обеспечивать себе алиби.

В данной ситуации проводятся процессуальные действия, направленные на осмотр

места происшествия, получение и закрепление вещественных доказательств, допрос свидетелей и др. Однако на первый план выдвигается необходимость в организации комплексных оперативно-розыскных мероприятий по установлению лиц, причастных к совершению преступления, и их агентурной разработке, установлению свидетелей, предметов и документов, которые могут быть вещественными доказательствами по уголовному делу;

- осведомленность большинства осужденных-поселенцев о методах работы оперативных аппаратов и то обстоятельство, что они, как правило, не дают правдивых показаний, при задержании легко избавляются от орудий преступлений (выбрасывают, прячут) либо ссылаются на реабилитирующие обстоятельства (говорят, что предмет ими найден или кем-то подложен);

- возможность совершения преступлений осужденными-поселенцами за пределами исправительного учреждения, раскрытие которых сопряжено со значительными трудностями. Дело в том, что согласно действующему законодательству (ст. 40, 41, 150 УПК РФ) раскрытие преступлений, совершенных осужденными за пределами колонии-поселения, ее производственных объектов, возложено на оперативные аппараты криминальной милиции по территориальности (месту совершения преступления), а не на руководителя колонии-поселения. Это обстоятельство требует от оперативных аппаратов территориальных органов внутренних дел при раскрытии не раскрытых по горячим следам преступлений всегда отрабатывать версию о возможности совершения преступления кем-либо из осужденных. Оперативные аппараты колоний-поселений во всех случаях при получении такой информации обязаны принять меры к проверке этой версии. При установлении лиц, причастных к совершению преступления, следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия осуществляются в установленном порядке.

В связи с указанными факторами можно сделать вывод о том, что успешное раскрытие преступлений часто зависит от оперативности аппаратов криминальной милиции, их взаимодействия с оперативными аппаратами колонии-поселения и своевременного обмена информацией между ними.

Следует отметить, что в общей системе оперативно-розыскных мер, осуществляемых взаимодействующими субъектами по раскрытию преступлений в колониях-поселениях, особая роль должна отводиться мероприятиям организационного характера, прежде всего направленным:

- на обеспечение высокой оперативной готовности всех сотрудников колонии-поселения вести борьбу с преступностью, что достигается за

счет: разработки специальных типовых планов действий групп немедленного реагирования при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления; морально-психологической и профессиональной подготовки сотрудников путем организации и проведения с ними оперативного-тактических учений и специальных тренировок в условиях, максимально приближенных к реальным ситуациям; технического обеспечения лиц, задействованных в раскрытии преступлений, автотранспортом и оперативно-техническими средствами для фиксации их действий; заблаговременного определения руководителей и функциональных обязанностей лиц, участвующих в раскрытии преступлений; методического обеспечения этой работы;

– создание качественного аппарата конфиден- тов, способного квалифицированно выполнять задания по раскрытию преступлений;

– своевременное и профессионально грамотное проведение осмотров мест происшествий и следственных действий, а также оперативно-розыскных и иных мероприятий, обеспечивающих обнаружение и фиксацию доказательств, ин-

формации, способствующей установлению виновных;

– быстрое и комплексное использование сил, средств и методов в сочетании с режимными мероприятиями, особенно в процессе раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, задержания лиц с поличным;

– обеспечение согласованности действий дежурных инспекторов по надзору, оперативных дежурных по колонии-поселению, отделов безопасности и других служб исправительного учреждения;

– осуществление четкого взаимодействия оперативных аппаратов исправительных колоний-поселений с оперативными подразделениями криминальной милиции и другими службами органов внутренних дел.

Таким образом, результативность процесса раскрытия преступлений, совершаемых в условиях колоний-поселений, зависит от целого ряда факторов, одним из которых является эффективная организация взаимодействия в рамках этой деятельности оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел.

Библиографический список

1. *Лекарь А. Г.* Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел / А. Г. Лекарь. – М., 1969.
2. *Лукашов В. А.* Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. А. Лукашов. – Омск, 1982.

References

1. *Lekar A. G.* Scientific Foundations of Crime Prevention Organization in Internal Affairs Agencies (OVD) / A. G. Lekar. – M., 1969.
2. *Lukashow V. A.* Essence and Tasks of Scientific Organization of Crime Detection in Internal Affairs Agencies (OVD) / V. A. Lukashow. – Omsk, 1982.

Д. З. Хамадишин,
начальник УФСИН России
по Республике Татарстан

D. Z. Hamadishin,
Chief of the Administration of Federal Service
for Execution of Punishment of the Russia
in the Republic of Tatarstan

**ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
ОСУЖДЕННЫХ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**Problems of Resocialization and Social Rehabilitation of the Convicted
in the Period of Reforming the Penal System**

Аннотация. Статья посвящена проблемам ресоциализации и социальной реабилитации осужденных.

Ключевые слова: реабилитация, ресоциализация, система исполнения уголовных наказаний, осужденный.

Abstract. The article is devoted to the problems of resocialization and social rehabilitation of the convicted.

Key words: rehabilitation, resocialization, system of execution of criminal punishments, convicted.

В настоящее время уголовно-исполнительная система (далее: УИС) России переживает период повышенного интереса международных правозащитных организаций, институтов государственной власти, общественности, идет реализация основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544). Реформирование системы исполнения уголовных наказаний в России в целом предполагает определение и научное обоснование путей совершенствования всех сфер деятельности пенитенциарных учреждений и органов. Ресоциализация осужденных, отбывших наказания, не является исключением. Неслучайно об особой значимости конкретно этой проблемы в УИС говорил в своем выступлении на коллегии ФСИН России, проведенной по итогам 2009 г., директор ФСИН России генерал-полковник внутренней службы А. А. Реймер ([URL: http://www.vipe-fsin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=205&Itemid=121](http://www.vipe-fsin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=205&Itemid=121)).

Известно, что основной целью УИС России, как и большинства других европейских государств, является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). О том, что именно цель защиты общества от угрожающих ему преступлений служит оправданием применения государством наказания в виде лишения свободы, говорится и в принятых ООН в 1955 г. Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными ([URL: http://www.un.org/russian/documen/convents/prison.htm](http://www.un.org/russian/documen/convents/prison.htm)). При этом ООН отмечает, что данной цели можно добиться только в том случае, если по от-

бытии срока наказания и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование.

Общеизвестно, что длительная физическая изоляция в местах лишения свободы нередко способствует возвращению в общество озлобленного, психически неуравновешенного человека, потенциально готового к совершению нового правонарушения. Исследования показывают, что примерно через 3 года пребывания в местах лишения свободы взрослый мужчина уже не боится тюрьмы, он боится воли. У подростков и женщин критический срок в два раза меньше, потом начинаются труднообратимые психические изменения: в тюрьму не страшно возвращаться. Однако во все времена, какими бы сложными и трудными они ни были, выбор дальнейшего жизненного пути остается за человеком. В связи с этим осужденному с самого начала отбывания наказания следует задуматься о том, что его ждет после освобождения, и приложить все усилия для сохранения и укрепления связей с семьей, трудовым коллективом, друзьями из числа тех, чье поведение не является противоправным. Однако как найти себя после тюрьмы? как удержаться и вновь не встать на преступный путь? какую дорогу выбрать? – вот те вопросы, на которые приходится отвечать людям, освободившимся из мест лишения свободы.

В настоящее время ФСИН России предпринимаются всесторонние усилия, направленные на поиск и внедрение новых подходов для ресоциализации осужденных (обеспечение дифференцированного подхода к решению проблем социальной реабилитации, использование методов государственного регулирования этого процесса и т. д.). Несмотря на это, проблемы ресоциализации осужденных требуют радикального решения.

Достижение поставленных целей потребует проведения критического анализа ресоциализации осужденных на основе положений и рекомендаций правовых, экономических, социологических наук, а также уточнения и обоснования терминологии и формулирования определений понятий, относящихся к вопросам социализации личности осужденных (социальная реабилитация, ресоциализация и др.).

В связи с этим важно наметить единый подход в исследовании указанных проблем. Начинать следует с определений, ключевых слов, имеющих прямое отношение к процессу социализации личности осужденного к лишению свободы. Уяснение содержания понятий, как известно, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Неправильность общего исходного теоретического положения может отрицательно сказаться на целой отрасли практической деятельности УИС.

В настоящее время в пенитенциарной литературе получили распространение такие понятия, как «социальная адаптация осужденных», их «трудовая адаптация», «социальная реабилитация», «трудовая реабилитация» и «ресоциализация» (Андреева Ю. В. Постпенитенциарная адаптация: постановка проблем и способы их решения (на примере Красноярского края) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 6 ; Писарев В. Б. Ресоциализация освобождаемых от отбывания наказания // Исполнение наказаний и социальная адаптация освобожденных : сб. науч. тр. М., 1990. С. 3 ; Симанович А. А. Социальная адаптация и контроль за условно-досрочно освобожденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6 ; Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / С. А. Лузгин [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2006. С. 9, 13–15). Из данных понятий законодатель в УИК РФ использует только термин «социальная адаптация» (ч. 2 ст. 1).

Социальная адаптация осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве предполагает создание благоприятных условий и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих приспособление (приобщение) осужденных к жизни на свободе в период отбывания наказания вплоть до освобождения.

В теории уголовно-исполнительного права социальная реабилитация осужденных (реабилитация – восстановление доброго имени, репутации; восстановление правового положения (Краткий юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 812) – явление довольно новое, предполагающее полное восстановление освобожденного в конституционных и общегражданских правах и защиту его законных интересов. Иными словами, это определенная во времени и

пространстве процедура, которая должна осуществляться отнюдь не администрацией учреждения УИС, а органами государственной власти, местного самоуправления, общественностью (Дробинин А. Ресоциализация освободившихся из мест лишения свободы. М., 2006. С. 19). Первоначально такой аппарат предполагалось создать в рамках УИС. В истории УИС был период существования Службы по исправительным делам и социальной реабилитации. Однако, учитывая трудности в финансовом обеспечении, федеральные органы от идеи социальной реабилитации отказались. Тогда произошло переименование службы в Управление исполнения наказаний, а проблема социальной реабилитации осужденных осталась нерешенной.

С позиции криминологии процесс социальной реабилитации осужденных к лишению свободы – это комплекс педагогических, медицинских, социально-психологических, правовых и организационных мер, направляемых на предупреждение социальных отклонений осужденных, осуществляемых исходя из научно определенных потребностей, одновременно ориентированных по трем основным направлениям: нейтрализация неблагоприятного социального воспитания, способного детерминировать антиобщественное формирование личности; устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на осужденного; осуществление комплекса воздействий, направленных на переориентацию антиобщественно сформировавшейся личности.

С психологической и педагогической (воспитывающей) точки зрения процесс социальной реабилитации – это процесс формирования духовного мира личности, который предполагает учет психобиологических и психологических особенностей объекта, социально-педагогических факторов, детерминирующих негативные отклонения. Структура мер предупреждения отклоняющегося поведения осужденных включает в себя и медицинский аспект – процесс предупреждения и устранения психобиологических детерминантов социальных отклонений.

Социальная реабилитация осужденных должна содержать в себе и юридический аспект, так как предупреждение социальных отклонений есть нормативно регулируемый процесс. Таким образом, для понимания того, что собой должна представлять социальная реабилитация осужденных, необходимо построение единой обобщенной теоретической модели, в которой должны найти адекватное отражение все названные аспекты как элементы (звенья) системы.

Для того чтобы модель имела возможность практически реализоваться, необходимо наличие следующих условий.

Во-первых, эффект социальной реабилитации осужденных будет обеспечен, если создаваемый

аппарат сможет обработать содержательную характеристику всевозможных сочетаний различных неблагоприятных психобиологических, психопедагогических, психологических, социально-психологических и социально-экономических факторов, влияющих на поведение осужденных, и на основе их анализа принять соответствующие социально-экономические, медицинские, педагогические меры по оздоровлению условий.

Во-вторых, действенность социальной реабилитации осужденных будет возможна, если служба социальной реабилитации осужденных к лишению свободы станет функционирующим системным образованием, в котором будут решены организационные, функциональные, кадровые, информационные и научные вопросы, а ее организационная структура будет соответствовать функциональной.

В настоящее время состав субъектов социальной реабилитации, которые занимаются решением данных проблем, четко определяется следующим перечнем: УФСИН (ОФСИН, ГУФСИН), исправительные учреждения (далее: ИУ), центры трудовой адаптации осужденных, религиозные и общественные организации (попечительский совет и т. д.), органы исполнительной власти. Деятельность субъектов социальной реабилитации осужденных должна представлять собой непрерывный, многоаспектный и многоуровневый процесс, предполагающий применение комплекса необходимых мер, различных по своему содержанию, объему и механизму действия.

Решение проблемы социальной адаптации и реабилитации осужденных структурными подразделениями на трех уровнях управления УИС (ФСИН России, территориальные органы и ИУ) возможно только в том случае, если будет создана нормативно установленная, структурно и функционально закрепленная система совместных или согласованных по задачам, направлениям и времени действий служб учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Уголовно-исполнительным законодательством предусмотрены нормы, которые обязывают сотрудников ИУ проводить мероприятия по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных (гл. 22 УИК РФ).

Однако приходится констатировать, что не только в средствах массовой информации, но и в пенитенциарной литературе авторы нередко не видят разницы между понятиями «социальная адаптация», «социальная реабилитация» и «ресоциализация» осужденных и используют их как синонимы. Мы считаем, что понятия ресоциализации и социальной адаптации сравнительно уже понятия реабилитации. Однако, не нарушая целостности наших суждений, мы можем предположить в некотором приближении об идентичности этих понятий.

Если проблемы социальной адаптации в целом решаются вновь созданными центрами трудовой адаптации осужденных, то решение проблем ресоциализации и реабилитации требуют радикального решения. УИК РФ пока не содержит в себе вопросов регулирования социальной реабилитации (восстановления общественно-правового положения) освобожденных. Между тем освобождению от отбывания наказания предшествует большая подготовительная работа, осуществляемая администрацией ИУ в тесном контакте с органами местного самоуправления, по выбору предполагаемого места жизни и работы освобождаемого.

Таким образом, это определенная во времени и пространстве процедура, которая должна осуществляться не только администрацией учреждения УИС, но и органами государственной власти, местного самоуправления, общественностью. Для эффективного реабилитационного воздействия необходимо создание специального государственного аппарата с достаточной материальной и финансовой базой.

По данным УФСИН России по Республике Татарстан за 2009 г., из мест лишения свободы по различным основаниям (по отбытии наказания, условно-досрочно и т. д.) было освобождено около 5 тыс. граждан. Из числа освободившихся только 75 человек (1,5 %) обратились в адрес органов занятости для трудоустройства. При этом абсолютно недейственным оказывается механизм для ресоциализации, действующий в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» (Бюл. М-ва юстиции Рос. Федерации. 2006. № 3) и согласованным 10 июля 2009 г. регламентом совместных действий ГУФСИН России по Республике Татарстан с министерствами и ведомствами Республики Татарстан, их территориальными органами по организации трудового и бытового устройства осужденных и освободившихся из мест лишения свободы: социальная карта, составляемая специалистами по социальной работе ИУ, не выполняет своего предназначения.

На наш взгляд, возникшая ситуация может быть объяснена следующими причинами. Первой причиной следует назвать наличие несоответствия в правовых нормах УК РФ, УПК РФ, УИК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ «...обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным». Статья 86 УК РФ регламентирует вопросы судимости. Так, в ч. 1 этой статьи определено, что «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления об-

винительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости». При этом в соответствии с ч. 3 этой же статьи в зависимости от тяжести совершенного преступления, за совершение которого лицо отбыло наказание в виде лишения свободы, срок погашения колеблется от 3 до 8 лет после отбытия наказания. В юридическом аспекте, с одной стороны, судимость в соответствии с УК РФ учитывается при рецидиве преступлений и при назначении наказания, но, с другой стороны, при решении проблемы ресоциализации лица, до погашения или снятия судимости социальный статус этого лица в соответствии с УПК РФ связывается с его юридическим статусом как осужденного. Как таковым он остается после отбытия срока и до погашения судимости. Именно в этот период возникает проблема социальной реабилитации лица, отбывшего наказание. Нами предлагается использовать при наименовании (составлении) социальных карт осужденных следующее название: «Социальная карта гражданина, отбывшего наказание». Такое название станет первым шагом в деле социальной реабилитации таких граждан, а также позволит более лояльно решить вопрос по их ресоциализации.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что основным объяснением низкого процента (1,5 %) обратившихся в органы занятости является не точное название социальной карты осужденного.

Таким образом, наличие юридического пробела при определении статуса таких лиц не позволяет лицу, отбывшему наказание, пользоваться фактически конституционными правами гражданина страны на труд, жилье, образование (Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008. С. 206 ; Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 13 янв. 2006 г. № 2 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2006. № 7 ; Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. С. 93 ; Шипунова Е. Особенности договора найма жилого помещения в доме системы социального обслуживания населения // Жилищное право. 2010. № 7. С. 53–68). Здесь возможны возражения о том, что УИК РФ в некоторой степени регламентирует вопросы ресоциализации осужденных (гл. 22 УИК РФ определяет порядок оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания). Однако многие ученые-пенитенциаристы (А. Я. Гришко, Б. Б. Казак, С. Х. Шамсунов и

т. д.) уже давно ставят вопрос о необходимости принятия федерального закона, регламентирующего процесс ресоциализации лиц, отбывших наказания, и создания специализированного федерального органа – Федеральная служба пробации, – предназначенного для решения этих вопросов. Кроме того, создание службы пробации предусмотрено в разд. 8 Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2008 г. № 1662-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489).

Вторым принципом при использовании социальных карт лиц, отбывших наказания, должен быть принцип разумной достаточности и адресности представляемой информации заинтересованным ведомствам. Суть этого принципа заключается в следующем. При существующем положении дел для решения вопросов ресоциализации лица, отбывшего наказания, в соответствии с вышеназванным регламентом социальная карта осужденного в полном объеме представляется в адрес органов и учреждений следующих ведомств: Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социальной защиты, Министерство образования и науки. Имеющаяся в 12 разделах социальной карты информация может быть необходимой и достаточной для органов Министерства внутренних дел, например, при решении вопросов постановки на учет у участкового инспектора милиции общественной безопасности. По составу информация, содержащаяся в разд. 12, а именно: дополнительные сведения о том, «поддается ли исправительному воздействию и в какой степени, через какие сферы жизнедеятельности на него можно оказывать исправительное воздействие», вызывает определенные сомнения: разумно ли представлять такую информацию, органу, решающему абсолютно другие задачи.

Вопросы нормативно-правового регулирования ресоциализации будут решены после принятия постановления Правительства Республики Татарстан «О системе упреждающих мер по ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, а также осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы», проект которого в настоящее время обсуждается всеми заинтересованными субъектами. Данный документ направлен на оказание дополнительной социальной поддержки этой категории граждан. В частности, планируется организовать их обучение профессиям, востребованным на рынке труда: электрогазосварщик (5-й разряд), слесарь по ремонту автомобилей, электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования,

водитель категории «Д», «Е», каменщик и ряд других. Кроме того, планируется создание единой информационно-аналитической системы учета осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, а также лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

В заключение еще раз отметим:

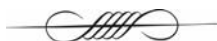
1) реабилитация осужденных зависит от правовых, экономических, социальных, психологических и педагогических факторов;

2) для повышения эффективности социальной реабилитации целесообразно создать службу социальной реабилитации осужденных к лишению свободы (с достаточной материальной и финансовой базой), функциональные задачи которой

будут состоять в решении организационных, функциональных, кадровых, информационных и научных вопросов, а ее организационная структура будет соответствовать функциональным задачам;

3) необходимо изменить название «Социальная карта осужденных» на «Социальная карта гражданина, отбывшего наказание», что позволит более лояльно решить вопрос по ресоциализации данной категории лиц;

4) нормативное регулирование использования социальных карт лиц, отбывших наказания, должно быть основано на принципе разумной достаточности и адресности представляемой информации заинтересованным ведомствам.

Библиографический список

1. Дробинин А. Ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы / А. Дробинин. – М., 2006.

2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.

3. Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 30 дек. 2005 г. № 262 // Бюл. М-ва юстиции Рос. Федерации. – 2006. – № 3.

4. Татауров О. С. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобожденных из мест лишения свободы / О. С. Татауров // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 2.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // Рос. газ. – 1997. – 16 янв.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Рос. газ. – 2001. – 22 дек.

References

1. Drobinin A. Resocialization of Those Released from the Places of Deprivation of Liberty / A. Drobinin. – M., 2006.

2. On the Conception of the Development of the Penal System of Russia till the year of 2020 : the decree of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 № 1772-p // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.

3. On Approving the Regulation on the Group of Social Protection of the Convicted in Labour Correctional Institutions of the Penal System : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 30, 2005 № 262 // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. – 2006. – № 3.

4. Tataurov O. S. Problems of the Social Adaptation of the Convicted Released from the Places of Deprivation of Liberty / O. S. Tataurov // The Penal System: Law, Economy, Management. – 2010. – № 2.

5. The Penal Code of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – 1997. – January 16.

6. The Criminal Procedural Code of Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – December 22.

И. Л. Хромов,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук

I. L. Khromov,
Senior researcher of the Scientific-research Institute
of the FPS of Russia
Doctor of Law

**КОРРУПЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

**Situation of Corruption in the Criminal Executive System:
Criminological and Criminal and Legal Issues**

Аннотация. В статье анализируются понятие коррупции, нормативно-правовая база борьбы с ней, современное состояние коррупции в уголовно-исполнительной системе, основные виды коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Излагаются предложения по противодействию коррупции в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: коррупция, уголовно-исполнительная система, взятка, преступление, уголовная ответственность, сотрудник уголовно-исполнительной системы, декларирование доходов, противодействие коррупции, полномочия, должностное лицо, коррупционные риски.

Abstract. The article deals with the concept of corruption, the normative and legal basis for combating it, modern state of corruption in the criminal executive system, main types of corruption crimes committed by the employees of the criminal executive system. The author offers ideas on combating corruption in the criminal executive system.

Key words: corruption, criminal executive system, bribe, crime, criminal liability, employee of the criminal executive system, declaring incomes, combating corruption, plenary powers, official, corruption risks.

В настоящее время коррупция в России охватила практически все сферы государственной деятельности. Треть граждан страны считают Российскую Федерацию одним из самых коррумпированных государств и не верят, что власть будет реально осуществлять борьбу с коррупцией. Почти 40 % населения, 30 % сотрудников правоохранительных структур и 50 % служащих и бизнесменов полагают, что сегодня борьба с коррупцией – это очередная имитация (Карабанов А. Л., Мелькин С. К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2010. С. 162).

Причины коррупции, а также условия и обстоятельства ее распространения многообразны, причем в каждой госструктуре имеются свои внутренние условия ее появления. В то же время, по общему мнению, существует ряд базовых причин, порождающих коррупцию в России. Среди них: несовершенство законодательной базы противодействия коррупции, в частности, «размытость» самого понятия «коррупция», неопределенность норм многих отраслей и институтов законодательства, нечеткость законотворческих процедур и как следствие издержки правоприменительной практики за коррупционные преступления и правонарушения; наличие бюрократической государственной системы управле-

ния и малоэффективная система контроля, что неизбежно приводит к бюрократизму и усложняет процедуру прохождения и принятия практических решений; чрезвычайно высокий порог терпимости основной массы населения к проявлению коррупции. Общество, хотя и требует от властных структур активно бороться с коррупцией, само не готово к этому, считая коррупцию этически приемлемой формой взаимоотношений.

Учитывая, что коррупция – это системное преступление, зависящее от многих факторов экономического, организационного, социального, духовного, этнического, политического, исторического и законодательного характера, ее невозможно преодолеть в какой-либо одной сфере государственной деятельности, например, в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС). Борьба с этим явлением будет эффективна только в результате проведения комплекса мероприятий в рамках антикоррупционной политики государства.

Таким образом, коррупция в УИС зависит как от общих причин, детерминирующих ее в обществе, так и от условий и обстоятельств внутрисистемного характера, обуславливающих совершение коррупционных преступлений и правонарушений.

В настоящее время в науке и практике нет единого понимания коррупции. Практика чаще всего связывает коррупцию со взяточничеством и другими преступлениями коррупционной направленности. Так, Федеральный закон от 25 де-

кабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (Рос. газ. 2008. 30 дек.) рассматривает ее как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (ст. 1).

Наряду с этим в данном Законе употребляется термин «коррупционные правонарушения» (ст. 13, 14), однако четкого его определения не приводится. В связи с этим возникает вопрос: законодатель ставит знак равенства между коррупцией и коррупционными правонарушениями или, что наиболее вероятно, исходя из смысла самого Закона, коррупционные правонарушения – это составная часть коррупции? В свою очередь, в юридической литературе коррупционные правонарушения рассматриваются как действия госслужащих, связанные с противоправным принятием ими материальных и нематериальных благ и преимуществ, а также правонарушения, создающие условия для коррупции в сфере незаконного использования своего должностного статуса. Коррупционные правонарушения, если не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влекут либо административную, либо гражданско-правовую, либо дисциплинарную ответственность.

Кроме того, существует понятие «коррупционные преступления», за которые предусмотрена ответственность в соответствии со ст. 201, 204, 285, 286, 289, 290, 291 УК РФ.

Особое значение имеют коррупционные риски, которые рассматриваются как обстоятельства, способствующие совершению коррупционных преступлений. Они являются следствием несовершенства нормативного правового регулирования вопросов, связанных с прохождением государственной службы. Коррупционные риски по своему смысловому содержанию очень близки к коррупционным правонарушениям, создающим условия для коррупции.

Следовательно, коррупционную ситуацию в УИС следует рассматривать с трех позиций: во-первых, как проявление коррупционной преступности; во-вторых, как правонарушения, создающие условия для коррупции; в-третьих, как обстоятельства, способствующие совершению коррупционных преступлений (коррупционные риски).

Проникновение коррупции во все сферы жизни общества имеет еще одну опасную тенденцию морально-нравственного характера. В сознании

общества все более укореняется стереотип коррупции как этически приемлемой формы «восстановления социальной справедливости», «размывается» понимание общественной опасности этого явления, снижается порог моральной терпимости населения к фактам как уголовно наказуемого взяточничества, так и уголовно не наказуемых поборов. Коррупционное поведение освободилось от каких-либо морально-нравственных принципов, стало нормой экономической и правовой культуры. Например, опрос 124 осужденных за коррупционные преступления, проведенный в г. Москве, показал, что 72 % из них были осведомлены об уголовной противоправности своего деяния, 96 % рассчитывали избежать наказания, 83 % считали назначенное им наказание незаслуженно суровым, лишь 2 % полагали, что они понесли справедливое наказание (Там же. С. 47).

Уголовно наказуемые проявления коррупции можно рассматривать применительно к преступлениям, предусмотренным следующими статьями УК РФ: ст. 201 «Злоупотребление полномочиями», ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств», ст. 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки».

В понятие коррупции, помимо тех ее проявлений, за которые предусматривается уголовная ответственность, следует включать иные деяния коррупционного характера. Например, к уголовно-правовым проявлениям коррупции, совершаемым в форме подкупа, следует относить преступления, которые предусмотрены пп. «а»–«в» ч. 2 ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 184 УК РФ «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа», ст. 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Указанные преступления относятся к категории редко совершаемых, а также чрезвычайно латентных в связи с проявлениями признаков организованной преступности. Например, такое деяние, как подкуп, часто выступает элементом деятельности организованных преступных формирований.

Более очевидные уголовно-правовые проявления коррупции можно представить в конструкции состава подкупа государственных служащих. Данный состав отражается в преступлениях, преду-

смотренных следующими статьями УК РФ: ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки». Содержание указанных преступлений образует коррупцию, вызванную незаконными распоряжениями государственных служащих, касающимися распределения бюджетных средств федеральной или муниципальной собственности, государственных заказов, льгот и квот. Именно подкуп обеспечивает самодетерминацию коррупции, которая проявляется в вовлечении в коррупционные отношения широкого круга субъектов.

К уголовно-правовым проявлениям следует отнести деяния, предусмотренные ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». В данном случае признаки подкупа должностного лица четко не проявляются. Между тем основные действия должностного лица при совершении рассматриваемого преступления предполагают участие в предпринимательской деятельности лично или через доверенное лицо, если такое участие было связано с предоставлением льгот и преимуществ или оказанием покровительства в какой-либо форме. Данное участие обусловлено подкупом должностного лица. В других случаях ясно проявляется элемент продажности, эксплуатации должностным лицом своего положения и связанных с ним возможностей. При этом важно учитывать процесс образования и последствия коррупции, опосредованной продажностью лиц, использующих свои служебные полномочия и связанные с ними возможности.

В структуре пенитенциарной преступности доля коррупционных преступлений на протяжении последних лет остается достаточно высокой (в 2007 г. – 5,5 %; 2008 г. – 4,4 %; 2009 г. – 8,4 %). Причем в числе допущенных коррупционных преступлений удельный вес взяточничества имеет устойчивую тенденцию к увеличению (в 2007 г. – 38,3 %; 2008 г. – 51 %; 2009 г. – 52 %). Учитывая, что среди должностных преступлений уровень латентности чрезвычайно высок¹, то реальный показатель коррупционных преступлений в органах УИС многократно выше.

Наиболее распространенным видом коррупционных преступлений являются дача взятки и получение взятки. При этом наряду с вымогательством взятки активно применяется инициативный подкуп. В любом случае действует механизм двусторонней сделки, при которой должно-

стное лицо, находящееся на государственной службе, нелегально оказывает свои услуги физическим и юридическим лицам, группам лиц (в том числе организованным преступным формированиям) за материальное вознаграждение, а последние получают возможность использовать государственную структуру в своих целях. В 2009 г. среди сотрудников УИС было зарегистрировано 49 фактов взяточничества, что в 2 раза превышает аналогичный показатель двух предыдущих лет.

Однако коррупция в органах УИС существует не только в форме получения взяток должностными лицами, но и в виде корыстных преступлений, связанных с злоупотреблением и превышением ими своих должностных полномочий, незаконным распоряжением не принадлежащими им ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений.

Все перечисленные формы коррупции объединяет использование должностными лицами своего служебного положения в частных интересах, т. е. своеобразная «приватизация» государственных полномочий. Превращение ими своих служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей в товар несет реальную угрозу нормальному законному функционированию УИС как органа государственной власти и управления, разрушает правовые основы, общественную мораль и нравственность, наносит ущерб личности, обществу и государству.

Наметилась определенная тенденция к распространению коррупции в УИС среди должностных лиц руководящего и начальствующего состава. Анализ данных о должностной принадлежности лиц, привлеченных в последнее время к уголовной ответственности за преступления, связанные с коррупцией, показывает, что почти 50 % от общего количества разоблаченных коррупционеров составляют лица старшего и среднего начсостава (в 2007 г. – 48 %; 2009 г. – 49,8 %). Лица рядового и младшего начсостава, привлеченные за коррупционные преступления, составили соответственно 35,3 и 43 %. Таким образом, основное коррупционное звено в системе УИС – это аттестованные сотрудники, занимающие должности, позволяющие им совершать коррупционные преступления. В общем количестве сотрудников, в отношении которых возбуждены уголовные дела, доля руководителей: в 2007 г. составила 11,6 %; 2008 г. – 20 %; 2009 г. – 7,5 %. Как правило, это достаточно резонансные преступления, которые не только подрывают авторитет органов исполнения наказаний, но и негативно, разлагающе влияют на всю систему деятельности возглавляемых ими подразделений (например, уголовные дела по г. Санкт-Петербургу, Челябинской обл., Башкирии и др.).

¹ По разным экспертным оценкам, коррупционные правонарушения, особенно взяточничество, выявляются не более чем на 1–2 %, а реальное уголовное наказание несут не более 0,2 % от общего уровня фактических коррупционеров (Борьба с коррупцией: актуальные проблемы законодательного обеспечения : сб. материалов по вопр. законодат. обеспечения борьбы с коррупцией в России. М., 2002. С. 29).

О росте коррупции в органах ФСИН России свидетельствует тот факт, что в 2007 г. было возбуждено 60 уголовных дел по коррупционным преступлениям, совершенным сотрудниками УИС, а в 2009 г. – уже 94 (+56,6 %).

Получили распространение и другие виды преступлений коррупционной направленности – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Удельный вес этих преступлений в 2007 г. составил 57,8 %, а 2009 г. – 44,2 %, что, безусловно, несмотря на небольшое снижение, не снимает остроты проблемы.

Другой опасной тенденцией коррупционных преступлений в органах УИС является то, что должностные злоупотребления постепенно начали переходить от простых форм (например взятки) к более сложным. Стало развиваться так называемое чиновничье предпринимательство. Такие формы коррупции гораздо труднее выявить и доказать. Наметилась тенденция к объединению отдельных коррумпированных сотрудников территориальных органов УИС в устойчивые группы с целью неоднократного совместного совершения должностных преступлений и превращению должностных злоупотреблений в своего рода криминальный бизнес. Нередко такие преступные группы включают в себя представителей как руководящего состава, так и других категорий сотрудников.

В результате коррумпированных связей криминала с представителями правоохранительных органов складывается обстановка невмешательства в дела преступных сообществ, позволяющая им длительное время действовать безнаказанно.

Особо ярко это проявляется при совершении сотрудниками исправительных учреждений и других мест лишения свободы преступлений, связанных с наркотическими средствами. В качестве негативной тенденции следует отметить факты установления тесных контактов ряда сотрудников УИС с криминальными структурами в сфере наркопреступности. Несмотря на то, что преступления, связанные с наркотиками (ст. 228 УК РФ), непосредственно не входят в сферу коррупционных преступлений, появление в местах лишения свободы запрещенных наркотических средств в первую очередь связано как с превышением должностных полномочий сотрудниками исправительных учреждений, следственных изоляторов, так и со злоупотреблениями ими своими должностными полномочиями. Причем они не только приносят наркотики в места содержания задержанных, арестованных, осужденных, но и приобретают их. Следовательно, здесь налицо прямая связь с криминальными структурами, торгующими и поставляющими наркотики. В 2007 г. за преступления, связанные с наркоти-

ками, было привлечено к уголовной ответственности 42 сотрудника УИС; 2008 г. – 31; 2009 г. – 81. В общем количестве преступлений, совершенных сотрудниками УИС, наркопреступления в 2007 г. составили 28 %; 2009 г. – 33,6 %. Если в 2007 г. указанные преступления были зафиксированы в территориальных подразделениях ФСИН России 23 регионов, то в 2009 г. – уже 34. Таким образом, наркотики в местах лишения свободы превращаются в коррупционный товар, фигурирующий в противоправных сделках сотрудников УИС и осужденных.

Анализ коррупционной преступности в УИС за период с 2007 по 2009 г. позволяет сделать следующие выводы: во-первых, наметилась тенденция к увеличению числа сотрудников, склонных к совершению данного вида преступлений; во-вторых, принимаемые превентивные меры не дают желаемого результата, что связано как с неэффективностью самих мер, так и со значительным снижением порога морально-нравственных принципов у значительной части общества; в-третьих, условия для коррупции в местах лишения свободы, несмотря на определенную активность администрации учреждений и органов ФСИН России, по-прежнему сохраняются; в-четвертых, наибольшее количество коррупционных преступлений совершается в регионах с высокой степенью предпринимательской деятельности, активным приложением финансов, в том числе полученных преступным путем, например, за счет наркоторговли, и благоприятными возможностями их оборота и извлечения прибыли.

Коррупционные риски, как было отмечено выше, рассматриваются в качестве обстоятельств, способствующих совершению коррупционных преступлений. Ими в первую очередь являются существующие пробелы в законодательстве, регулирующем деятельность госслужащих, в частности, недостаток общих административно-правовых запретов на различные виды коррумпированного поведения должностных лиц, которые могли бы выполнять функцию мер ранней профилактики коррупционных преступлений. Отсутствие тех или иных требований нормативного характера, запрещающих определенные действия сотрудников, имеют опосредованное влияние на коррупцию, создавая возможность и опасность совершения коррупционного преступления либо коррупционного правонарушения, так как субъекты коррупции, не имея четкого законодательного запрета, могут не бояться совершить коррупционные действия. Например, в УК РФ не определен минимальный размер взятки. В то же время п. 2 ст. 575 ГК РФ разрешено государственным служащим принятие обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, в связи с их должно-

ственным положением или в связи с исполнением ими служебных обязательств. Данную юридическую коллизию следует рассматривать как одно из обстоятельств, влияющих на распространение коррупции.

Кроме того, неоправданно высокий уровень неопределенностей во многих законодательных нормах создает объективную основу для неконтролируемого произвола правоприменителей (например, суд без каких-либо однозначно воспринимаемых правовых критериев может назначить за получение взятки в крупном размере наказание в виде лишения свободы сроком и на семь, и на двенадцать лет, а может назначить условное наказание). Существуют пробелы в законодательстве, регламентирующем декларирование доходов должностных лиц. Представляется, что в целях действенного обеспечения противодействия коррупции перечень должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (ФСИН России касается п. 10 данного перечня), утвержденный Указом Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 21, ст. 2542), не должен быть ограничен какой-либо выборочной категорией, иначе растроченным окажется комплексный потенциал требований «о декларации доходов».

Согласно законодательству такие деяния, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) или коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), отнесены к уголовно наказуемым деяниям при условии, если соответствующие материальные ценности передаются должностному лицу лично или через посредника. Однако совершенно не учитывается, что должностному лицу, от которого зависит принятие нужного решения, может быть обещана взятка и с его ведома передана другому лицу или организации. Кроме того, в соответствии с УК РФ предметом взятки могут быть только ценности материального характера, указывающие на корыстный характер деяния (ст. 204, 290 УК РФ), что значительно сужает предмет взятки и, следовательно, круг лиц, склонных к совершению коррупционных преступлений. Вызывает недоумение тот факт, что ст. 204 УК РФ предусматривает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью только в качестве альтернативного, а не дополнительного к лишению свободы наказания, как в ст. 290 УК РФ, и др.

Таким образом, следует не только дополнить либо усовершенствовать существующие нормы права, призванные не допускать коррупцию, но и расширить имеющиеся ограничения и запреты, связанные с исполнением служащими своих должностных обязанностей, которые призваны как предупредить незаконное использование своего служебного положения в целях получения материальной выгоды, так и повысить ответственность за его совершение.

В ст. 16, 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 31 июля) определены общие антикоррупционные обязанности, ограничения и запреты, которые призваны предупреждать коррупционные риски, связанные с исполнением полномочий должностными лицами, выполнение которых в полной мере относится и к сотрудникам УИС. В частности, им запрещается: участвовать на платной основе в деятельности коммерческой организации; осуществлять предпринимательскую деятельность; получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц; самостоятельно, без ведома ФСИН России, входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений либо заниматься оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства и др.

В таком содержании ограничения обязанностей и запретов, установленных для сотрудников УИС, следует рассматривать как меры, обеспечивающие предупреждение коррупционных рисков, связанных с исполнением ими своих должностных обязанностей. Однако сегодня нормативные правовые основы, определяющие условия и порядок соблюдения (исполнения) отдельных ограничений, обязанностей и запретов, во многом носят декларативный характер, так как не отлажен механизм их исполнения. Например, на практике возникают сложности исполнения требований о представлении сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Неисполнение испрашиваемых требований указанными членами семьи может быть вызвано сложными межличностными отношениями либо обстоятельствами делового характера (обязательства сохранения коммерческой, банковской тайны). С учетом этих соображений законодатель предусмотрел возможность персон-

нальной ответственности служащих, которые могут быть освобождены от занимаемой должности либо привлечены к мерам дисциплинарного характера (ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Однако следует отметить, что в действующих нормативных правовых актах, регулирующих трудовые правоотношения, пока не предусмотрены правовые основания для увольнения и порицания работников за неисполнение требований «о декларировании доходов».

Запрет государственным служащим участвовать на платной основе в деятельности коммерческой организации нам представляется частичным. Такая оценка возникает вследствие того, что причастность должностных лиц к деятельности коммерческой организации запрещается только в связи с их участием на платной основе. Таким образом, при четком следовании правилам данной нормы допустимыми становятся случаи, при которых сотрудник при безвозмездном участии в деятельности коммерческой организации может получать возможность приобрести из этого иные, кроме вознаграждения, имущественные и неимущественные выгоды.

В тех случаях, когда сотруднику не запрещено осуществлять свою деятельность в некоммерческих организациях (потребительские кооперативы, фонды и другие общественные организации), остаются высокими риски проявлений конфликта интересов, при котором его личная заинтересованность влияет или может повлиять на исполнение им своих должностных обязанностей, и необоснованности обогащения. В данном случае их исключение возможно в двух вариантах: 1) действенный контроль за соблюдением требований к служебному поведению сотрудников и урегулированию конфликта интересов; 2) установление более строгих запретов, ограничений, обязательств, правил служебного поведения (п. 9 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Определение содержания коррупционных рисков, связанных с реализацией сотрудниками УИС своих должностных полномочий, следует рассматривать в плоскости их профессиональной деятельности. Результаты исследования, проведенного на базе научного центра противодействия коррупции НИИ Российской правовой академии Минюста России в апреле 2009 г. в 14 субъектах Российской Федерации с целью выявления и определения содержания коррупционных рисков, источником которых послужили недостатки нормативного правового регулирования полномочий указанной категории госслужащих, позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время нормативное правовое обеспечение реализации полномочий государственными служащи-

ми не обладает теми качествами и полнотой, которые можно оценивать с точки зрения препятствий к использованию таких полномочий в целях коррупции.

Опрос общественного мнения показал, что на практике недостатками законодательных норм, способствующими распространению коррупции, являются:

- неоправданное и бесконтрольное наделение должностного лица полномочиями, которые он может использовать по собственному желанию (37,5 % опрошенных);

- отсутствие четкой регламентации порядка реализации полномочий должностного лица (39,7 %);

- дублирование полномочий разными должностными лицами в рамках одного государственного органа (18,6 %).

О наметившейся тенденции к коррупционному использованию нормативных правовых актов свидетельствуют:

- увеличение числа решений должностными лицами, выходящих за рамки их компетенции (так считают 26,8 % респондентов);

- увеличение числа необоснованных ограничений или расширений прав физических лиц (19,3 %);

- завышение требований к физическому лицу при реализации должностным лицом разрешительных и регистрационных полномочий (26,8 %);

- принятие ведомственных нормативных актов, не соответствующих требованиям федеральных законов (21,2 %).

Кроме того, 31,7 % респондентов полагают, что коррупционное использование норм законодательства дает возможность должностным лицам осуществлять так называемую платную реализацию своих полномочий, за которые они ответственности не несут; 28 % опрошенных считают, что это позволяет должностным лицам оказывать давление на граждан или юридических лиц в корыстных целях либо иных корпоративных интересах, а 19,6 % – возможность заключения коррупционных сделок.

В целях предупреждения влияния коррупционных рисков 46,3 % респондентов предлагают внести в нормативные правовые акты изменения и дополнения, касающиеся конкретных сроков и четкого порядка совершения юридических и разрешительных действий; необходимость расширения оснований юридической ответственности и обжалования действий, бездействия и решений должностных лиц поддерживают 27 % опрошенных; установить специальные (детальные) запреты и ограничения для должностных лиц предлагают 20,7 % опрошенных.

Наиболее распространенными факторами, создающими условия для проявлений коррупции, по мнению респондентов, являются:

- отсутствие четких и детализированных процедур принятия решений должностным лицом (25,7 %);
- нормативные коллизии (24,8 %);
- отсутствие оснований для привлечения к юридической ответственности должностных лиц (18,9 %);
- отсутствие общественного контроля за государственными служащими (11,8 %).

На основе фактических данных было установлено, что потенциальные коррупционные риски, базирующиеся на использовании недостатков законодательных норм, выявляются в 48,3 % случаев в результате осуществления контрольных, надзорных проверок органов государственной власти, в 25,5 % случаев по итогам рассмотрения жалоб, обращений и заявлений граждан и юридических лиц и в 16 % случаев при проведении правовой экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов (Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты. М., 2009. С. 251). При этом приоритет отдается практическому оперативному выявлению коррупционных рисков, которые подтверждены информативно и фактически.

Проведенный анализ существа коррупционных рисков, безусловно, не может претендовать на полноту и содержание результатов, которые позволили бы сформировать готовую систему мер их предупреждения. Между тем нельзя не принимать во внимание, что природа коррупционных рисков, их содержание, закономерности изменения качественных характеристик, которые до сих пор не исследованы должным образом, раскрываются в контексте противодействия коррупции и, возможно, даже проявляются в процессе профилактической работы в этой области.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Коррупционные риски в уголовно-исполнительной функции государства, как и в других сферах государственной деятельности, связаны с недостатками нормативного правового регулирования и возникающими на этой основе издержками правоприменения и правосознания. Коррупционные риски, связанные с прохождением службы в УИС, – это вероятность возникновения коррупционного поведения, которое может быть вызвано:

- несоблюдением обязанностей, запретов и ограничений, установленных для сотрудников УИС в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей;
- реализацией полномочий при осуществлении профессиональной деятельности сотрудников.

В отличие от коррупционных рисков коррупционными правонарушениями, связанными с противоправным получением материальных и

нематериальных благ и преимуществ, являются следующие деяния должностных лиц или лиц, приравненных к ним:

- использование должностным лицом своего статуса и основанных на нем возможностей для незаконного вмешательства в деятельность предприятий, учреждений и организаций, а также физических лиц для решения вопросов, затрагивающих его личные материальные или нематериальные интересы, а также интересы связанных с ним лиц;

- получение материальной выгоды от использования в своих интересах служебной и иной информации, полученной при выполнении своих должностных обязанностей;

- материальное вознаграждение за использование своего статуса для лоббирования интересов физических или юридических лиц;

- требование от физических и юридических лиц информации, предоставление которой этими лицами не предусмотрено законами и иными нормативными правовыми актами;

- принятие приглашения в туристические, лечебно-оздоровительные поездки по стране или за границу за счет российских и иностранных физических и юридических лиц без согласия вышестоящего должностного лица, наделенного таким правом;

- нецелевое использование бюджетных средств, а также незаконная и необоснованная передача государственных и муниципальных материальных и финансовых ресурсов.

Совершение какого-либо из указанных правонарушений, если оно не содержит признаков административно или уголовно наказуемого деяния, влечет наложение в установленном законом порядке дисциплинарного взыскания.

Приведенный перечень коррупционных правонарушений должностных лиц не является исчерпывающим. В каждой сфере деятельности государства при проявлении коррупционных правонарушений имеется своя специфика, основанная на функциях, которые она выполняет. В частности, в УИС коррупционные правонарушения могут проявляться в следующих направлениях ее деятельности: перевод осужденных для дальнейшего отбывания наказания из следственного изолятора в исправительную колонию; предоставление материалов на изменение вида исправительного учреждения; предоставление материалов на условно-досрочное освобождение (далее: УДО); перевод осужденных в лечебно-исправительные учреждения; предоставление осужденным отпусков; расходование бюджетных и внебюджетных средств; предоставление осужденным незаконных льгот; превышение служебных полномочий при проведении различных форм медицинского освидетельствования; неза-

конное и необоснованное принятие материальных и финансовых ресурсов; проведение закупок товарно-материальных ценностей; реализация готовой продукции и т. д.

Наибольшего распространения коррупционные правонарушения достигают при нарушении прав осужденных, пытающихся воспользоваться правом на УДО. Правозащитная организация «За гражданские права» изучила жалобы осужденных за период с 2007 по 2009 г., пытавшихся получить УДО. Было установлено, что вымогательство у них денег либо оказание «гуманитарной помощи» отряду через их родственников стоит на третьем месте по количеству жалоб на действия администрации исправительных учреждений (8 %). Необоснованное наложение взыскания в момент подачи заявления на УДО (12 %) и ненадлежащая подготовка администрацией исправительного учреждения материалов на УДО (13 %) опосредованно, но также связаны с коррупцией, так как основная масса осужденных считает, что для УДО необходима взятка администрации исправительного учреждения, и как следствие предмет более 30 % жалоб составляют проявления коррупции со стороны должностных лиц исправительного учреждения.

Такие факты имели место в исправительных учреждениях Ленинградской, Свердловской, Самарской, Ульяновской, Челябинской и других областей. Например, прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях г. Тольятти проводилась проверка соблюдения администрации исправительной колонии № 29 требований уголовно-исполнительного законодательства об УДО. Были выявлены случаи, когда при отрицательных характеристиках осужденных, имеющих взыскания за допущенные нарушения правил внутреннего распорядка, администрация исправительных учреждений представляла суду заключение о целесообразности их УДО, и наоборот, при положительной характеристике, свидетельствующей об исправлении осужденных, суду представлялись заключения о нецелесообразности УДО.

Одним из условий коррупции среди сотрудников исправительных учреждений при УДО является отсутствие единообразного подхода к признанию осужденного не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания. Проблемы в законодательном регулировании снижают эффективность этого института уголовного права.

Так, в России ежегодно условно-досрочно освобождаются 45–50 % осужденных, т. е. фактически каждый второй. Однако уровень рецидива условно-досрочно освобожденных составляет 80 %, что практически сопоставимо с числом тех, кто освобождается по отбытии срока наказания. Следовательно, институт УДО не выполняет функцию исправления осужденных.

Уголовный кодекс РФ связывает УДО с двумя обстоятельствами: 1) если судом будет признано, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания (ч. 1 ст. 79); 2) осужденный фактически отбыл определенную часть наказания, размер которого зависит от категории преступления, за которое он отбывает наказание (ч. 3 ст. 79).

Трудности вызывает определение осужденного, не нуждающегося в полном отбывании назначенного судом наказания. Суды трактуют эту норму закона очень широко. С одной стороны, суды часто применяют решения об УДО от наказания, исходя лишь из сведений об отбытии осужденным установленной законом части наказания и отсутствии у него взысканий за нарушение режима. Кроме того, они не всегда критически оценивают мнение администрации исправительного учреждения о целесообразности применения УДО, высказанное ею в характеристике осужденного, направляемой в суд вместе с ходатайством осужденного. С другой стороны, нередко администрация исправительного учреждения исходит из экономических соображений: желание разгрузить колонию или, наоборот, оставить хороших специалистов и работников из числа осужденных, имеющих высокие производственные показатели. Не следует игнорировать и проблему «гуманитарной помощи» – суммы материальной помощи, передаваемой в качестве дара исправительному учреждению, чтобы в суд была направлена положительная характеристика.

Вследствие того что законодатель не сформулировал четких критериев признания осужденного не нуждающимся в полном отбывании наказания, возникают многочисленные проблемы в правоприменительной практике и как следствие происходит распространение коррупционных правонарушений среди сотрудников исправительных учреждений.

Коррупционные правонарушения могут проявляться при многих обстоятельствах и во многих направлениях служебной деятельности органов УИС. Например, при осуществлении материально ответственными лицами заказа сырья и материалов для нужд исправительных учреждений. Практикуются: так называемые откаты, т. е. вознаграждения в виде оплаты решения должностного лица о закупках; назначение на должности на принципах землячества и личной преданности; поддержка предложений каких-либо лиц или подрядчиков при выдаче контрактов, проведении тендеров, конкурсов; уклонение от контроля и проведения аудитов; недопустимое расширение имеющихся полномочий; заключение соглашений с неблагоприятными условиями, которые налагают на учреждение долгосрочные обязательства, и др.

Следует отметить, что спецификой социальных отношений между осужденными и администрацией исправительных учреждений, обуславливающих коррупционное поведение сотрудников, является то, что сфера исполнения наказания имеет весьма высокую степень приспособления к существующей социально-экономической ситуации. Такая особенность является следствием того, что ни одно из направлений человеческой деятельности не аккумулирует в себе такое разнообразие социальных, производственных, психологических, экономических, идеологических, национальных и иных факторов, как это свойственно коррупции. В уровне распространенности коррупции отражаются и уровень правового сознания должностных лиц, и разработанность законодательства, и проявление социально-экономической и уголовной политики государства.

Не менее важным условием коррупционных правонарушений является низкий уровень материальной заинтересованности сотрудников УИС. Системная коррупция процветает там, где денежное содержание госслужащих оказывается ниже прожиточного минимума. Подобная система оплаты приводит к различным нарушениям.

Во-первых, сотрудники перестают ценить свою должность и саму службу (если только она не предоставляет исключительные возможности для взяточничества, как, например, работа на таможне, в ГАИ, иммиграционной или налоговой службах). Они вынуждены пополнять свой доход из других источников, что требует значительных затрат времени и сил. Служба становится помехой для получения средств к существованию, а обязанности по службе выполняются формально.

Во-вторых, если надбавки к денежному содержанию по занимаемой должности невелики, то маловероятно, что повышение зарплаты при продвижении по служебной лестнице компенсирует усилия, затраченные на получение более высокой должности. Это приводит к тому, что мотивация карьерного роста снижается, а продвижение по службе все меньше зависит от достоинств кандидатов.

В-третьих, сотрудники исправительных учреждений основывают собственный «бизнес» или начинают оказывать «консультативные услуги», причем самыми важными и, возможно, единственными их клиентами, если не учитывать осужденных, которые в полном объеме зависят от их порядочности, являются ведомства, в которых они сами работают. Эти лица заключают контракты (по рыночным ценам) на исполнение работ, входящих в компетенцию их собственного ведомства, и получают лично или создают условия для наживы других лиц, что ведет к множеству злоупотреблений по службе. Коррупцированность должностных лиц обнаруживается с

трудом, поэтому меры административной ответственности применяются крайне редко.

Следует отметить, что причины настоящего всплеска коррупции в УИС (например взяточничества), помимо общей экономической нестабильности, слабости государственных институтов противодействия коррупции и правового нигилизма в обществе, обуславливаются изменениями в социальной структуре общества. С одной стороны, появился слой состоятельных предпринимателей, нередко вынужденных идти на подкуп должностных лиц и располагающих для этого значительными средствами. С другой стороны, многие должностные лица, ощущая неуверенность в завтрашнем дне, стремятся максимально использовать свой статус в целях быстрого обогащения. Кроме того, получили распространение не только обычные формы подкупа в виде денежных взяток и дорогих подарков, но и включение должностных лиц в число соучредителей вновь создаваемых малых предприятий их родственников и близких.

Появился ряд новых факторов, объективно влияющих на совершение коррупционных правонарушений. Например, психологическая готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных прав; крайне низко субъективно воспринимаемый риск быть привлеченным к ответственности за совершение коррупционного деяния; низкий уровень фактического выявления и раскрываемости коррупционных преступлений, создающий объективные предпосылки для восприятия как ничтожной возможность быть привлеченным к уголовной ответственности; неэффективность статистики коррупционных правонарушений, в том числе преступлений, создающая препятствия для научно обоснованного их мониторинга; неразработанность информационного, научного и учебно-методического обеспечения подготовки специалистов в сфере борьбы с коррупционной преступностью; малоэффективность механизма взаимодействия правоохранительных органов по вопросам борьбы с коррупционной преступностью прежде всего на местном и региональном уровнях.

При всем многообразии общих (концептуальных) принципов и идей, на которых базируется система мер борьбы с коррупцией, справедливо выделяются следующие направления:

- повышение трудности совершения коррупционных преступлений и правонарушений;
- сдерживание риска при их совершении;
- уменьшение выгоды от их совершения.

В число мер, повышающих трудность совершения коррупционных преступлений, включаются: система тщательной проверки сотрудников при приеме на работу, ограничение дискреционных полномочий, неукоснительное требование гласно-

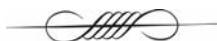
сти, открытости и публичности принятия соответствующих решений, подконтрольность принимаемых должностными лицами решений, их подотчетность, регулярная ротация сотрудников, запрет на участие должностного лица в мероприятиях, в которых он имеет финансовый интерес.

Меры, сдерживающие риск при совершении преступлений и правонарушений коррупционной направленности, могут выражаться: в плановых и внезапных проверках и ревизиях; обязательном и проверяемом декларировании имущества должностного лица и его близких; личной ответственности за принятие решений; совершенствовании деятельности службы собственной безопасности; наличии системы внутреннего телевидения; запретах на получение дорогих подарков и отчетности о них; поощрении сотрудников, которые предоставляют информацию, разоблачающую коррупционеров.

Меры, уменьшающие выгоду от совершения данного вида преступлений, включают в себя: введение системы справедливой оплаты труда и других благ для сотрудников; поощрение за честность; обязательное увольнение при нарушении антикоррупционных правил; отсутствие должностного иммунитета; достойные условия выхода на пенсию и др.

Изучение такого социального явления, как коррупция, позволило выявить ряд устойчивых закономерностей, препятствующих эффективно-му противодействию в УИС. К основным из них относятся: несовершенство организационной структуры противодействия коррупции; недостатки правового обеспечения деятельности оперативных, режимных и охранных подразделений; отсутствие надежных методик по оценке признаков и состояния коррупционной преступности, единой информационно-аналитической системы оперативно-розыскного назначения по линии противодействия коррупции, комплексного подхода к противодействию рассматриваемого явления; существенные недостатки в выявлении и документировании противоправной деятельности сотрудников, подозреваемых в коррупции.

Во многом решение задач противодействия коррупции зависит от скоординированной работы всех звеньев УИС. Однако учитывая, что коррупция в УИС порождена не только внутренними обстоятельствами, присущими этой службе, но в большей степени той ситуацией, которая сложилась в обществе, результативность борьбы с ней в первую очередь зависит от последовательности и твердости проведения государством антикоррупционной политики.

Библиографический список

1. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты / В. В. Астанин. – М., 2009.
2. Борьба с коррупцией: актуальные проблемы законодательного обеспечения : сб. материалов по вопр. законодат. обеспечения борьбы с коррупцией в России. – М., 2002.
3. Карабанов А. Л. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты / А. Л. Карабанов, С. К. Мелькин. – М., 2010.
4. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. – 2008. – 30 дек.

References

1. Astanin V. V. Anti-corruption Policy of the Russian Federation: Criminological Aspects / V. V. Astanin. – M., 2009.
2. Combating Corruption: Acute Problems of Legislation. – M., 2002.
3. Karabanov A. L. Modern Problems of Combating Corruption: Criminal and Legal and Criminological Aspects / A. L. Karabanov, S. K. Melkin. – M., 2010.
4. On Combating Corruption : federal law of December 25, 2008 № 272-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – December 30.

УДК 343.211

А. Г. Антонов,
заместитель начальника Кузбасского института
ФСИН России по научной работе
кандидат юридических наук, доцент

A. G. Antonov,
Deputy Head of Kuzbass Institute of the FPS of Russia
in the sphere of scientific work
Candidate of Law, Assistant professor

**СООТНОШЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**Correlation between Special Grounds for Exemption from Criminal Liability
and Voluntary Refusal from Committing a Crime**

Аннотация. В статье проводится детальное сопоставление специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления. Указанные категории рассматриваются как элементы единой системы норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности.

Ключевые слова: добровольный отказ, специальные основания освобождения от уголовной ответственности, неоконченная преступная деятельность, позитивная постпреступная деятельность.

Abstract. The article gives a detailed comparison of the special grounds for exemption from criminal liability and voluntary refusal from committing a crime. These categories are considered as elements of the unified system of norms which regulate exemption from criminal liability under incomplete criminal activity.

Key words: voluntary refusal, special grounds for exemption from criminal liability, unfinished criminal activity, positive postcriminal activity.

В настоящее время можно констатировать о наличии самостоятельного института освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном законодательстве (ст. 75–78, 84 и 92 УК РФ, а также примечания к ст. 122, 126, 127.1, 178, 198, 199, 199.1, 204, 205, 205.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 276, 278, 282.1, 282.2, 291, 307, 337 и 338 УК РФ). Внутри него выделяются два относительно обособленных подразделения, которые охватывают соответственно общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности (Тенчов Э. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Иваново, 1982. С. 17).

Отдельную группу составляют специальные основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Помимо прочего, данные основания в большинстве своем, направлены на пресечение совершающихся преступлений. Такая же направленность и у ст. 31 УК РФ, которая закрепляет норму о добровольном отказе от преступления.

Каким же образом эти нормы соотносятся между собой? На наш взгляд, в совокупности они

представляют собой, с одной стороны, систему альтернативного поведения лица после совершения общественно опасного посягательства, а с другой – альтернативную реакцию государства на преступление. Возможна ли конкуренция между указанными нормами? Есть ли действительно система в специальных основаниях освобождения и неприменения уголовной ответственности?

Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. В соответствии с ч. 2 ст. 31 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

Чем является добровольный отказ от преступления: основанием исключения уголовной ответственности или основанием освобождения от уголовной ответственности?

Относительно этих вопросов в научной литературе можно условно выделить два главных направления понимания оснований и правовых последствий добровольного отказа.

Первое направление можно определить следующим образом: в действиях лица, добровольно отказавшегося от преступления, нет состава преступления (Курс советского уголовного права : Уголовный закон : в 6 т. Часть Общая. М., 1970. Т. 2. С. 434 ; Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1: Общая часть: Учение о преступлении. С. 377 ; Панько К. А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. Воронеж, 1975. С. 16 ; Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Тула, 2001. Т. 1. С. 557 ; Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. М., 2001. С. 226). Добровольный отказ исключает уголовную ответственность (Уголовное право. Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Шеслера. Тюмень, 2008. С. 179 ; Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. Р. А. Адельханяна; под науч. ред. А. В. Наумова. М., 2004. С. 97 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / М. П. Журавлев [и др.]. М., 2004. С. 135). При формулировании нормы о добровольном отказе нужно использовать словосочетание «не подлежит уголовной ответственности» (Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб., 2004. С. 169).

Смысл второго направления заключается в том, что состав преступления при добровольном отказе есть (Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 58 ; Звечаровский И. Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. СПб., 2008. С. 41 ; Уголовное право. Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Шеслера. С. 179 и др.). Добровольный отказ обуславливает освобождение от уголовной ответственности (Елеонский В. А. Указ. соч. С. 58 ; Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 42–43, 44 ; Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. С. 226 ; Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Ревина. М., 2001. С. 54 и др.). Формулировать последствия добровольного отказа необходимо соответствующим образом (Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 60).

Относительно наличия состава преступления при добровольном отказе в правовой литературе распространено мнение о том, что при добровольном отказе от преступления в действиях (бездействии) лица нет всех признаков состава неоконченного преступления (приготовления или покушения) (Волженкин В. Б. Добровольный отказ от преступления // Уголовное право России: Общая часть : учебник / под. ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 549). При этом не ясно, что стало с признаками состава преступ-

ления. Ведь перед добровольным отказом необходимо совершить приготовление к преступлению или покушение на него, которые образуют состав преступления. А последующий добровольный отказ является уже *позитивной постпреступной* (курсив наш. – А. А.) деятельностью (Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 42.) В связи с этим отрицать наличие состава преступления при добровольном отказе не логично.

Вместе с тем возникает вопрос: исключает ли добровольный отказ уголовную ответственность или на его основании виновный освобождается от таковой?

Прекращение преступной деятельности при добровольном отказе является позитивным постпреступным поведением, которое не может исключить уголовной ответственности. Исключая уголовную ответственность за деяние, совершенное до добровольного отказа, мы прежде должны в УК РФ объявить такое деяние непроступным, что является прерогативой законодателя (Там же. С. 43). Такое исключение может быть при отсутствии основания привлечения к уголовной ответственности, т. е. состава преступления, например, при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Основание уголовной ответственности при добровольном отказе – это состав неоконченного преступления. Следовательно, есть и основание освобождения от уголовной ответственности – состав преступления и добровольный отказ в совокупности. В данном случае должна использоваться формулировка об освобождении от уголовной ответственности при добровольном отказе, а не словосочетание «*не подлежит уголовной ответственности*», которое нужно понимать как исключение уголовной ответственности.

В связи с этим спорной представляется следующая позиция об основании исключения уголовной ответственности при добровольном отказе. *Отсутствие общественной опасности лица* (выделено нами. – А. А.) характеризуется тем, что оно по собственной воле прекращает начатое преступление. А поскольку лицо не только не намеревается совершить его, но и направляет свои усилия на то, чтобы преступление не было совершено, его действия *не могут создавать опасности* (выделено нами. – А. А.) причинения вреда правоохраняемым объектам, в связи с чем уголовный закон исключает уголовную ответственность лица, добровольно отказавшегося от доведения начатого преступления до конца (Спасенников И. Г. Уголовно-правовое значение добровольного отказа для предупреждения и пресечения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 45). Если лицо совершило приготовление к преступлению или начало его совершение, то его общественная опасность бес-

спорна (общественная опасность предварительной преступной деятельности лица нормативно закреплена в УК РФ). Добровольный отказ может свидетельствовать о значительном снижении общественной опасности виновного, так как фактически деяния, составляющие добровольный отказ, ее нейтрализуют.

Резюмируя вышеизложенное, мы присоединяемся к точке зрения И. Э. Звечаровского, считающего, что добровольный отказ от преступления по своей природе является основанием освобождения от уголовной ответственности применительно к неоконченной преступной деятельности (Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 46).

В юридической литературе выделяется четыре признака добровольного отказа:

а) прекращение приготовительных действий (бездействия) или действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления;

б) добровольность прекращения приготовления к преступлению или покушения на преступление;

в) осознание возможности доведения начатого преступления до конца;

г) окончательность отказа от преступления (Уголовное право. Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Шеслера. С. 179–180 ; Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2005. С. 153)

Иногда авторы указывают на три признака:

а) добровольный отказ возможен на стадиях приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлению и покушения на преступление;

б) осознание возможности доведения преступления до конца, добровольность и окончательность отказа от доведения преступления до конца;

в) лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, освобождается от уголовной ответственности (Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Ревина. С. 53–54).

В некоторых работах речь идет только о двух признаках добровольного отказа: добровольность и окончательность (Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. Р. А. Адельханяна ; под науч. ред. А. В. Наумова. С. 96).

Более рациональной представляется четырехчленная классификация признаков добровольного отказа. Указанные признаки в целом могут быть отнесены и к специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве нет определения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и их признаков. По нашему мнению, специальные основания освобождения от уголовной ответственности – это предусмотренные в форме примечаний к некоторым статьям Особен-

ной части УК РФ относительно самостоятельные уголовно-правовые нормы, направленные на выявление и пресечение совершающихся преступлений либо предотвращение более тяжких преступлений и стимулирующие позитивное посткриминальное поведение виновного, на основании которого правоприменитель обязан освободить его от уголовной ответственности, предусмотренной санкцией соответствующей статьи. В какой мере содержание данного определения соотносится с признаками добровольного отказа?

В подавляющем большинстве специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как и добровольный отказ, включают в себя признак добровольности. В частности, он отражен в примечаниях к ст. 126, 127.1, 204, 206, 208, 210 УК РФ и т. д.

В основе большинства специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, как и при добровольном отказе, лежит требование законодателя о прекращении преступления: сдать незаконно находящееся у виновного оружие или наркотические средства, выйти из незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества, отпустить похищенного или заложников и т. п. Ведь в сущности добровольный отказ и специальные основания освобождения от уголовной ответственности – это добровольное прекращение лицом преступной деятельности.

Однако при добровольном отказе достаточно просто прекратить приготовление или покушение на преступление, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как правило, требуют некоторой публичности такого прекращения. Например, преступник добровольно прекращает душить жертву и уходит – это добровольный отказ от убийства. При незаконном обороте оружия, например, необходимо, чтобы виновный сдал оружие в правоохранительные органы, тем самым заявив о совершении преступления. Однако и в условиях специальных оснований освобождения от уголовной ответственности может отсутствовать элемент публичности (явки с повинной). Так, при добровольном освобождении похищенного человека, виновному достаточно освободить потерпевшего, не заявляя об этом.

Прекращение покушения на преступление или приготовления к нему как типовое деяние при добровольном отказе четко не регламентировано в УК РФ. А каждое специальное основание освобождения от уголовной ответственности содержит в себе конкретные позитивные постпреступные деяния, которые должен совершить виновный для освобождения его от уголовной ответственности. Такие деяния закрепляются исходя из характера преступлений, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Осознание продолжать преступление при исследуемых основаниях аналогично осознанию возможности доведения начатого преступления до конца при добровольном отказе. Окончателюность отказа от продолжения преступной деятельности вытекает из характера общественной опасности преступления, к которому предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Например, если заложники отпущены, вероятность продолжения этого преступления отсутствует.

Однако на этом сходство добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности не заканчивается.

Исходя из ранее данного определения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, можно выделить ряд их признаков. Некоторые из них присущи и добровольному отказу.

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности:

- закрепляются в большинстве случаев в отношении преступлений с «кумулятивной» опасностью. Такая опасность характеризуется реальной возможностью или неизбежностью эскалации на другие объекты уголовно-правовой охраны;
- являются относительно самостоятельными уголовно-правовыми нормами, закрепленными применительно к конкретным преступлениям;
- закрепляются в форме примечаний к статьям Особенной части УК РФ;
- направлены на выявление других преступлений (примечание к ст. 291 УК РФ) либо на предотвращение более тяжких преступлений относительно преступления, к которому примечание применяется (примечание к ст. 126 УК РФ)¹;
- стимулируют конкретное альтернативное позитивное поведение виновного после или во время совершения преступления;
- подлежат обязательному учету и применению;
- в большинстве случаев носят обязательный характер.

Сходными чертами добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является то, что обе эти категории представляют собой основания освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, лица, совершившие преступления, покушавшиеся или готовящиеся к ним, должны признаваться виновными и при добровольном отказе и при приме-

нении специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Возможно (но не факт), что общественная опасность таких лиц снижается, а нейтрализация общественной опасности преступления очевидна. При добровольном отказе не наступают общественно опасные последствия или деяние вообще не совершается, т. е. общественная опасность не получает своей полной реализации. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности также обуславливают нейтрализацию «кумулятивной» опасности, не дают ей развиться относительно других общественных отношений.

В связи с вышеизложенным представляется спорной позиция И. С. Тишкевича, который считает, что не только совершенные субъектом деяствия, но и сам субъект перестают быть общественно опасными, его действия теряют характер приготовления и покушения, а действия субъекта теряют характер неоконченного преступления (Цит. по: Панько К. А. Указ. соч. С. 16).

Рассматриваемые нормы стимулируют альтернативное преступному, позитивное поведение виновного во время совершения преступления. При этом специальные основания освобождения от уголовной ответственности нередко закрепляются относительно фактически неоконченных преступлений, которые в юридическом смысле уже завершены.

В сущности оба исследуемых основания являются альтернативными вариантами разрешения уголовно-правового конфликта, дают преступнику возможность нейтрализовать общественную опасность своего преступления.

Общей чертой оснований освобождения от уголовной ответственности является и их императивный характер. Они подлежат обязательному учету и применению.

Присуща рассматриваемым нормам и одна форма вины – умысел. В преступлениях с неосторожной формой вины нет приготовления и покушения на преступление, с уголовно-правовой точки зрения они не носят преступного характера. Неосторожные преступления не обладают и «кумулятивной» опасностью, присущей преступлениям, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Мотивы и цели поведения виновного при добровольном отказе и специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности уголовно-правового значения не имеют, так как не имеют значения для уголовного права цели и мотивы правомерного поведения людей.

Освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям и по ст. 31 УК РФ носит полный, окончательный, безусловный характер.

По нашему мнению, главным сходством исследуемых категорий является то, что они регламенти-

¹ Бытует мнение, что рассматриваемые основания освобождения от уголовной ответственности обусловлены потребностями в предотвращении общественно опасных последствий (Егоров В. С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002. С.126–127). Однако такое мнение неточно отражает правовую природу специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

руют неоконченную преступную деятельность, а точнее, позитивное постпреступное поведение. Разница лишь в том, что добровольный отказ относится к преступной деятельности неоконченной юридически, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности предусмотрены в отношении преступной деятельности оконченной юридически, но фактически не оконченной (большинство таких оснований предусмотрены в отношении длящихся преступлений). К такой деятельности нормы о добровольном отказе применить затруднительно. В связи с этим законодатель предусмотрел относительно оконченных юридически, но не оконченных фактически преступлений специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, рассматриваемые нормы регулируют вопросы освобождения от уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности, поэтому основные признаки у них общие.

Однако есть ряд черт, отличающих добровольный отказ от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

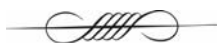
Главное отличие кроется в целях их установления. Добровольный отказ направлен на пресечение совершаемого преступления и на предотвращение его преступного результата (окончания). Специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют своей целью выявление, пресечение (уже совершенного, но продолжающегося фактически) преступления, а также оптимизацию его раскрытия. При этом есть и вторая равнозначная цель – предупреждение «смежных» преступлений (погашение «кумулятивной» опасности совершенного преступления). Так, устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности при захвате заложника, законодатель стимулирует виновного отпустить потерпевших. Тем самым повышается вероятность предотвращения

вреда жизни и здоровью заложников, т. е. нейтрализуется «кумулятивная» опасность захвата заложников.

В принципе добровольный отказ применим ко всем преступлениям (с умышленной формой вины), так как норма, его закрепляющая, отражена в Общей части УК РФ. Однако его применение невозможно при покушении на многие длящиеся преступления с «кумулятивной» опасностью (например, похищение человека).

Специальные же основания освобождения от уголовной ответственности в основном относятся именно к таким преступлениям. Следовательно, при приготовлении к преступлению добровольный отказ возможен всегда. При покушении на преступление он не распространяется на преступления «кумулятивной» опасности, а применим только к преступлениям с «простой» опасностью, не имеющей своего развития в других общественных отношениях, охраняемых и защищаемых уголовным законом. Таким образом, добровольный отказ распространяется только на одно совершаемое или готовящееся преступление, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности направлены и на совершаемое преступление, и на преступления, «генетически» с ним связанные.

Следовательно, нормы о добровольном отказе и специальные основания освобождения от уголовной ответственности образуют единую систему освобождения от уголовной ответственности. Первые распространяются на юридически не оконченную преступную деятельность, на преступления с «простой» опасностью, а вторые закрепляются относительно фактически не оконченной преступной деятельности, преступлений с «кумулятивной» опасностью. Конкуренции между исследуемыми нормами не существует, скорее можно говорить об их взаимодополняемости.

Библиографический список

1. Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В. А. Елеонский. – Хабаровск, 1984.
2. Звечаровский И. Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца / И. Э. Звечаровский. – СПб., 2008.
3. Спасенников И. Г. Уголовно-правовое значение добровольного отказа для предупреждения и пресечения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Спасенников Игорь Григорьевич. – Ростов н/Д, 1999.
4. Тенчов Э. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности / Э. Тенчов. – Иваново, 1982.

References

1. Eleonskiy V. A. Encouraging Norms of Criminal Law and Their Importance in the Activity of Internal Affairs Agencies (OVD) / V. A. Eleonskiy. – Khabarovsk, 1984.
2. Zvecharovskiy I. E. Voluntary Refusal of Finishing Crime up to the End / I. E. Zvecharovskiy. – SPb., 2008.
3. Spasennikov I. G. Criminal and Legal Value of Voluntary Refusal for the Prevention of and Control over Offenses / Spasennikov Igor Grigorievich. – Rostov-on-Don, 1999.
4. Tenchov E. Special Types of Exemption from Criminal Liability / E. Tenchov. – Ivanovo, 1982.

А. Ю. Арефьев,*доцент кафедры оперативной работы ОВД
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент***A. Yu. Arefiev,***Associate Professor of the Department
of Operative Work of Internal Affairs Agencies
of Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Assistant professor***ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ
В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****The Problem of Forming of Specialized Scientific Schools in the Theory of Crime Detection**

Аннотация. В статье приводятся некоторые варианты формирования специализированной научной школы. Рассматривается классический способ рождения научной школы применительно к профессиональному сыску. Анализируются новые достижения теории оперативно-розыскной деятельности в области организации и тактики деятельности оперативных подразделений по борьбе с сетевой компьютерной преступностью.

Ключевые слова: варианты формирования, научная школа, оперативно-розыскная деятельность, сетевая компьютерная преступность.

Abstract. The article offers some versions of forming specialized scientific schools. It considers a «classical» way of coming the scientific school into being in the field of professional investigation. It also analyzes new achievements of the crime detection theory in the sphere of organization and tactics of the activity of operative bodies in the struggle with network computer criminality.

Key words: versions of formation, scientific school, crime detection, network computer criminality.

Многие современные ученые разделяют ту точку зрения, согласно которой модель науки может быть представлена, по крайней мере, в трех аспектах: 1) как творческая деятельность, содержащая специфические цели, способы и средства их достижения и т. п.; 2) как система теоретико-эмпирических знаний, объединяющих определенные теории, концепции, идеи, категориально-понятийный аппарат и т. п.; 3) как социальный институт соответствующего общества, который организуют отдельные ученые, а также их объединения (формально определенные и неформальные) (Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография. М., 2007. С. 4).

По мнению профессора В. М. Баранова, в настоящее время назрела необходимость в переходе к проблемным формам организации науки, причем именно специализированные научные школы должны стать ведущей формой организации научной деятельности. Под проблемой обычно понимается ситуация в знании, для которой характерны следующие черты: наличие противоречия между определенными общественными потребностями и достигнутым уровнем знания, возможность неоднозначного решения проблемы, наличие возможности решения проблемы, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже

существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления (Баранов В. М. Специализированные проблемные научные школы как высокоэффективное средство обеспечения экономической безопасности России // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2007. № 7. С. 7).

Особый интерес представляют способы возникновения научной школы. Вероятно, они столь же многообразны, сколь разнообразна сама наука (юридическая не является исключением). Вместе с тем профессор А. Ю. Шумилов применительно к профессиональному сыску выделяет следующие способы: «классический», «докторский», «административный». Для классического варианта рождения научной школы характерны такие этапы, как: выдвижение научной идеи (гипотезы) потенциальным научным лидером; «пробивание» им своей идеи; его признание в научных кругах (как правило, после защиты докторской диссертации); набор им учеников для детализации и углубления отдельных положений (аспектов) научной идеи (а главное – ее реализации), которую к тому времени лидер защищает на уровне докторской диссертации; реализация идеи (лично, через учеников и т. п.) (Шумилов А. Ю. Указ. соч. С. 57). Например, получила научное признание большая монографическая работа (30,0 печ. л.) А. Л. Осипенко «Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы» (Омск,

2009). Эта книга стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2009 г. в номинации «Юриспруденция» и рекомендована Фондом развития отечественного образования для использования в учебном процессе после переиздания для широкой научной общественности в России и за рубежом.

Не менее резонансным с точки зрения перспектив образования новой специализированной научной школы стало диссертационное исследование А. Л. Осипенко, представленное в 2010 г. на соискание ученой степени доктора юридических наук (Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью в глобальных компьютерных сетях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2010).

А. Л. Осипенко последовательно формирует представление о глобальных сетях как о сложном феномене и выделяет три основные составляющие. Наполнению конкретным смыслом новых для оперативно-розыскной науки понятий сетевой технологической инфраструктуры, сетевой социальной среды и сетевого пространства отводится существенное место, так как эти понятия являются опорными, предопределяющими характер всех последующих рассуждений. Возникающие в компьютерных сетях уникальные условия придают совершаемым в них преступлениям особые свойства, которые влияют на оперативно-розыскные средства и методы, применяемые для их предупреждения и раскрытия.

Изучение процессов, обеспечивающих реализацию функций компьютерных сетей, подтверждает довод А. Л. Осипенко о том, что для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) сети могут использоваться в качестве системы информационного поиска, поскольку в них накапливаются и распространяются существенные объемы оперативно значимой информации. Отдельные особенности глобальных сетей, представленные данным автором, могут способствовать решению оперативно-тактических задач. Так, характерная для сетевых процессов анонимность в определенных ситуациях позволяет осуществлять документирование преступных действий при максимальном обеспечении конспирации оперативно-розыскных мероприятий и зашифровки участвующего в их проведении личного состава.

Обобщение обстоятельств, побуждающих рассматривать деятельность оперативных подразделений в глобальных сетях в качестве самостоятельного направления в ОРД, позволили А. Л. Осипенко выделить среди них: значительное количество совершаемых с использованием сетей неочевидных преступлений; необходимость оперативно-розыскного контроля преступ-

ной деятельности организованных криминальных структур с сетевыми формами организации; концентрацию в глобальных сетях больших объемов оперативно значимой информации. А. Л. Осипенко приходит к выводу, что совершенствование ОРД в рассматриваемой сфере возможно по двум направлениям: а) путем адаптации отработанных методов ОРД к условиям глобальных компьютерных сетей; б) через поиск ранее не использовавшихся методов. По мнению автора указанного исследования, более перспективным на начальном этапе развертывания ОРД в глобальных сетях является первое из указанных направлений.

В оперативно-розыскную характеристику сетевых компьютерных преступлений А. Л. Осипенко включает и последовательно рассматривает сведения, отражающие: обобщенные особенности преступлений; их типологию, построенную с учетом данных о способах подготовки, совершения и сокрытия следов преступления; личность преступника, мотивы его действий; специфику преступных групп. По нашему мнению, в оперативно-розыскную характеристику исследуемых преступных деяний может быть включен и уголовно-процессуальный компонент, а именно обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Данный автор определяет важные с позиции ОРД особенности сетевой компьютерной преступности, среди них он называет: высокую латентность, наличие элементов преступного профессионализма и организованности, транснациональный характер. Выявленные А. Л. Осипенко свойства и тенденции преступности должны учитываться при выборе направлений совершенствования ОРД, оптимизации структурного построения оперативных подразделений, а также при планировании оперативно-профилактических мероприятий.

А. Л. Осипенко разработал типологию сетевых компьютерных преступлений, критерием которой им был выбран способ совершения преступлений. На основе материалов изученных уголовных дел и дел оперативного учета он определил четыре типа таких преступлений: несанкционированное проникновение в сетевую компьютерную систему; нарушение нормального функционирования сетевой компьютерной системы; несанкционированное внесение изменений в компьютерные данные; размещение в сетях материалов, распространение которых запрещено законом.

Предложенная типология позволяет оценить совокупность сетевых компьютерных преступлений как системное образование, оказывающее влияние на организацию и тактику ОРД. А. Л. Осипенко полагает, что важным дополнением к указанной типологии является рассмотрение после-

довательности типичных действий преступников, знание которых необходимо в процессе раскрытия преступлений и позволяет выстраивать оперативно-розыскные версии, прогнозировать варианты развития оперативно-тактической ситуации и выбирать направления поиска преступника. Со своей стороны мы считаем необходимым дополнить, что знание типичных преступных действий представляет существенный интерес и для решения других задач ОРД, таких как предупреждение и пресечение преступлений.

При характеристике преступников, совершающих сетевые компьютерные преступления, А. Л. Осипенко показывает, что совокупность указанных лиц нельзя считать гомогенной, поэтому стремление получить единый образ компьютерного преступника обречено на неудачу. По мнению данного автора, более продуктивным является разделение такой совокупности на два основных типа преступников: а) представителей так называемой традиционной преступности, использующих преимущества, которые им предоставляют компьютерные сети при совершении известных видов преступлений; б) участников хакерского сообщества, совершающих преступления, возможные только в глобальных компьютерных сетях. Поскольку методы выявления преступников первого типа в теории ОРД разработаны в достаточной мере, основной интерес представляют участники хакерского сообщества. А. Л. Осипенко прогнозирует, что нарастающая организационная асимметрия обозначенных преступных формирований и оперативных подразделений органов внутренних дел способна привести к тому, что последние могут оказаться не готовыми к решению задач ОРД в сетевом пространстве.

А. Л. Осипенко продолжает развивать идею о детерминированности оперативно-розыскных средств и методов особенностями глобальных компьютерных сетей и показывает, какую специфику приобретает правовое регулирование ОРД в наднациональном сетевом пространстве, где значительная часть оперативно-розыскных действий имеет трансграничный характер. На международном уровне правовое регулирование призвано создать условия для развития системы связей правоохранительных органов государств по борьбе с сетевой компьютерной преступностью. Между тем каждое из государств имеет в глобальных сетях свои интересы, а сетевое пространство все чаще выступает полем информационного противоборства, что приходится учитывать при формировании международно-правовых регуляторов взаимодействия правоохранительных органов.

Отсутствие в оперативно-розыском законодательстве нормы о допустимости трансгранич-

ных действий приводит к тому, что оперативно-розыскные мероприятия, связанные с доступом к сетевым ресурсам, расположенным вне территории России, нельзя признать легитимными. В связи с этим А. Л. Осипенко предлагает ввести в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» новую статью в следующей редакции.

«Статья 8.2. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена.

Оперативно-розыскные мероприятия по получению общедоступной информации на объектах сетевой инфраструктуры, расположенных вне территории Российской Федерации, проводятся с применением дистанционного (трансграничного) доступа к информационным сетевым ресурсам при соблюдении требований статей 7 и 8 настоящего Федерального закона. Получение на объектах сетевой инфраструктуры компьютерной информации, доступ к которой ограничен ее обладателем, допускается по заявлению или с согласия в письменной форме лица, имеющего законное право раскрывать эту информацию, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. В иных случаях осуществление трансграничного доступа к объектам сетевой инфраструктуры, расположенным вне территории Российской Федерации, допускается в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений на основе и в порядке, предусмотренных соответствующими международными договорами Российской Федерации». По нашему мнению, не совсем точна формулировка «...имеющего законное право раскрывать эту информацию...». В контексте предлагаемой статьи словосочетание «раскрывать информацию» абсолютно понятно и воспринимается, однако имеет некий профессионально-жаргонный оттенок. С точки зрения юридической техники возможно предложить некоторое уточнение и следующую редакцию указанного фрагмента: «...имеющего право предоставлять... информацию...».

Относительно правового регулирования ОРД по борьбе с преступностью в глобальных компьютерных сетях на национальном уровне А. Л. Осипенко выделяет ряд проблем нормотворческого характера. В их числе прежде всего те, что связаны с соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Действительно, в сетевом пространстве можно осуществлять мониторинг персональных данных, следить за электронной перепиской, собирать сведения о поведении лица, его связях и интересах. А. Л. Осипенко высказывает уверенность в том, что в условиях

расширения форм «электронного» контроля перед законодателем встает сложнейшая задача установления оптимального соотношения между интересами личности и общества в этой сфере.

В числе авторских новелл, заслуживающих пристального внимания, – дополнение ст. 272 УК РФ нормой об ответственности за умышленное изменение данных, идентифицирующих сетевую компьютерную систему, в целях совершения преступления либо облегчения его совершения или сокрытия; дополнение ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» новым оперативно-розыскным мероприятием «получение информации о сеансах связи»; регламент блокирования доступа к сети и предоставления оказания услуг связи по запросам субъектов ОРД.

Большое место в работе А. Л. Осипенко отводится вопросам совершенствования организации и тактики ОРД органов внутренних дел по борьбе с преступностью в исследуемой сфере. Автор рассматривает организацию ОРД как целенаправленную деятельность по созданию условий функционирования оперативных подразделений, налаживанию взаимодействия между ними и направлению усилий на выполнение задач борьбы с сетевой компьютерной преступностью. Следует подчеркнуть, что значительная часть элементов организации ОРД в изучаемой сфере мало чем отличается от проработанных элементов борьбы с преступностью в целом, поэтому внимание А. Л. Осипенко концентрирует лишь на тех организационных проблемах, которые имеют заметную специфику. Прежде всего, уделено внимание вопросам общей стратегии ОРД в глобальных компьютерных сетях. Основываясь на изучении большого количества дел оперативного учета, автор делает вывод о пассивном характере действий оперативных подразделений в сетевом пространстве. Мы солидарны с мнением А. Л. Осипенко о необходимости придания стратегии ОРД в глобальных компьютерных сетях наступательного и упреждающего характера.

Данный автор достаточно подробно аргументирует требования, предъявляемые к конфидентам, для успешного решения оперативно-розыскных задач и обращает внимание на высокую осведомленность сетевого сообщества о негласных формах и методах работы оперативных аппаратов. А. Л. Осипенко успешно определил совокупность задач, требующих решения с использованием конфидентов: сбор информации о состоянии оперативной обстановки на закрепленных объектах; выяснение фактов подготовительных действий к совершению преступлений; оперативно-профилактическое воздействие на конкретных лиц и др.

Значительная часть исследования посвящена анализу деятельности оперативных подразделе-

ний, связанной с реагированием на сетевые компьютерные преступления.

Автор определяет основные источники поступления первичной информации о сетевых компьютерных преступлениях и показывает, что оперативный поиск должен осуществляться как непосредственно в глобальных компьютерных сетях, так и вне их. В связи с тем, что приемы оперативного поиска в «обычной» среде достаточно изучены и отработаны на практике, А. Л. Осипенко концентрирует внимание на направлениях оперативного поиска в глобальных компьютерных сетях: на сетевых криминогенных объектах, в сетевой криминогенной среде и в сетевых информационных ресурсах. Так, совершенствование выявления оперативно значимых сведений на сетевых криминогенных объектах связывается с организацией их оперативного обслуживания. Повышение качества оперативного поиска в сетевой криминогенной среде возможно за счет расширения прикрытия мест сетевого общения криминогенного контингента. Особое место в силу своей новизны занимает поиск в информационных ресурсах. Основной его формой А. Л. Осипенко предлагает считать оперативно-розыскной мониторинг, представляющий собой комплексную систему наблюдения за состоянием криминальных процессов, основанную на регулярном осуществлении оперативно-розыскных мероприятий непосредственно в сетевом пространстве в целях обеспечения постоянного поступления первичной оперативно-розыскной информации.

А. Л. Осипенко отмечает, что раскрытие указанных преступлений сопровождаются: потребность в привлечении специальных знаний при проведении значительной части оперативно-розыскных мероприятий; сложность установления лиц, совершающих преступления, в результате применения ими стандартизированного программного обеспечения и существенного сопротивления раскрытию преступлений; затрудненность выявления обстоятельств, указывающих на признаки организованности и распределения ролей в преступных группах. Автор обращает внимание и на иные обстоятельства, влияющие на тактику раскрытия преступлений, как-то: скоротечность действий, реализующих преступный замысел; дефицит времени и динамичность обстановки в сетевом окружении; отсутствие четко выраженного места совершения преступления; многоэпизодный характер части преступлений при множественности жертв.

Уровень оперативно-розыскной профилактики сетевых компьютерных преступлений А. Л. Осипенко оценивает как недостаточный и причину этого видит в отсутствии у оперативных сотрудников мотивации на предупреждение пре-

ступлений и опыта такой работы. При исследовании детерминантов сетевой компьютерной преступности выделены криминогенные факторы, знание которых необходимо для разработки мер нейтрализации криминальных процессов. Поскольку существенным фактором самодетерминации преступности является ее латентная часть, в комплексе профилактических действий на первый план выходят активизация ОРД в сетевом пространстве и распространение информации о результатах раскрытия преступлений.

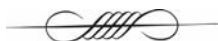
Повысить эффективность профилактической работы возможно за счет привлечения к ней граждан. Автор отмечает появление общественных объединений, активно участвующих в борьбе с криминальными проявлениями в глобальных компьютерных сетях. Укрепление взаимодействия с ними имеет мощный профилактический потенциал.

При осуществлении индивидуальной профилактической работы с лицами, склонными к совершению преступлений, особое внимание должно уделяться подросткам. Наибольшего эффекта в реализации этого направления, с точки зрения А. Л. Осипенко, можно достичь в результате: постановки лиц, склонных к совершению преступлений, на оперативно-профилактический учет, проведения индивидуальных бесед, а также воздействия на них через ближайшее окружение, при котором демонстрируется осведомленность оперативных сотрудников о преступных намерениях профилактируемых лиц. Автор исследования обоснованно полагает, что важное место в системе оперативно-розыскной профилактики должна занимать информационно-аналитическая деятельность, обеспечивающая получение зна-

ний о криминальных процессах в национальном сегменте глобальных сетей, их причинах и условиях, разработку упреждающих мер по нейтрализации прогнозируемых негативных факторов.

Таким образом, А. Л. Осипенко в сжатой форме изложил собственный подход к осуществлению мер оперативно-розыскной профилактики сетевых компьютерных преступлений. Вместе с тем необходимо заметить, что оперативно-профилактический блок исследования было бы логичнее рассмотреть до изложения проблем раскрытия преступлений. Подобная рекомендация связана как с аксиоматическим тезисом о том, что нельзя предупреждать совершенное преступление, так и законодательной постановкой задач ОРД. Следует заключить, что в представленном исследовании на основе комплексного изучения проблем борьбы с преступностью в глобальных компьютерных сетях с позиции оперативно-розыскной науки предложено решение крупной научной проблемы – разработка системы научного знания, раскрывающего закономерности ОРД в сетевой среде. Теоретические выводы А. Л. Осипенко образуют авторскую концепцию указанной деятельности и формируют самостоятельное направление в теории ОРД.

В этой связи актуальной является точка зрения профессора В. М. Баранова, согласно которой в современный период требуется приступить к формированию новых специализированных проблемных школ, которые обнаружат и первыми «застолбят» перспективные и способные «родить» инновационный продукт научные направления в области оперативно-розыскного и правового обеспечения борьбы с правонарушениями (Баранов В. М. Указ. соч. С. 8).

Библиографический список

1. Баранов В. М. Специализированные проблемные научные школы как высокоэффективное средство обеспечения экономической безопасности России / В. М. Баранов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : вестн. Нижегород. акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – 2007. – № 7.
2. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью в глобальных компьютерных сетях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Анатолий Леонидович Осипенко. – Омск, 2010.
3. Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография / А. Ю. Шумилов. – М., 2007.

References

1. Baranov V. M. Specialized Problem Scientific Schools as a Highly Effective Method of Ensuring the Economic Safety of Russia / V. M. Baranov // Economic Safety of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Ensuring : the Bulletin of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2007. – № 7.
2. Osipenko A. L. Crime Detection Activity of Internal Affairs Agencies in the Struggle Against Crimes in Global Computer Networks / Anatoliy Leonidovich Osipenko. – Omsk, 2010.
3. Shumilov A. Yu. The Phenomenon of Scientific Schools of Professional Investigation / A. Yu. Shumilov. – M., 2007.

В. Н. Бойко,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

V. N. Boiko,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

**ПРЕДЕЛЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СВОБОДЫ ГРАЖДАН.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЮРИДИЧЕСКИ ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Limits of Subjective Freedom of Citizens. Justice as a Legally Valuable Component
in the Balance of Interests between the State and Civil Society**

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы связи системы гражданского права, пределов субъективной свободы граждан и справедливости как юридически ценностного компонента баланса интересов государства и гражданского общества.

Ключевые слова: система гражданского права, пределы субъективной свободы граждан, справедливость, юридически ценностный компонент.

Abstract. The article examines theoretical issues of connections within the system of civil law, limits of subjective freedom of citizens and justice as a legally valuable component in the balance of interests between the state and civil society.

Key words: the system of civil law, limits of subjective freedom of citizens, justice, legally valuable component.

Классическое определение понятия системы, по мнению Г. А. Спиркина, включает в себя «целостную совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое» (Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1965. С. 161).

Стройное здание правовой системности можно образно представить, по верному предложению Д. А. Керимова, следующим образом: от основания (системы многообразных правовых норм) через промежуточные «этажи» (система институтов и отраслей права) к его вершине (система права) (Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000. С. 253).

Образный подход к восприятию системы гражданского права демонстрирует и А. В. Волков, который представляет всю систему гражданского права в виде «паутины»: где любое затронутое нами субъектное право, «паутинка его сущности» неизбежно направляется к центру, к единой общей цели гражданского права – справедливо на началах равенства регулировать жизненные интересы людей и не допускать межличностных конфликтов. По его мнению, которое полностью укладывается в современное видение проблемы, отдельно взятая норма или правомочие, которые обычно используются в качестве средства для злоупотребительного действия, являясь только лишь элементом правовой системы, сами по себе, взятые изолированно, не в состоянии полноценно воздействовать на общественные отноше-

ния, так как норма гражданского права устанавливает только примерный масштаб поведения. Именно норма гражданского права предоставляет субъекту, оказавшемуся в типичной ситуации, все возможные субъектные права и обязанности (Волков А. В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград, 2007. С. 134).

Однако всех жизненных ситуаций, как показывает опыт, не может вместить ни одна правовая норма, поэтому в ней воплощен только родовый тип общественного отношения. Ни один закон не сможет охватить всего бесконечного развития не только житейских отношений, но и успеть за развитием общества в целом (Керимов Д. А. Указ. соч. С. 254).

Вывод из всего сказанного достаточно прост – сегодня любое субъектное право может эффективно реализоваться только в единой правовой системе и в неразрывной связи с общественными отношениями в государстве и вырабатывающимися в рамках этой системы новыми, современными правовыми целями и ценностями. Сами субъектные гражданские права, безусловно, подвержены влиянию правовой системы современного государства, которое не дает гражданину обратить эти права в произвол.

В связи с этим целесообразно обратиться к внутреннему содержанию сущности пределов субъективных прав, так как сегодня именно они несут в себе гораздо больше, чем просто внешние (нормативные) границы тех или иных дозволений. Говоря о так называемом кантовском мире должного, в рамках реализации субъективного права нам необходимо понять причины того, почему сегодня нарушитель сознательно отсекает

этот «мир добра и справедливости» и что движет его измененным сознанием.

Современные правовые идеи и принципы гражданского права создают ту тонкую юридическую материю, где и проявляются все системные связи. Злоупотребление правом можно рассматривать не только, как предлагает А. В. Волков, в качестве «системного сбоя» (Волков А. В. Указ. соч.), поскольку такой «системный сбой» одного из элементов системы возможно легко заблокировать другими системными средствами. Однако в условиях сегодняшней реализации гражданами своих субъектных прав, когда злоупотребление правом со стороны управомоченных лиц носит уже постоянный характер, следует говорить о необходимости поиска путей для восстановления целостности всей государственной гражданско-правовой системы.

В рамках понимания системности гражданского права нужно обратиться к поиску внутренних нравственных причин этого «системного сбоя», которому могут быть даны объяснения после дачи правовой оценки намерения субъекта, которое формируется под воздействием намеренных им эгоистических целей злоупотребительного поведения. Внутреннее намерение субъекта реализуется в момент выбора им незаконной цели, через «сбой в функциях объектного права», вырванных из стройной системы гражданского права. В данном случае право выступает не самоцелью, а средством реализации интереса субъекта. Только осознав свое право, используя его для реализации истинно законного интереса, можно говорить о том, что гражданин реализовал свое субъектное право правомерно или сознательно использовал его не по предназначению.

Мы подходим к новому пониманию уже известных главных ценностей, которые формируют непосредственно человеческое поведение в обществе. Эти идеи и ценности составляют сегодня фундамент гражданского права. Правовой смысл окружающей нас системы не определяется только «мерой дозволенного управомоченному лицу поведения». Деятельность человека всегда определяется конкретными ценностями и целями, уже сформировавшимися в обществе. Назовем их системными понятиями, без которых невозможна целостность субъективного права в принципе: это честность, добросовестность, уважение и соблюдение прав других лиц.

Вопрос о пределах субъективной свободы является одним из наиболее важных и сложных вопросов в правопонимании. Каждый человек свободен, но свобода не бесконечна. О «правовом ограничении свободы» в обществе достаточно точно высказался исследователь права И. А. Ильин, который писал: «Свобода каждого человека

простирается до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе» (Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собрание соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 83).

Интересен в этом плане государственный подход к решению проблемы, разработанный немецкими правоведами. Предлагаемая формула «адекватного баланса интересов» (Лерхе П. Пределы основных прав // Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 234–240) при установлении пределов субъективных прав личности и государства приобретает сегодня для российского правопонимания не только научный, но и практический интерес. Речь идет о цивилизованном разрешении конфликтов интересов различными субъектами права. В целях недопущения конкуренции норм права пределы субъективных прав всех заинтересованных сторон сегодня нужно определять через разумный, пропорциональный и соразмерный баланс интересов. Все это позволит создать справедливый баланс интересов личности и современного государства, где на одной чаше весов находятся интересы добросовестной и разумной деятельности граждан, а на другой – то, что мы понимаем под интересами справедливого государства. Лишь в этом случае удовлетворение субъектом своего субъективного права, гарантированного Конституцией Российской Федерации и законом, будет обеспечено реальной правовой защитой со стороны государства как субъекта права, тогда можно говорить о реальном сближении их позиции и интересов.

Любая деятельность человека в обществе определяется через реально провозглашенные системные ценности и социальные цели, названные обобщенно Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым «нравственными ориентирами, которые делают нас всех единым народом: свобода личная, индивидуальная и свобода национальная и справедливость для простого человека, а также добиваемая достойного места для всей нации в целом» (Медведев Д. А. Современное государство и глобальная безопасность // Рос. газ. 2009. 15 янв.).

Законопослушание возникает в обществе не на ровном месте, а в процессе осознания субъектом своего отношения ко всем основополагающим идеям и ценностям права, в том числе и гражданского права.

Пределы осуществления гражданских прав в конкретном правоотношении для субъектов, в понимании «носителей этих нравственных ценностей» определяются через назначение субъективного права гражданина. Нельзя, например,

будучи законопослушным собственником земельного участка, возводить на нем забор, тем самым препятствуя свободному проходу соседей по участку к их собственности, а следовательно, нарушать закон, права и интересы других лиц.

Никакой правовой ценности для определения пределов в себе не несут действия, если в их системе отсутствуют назначение, субъект и объект приложения права. Назначение субъективного права и назначение объекта располагаются в разных полях, причем первое в правовом, а второе в экономическом. Налицо путаница в этих системных понятиях, которую нельзя избежать без должного осмысления лицом принадлежащего ему права с учетом общественно значимых интересов. Казалось бы, внешне право реализуется субъектом как раз в соответствии с его объектным назначением, но при существующей скрытой цели, нарушающей как раз все озвученные ранее нравственные ориентиры, выдвигая на первый план эгоистичное начало субъекта под видом субъектного права, вставая на путь злоупотребления правом.

Пределы субъективной свободы могут носить как объективный, так и субъективный характер. Поскольку объективные пределы очерчиваются законодательством, а субъективные пределы своего поведения разумно и добросовестно определяет сам носитель субъективного права, возникает вопрос об осознании понятия «всеобщность закона», который с озвученной ранее законной целью и обязанностью добросовестного правоосуществления имплицитно составляет структуру любого субъективного гражданского права.

Возвращаясь к современному пониманию законодательных границ и пределов субъективных гражданских прав, требуется философски «подвести единичное под всеобщее», так как никакой запрет не может охватить все жизненные ситуации. Нарушение границ права и границ пределов осуществления – это сегодня уже не одно и то же. Они соотносятся как частное и общее или как форма и содержание.

Системно-целевое и внутреннее ценностное юридическое толкование субъектом своего поведения, о котором мы говорим, это уже не границы, очерченные законодателем, а именно пределы, установленные через перечисление известных внутренних нравственных и социальных ориентиров.

Классическое системное понимание для исследователей сущности пределов субъективного права и пределов его осуществления дал в отечественной науке профессор В. П. Грибанов. Он обосновал мнение о том, что само объективное право и действия по его осуществлению представляются в виде соотношения возможности и действительности, общего и конкретного, объек-

тивного и субъективного (Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 44–46).

С позиции современного видения этих закономерностей исследователь Л. Д. Воеводин, раскрывая значимость социально-правовой сущности пределов осуществления субъективных прав, писал о том, насколько важно наряду с установленными государством нормами правовых и моральных запретов установить, какие еще существующие в обществе социальные ценности служат критериями для определения границ дозволенного государством поведения (Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997).

Для полноты исследования темы справедливости и закономерностей определения пределов осуществления субъективного права важно исследовать сложившиеся в конкретный исторический период модернизации государственной системы в обществе новые социальные ценности и объективные критерии, составляющие в современных условиях баланс государственной воли и нравственности общества.

Общеизвестно, что нет и никогда не было единых общечеловеческих критериев понятия справедливости¹, и они всегда исторически и социально обусловлены. Понимание проблемы справедливости возникает тогда, когда обществу становится понятно, каким образом власть осуществляет распределение выгод и тягот в обществе посредством права, где и как она расставляет приоритеты. Именно это властное распределение в отношении «умелого собственника» нарушило хрупкий баланс между гражданином, обществом и государством, важность которого уже сегодня несомненна для руководства страны и гражданина.

Отметим, что на пути к рынку было законодательно озвучено то, что главной задачей государства является обеспечение экономической свободы собственности собственников в условиях стойкого отказа от государственного патернализма. Однако неоспариваемый никем вывод Аристотеля о том, что «справедливость – высшая ценность в праве», актуален и сегодня, а все остальные (ценности) «действуют только во благо страны и народа». Понятие справедливости у не-

¹ Справедливость представляет собой категорию морально-правового и социально-политического сознания, понятия о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Справедливость подразумевает требование между практической ролью человека или социальной группы в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость (Философский словарь. М., 1996).

го неразрывно связано с понятием государства, и право служит главной регулирующей нормой политического общения.

Интересен взгляд на свободу для всех английского философа Исайи Берлина: «Свобода для волков означает смерть для овец». Именно государство просто обязано отделить «овец от волков», ибо все мы не овцы и живем в цивилизованном обществе, а не в джунглях. К сожалению, в царстве свободы ловких и смелых гораздо меньше, чем людей, способных отстоять свои интересы на действительно достойную и счастливую жизнь (URL: <http://www.libertynews.ru/node/642>).

Актуальна в этом плане точка зрения относительно критериев справедливости цивилизованного западного общества, представленная американским философом Джоном Ролсом. Он считал несправедливым даже ценностный либеральный «принцип равных возможностей» в пользу справедливой государственной поддержки наиболее незащищенных слоев общества, переводя ее уже исключительно на уровень индивидуума, отдельно взятого человека. Государство не в состоянии всегда и везде помогать всем и вопрос стоит только о мере избирательной поддержки наиболее обделенных (Кара-Мурза С. Что такое справедливость в России сегодня? // РФ сегодня. 2009. № 1).

Легальность права и справедливость законов – отнюдь не одно и то же, поэтому необходимо уйти от абсолютизации только буквы закона, выхолащивая его дух. Сегодня возможность принятия плохих и несправедливых законов еще обусловлена отсутствием системности и теми внутренними нравственными пределами и искаженным либеральным правопониманием, которые пока имеются у властных лиц всех ветвей власти. Плохие законы – безусловно, меньшее зло, чем беззаконие, но они касаются всех и разрушительно действуют на сознание людей.

На современном этапе глобализации для развития общества и государства необходим целенаправленный поиск наиболее адекватных и эффективных средств регулирования общественных отношений. По мнению профессора М. Н. Марченко, «сегодня на глобальном и региональном уровнях, несмотря на сугубо формальный характер многих правовых и неправовых принципов, опосредующих разнообразные отношения, складывающиеся между различными субъектами – участниками глобализации, фактом остается то, что общие принципы, а не конкретные нормы занимают все большее место и играют все более активную роль в системе регулятивных средств, выступают главными регуляторами общественных отношений» (Марченко Н. К. Об основных тенденциях развития права // Государство и право. 2009. № 6. С. 7–8).

К таким относятся общеправовые принципы равенства, гуманизма, в том числе и известный принцип справедливости. Тенденция более широкого распространения и признания роли философского принципа справедливости в правовом регулировании в период глобализации очевидна, и с этой позицией нельзя не согласиться.

На практике подтверждается «аксиологический взгляд» профессора В. Н. Жукова, считающего, что «в реальной действительности, в реально функционирующем сознании грань между предметными и субъектными ценностями очень подвижна и относительна» (Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 24–30).

Человеческая деятельность в основном носит целеполагающий характер. Выбор целей не хаотичен, он предопределяется условиями жизни людей. Ценности не просто определяют выбор целей, они выступают важнейшими ориентирами для развития гражданского общества, к которым государство возвращается в данный исторический момент. Безусловными базовыми юридическими ценностями являются государство и право. Однако есть и привходящие ценности, оцененные сквозь призму юридико-властной деятельности. Например, свобода и справедливость, рассмотренные в свете юридико-властной деятельности становятся сегодня в России юридическими ценностями, заявленными официально властью. Между тем справедливость и свобода, как мы знаем, – ценности философские, этические, которые приобретают юридический характер только исключительно в контексте взаимоотношений государства и права и исследуемого нами баланса интересов государства и гражданского общества.

В зарубежной и отечественной правовой литературе давно сложилась традиция рассматривать справедливость, равенство или свободу в качестве основополагающих юридических ценностей. Так, с точки зрения академика В. С. Нерсисянца, справедливость, равенство и свобода – это и есть само право в его всеобщей общезначимой (и в этом смысле абсолютной) форме (Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 58–59). Евразиец Н. Н. Алексеев считает справедливость основной правовой ценностью потому, что она, являя собой некое объективное идеальное начало, привносит в сознание личности представление о должном порядке (Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 111–114, 119). Видимо, истина балансирует где-то посередине, где юридические цели государства пересекаются с высшими духовными запросами человека, на стыке правового и социального.

Как отмечал Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, свобода и справедливость – это

не только политические лозунги, но и философские социальные категории, но самое главное – это человеческие чувства. Человек на личном уровне чувствует несвободу и несправедливость. Однако сказать: «Я свободен», – может не каждый в связи с тем, что в нашем обществе широко распространены так называемые патерналистские настроения – уверенность, что кто-то (государство либо кто-то другой) решат проблему за тебя. Это очень удобная позиция, но она опасная. «К счастью, все большее количество граждан в нашей стране рассуждает иначе и полагается не только на государство, а прежде всего на себя...» (Мед-

ведев Д. А. Выступление на пленарном заседании Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» // Рос. газ. 2010. 10 сент.).

Значение человеческого фактора, нового субъектного понимания носителями своих прав и обязанностей своего места, роли и законного интереса отдельно взятой личности в реализации общественно значимых задач модернизации важно для привлечения граждан к активному участию в решении государственных задач, которые неосуществимы на практике без участия гражданского общества.

Библиографический список

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. – М., 1997.
2. Волков А. В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами» / А. В. Волков. – Волгоград, 2007.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Общее учение о праве и государстве / И. А. Ильин. – М., 1994.
5. Лерхе П. Пределы основных прав / П. Лерхе // Государственное право Германии. В 2 т. Т. 2. – М., 1994.

References

1. Voevodin L. D. Legal Status of an Individual in Russia / L. D. Voevodin. – M., 1997.
2. Volkov A. V. Theory of the Concept «Civil Rights Abuse» / A. V. Volkov. – Volgograd, 2007.
3. Griбанov V. P. Realization and Protection of Civil Rights / V. P. Griбанov. – M., 2000.
4. Ilin I. A. Collection of Scientific Papers. In 10 vol. Vol. 4. General Study of Law and State / I. A. Ilin. – M., 1994.
5. Lerhe P. Limits of Basic Rights / P. Lerhe // State Law in Germany. In 2 vol. Vol. 2. – M., 1994.

А. В. Бяткиев,
 аспирант факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 ВЮИ ФСИН России

A. V. Byatkiev,
 post-graduate student of the Faculty
 of Research and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Pretrial Agreement: Problems of Application

Аннотация. Статья посвящена введению в Российской Федерации особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое вызвано необходимостью расширения возможностей использования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в противодействии организованной преступности, коррупции, а также расследовании деятельности преступных сообществ. В ней анализируются основные проблемы применения данного института в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Ключевые слова: досудебное соглашение, соглашение о сотрудничестве, обвиняемый, потерпевший, соучастник преступления, особый порядок, сокращенное судопроизводство, преступление, борьба с коррупцией.

Abstract. The article is devoted to the implementation in the Russian Federation of a special order during passing of a judgement when concluding a pretrial agreement on cooperation. This is caused by the necessity of widening the opportunities of the use of norms of criminal and criminal procedural law in combating organized criminality, corruption, and investigation of criminal organizations activities as well. It handles the main problems of implementation of this institution in the criminal proceedings of the Russian Federation.

Key words: pretrial agreement, agreement on cooperation, accused, victim, accomplice to a crime, special order, accelerated court procedure, crime, fight against corruption.

Идея о возможности «сделки с правосудием» для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений, давно зрела в обществе. В законодательном закреплении данного положения были заинтересованы многие, прежде всего правоохранительные органы. Опыт других государств (например, США, Великобритании и Франции), где соглашение о сотрудничестве применяется уже давно и его заключение влечет еще более упрощенную форму производства расследования и принятия судебного решения, также свидетельствует об эффективности данного института. Наибольшее распространение сделки о признании (англ. – plea bargain) получили в уголовном процессе США. Сделки обычно заключаются на переговорах между обвинителем и адвокатом, но чаще всего без участия потерпевшего. В дальнейшем суд на основе такой сделки выносит приговор. Главная цель сделок о признании – это быстрее разрешение конфликта в целях процессуальной экономии, а также смягчение грозящего наказания. И то, и другое может быть весьма далеко от интересов достижения истины по делу.

В отечественном уголовно-процессуальном праве до 2009 г. соглашение о признании вины в явной форме отсутствовало. Только Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2009. 3 июля) в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ) введена новая гл. 40.1, предусматривающая особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Введение в Российской Федерации особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вызвано в первую очередь необходимостью расширения возможностей использования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в противодействии организованной преступности, коррупции, а также расследовании деятельности преступных сообществ. В целях повышения результативности в раскрытии и расследовании «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ урегулирована возможность привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты. При этом закон определяет характер и пределы участия обвиняемого (подозреваемого) в раскрытии и расследовании преступления, изоляции других соучастников, розыске имуще-

ства, добытого преступным путем. Важность появления новой главы в УПК РФ обусловлена новым содержанием некоторых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ).

Так, согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ при наличии следующих условий:

- имеются обстоятельства, указывающие на то, что лицо, совершившее преступление, активно способствовало раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;
- отсутствуют обстоятельства, отягчающие наказание.

Кроме того, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Государство, признав на законодательном уровне правомочность соглашения о сотрудничестве, взяло на себя обязательства по обеспечению мер безопасности не только подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено такое соглашение, но и его родственников. На данных лиц в полном объеме распространяется действие Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Парламент. газ. 2004. 28 авг.).

Данный институт – не новинка в уголовном судопроизводстве России. В УПК РФ уже была предусмотрена возможность разрешения дела по ходатайству обвиняемого с помощью соглашения об упрощении судебной процедуры – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40). Обвиняемый вправе заявить о согласии с обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения в общем порядке судебного разбирательства. Взамен закон устанавливает ограничение на максимальный размер наказания, которое может быть назначено обвиняемому. Оно в этом случае не может пре-

вышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение данного преступления.

При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве речь идет не просто о согласии обвиняемого с обвинением, а о более значительной степени его взаимодействия с органами предварительного следствия и правосудия, которая носит характер активного сотрудничества. Согласно определению, данному в п. 61 ст. 5 УПК РФ, оно представляет собой договор между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Сущность такого соглашения состоит в том, что подозреваемый или обвиняемый берет на себя обязательства оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в обмен на существенное снижение наказания в соответствии с положениями ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ.

Вместе с тем необходимо отметить ряд проблем, которые могут возникнуть при практическом применении данной новации. Несмотря на то, что в законе нет ограничения по степени тяжести для применения положений гл. 40.1 УПК РФ, форма расследования предусмотрена только одна – предварительное следствие (ст. 317.4 УПК РФ). Однако подозреваемого, в отношении которого проводится дознание, никто права на заключение соглашения не лишил. Следовательно, по таким делам придется вместо дознания (упрощенной формы расследования) проводить более сложное предварительное следствие. Органы, не имеющие в своих структурах следственных подразделений, будут вынуждены передавать подобные дела прокурору, а прокурор в свою очередь направлять их следователям. Это существенно замедлит процедуру, усложнит ее.

Кроме того, в УПК РФ вообще не предусмотрено, как должен дознаватель реагировать на ходатайство подозреваемого о заключении досудебного соглашения. Часть 3 ст. 317.1 УПК РФ гласит, что данное ходатайство подается прокурору через следователя, при этом дознаватель в статье не упоминается. В ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ говорится об утверждении прокурором обвинительного заключения, но ничего не сказано об обвинительном акте. Представляется, что законодатель необоснованно ограничил форму расследования только одним ее видом – предварительным следствием.

Часть 3 ст. 317.3 гл. 40.1 УПК РФ сама по себе не требует, чтобы досудебное соглашение о сотрудничестве было подписано всеми участниками процесса со стороны обвинения и защиты, а упоминает о его подписании лишь прокурором, подозреваемым или обвиняемым и его защитником. Между тем для вынесения судебного решения в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) требуется согласие потерпевшего, а при заключении соглашения о сотрудничестве о потерпевшем не упоминается вообще. Потерпевший даже не указан среди субъектов, обладающих правом обжаловать факт заключения соглашения, его содержание. Полагаем, что это создает условия для нарушения прав потерпевшего, принципов равенства сторон (ч. 4 ст. 15 УПК РФ) и не согласуется с требованием справедливости правосудия.

Законный материально-правовой интерес потерпевшего обычно состоит в назначении виновному справедливого наказания и полном возмещении вреда, причиненного преступлением. В свою очередь, справедливость назначаемого наказания зависит от его соответствия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам дела и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Нельзя не учитывать, что среди целей (назначения) уголовного судопроизводства закон называет в первую очередь защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Данное положение отнюдь неслучайно, ведь оно вытекает из приоритета прав человека над интересами государства, провозглашенного Конституцией РФ (ст. 1, 2, 17 и 18). Согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Данное право относится к числу неотчуждаемых конституционных прав человека и гражданина, а в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ст. 17, 55 Конституции РФ), в том числе, очевидно, и права потерпевших. При этом понятие доступа к правосудию не формально, что означает для потерпевшего не просто право присутствовать при осуществлении судебных процедур, но возможность заявлять и отстаивать свою позицию и защищать собственные права и интересы на основе полного равенства и с наибольшей эффективностью как в суде, так и в ходе досудебной подготовки дела.

В своем постановлении Конституционный Суд РФ указывал, что реализация общеправовых

принципов справедливости и юридического равенства при осуществлении судебной защиты в уголовном судопроизводстве предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов. В судебном разбирательстве сторону обвинения согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, помимо прокурора, представляет потерпевший. Необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела. Причем данная правовая позиция в полной мере относится к обеспечению права на судебную защиту потерпевших от преступлений (По делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и др. : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Рос. газ. 2005. 20 мая). Так, в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R(85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» подчеркивается необходимость в большей степени учитывать запросы потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса в соответствии с принципом предоставления ему права просить о пересмотре компетентным органом решения об отказе в возбуждении уголовного дела или права возбуждать частное разбирательство (преамбула, п. 7 раздела I.B.) ([URL: http://www.soprotivlenie.org/?id=42&cid=7&t=V](http://www.soprotivlenie.org/?id=42&cid=7&t=V)).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что правомерность заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым без волеизъявления и участия потерпевшего, предоставления ему возможности активно отстаивать свою позицию по делу в судебном разбирательстве, в том числе путем участия в исследовании доказательств, с точки зрения соблюдения конституционных требований и норм международного права весьма сомнительна. Принимая во внимание конституционное право на доступ потерпевшего к правосудию, условием заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым должно быть, на наш взгляд, согласие потерпевших от преступления, что также прямо вытекает и из законодательного определения данного соглашения, предполагающего участие в нем всех сторон (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

Из содержания статей 317.6 и 317.7 УПК РФ, регулирующих основания и порядок проведения судебного разбирательства, не вполне понятно, требуется ли согласие самого обвиняемого с предъявленным обвинением в случае заключения

соглашения о сотрудничестве и применении особого порядка принятия судебного решения. На наш взгляд, в этом случае получение согласия обвиняемого с предъявленным обвинением для вынесения судебного решения в особом порядке требуется, поскольку ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ предусматривает, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в целом проводятся в порядке, установленном ч. 4 ст. 316 УПК РФ, которая, в свою очередь, предусматривает наличие такого согласия.

Сравнительный анализ норм УПК РФ и УК РФ показывает, что применение института соглашения о сотрудничестве при правовом регулировании, данном Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, может встретиться с серьезными юридическими трудностями, которые потребуют внесения изменений в закон. Все дело в том, что в соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ судья постановляет обвинительный приговор с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ. В свою очередь, ч. 2 ст. 62 УК РФ предусматривает, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания лишь при отсутствии отягчающих обстоятельств.

Между тем согласно ст. 63 УК РФ к числу отягчающих обстоятельств относятся, например, и такие, как: наступление тяжких последствий в результате совершения преступления; совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества; особо активная роль в совершении преступления; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц; совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, специально изготовленных технических средств; с применением физического или психического принуждения и др. Принимая во внимание концептуальную направленность института соглашения о сотрудничестве на противодействие организованным формам преступности, раскрытие и расследование «заказных» убийств, бандитизма, коррупционных проявлений, подобные отягчающие обстоятельства типичны и встречаются

практически по всем делам, в которых предполагается применять данную новацию (Пояснительная записка Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству к Проекту ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) : внесена в Гос. Думу Федер. Собр. Рос. Федерации 29 окт. 2007 г. входящий № 1.1-12977. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Таким образом, сохранение в ч. 2 ст. 62 УК РФ такого условия для заключения соглашения и назначения сокращенного наказания, как отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, практически блокирует применение норм гл. 40.1 УПК РФ в мере, касающейся наибольшего количества преступлений, а именно тех, за которые уголовным законом не предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Интересен тот факт, что если за преступление могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, то для заключения соглашения о сотрудничестве и соответственно неприменения этих видов наказания действующим законом почему-то не предусмотрено такое условие, как отсутствие отягчающих обстоятельств (ч. 4 ст. 62 УК РФ). Более того, для лиц, совершивших эти особо тяжкие преступления, формально не исключается даже возможность полного освобождения от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, ст. 80.1 УК РФ).

Данное положение не согласуется с требованиями справедливости, правовой соразмерности и определенности. По нашему мнению, в ч. 4 ст. 62 УК РФ следует внести изменение по аналогии с ч. 4 ст. 65 УК РФ, указав при этом, что в случаях вынесения приговора с учетом исполненного обвиняемым соглашения о сотрудничестве отягчающие наказание обстоятельства судом не учитываются, либо, по крайней мере, могут не учитываться.

Как отмечает Д. П. Великий, в ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ мы находим ограничение на применение положений данной главы: «Положения настоящей главы не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности» (Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журн. рос. права. 2010. № 2. С. 84–90). Однако данная оговорка содержит некоторую неопределенность: должны ли у подозреваемого или

обвиняемого быть соучастники в совершении именно того преступления, по поводу которого заключено соглашение, или же он может рассказать следствию о других преступлениях других лиц, чтобы добиться для себя права на применение особого порядка? Формулировка «преступная деятельность», использованная в данной норме, не предполагает, что это должно быть обязательно то же преступление. Вместе с тем п. 1 ч. 2 этой же статьи устанавливает, что обвиняемый должен активно содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления. Таким образом, сомнений не остается: гл. 40.1 УПК РФ применяется только по делам о преступлениях, совершенных несколькими лицами (в соучастии, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом).

Почему государству невыгодно заключать подобные сделки с лицами, совершившими преступления в одиночку, не совсем понятно. Например, правоохранительные органы, задержавшие лицо по подозрению в незаконном хранении наркотических средств в особо крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК РФ), заинтересованы в том, чтобы найти поставщика, т. е. лицо, сбывшее задержанному данные наркотические средства. В этом случае пригодилось бы соглашение о сотрудничестве. Однако сбыт наркотических средств представляет собой иной состав преступления и предусмотрен ст. 228.1 УК РФ. В данной ситуации покупатель и продавец наркотических средств не являются соучастниками, так как они субъекты самостоятельных преступлений. Следовательно, заключение соглашения о сотрудничестве невозможно.

Кроме того, буквальное толкование рассматриваемой нормы (п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ) может привести к мысли, что соглашение касается только конкретного расследуемого (раскрываемого) преступления, поскольку слово «преступление» употреблено в единственном числе. Однако согласно положениям п. 3 ч. 1 ст. 317.5 и п. 3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ в представлении прокурора должны быть указаны, а в судебном разбирательстве исследованы преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым (подсудимым). Таким образом, положение п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ нужно рассматривать как минимально необходимое условие для того, чтобы суд применил особый порядок к лицу, заключившему досудебное соглашение.

Вызывает сомнение и правильность использования соединительных союзов в данном пункте.

Получается, что обвиняемый должен оказать содействие и в раскрытии, и в расследовании преступления. А если преступление к моменту заключения соглашения было раскрыто (при всей условности данного термина) и обвиняемый лишь помог процессуально собрать и закрепить доказательства, то формально суд не должен применять особый порядок. В связи с этим полагаем, что наряду с союзом «и» в данном случае необходимо употреблять союз «или».

Еще одно ограничение следует из положений ст. 317.5 (п. 2 ч. 1), 317.6 (п. 1 ч. 2) и 317.7 (п. 2 ч. 4) УПК РФ. Согласно указанным нормам соглашение возможно лишь по тем делам, в которых обвиняемый или подозреваемый помог разыскать имущество, добытое в результате преступления (надо полагать, имеется в виду преступление, ставшее основанием для заключения соглашения о сотрудничестве, а не какие-либо другие преступления). Если судья в этом не убежден, то он не придет к решению о применении особого порядка в данном случае.

Это ограничение уже игнорируется практиками. Так, следственными органами Следственного комитета при прокуратуре РФ по Кемеровской области в сентябре 2009 г. было впервые применено на практике досудебное соглашение о сотрудничестве. По уголовному делу, которое возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ (похищение человека), одним из обвиняемых было заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со стороной обвинения ([URL: http://www.pravo.ru/news/view/17025/](http://www.pravo.ru/news/view/17025/)). Вряд ли в этом случае речь шла о розыске имущества. Представляется, что и в вышеперечисленных нормах формулировки следует изменить таким образом, чтобы содействие в розыске имущества не было обязательным условием применения данного порядка.

Исходя из вышеизложенного, институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является эффективным средством борьбы с коррупцией и организованной преступностью, в связи с чем его необходимо применять во исполнение требований гл. 40.1 УПК РФ. При этом следует исключать факты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицами, которые не предоставят следствию сведения, не известные на момент заключения соглашения и не позволят получить дополнительные доказательства вины обвиняемых и иных соучастников преступления. Как будет формироваться судебная практика в тех или иных нюансах применения гл. 40.1 УПК РФ, покажет время. В заключение отметим, что данный институт требует дальнейшего совершенствования.

Библиографический список

1. Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д. П. Великий // Журн. рос. права. – 2010. – № 2.
2. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса : рекомендация Ком. Министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R(85) 11. – URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=42&cid=7&t=V>.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г.] : по состоянию на 19 мая 2010 г. // Рос. газ. – 2001. – 22 дек. ; 2010. – 21 мая.

References

1. *Velikiy D. P.* Pretrial Agreement on Cooperation in Russian Criminal Procedure / D. P. Velikiy // Journal of Russian Law. – 2010. – № 2.
2. On the Position of a Victim in Criminal Law and Procedure : recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe of June 28, 1985 № R(85) 11. – URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=42&cid=7&t=V>.
3. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation : [adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of November 22, 2001] : as in the version of May 19, 2010 // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – December 22 ; 2010. – May 21.

С. В. Владимиров,
 преподаватель кафедры уголовного
 процесса и криминалистики
 Самарского юридического института ФСИН России

S. V. Vladimirov,
 Lecturer of the Department of Criminal Procedure
 and Forensic Studies
 of Samara Legal Institute of the FPS of Russia

К ВОПРОСУ О ТИПИЗАЦИИ СВИДЕТЕЛЕЙ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

To the Question of Typification of Road Transport Incident Witnesses

Аннотация. В статье анализируются особенности личности типичных свидетелей дорожно-транспортного происшествия и причины неточности их показаний. Учитывая специфику восприятия свидетелями обстоятельств происшествия, автором предложена их классификация по различным признакам.

Ключевые слова: расследование дорожно-транспортных происшествий, свидетельские показания, классификация свидетелей.

Abstract. In the article the main features of typical witnesses of a road transport incident as well as the causes for the inaccuracy in their testimonies are examined. Taking into account the specificity of the perception of incident circumstances by witnesses the author offers to classify them according to various grounds.

Key words: investigation of road transport incidents, testimonies of witnesses, witnesses classification.

Научные труды, посвященные криминалистической характеристике дорожно-транспортных происшествий (далее: ДТП) или их видов, нередко ограничиваются рассмотрением личностных характеристик водителя и пострадавшего (Алексеев А. Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 15 ; Бибииков А. А. Противодействие расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2005. С. 17 ; Коленко А. Д. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений (на материалах Приморского края) : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 38–58 ; Кольчурун А. Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 17 и др.). Однако, на наш взгляд, рассмотрение данного вопроса было бы не полным, если бы анализу не подверглись характеристика личности типичного свидетеля – очевидца ДТП и механизм восприятия им обстоятельств происшествия. Несмотря на то, что очевидцы происшествия не принимали непосредственного участия в ДТП, тем не менее они являются участниками системы «водитель–автомобиль–дорога–среда», а в некоторых случаях могут повлиять на механизм происшествия и поведение водителя после аварии.

На формирование показаний очевидцев значительное влияние оказывают их субъективная оценка случившегося, психофизиологическое со-

стояние, а также условия наблюдения ДТП, что необходимо учитывать при определении тактики их допроса. В показаниях очевидцев ДТП может содержаться ценный доказательственный материал. В большинстве случаев они чаще всего наблюдают события в течение долей секунды, поэтому их восприятие обстановки ограничивается лишь частью фактов, характер и содержание которых зависят от субъективных особенностей свидетеля и условий наблюдения. Внимание очевидцев привлекают звуки резкого торможения, крик человека. Свидетель уже воспринимает событие, но еще не видит его. Давая показания, такие свидетели глубоко убеждены в том, что они видели события в полном объеме, хотя это результат их субъективной оценки и обобщения.

Имеют место и другие причины неточности свидетельских показаний. Речь идет о ситуации, когда свидетели в силу заинтересованности в исходе дела восприняли, осознали и объяснили обстоятельства и причины аварии иначе, чем было в действительности. Подобные свидетели открыто или подсознательно выступают на стороне потерпевшего. Если лицо шло рядом с потерпевшим, у него сложилось мнение, что он уцелел случайно. Под воздействием страха, который угнетающе действует на психику человека, он явно преувеличивает скорость движения автомобиля и внезапность его появления. Когда свидетели наблюдали событие из кабины или кузова автомобиля, попавшего в аварию, то они несколько преувеличивают внезапность возникновения опасности и неосмотрительность действий со стороны потерпевшего и окружающих лиц. Если же очевидцы не пострадали, то они порой склонны переоценивать действия водителя, направленные на предотвращение вредных последствий, но они могут сообщить и объективные све-

дения (Данилов Е. П. Автомобильные дела: Административные. Уголовные. Гражданские. Экспертиза. Комментарий законодательства. Адвокатская и судебная практика. Образцы документов. Справочные материалы. 3-е изд. М., 2000. С. 305–306).

Из показаний не заинтересованных в исходе дела свидетелей, наблюдавших событие с безопасной позиции, общая картина ДТП представляется более точно и полно, чем отдельные детали. Если освещенность, угол зрения и расстояние были удобны для наблюдения, то свидетели дадут полезную информацию об обстоятельствах происшествия. Яркость, высота, удаленность, размещение искусственного источника света в отношении объекта наблюдения, напротив, негативно влияют на правильное восприятие дорожной обстановки в темное время суток. В искаженном виде также представляется ситуация в свете фар автомобиля (Там же).

На восприятие очевидцем обстоятельств ДТП существенное значение оказывают и такие объективные факторы, как удаление от места наезда, условия освещенности, скоротечность ДТП. Важную роль в формировании показаний свидетеля играют и субъективные факторы, определяемые состоянием здоровья свидетеля (дефекты зрения, слуха), профессиональными навыками, возрастом и т. д.

Мы солидарны с мнением П. М. Зуева, который выделяет три группы типичных свидетелей. Свидетели первой группы сохраняют «нейтральное» отношение и к водителю, и к потерпевшему. В основе такой позиции лежит уверенность в том, что компетентные должностные лица сами правильно оценят ситуацию и примут справедливое решение. Такие свидетели охотно дают показания и отвечают на уточняющие вопросы.

Свидетели второй группы преувеличивают роль и значение действий водителя по предотвращению вредных последствий, считая возникновение ДТП результатом противоправных действий потерпевшего. Подчеркивая своевременность принятых водителем мер, они часто указывают на такие детали ДТП, о которых не могли знать. Нередко источником их осведомленности является рассказ водителя об обстоятельствах случившегося.

Свидетели третьей группы связывают причину ДТП только с действиями водителя. Они излишне подробно объясняют осторожность и осмотрительность потерпевшего, драматизируя некоторые обстоятельства. Такие ситуации особенно характерны при наезде на пешеходов (Зуев П. М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий : учеб. пособие. М., 1990. С. 34).

В. А. Мызников назвал выделенные П. М. Зуевым группы коротко, но довольно точно: ней-

тральная, сочувствующая и осуждающая (Мызников В. А. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 115). Кроме того, данный автор приводит и свою классификацию типичных свидетелей ДТП, объединяя их также в три группы.

К первой группе он относит лиц, которые наблюдали событие и хорошо его понимают. Ко второй группе относятся лица, которые наблюдали событие и плохо понимают его техническую сторону и отдельные элементы происшедшего. Эти группы объединяются в большую группу лиц, не имеющих мотивов для искажения существа дела в своих показаниях. Третью группу составляют лица, которые видели происшествие, понимают его, но заинтересованы в исходе дела в силу причастности к нему либо иной зависимости и способны исказить обстоятельства происшествия (Там же. С. 111). Данная классификация нам представляется несколько нелогичной, поскольку построена она бессистемно – одновременно по нескольким основаниям.

Следует отметить, что на организацию и тактику допроса свидетелей также влияет характер типичных сведений, известных им. В зависимости от предмета допроса А. П. Онучин выделяет следующие группы свидетелей. К первой группе он относит всех лиц, которые непосредственно воспринимали существенные обстоятельства ДТП. Вторую группу составляют лица, осведомленные об условиях и обстоятельствах, предшествовавших началу возникновения опасности в дорожном движении и развитию происшествия. В третью группу свидетелей включаются лица, вступавшие после ДТП в личный контакт с его непосредственными участниками, поэтому с их слов информированные о характере поступков, связанных с расследованием ДТП, и об обстоятельствах происшествия. В четвертую группу свидетелей входят лица, способные сообщить сведения, характеризующие личности участников ДТП, в особенности водителей транспортных средств, с точки зрения их психологических и профессиональных качеств (Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. Свердловск, 1987. С. 110). На наш взгляд, ошибочно полагать, что сведения о психологических и профессиональных качествах водителя играют в расследовании более важную роль, чем сведения о психофизическом состоянии пострадавшего пешехода. По делам о наезде транспортного средства на пешехода следователь обязан выяснить, имелись ли у пешехода заболевания опорно-двигательного аппарата, органов зрения и слуха, психические отклонения, иные личностные особенности, имеющие значение для дела.

Таким образом, основываясь на систематизации сведений о личности типичных свидетелей и принимая во внимание особенности восприятия ими обстоятельств ДТП, считаем возможным классифицировать их по следующим признакам.

1. Отношение к группе участников дорожного движения: свидетели, наиболее часто участвующие в дорожном движении в качестве водителя, пешехода, пассажира.

2. Продолжительность запечатлевания события ДТП и (или) его последствий: свидетели, которые сразу убыли с места ДТП, и свидетели, которые находились на месте ДТП после окончания его финальной стадии.

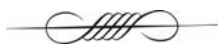
3. Степень риска, которому подвергся свидетель: лица, наблюдавшие ДТП из опасной зоны (как правило, пересекавшие проезжую часть вместе с пострадавшим пешеходом); из безопасной зоны (из кабины автомобиля, с тротуара, из окна дома и т. п.).

4. Сложившаяся оценка ДТП: свидетели, сохраняющие нейтральное отношение к водителю и пешеходу; сочувствующие водителю, в силу

чего несколько преувеличивающие роль и значение его действий по предотвращению наезда, подчеркивая при этом неосмотрительность действий пешехода; осуждающие водителя, преувеличивая степень и количество нарушенных им Правил дорожного движения, излишне подчеркивая осторожность пешехода.

5. Наличие профессиональных навыков в области организации дорожного движения: свидетели, которые правильно понимают характер сложившейся дорожно-транспортной ситуации и иных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, и неправильно понимают данные обстоятельства.

6. Предмет допроса: свидетели, непосредственно воспринимавшие обстоятельства ДТП, имеющие существенное значение для дела; осведомленные о событиях и условиях, предшествовавших ДТП; осведомленные о происходивших событиях и существовавших условиях после ДТП; способные сообщить сведения о личности и психофизиологическом состоянии участников дорожного движения.

Библиографический список

1. Данилов Е. П. Автомобильные дела: Административные. Уголовные. Гражданские. Экспертиза. Комментарий законодательства. Адвокатская и судебная практика. Образцы документов. Справочные материалы / Е. П. Данилов. – 3-е изд. – М., 2000.

2. Зуев П. М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий : учеб. пособие / П. М. Зуев. – М., 1990.

3. Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов / А. П. Онучин. – Свердловск, 1987.

References

1. Danilov E. P. Automobile Cases: Administrative. Criminal. Civil. Expert Examination. Legislation Comments. Advocate and Judicial Practice. Samples of Documents. References / E. P. Danilov. – 3rd ed. – M., 2000.

2. Zuev P. M. Methodology of the Investigation of Road Transport Incidents / P. M. Zuev. – M., 1990.

3. Onuchin A. P. Problems of Investigation of Road Accidents with Situational Factors Taken into Account / A. P. Onuchin. – Sverdlovsk, 1987.

А. Е. Воловин,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

A. E. Volovin,
applicant of the Faculty of Research and Teaching
Staff Training the Academy of Management
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ И ВИДАМ КОРРУПЦИИ

Theoretical and Methodological Approaches to the Essence and Types of Corruption

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретико-методологических подходов, в том числе взглядов ученых различных отраслей науки, на сущность феномена коррупции и ее виды.

Ключевые слова: коррупция, государственная коррупция, коррупционер.

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical and methodological approaches including the opinions of scientists working for different branches of science concerning the phenomenon of corruption and its types.

Key words: corruption, state corruption, corruptionist.

«Коррупция существует с древнейших времен в качестве одной из наихудших и в то же время широко распространенных форм человеческого поведения, которая наносит огромный ущерб работе государственного аппарата и обществу в целом. В особенности коррупция процветает в периоды авторитаризма, но и мировая демократия не позволяет исключить это явление из общества» (Курбатов Г. Л. Мировая коррупция и Россия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002. С. 241). Таким образом, история коррупции – это история человеческой цивилизации.

В переводе с латинского слово «коррупция» (*corruptio*) означает подкуп, порча. Еще в римском праве термин «*corruptio*» трактовался как «повреждать, ломать, разрушать, подкупать, растлевать» и означал противоправные действия в судебной практике. Он произошел от сочетания двух латинских слов: «*corruptio*» – несколько участников в одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета и «*ruptio*» – ломать, повреждать, отменять (Бартошек М. Римское право. Понятие, термины, определения. М., 1989. С. 93, 280). В результате этого сочетания образовался самостоятельный термин, который в римском праве предполагал участие в деятельности нескольких (не менее двух) лиц, целью которых являлась порча или повреждение нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества. Такое определение понятия коррупции актуально и в настоящее время, в том числе и для нашей страны.

Литература, посвященная коррупции, обширна и разнообразна, особенно иностранная. Только российскими учеными-правоведами за по-

следние 5 лет было опубликовано более 200 монографий, в той или иной степени связанных с данной проблемой. Между тем среди ученых нет единого мнения относительно этого явления.

Многие современные исследователи подчеркивают комплексный, системный характер коррупции, справедливо связывая данный феномен со всеми социальными процессами общества, обусловленными социально-политическими, демографическими, национально-психологическими и этническими особенностями конкретной страны или государства. Некоторые ученые рассматривают коррупцию как целостную, относительно самостоятельную, правовую науку и учебную дисциплину – корруптологию, вкладывая в это понятие «пути совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию» (Иванов А. М. Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию. Владивосток, 2002. С. 2).

Следствием актуализации проблемы коррупции в органах государственной власти и управления стала множественность различных направлений исследования данного феномена: институционально-правовое (достаточность законодательных и нормативных средств и методов противодействия коррупции), организационно-управленческое (функциональность в распределении властных полномочий и контроль за их использованием должностными лицами), аксиологическое (ценностные ориентации государственных служащих), этико-культурное (морально-нравственное состояние социально-профессиональной среды государственной службы) и др.

При этом политологи говорят о коррупции как о различных способах использования власти и политическом влиянии, оказываемом заинтере-

сованными лицами, группами, партиями, движениями на политические процессы в стране.

Юристы рассматривают коррупцию как отклонение от обязывающей правовой нормы, допускаемого произвола при осуществлении полномочий и незаконного использования государственных ресурсов. Коррупция чаще всего определяется ими как «действия официального или доверенного лица, которое незаконно или неправомерно использует свое положение или действия по получению прибыли для себя или другого лица, действуя против интересов и прав других». Коррупция является наиболее латентным видом преступности, поскольку носит конфиденциальный и скрытый характер, и, как правило, не влечет за собой жалоб в правоохранительные органы, так как обе стороны достигают поставленных перед собой целей (Конев А. А. Основные криминологические характеристики латентной преступности. Омск, 1980. С. 30 ; Лунеев В. В. Коррупция учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 79 ; Максимов С. В. Закон о борьбе с коррупцией // Законность. 1992. № 3–4. С. 27 и др.).

Социологи видят в коррупции прежде всего «социальное отношение», которое выражается в нарушении принятых в обществе норм обязательного поведения и социального благополучия. Коррупция определяется ими как «порабощение общественных отношений, где два или более лица совершают подмену отношений путем успешной трансформации денег или власти, обходя предусмотренные законом процедуры и подменяя их личными отношениями» (Defleur M. Corruption, Law and Justice // Journal of Criminal Justice. 1995. № 23. P. 243) или как отношение «клиент–хозяин».

Специалисты в области государственного управления понимают под коррупцией злоупотребление государственными ресурсами и использование государственных структур для достижения частной прибыли вопреки существующим нормам (Gaiden G. & Gaiden N. Administrative Corruption // Public Administrative Review. 1997. № 37. P. 301–302). Объясняя причины коррупции недостаточным уровнем оплаты труда государственных должностных лиц, монополией на предоставление услуг общего пользования, большей свободой действий, слабой системой финансового контроля, чрезмерным регулированием и избытком процедур, отсутствием внутренней культуры и этических правил государственной службы, они отмечают, что коррупция не позволяет рационально сформировать и реализовать государственную политику (Schaffer B. Access: A Theory of Corruption and Bureaucracy // Administration and Development. 1986. № 6. P. 337).

Некоторые исследователи-экономисты считают коррупцию социальным явлением, представляющим к тому же особый вид обменных отношений.

Применительно к интересам общества ряд авторов рассматривает коррупцию как важный источник формирования капитала, который может поддерживать гибкость и эффективность рынка и развивать предпринимательство. Другие, основываясь на результатах анкетных опросов и бесед с бизнесменами, полагают, что политическое недоверие (отсутствие веры в стабильность проводимого правительством курса) наносит гораздо больший вред, чем коррупция, которую они расценивают «скорее как переменные издержки, чем как фактор неопределенности», которые разделяют коррупцию на различные формы, предполагают, что некоторые формы, несмотря на широкое распространение, не могут слишком повредить всей экономике.

В этом смысле коррупция не ограничивается государственным сектором, а в рамках этого сектора – бюрократическим аппаратом администрации. Она не ограничивается дачей и получением взяток. Коррупция принимает различные облики и существует при любых формах правления, включая хорошо развитые демократические государства. Коррупция в той или иной форме может существовать в любом сообществе; большое влияние на ее уровень и область применения оказывает система управления. «Системы могут коррумпировать людей в той же степени, если не в большей, в какой люди способны коррумпировать системы» (Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 34–35).

Таким образом, государственная коррупция существует постольку, поскольку чиновник может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений. Недаром одно из общепринятых в мировой практике определений коррупции характеризует ее как отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды (Большой толковый социологический словарь : [пер. с англ.]. М., 2001. Т. 1. С. 332).

Известный французский деятель эпохи Просвещения Ш. Монтескье писал по этому поводу: «Известно по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею...» (Монтескье Ш. Избранные сочинения. М., 1955. С. 289).

Ряд авторов на основе анализа документов, отечественной и зарубежной практики отмечают, что *коррупция* – это прежде всего система отношений, основанная на противоправной деятель-

ности должностных лиц в ущерб государственным и общественным интересам. Как социальный феномен коррупция охватывает все формы злоупотреблений, при которых должностные полномочия используются в личных целях, а цели не обязательно могут быть материальными (Цаплин А. В., Бакушев В. В. Коррупция: тенденции в мире и России. М., 2000. С. 11).

Помимо российского опыта, определенный интерес представляют исследования коррупции, проведенные зарубежными учеными. Анализ этих трудов позволяет сделать вывод об использовании ими совершенно иного подхода при освещении данной проблемы. В основе их взглядов лежит представление о том, что коррупция есть «девиантное политическое поведение, выражающееся в нелегитимном использовании господствующей политической элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти или обогащения» (Цит. по: Шабанин В. А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С. 46).

Принципиальное отличие западного подхода от российского состоит в том, что коррупция в нем увязывается не только с корыстными действиями отдельных лиц или групп, но и с существующей политической системой. При этом основным участником коррупционных отношений выступает господствующая *политическая элита*, представляющая собой привилегированный слой общества – ограниченный круг лиц, активно влияющих на происходящие социальные процессы посредством использования механизма политической власти, где действия коррупционеров часто лежат вне правовых отношений (Тарусина И. Г. Элитисты и плюралисты в современной политической теории // Полис: политические исследования. 1997. № 4. С. 148).

Выделив данную социальную страту в качестве основного участника коррупционных отношений, зарубежные ученые отметили, что особые ценности, взгляды на *власть* и *государство*, развитие страны и мира создают у политической элиты свое мировоззрение, весьма далекое от общественного, которое можно назвать идеологией общественного меньшинства.

При общей положительной оценке такого подхода следует сказать о слабости выражения в нем правового аспекта проблемы коррупции. Он более близок к современной политологии и социологии, чем к правоведению.

Ученые говорят об одной из особенностей связи узурпированной коррупционерами государственной власти с существующим в обществе позитивным правом (Там же). Она заключается в деструктивно-изменяющем воздействии коррупции на взаимосвязанные между собой социальные явления – власть и право, что объясняется двумя при-

чинами. Во-первых, узурпированная власть, принимая нормативные акты, придает им всеобщую нормативность и общеобязательность, а судебные акты и юридические решения подкрепляет возможностью использования государственного принуждения. Содержащиеся в них правовые установки, легализирующие корпоративные интересы определенных социальных групп, отличаются внутренним содержанием от уже существующих норм права, нередко противоречат им, в результате чего не отвечают главному социальному предназначению права – его социальной справедливости, заложенным в нем гарантированности свободы поведения членов социума и объема их юридических обязанностей. Трансформирующаяся под влиянием коррупции государственная власть, выступая гарантом принимаемых правовых установок, осуществляет перераспределение властных полномочий и средств воздействия в пользу подконтрольных коррупционерам представителей власти или структур. В этой связи можно говорить о том, что коррупция в своем стремлении к аккумуляции государственной власти, контролю над ней сталкивается с мощным препятствием – правом, мешающим ей в достижении своих целей. В связи с этим единственным способом коррупционеров преодолеть это противостояние является их осознанное стремление к негативной трансформации права, что соответственно ведет к перерождению государства.

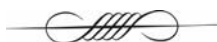
В то же время не следует полагать, что возникновение коррупции возможно лишь в обществах с классовым или социально-групповым противостоянием. В некоторой степени она свойственна демократическому обществу, где социальное противостояние практически не выражено. В подтверждение приведенного тезиса свидетельствуют факты, доказывающие существование во многих демократических странах Западной Европы и Северной Америки проблемы коррупции, поэтому ее не стоит жестко увязывать с существующими авторитарными формами политического режима, несмотря на то, что между ними прослеживается некоторая взаимосвязь. Применительно к данному аспекту разница между демократической и недемократической формами правления заключается в соотношении используемых методов убеждения и принуждения. Несмотря на то, что демократическому обществу более свойствен метод убеждения, использование им метода принуждения также полностью не исключается и представляет собой почву для возможных злоупотреблений.

Таким образом, в обществах с демократическим и недемократическим политическим режимом при осуществлении государственной власти всегда присутствует элемент государственного принуждения в виде насильственного воздейст-

вия полномочных органов и должностных лиц государства по отношению к участникам общественных отношений с целью принудить их действовать в соответствии с волей властвующего субъекта. При этом социальные группы, общности, чьи интересы в данный момент возведены в ранг государственных, имеют возможность злоупотребления государственным принуждением при достижении своих целей.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в определении коррупции необходимо учесть два основополагающих момента: лицо должно быть должностным и использовать либо свой статус должностного лица, либо вытекающие из него возможности для придания приоритетного характера отношениям с отдельным ли-

цом или лицами в противовес другим лицам. В связи с этим **понятие коррупции охватывает такое незаконное использование должностным лицом своего статуса или вытекающих из него возможностей, которое создает принципиальную возможность и реальность влияния этого лица на других лиц в целях получения личной выгоды.** В данном определении фиксируется приоритет интересов одних лиц над интересами других. Появление этого ничем не обоснованного преимущества и есть изначальный показатель коррупционного поведения должностного лица, которое это допустило. Такое понимание коррупции позволит точнее определить границы правового регулирования рассматриваемого феномена.

Библиографический список

1. *Бартошек М.* Римское право. Понятие, термины, определения / М. Бартошек. – М., 1989.
2. *Иванов А. М.* Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию : монография / А. М. Иванов. – Владивосток, 2002.
3. *Курбатов Г. Л.* Мировая коррупция и Россия / Г. Л. Курбатов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2002.
4. *Селихов Н. В.* Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Селихов Николай Васильевич. – Екатеринбург, 2001.
5. *Тарусина И. Г.* Элитисты и плюралисты в современной политической теории / И. Г. Тарусина // Полис: политические исследования. – 1997. – № 4.
6. *Цаплин А. В.* Коррупция: тенденции в мире и России / А. В. Цаплин, В. В. Бакушев. – М., 2000.

References

1. *Bartoshek M.* Roman Law. Concept, Terms, Definitions / M. Bartoshek. – M., 1989.
2. *Ivanov A. M.* Corruptology as a Legal Science and Discipline: Way of Improvement of the Criminal Policy and Legislation in the Direction of the Influence on Organized Crime and Corruption / A. M. Ivanov. – Vladivostok, 2002.
3. *Kurbatov G. L.* World Corruption and Russia / G. L. Kurbatov // Acute Issues of Struggle against Criminality / ed. by V. P. Salnikov. – SPb., 2002.
4. *Selikhov N. V.* Corruption in the State Apparatus of Modern Russia (Theoretical Aspects) / Selikhov Nikolay Vasilievich. – Ekaterinburg, 2001.
5. *Tarusina I. G.* Elitists and Pluralists in the Modern Political Theory / I. G. Tarusina // Polys: Policy Research. – 1997. – № 4.
6. *Tsaplin A. V.* Corruption: Tendency in the World and in Russia / A. V. Tsaplin, V. V. Bakushev. – M., 2000.

Н. А. Глебова,*адъюнкт кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии права и управления ФСИН России***N. A. Glebova,***post-graduate student of the Department of State
and Law, International and European Law
of the Academy of Law and Management
of the FPS of Russia***ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ****Law Enforcement Practice: Theoretical Issues**

Аннотация. Статья посвящена проблемам теоретической разработки понятия и сущности правоприменительной практики. Автор акцентирует внимание на специфических чертах правоприменительной практики как социально-правового явления, делает вывод о необходимости существования данной правовой категории в качестве необходимого условия эффективной реализации законодательства.

Ключевые слова: правоприменительная практика, сущность, значение, реализация, законодательство.

Abstract. The article deals with the problems of the theoretical development of the concept and essence of law enforcement practice. The author emphasizes the specific features of law enforcement practice as a social and legal phenomenon. As well the author concludes by explaining the necessity of the existence of this legal category as a necessary condition of the effective implementation of legislation.

Key words: law enforcement practice, essence, importance, realization, legislation.

В настоящее время Российская Федерация находится на пути всесторонней модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии, а «право эпохи модерна – это важнейший движущий мотор модернизации» (Зорькин В. Д. Право эпохи модерна // Рос. газ. 2010. 25 июня). Важнейшим приоритетом на новом пути развития нашего государства должны стать такие изменения в законодательстве и государственном управлении, которые помогут качественному и эффективному правовому обеспечению преобразований, происходящих в стране. При этом обновленное государство может сформироваться только на основе гуманистических идеалов, социальной свободы, на стремлении к повышению качества жизни.

Важнейшими признаками законодательства являются его соответствие долговременным целям и ценностям развития государства и общества, полнота, эффективность и качество правового обеспечения проводимых в стране преобразований. Как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации профессор В. Д. Зорькин, «все мы понимаем, что современная Россия нуждается в других (не тех, о которых писал Есенин) нормах для того, чтобы занимать достойное место в XXI столетии, отвечать на требования, выдвигаемые своим обществом, развивать собственные культурно-исторические традиции» (Зорькин В. Д. Необходима осторожность // Рос. газ. 2010. 16 апр.).

Вопрос о стабильности законодательства, об эффективном применении норм закона на прак-

тике становится исключительно важным направлением научных исследований. Ведь именно на практике происходит реальная оценка эффективности принимаемых законов, формируется отношение конкретного человека к государству и его политике. Это обусловлено тем, что даже самые совершенные нормы закона не в состоянии успешно «работать» без адекватного механизма их практической реализации. Нормы права, действующие на российском правовом поле, апробируются и синтезируются именно в правоприменительной практике, которая является своеобразным индикатором их жизнеспособности и стабильности действующего законодательства. И в случае обнаружения недостатков в законе именно правоприменительная практика сигнализирует о необходимости правотворческого вмешательства со стороны компетентных органов и должностных лиц с целью корректировки правового регулирования общественных явлений, «служит своеобразным путеводителем, прокладывает дорогу теории» (Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 356). Значение правоприменительной практики исходит из того, что именно она показывает, насколько совершенно наше законодательство, в чем его недостатки, насколько оно эффективно помогает устранять в нем коллизии и пробелы. Результатом правоприменительной практики является отработанное стандартизированное правило понимания и применения нормы права в контексте единожды ранее состоявшегося ее принципиального истолкования.

Социально-правовая ценность (особая роль) правоприменительной практики заключается в

том, что в ней очень четко проявляются назревшие потребности общества в различных сферах деятельности, указывая на протекание как позитивных, так и негативных процессов государственно-правовой жизни.

Значение правоприменительной практики состоит и в том, что она «способствует снятию возможной напряженности между стабильностью правопорядка и состоянием действующего права» (Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 290). Так, «неудовлетворительное претворение правовых предписаний в жизнь существенно замедляют и затрудняют формирование в России цивилизованного гражданского общества и построение правового государства» (Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 225).

Правоприменительная практика направлена на сглаживание противоречий между общественной жизнью и имеющимися правовыми нормами, она проявляется как своеобразный критерий истинности и законности действующего законодательства. Только правоприменительная практика является своего рода «компенсирующим» механизмом, способным «привести систему в состояние устойчивого равновесия путем своевременного исправления... параметров в сторону их приближения к требованиям социальной реальности» (Яковлев А. М. Предмет социально-правового исследования // Сов. государство и право. 1970. № 8. С. 53).

Повышение эффективности действия закона – задача не одного года. Однако ее решение не следует откладывать, поскольку от качества системы законодательства зависит дальнейшее успешное развитие России. Как подчеркивал известный правовед Р. фон Иеринг, «право – это неустанная работа не только государственной власти, но и всего народа, причем вся жизнь права так или иначе являет то же зрелище безостановочной борьбы и труда целого народа, какое представляет деятельность последнего в области экономического и умственного производства» (Иеринг Р. фон Юридическая техника. Спб., 1905. С. 5–28).

Укрепление правовой системы, обеспечение стабильности и правопорядка в обществе и государстве одинаково зависят как от разработки и принятия качественных законов, так и от «претворения их в жизнь», т. е. от состояния правоприменительной практики. Связанность правоприменительной практики с законодательством очевидна: все нормы права адресованы практике и должны быть там реализованы.

Именно в ходе претворения права в жизнь вырабатываются определенные общие положе-

ния, тенденции, ориентиры, которые затем обобщаются и используются в правотворчестве.

Для того чтобы существующие на бумаге предписания «ожили», они должны быть реализованы. Принимая нормативный правовой акт, законодатель прежде всего должен рассчитывать на получение определенного результата – отражение требований юридических предписаний в реальной жизни. Как указывает Л. С. Явич, «право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества» (Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1971. Т. 1. С. 201). *Applicatio est vita regulae*, что означает «применение есть жизнь правила».

Сущность и правовая природа понятия «правоприменительная практика» однозначно не определены в теории права. Наблюдается смешение терминов при обозначении указанной правовой категории: для обозначения одного и того же явления употребляются термины «юридическая практика» и «правоприменительная практика» с одинаковым содержательным наполнением, однако без соответствующего обоснования. Некоторые авторы отождествляют юридическую или правоприменительную практику с судебной (Напр.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 341; Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 14–15; Соловьев В. Ю. Понятие судебной практики // Журн. рос. права. 2003. № 1. С. 92; Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. С. 8, 16–17; Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров. М., 1975. С. 3–17).

Являясь разновидностью юридической практики, правоприменительная практика в самом общем виде представляет собой форму правовой деятельности, сложившуюся в результате преобразования правовых норм в общественной жизни, внешне выраженную и документально оформленную.

Многие годы в научной и учебной литературе термин «правоприменительная практика» традиционно понимался узко: «как накопленный в области индивидуального регулирования общественных отношений социально-правовой опыт, который при этом тесно примыкает к системе нормативных средств правового регулирования и является по своей сути дополнительным источником права» (Рожнов А. П. Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003); «деятельность по выработке опыта применения мате-

риальных и процессуальных норм на всех этапах процесса правоприменения» (Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Казань, 1989. С. 14–15). Венгерский правовед А. Тамаш относит правоприменительную практику к области так называемого организованного применения права (Тамаш А. Судья и общество: Диалектика правосознания и правоприменения. М., 1980. С. 35). Ряд авторов представляют правоприменительную практику в виде устоявшейся линии деятельности правоприменительных органов (Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву / отв. ред. А. И. Рогожин. Харьков, 1958. Ч. 1. С. 57; Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М., 1959. С. 125).

В работах других ученых-теоретиков был обоснован более широкий взгляд на этот правовой феномен.

Так, А. К. Безина на примере судебной практики предлагает такое определение правоприменительной практики: это «деятельность судов, входящих в судебную систему и функционирующих с целью осуществления... правосудия путем рассмотрения гражданских и уголовных дел, и результаты этой деятельности» (Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма. С. 14–15).

Н. Н. Вопленко и А. П. Рожнов определяют правоприменительную практику как вид юридической деятельности, который опосредует накопление социально-правового опыта в области властного индивидуального регулирования общественных отношений (Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография. Волгоград, 2004. С. 74). Большинство разработчиков данной проблематики указывают на полезность такого опыта (Напр.: Карташов В. Н. Профессионализм субъектов в юридической деятельности // Правовая реформа и проблемы совершенствования профессиональной юридической деятельности : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Карташов. Ярославль, 1990. С. 16). Причем такой опыт может быть не только положительным, но и отрицательным, ведь практикой часто считают то, что стало правилом, повседневной реальностью. В какой-то период может распространиться даже противозаконная практика, получившая поддержку заинтересованных государственных органов и должностных лиц. Об этом говорит и Е. Н. Палагина, описывая статистическую сторону юридической практики, результат юридической деятельности, указывая при этом на то, что он может быть промежуточным и окончательным, временным и постоянным, по-

ложительным и отрицательным (Палагина Е. Н. Функции юридической практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 14).

Полученный опыт очерчивает весь процесс апробации правовых норм, при котором властью правоприменителей юридические предписания соотносятся с конкретными жизненными ситуациями. Используя те или иные понятия как некую совокупность критериев позитивного и негативного, правоприменитель в каждом конкретном случае принимает решение, влекущее определенные правовые последствия.

В данном контексте интересно мнение некоторых ученых (Напр.: Бурлай Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. Н. И. Козюбра. Киев, 1987), которые в своих исследованиях рассматривали правоприменительную практику как объективное и закономерное явление, изначально запрограммированное несовершенством и противоречивой природой норм позитивного права. Если бы реальностью российской правовой системы была беспробельность действующего права, абсолютная четкость его урегулирования, логичность изложения правового материала, то применение нормы права не вызывало бы столько трудностей у правоприменителей, не требовало «вызова к жизни самой правоприменительной практики» (Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Указ соч. С. 90). Ведь правоприменителю необходимо истолковать закон, уяснить для себя его смысл, конкретизировать данные в нем понятия и применить их к конкретному случаю.

По мнению К. М. Гарапшина, данная научная категория определяется как «органическое единство реального правоприменения и выработанного в ходе него опыта, непосредственно участвующего в преобразовании, изменении общественных отношений, связанных с применением правовых норм». Более того, правоприменительная практика, с его точки зрения, «охватывает всю практическую правоприменительную деятельность и все правоприменительные решения» (Гарапшин К. М. Правоприменительная практика в советском общенародном государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985).

Данное определение позволяет акцентировать внимание на двух обстоятельствах.

Во-первых, на наш взгляд, правоприменительная практика должна включать в себя не только практическую правовую деятельность и сформировавшийся на ее основе опыт правоприменения, но и достижения науки по анализу, обобщению и распространению данного опыта. Представляется, что роль науки в формировании практики, ее обобщении, распространении не может не учитываться при формулировании рас-

смаатриваемого понятия. Конечно, не исключается и самостоятельное изучение в исследовательских целях каждого из названных компонентов. Как отмечает В. И. Леушин, «практика обобщений правоприменительной деятельности возникла и функционирует не в качестве самостоятельного явления, а как способ обратной связи и совершенствования правотворчества, правоприменения, механизма правового регулирования в целом» (Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 31).

Во-вторых, мы считаем, что опыт властной реализации права нельзя смешивать с опытом, накапливаемым в ходе многократного правоприменения так называемых технических действий, неюридических элементов (Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В. Н. Карташов ; под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1989. С. 64–65), которые не урегулированы нормами права, и направленным на его организационно-техническую оптимизацию. Аналогичным образом высказываются Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов, указывая, что «правоприменительная практика – это явление преимущественно юридическое, аккумулирующее в себе опыт применения государственно-властным компетентным органом именно различных правовых (как материальных, так и процессуальных) норм» (Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Указ. соч. С. 82).

В целом множественность мнений по указанному вопросу порождена следующим обстоятельством: разделение таких понятий, как «правоприменительная деятельность» и «правоприменительный опыт». Варьирование соотношений названных категорий и обуславливает многообразие подходов к пониманию этого явления.

Не претендуя на полноту и безусловность нашего мнения, тем не менее считаем, что правоприменительная практика – это специфический правовой феномен, представляющий собой властную упорядоченную деятельность субъектов права в процессе реализации правовых норм, заключающуюся в практическом осмыслении объективной реальности, накопленный в результате такого осмысления опыт правового регулирования, а также достижения науки по анализу, обобщению и распространению данного опыта, способствующие выработке и реализации правоприменительной политики в разнообразных сферах общественной жизни для оценки общего правового состояния общества, определения стратегических направлений совершенствования законодательства и правотворческого процесса.

В качестве специфических черт правоприменительной практики как социально-правового явления выступают следующие положения:

– правоприменительная практика способна обеспечить динамизм права – «такое положение, при котором право как система стабильных норм, не изменяясь по содержанию, способно в определенной степени учитывать изменяющиеся условия общественной жизни» (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 185);

– она представляет собой властную деятельность компетентных на то субъектов;

– всегда связана с претворением юридических предписаний в реальную жизнь. Как говорили римские юристы, «execution legis coronat opus», что означает «исполнение закона венчает дело»;

– удовлетворяет реальные потребности и интересы людей;

– выполняет роль индивидуального юридического регулятора государственной и общественной жизни.

Анализ отмеченных сущностных черт и особенностей правоприменительной практики показывает, что она занимает относительно самостоятельное место в механизме правового регулирования и играет существенную роль в реализации общественных отношений.

Для всестороннего уяснения сущности догмы правоприменительной практики, существующей в действующем праве и науке, необходимо рассмотреть главные характеристики данной правовой категории. Как подчеркивают Н. Н. Вопленко и Ю. П. Еременко, «научный подход к понятию практики должен учитывать, что она имеет различные виды, формы, уровни и срезы в своем существовании и функционировании» (Вопленко Н. Н., Еременко Ю. П. Практика и ее отражение в учебном процессе по теории государства и права // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 909: Теоретические проблемы юридической практики, *studia juridica* VI: Труды по правоведению ; отв. ред. И. Н. Грязин, П. М. Ярвелайд. Тарту, 1990. С. 22).

Практика вообще и правоприменительная, в частности, носит общественный характер. Она всегда направлена на преобразование социальной реальности в соответствии с требованиями правовых норм.

Более того, практика – это прежде всего деятельность, которая представляет собой ее динамическую сторону. Проблема изучения деятельностной черты экстраполирована из философской литературы, так как практика (др.-греч. *πράξις* – деятельность) в ее исконно философском смысле – это целесообразная, целенаправленная и целеполагающая деятельность (Ивин И. Философский словарь. URL: [http:// terme.ru/dictionary/187/word/%CF%D0%CO%CA%D2%C8%CA%CO](http://terme.ru/dictionary/187/word/%CF%D0%CO%CA%D2%C8%CA%CO) ; Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998 ; Философский энциклопедический словарь. М., 1989). Стоит от-

метить, что правоприменительная деятельность связана с юридической профессией, т. е. осуществляется людьми, обладающими специальными правовыми знаниями. В. А. Сапун пишет, что правоприменительная деятельность по своему содержанию всегда является профессиональной правовой деятельностью. Именно в этом ее отличие от деятельности граждан при непосредственных формах реализации права в повседневных отношениях (Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984. С. 73).

Такая деятельность всегда является сознательной, так как в процессе ее осуществления происходит «активное взаимодействие разумного существа (субъекта) с окружающим миром» (URL: http://filosofiya.biz/Deyatelnost_v_filosofii.html). Как указывает Н. Н. Вопленко, «мир правовой действительности, представленный в виде правовых норм, отношений, ответственности, законности, правопорядка, правосудия и т. д., воспринимается людьми через специфическую форму, или вид, общественного сознания, называемого правосознанием» (Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура : учеб. пособие. Волгоград, 2000. С. 5 ; Его же. Правосознание юриста и правопонимание // Юрист XXI века (задачи, тенденции, перспективы) : материалы науч.-практ. конф. / под ред. Ф. В. Глазырина. Волгоград, 2001. С. 14).

Правоприменительный опыт является важнейшим компонентом правоприменительной практики, «который... формируется в процессе выделения в действиях, средствах, приемах, результатах наиболее рационального, целесообразного, передового, перспективного, имеющего важное значение для дальнейшего совершенствования нормативного и казуального регулирования общественных отношений» (Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. С. 303).

Важно учитывать и то, что правоприменительная практика является единством правоприменительной деятельности и результата данной деятельности — накопленного правоприменительного опыта. Как отмечают в связи с этим Н. Н. Вопленко и А. П. Рожнов, «строгое разграничение деятельности и практического результата возможно, как нам представляется, только в умозрительном плане» (Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Указ. соч. С. 65). На наш взгляд, если уточнить более детально, то разграничение деятельности и практического результата возможно ощущать в объективном, материализованном виде.

Представляется, что существование опыта изначально обусловлено пробельностью нашего законодательства, нечеткостью, даже двусмысленностью и, в некоторых случаях, отсутствием логики в изложении правового материала в тек-

стах законов и иных нормативных правовых актов. Он учитывается при регулировании общественных отношений в процессе разрешения конкретных социально-правовых ситуаций в качестве дополнительного поднормативного регулятора.

И. А. Покровский в качестве одной из причин существования правоприменительной практики выделяет недостаточную определенность правовых норм, критикуя теорию так называемого свободного права (Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89). С. С. Алексеев указывал на «несовершенство норм действующего права» (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 342), поэтому несовершенство правовой регламентации связано в первую очередь с динамизмом общественных отношений, развитием общественной жизни. В этом случае, как считает И. Я. Дюрягин, правоприменение выполняет специфическую правовосполнительную функцию с целью устранения пробелов в нормативных установлениях (Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 43).

Представители широкого понимания оснований юридической практики причину существования последней видят в необходимости конкретизации содержащихся в норме права так называемых оценочных понятий (Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. С. 17–18).

А. С. Пиголкин и М. Н. Николаева в качестве одной из причин существования правоприменительной практики выделяют «свободу усмотрения правоприменителя», т. е. отсутствие «однозначных правовых предписаний, когда правоприменитель лишь констатирует, что рассматриваемый случай подпадает под действие нормы, вынося решение в соответствии с ее однозначным предписанием» (Правоприменение в советском государстве / Е. В. Болдырев [и др.] ; отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. М., 1985. С. 38).

Определив признание важности самого существования правоприменительной практики, нужно понимать, что сегодня наиболее значимым является еще и качество правоприменения. Ведь именно в сфере правоприменительной практики происходит реальная оценка системы всего законодательства Российской Федерации, наиболее острых проблем его соответствия требованиям актуальности, гармоничности, действенности для получения позитивных практических результатов, адекватных ожиданиям граждан. Без учета эффекта правоприменительной практики нельзя вынести суждение об эффективности нормативно-правовых предписаний. Работа в данном направлении еще только начинается, но является необходимой для формирования эффективной правоприменительной практики.

Библиографический список

1. *Вопленко Н. Н.* Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград, 2004.
2. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташев. – Ярославль, 2005.
3. *Леушин В. И.* Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В. И. Леушин. – Красноярск, 1987.

References

1. *Voplenko N. N.* Enforcement Practice: Concept, Basic Features and Functions / N. N. Voplenko, A. P. Rozhnov. – Volgograd, 2004.
2. *Kartashov V. N.* Theory of Legal System of a Society. In 2 vol. Vol. 1 / V. N. Kartashov. – Yaroslavl, 2005.
3. *Leushin V. I.* Legal Practice in the System of Socialist Public Relations / V. I. Leushin. – Krasnoyarsk, 1987.

И. В. Головинская,
*профессор кафедры уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук*
Е. П. Остапенко,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

I. V. Golovinskaya,
*Professor of the Department of Criminal Procedure
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law*
E. P. Ostapenko,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ

Return of a Criminal Case to the Public Prosecutor as the Basis of Conducting the Preliminary Hearing

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации порядка проведения предварительного слушания по уголовным делам, а также вопросам совершенствования данного этапа разрешения уголовного дела в суде первой инстанции.

Ключевые слова: прокурор, предварительное слушание, судебное заседание, уголовное дело, обвинительное заключение, преступление.

Abstract. The article is dedicated to the problems of realization the order of undertaking the preliminary hearing of criminal cases. As well it considers the questions of the improvement of the given stage of settlement of a criminal case in courts of the first instance.

Key words: public prosecutor, preliminary hearing, judicial meeting, criminal case, accusatory conclusion, crime.

Одним из оснований проведения предварительного слушания, которые определены в ст. 229 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон называет наличие основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основании данного заключения или акта.

Названные нарушения повлекут отмену судебного решения по формальным основаниям.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 при решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, указанным в ст. 237 УПК РФ, под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в ст. 220, 225 УПК РФ положений, которые служат препятствием для принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта. В частности, исключается возможность вынесения судебного решения в следующих случаях:

– обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого;

– обвинительное заключение или обвинительный акт не подписаны следователем (дознавателем), обвинительное заключение не согласовано с руководителем следственного органа либо не утверждено прокурором, обвинительный акт не утвержден начальником органа дознания или прокурором;

– в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу (О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2009 г. № 28 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2010. № 2).

Соответствие обвинительного акта или обвинительного заключения в поступившем в суд уголовном деле ст. 220 или 225 УПК РФ является непреложным, обязательным требованием для дальнейшего рассмотрения дела судьей (судом). Однако, на наш взгляд, при наличии вышеназванных нарушений не вполне ясна цель проведения предварительного слушания. Так или иначе, но выявленные судьей нарушения должны быть устранены стороной обвинения. С какой же целью необходимо назначать и проводить предварительное слушание, вызывая в суд государственного обвинителя, обвиняемого (подсудимо-

го), его защитника, потерпевшего (пусть даже его явка не считается обязательной)? Наблюдается нерациональная трата временных и материальных ресурсов. В случае отсутствия подписей соответствующих должностных лиц в обвинительном акте или обвинительном заключении дело должно быть направлено им для подписания названных документов. Как правило, в судебном заседании, равно как и при проведении предварительного слушания, участвует государственный обвинитель – помощник прокурора, а не сам прокурор, имеющий право утверждения обвинительного акта или обвинительного заключения. Государственный обвинитель не уполномочен утверждать эти документы в зале судебного заседания (на предварительном слушании). Проведение предварительного слушания не решит проблему подписи обвинительного акта или обвинительного заключения соответственно начальником органа дознания и следователем. Таким образом, предварительное слушание закончится направлением уголовного дела прокурору для устранения нарушений.

В этой связи представляется, что основание проведения предварительного слушания, названное в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, должно быть исключено из содержания п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ. В случаях, если обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, судья по собственной инициативе или ходатайству сторон должен направить уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. На этом основании считаем, что редакция п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ должна претерпеть изменения.

Пункт 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ предусматривает случаи возвращения уголовного дела прокурору по результатам проведения предварительного слушания, если копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном ч. 4 ст. 222 или ч. 3 ст. 226 УПК РФ. При этом, если обвиняемый отказался от получения копии обвинительного заключения или обвинительного акта (ч. 4 ст. 222 или ч. 3 ст. 226 УПК РФ) либо иным способом уклонился от его получения и дело поступило в суд с указанием прокурором причин, по которым копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому, суд вправе принять одно из решений, указанных в пп. 1–3 ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Вместе с тем в каждом конкретном случае необходимо выяснять, по каким причинам обвиняемому не вручена копия обвинительного заключения или обвинительного акта, оформлен ли отказ в его получении в письменном виде, подтвержден ли доку-

ментально факт неявки по вызову и т. п. Если обвиняемый скрылся и его местонахождение неизвестно, судья принимает решение о приостановлении производства по уголовному делу в соответствии с ч. 2 ст. 238 УПК РФ (О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2009 г. № 28).

Полагаем, что рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что отсутствие в материалах уголовного дела расписки о том, что обвиняемому вручена копия обвинительного заключения, не может служить основанием для возвращения уголовного дела прокурору, если, по утверждению обвиняемого, она фактически ему была вручена, всецело направлены на сокращение сроков производства по уголовному делу.

Третьим, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ основанием возвращения уголовного дела прокурору по итогам предварительного слушания, является необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (Согласно ч. 1 ст. 446 УК РФ, если лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство и к нему была применена принудительная мера медицинского характера, признано выздоровевшим, то суд на основании медицинского заключения выносит постановление о прекращении применения к данному лицу принудительной меры медицинского характера и решает вопрос о направлении уголовного дела руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для производства предварительного расследования в общем порядке : определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 мая 2009 г. № 78-О09-47 // Там же).

Принудительные меры медицинского характера применяются в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, когда психическое расстройство этого лица, имевшееся в момент совершения преступления или имеющееся на момент рассмотрения уголовного дела, исключает привлечение его к уголовной ответственности или назначение наказания.

На предварительном слушании основанием для вывода суда о необходимости составления обвинительного заключения по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, может являться лишь установленный судом факт, свидетельствующий о совершении лицом деяния в состоянии вменяемости и об от-

сутствии у данного лица после совершения преступления психического расстройства, делающего невозможным назначение наказания или его исполнение (Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / В. П. Верин [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 22).

Таким образом, судья в ходе предварительного слушания должен решить вопрос о наличии оснований для вынесения обвинительного акта или обвинительного заключения, для чего он обязан принять решение о возвращении уголовного дела прокурору.

В этой связи Т. Рябина совершенно справедливо замечает, что «в п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК речь идет только о необходимости составления обвинительного заключения (акта), но ведь совершенно очевидно, что, прежде чем составить указанные процессуальные акты, имеющие значение как итоговые, необходимо провести определенные следственные действия, которые не осуществлялись при производстве по делу в порядке гл. 51 УПК, в том числе провести дополнительную или повторную судебно-психиатрическую экспертизу, предъявить обвинение лицу, допросить его и т. п.

Кроме того... в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 439 УПК прокурор в случае несогласия с доводами следователя о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера вправе принять решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования. Суд же в точно такой же ситуации, только на другой стадии процесса, при возвращении дела прокурору, в решении указывает о необходимости составления только лишь обвинительного заключения (акта)» (Рябина Т. Производство о применении принудительных мер медицинского характера // Законность. 2008. № 8).

Мы поддерживаем предложение, высказанное Т. Рябиной, о том, что, «учитывая дух времени и волю законодателя о невозможности возврата к прошлому, но, понимая в то же время, что в случае установления основания, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК, производство дополнительного расследования неизбежно, можно предложить такой вариант разрешения этой проблемы – изложить ст. 440 УПК следующим образом:

“1. Получив уголовное дело о применении принудительной меры медицинского характера, судья проводит подготовительные действия и принимает решения в порядке, установленном главой 33 настоящего Кодекса.

2. В случае, если есть необходимость производства предварительного расследования по данному уголовному делу с составлением обвинительного заключения или обвинительного акта, судья по ходатайству стороны или по собст-

венной инициативе назначает предварительное слушание.

3. По результатам предварительного слушания судья принимает одно из следующих решений:

1) о назначении судебного заседания по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера;

2) о возвращении уголовного дела прокурору для производства предварительного расследования в порядке, установленном разделом VIII настоящего Кодекса”» (Там же).

Законодатель в п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ называет еще одно основание возвращения уголовного дела прокурору после проведения предварительного слушания – наличие предусмотренных ст. 153 УПК РФ оснований для соединения уголовных дел.

На наш взгляд, основание, которое указано в п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в качестве основания проведения предварительного слушания, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ, не вполне состоятельно по следующим причинам.

Фраза «в одном производстве могут быть соединены уголовные дела...», содержащаяся в ч. 1 ст. 153 УПК РФ, свидетельствует об отсутствии императивного характера ее содержания. Кроме того, закон наделяет правом прокурора принять решение о соединении в одно производство уголовных дел, предварительное расследование которых осуществлялось в форме дознания, а также руководителя следственного органа на основании решения прокурора об определении подследственности – о соединении уголовных дел о преступлениях, подследственных в соответствии со ст. 150 и 151 УПК РФ разным органам предварительного расследования.

Таким образом, соединение уголовных дел в одно производство по решению соответствующих должностных лиц осуществляется в стадии предварительного расследования, поэтому судья не вправе предопределять решения названных должностных лиц. Можно предположить, что поскольку производство предварительного расследования по уголовному делу закончено и дело поступило в суд с утвержденным обвинительным заключением или обвинительным актом, то компетентное должностное лицо, обладающее правом принятия решения о соединении уголовных дел в одно производство, не сочло необходимым соединить такие уголовные дела. Правы авторы Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, говоря, что наличие обстоятельств, перечисленных в пп. 1–3 ч. 1 комментируемой статьи, не влечет соединения уголовных дел в обязательном порядке. Решение о таком соединении принимается с учетом целесообразности с точки зрения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования. При отсутствии такой целесо-

образности уголовные дела могут быть расследованы и рассмотрены в суде обособленно, по отдельности (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 112).

Возвращение же судьей уголовного дела в таком случае следует рассматривать как превышение установленных полномочий, смешение функций уголовного процесса, неправомерное воздействие на органы предварительного расследования и прокуратуры. Более того, ч. 1 ст. 237 УПК РФ содержит перечень нарушений, ввиду которых уголовное дело возвращается прокурору для их устранения. Считаем, что убеждение судьи о целесообразности или необходимости соединения уголовных дел в одно производство не является условием возвращения дела прокурору, которое можно назвать препятствием к рассмотрению уголовного дела. Полагаем, что судья по собственной инициативе или ходатайству сторон может вернуть уголовное дело прокурору для рассмотрения вопроса о соединении с другим делом в одно производство, если с момента направления уголовного дела в суд до назначения судебного заседания возникнут обстоятельства, свидетельствующие о том, что в суд поступили уголовные дела в отношении нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии; одного лица, совершившего несколько преступлений, при этом соединение уголовных дел остается правом прокурора и руководителя следственного органа. В этой связи считаем целесообразным основание возвращения уголовного дела прокурору, указанное в п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, исключить из содержания п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ.

В совокупности с изложенными выше предложениями относительно требующихся изменений в п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ считаем, что п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных статьей 237 настоящего Кодекса, за исключением пунктов 1 и 4 части первой названной статьи. В случаях, если обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований настоящего Кодекса, судья по собственной инициативе или ходатайству сторон без проведения предварительного слушания возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Судья по собственной инициативе или ходатайству сторон может вернуть уголовное дело прокурору для рассмотрения вопроса о соединении уголовных дел в одно производство, если с момента направления уголовного дела в суд до назначения судебного заседания возникнут обстоятельства, свидетельствующие о том, что в суд поступили уголовные дела в отношении нескольких лиц, совершив-

ших одно или несколько преступлений в соучастии; одного лица, совершившего несколько преступлений. Прокурор разрешает вопрос о соединении уголовных дел с учетом требований статьи 153 настоящего Кодекса».

Неразъяснение при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ, является еще одним основанием для возвращения уголовного дела прокурору (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

В соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ обязанностью следователя является разъяснение обвиняемому его права ходатайствовать:

- о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – в случаях, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ. При этом следователь разъясняет особенности рассмотрения уголовного дела этим судом, права обвиняемого в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения. Если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство. При невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей;

- о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции – в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ;

- о применении особого порядка судебного разбирательства – в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ;

- о проведении предварительных слушаний – в случаях, предусмотренных ст. 229 УПК РФ.

Следует заметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2009 г. № 28 обратил внимание судов на то, что невыполнение органами предварительного расследования возложенной на них ч. 1 ст. 11 и п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ обязанности по разъяснению обвиняемому права ходатайствовать при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства влечет нарушение права обвиняемого на защиту и в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ является основанием для проведения предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору. Вместе с тем, если в ходе предварительного слушания имеется возможность восстановить права обвиняемого, судья по ходатайству обвиняемого принимает решение о назначении судебного заседания в особом порядке. Однако при невозможности устранить допущенные в ходе предварительного расследования нарушения

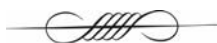
уголовно-процессуального закона дело подлежит возвращению прокурору. Таким образом, законодатель ориентирует суды на более скорое принятие решения о назначении судебного заседания, что способствует сокращению сроков производства по уголовному делу.

Одним из условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке является согласие потерпевшего на применение такого порядка судопроизводства. Следовательно, если по окончании предварительного расследования обвиняемым заявлено ходатайство об особом порядке судебного разбирательства в соответствии с гл. 40 УПК РФ, но мнение потерпевшего по данному вопросу не выяснялось, судья при отсутствии препятствий к рассмотрению уголовного дела в особом порядке назначает судебное заседание с учетом положений гл. 40 УПК РФ. При этом мнение потерпевшего выясняется в подготовительной части судебного заседания. Однако в случае, если потерпевший возражает против заявленного обвиняемым ходатайства, судебное заседание продолжается в общем порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ). Данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснения, как видится, способствуют сокращению сроков производства по уголовному делу посредством исключения обязанности суда проводить повторное предварительное слушание для выяснения данного вопроса в случае, если потерпевший, чье присутствие не считается обязательным, не явился на предварительное слушание.

Таким образом, полагаем, что основание проведения предварительного слушания, конкретизированное в п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, а именно: в случаях, когда имеются основания для возвращения уголовного дела прокурору, – является убедительным для проведения предварительного слушания. Представляется, что судья мог бы быть

наделен в предварительном слушании правом разъяснения подсудимому предусмотренных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ положений о его праве ходатайствовать не только о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судопроизводства, как отмечает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, но и правом разъяснить подсудимому его право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, а также о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. В том случае, если подсудимый после консультации с защитником заявит соответствующее ходатайство либо откажется от заявления последнего, судья мог бы назначать судебное заседание в соответствии с разрешенным ходатайством или отказом подсудимого от заявления такого ходатайства, при этом отказ от ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, от рассмотрения уголовного дела в особом порядке или от рассмотрения уголовного дела судом коллегиально должен быть отражен в протоколе судебного заседания о проведении предварительного слушания. Очевидно, что в таком случае исключалась бы необходимость возвращения уголовного дела прокурору. Данное обстоятельство в немалой степени сказалось бы на сокращении сроков рассмотрения уголовного дела, и, как следствие, на обеспечении прав сторон на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, на скорейшем восстановлении прав лиц, пострадавших от преступления.

Полагаем, что изложенные предложения, касающиеся оснований проведения предварительного слушания, предусматривающие возвращение уголовных дел прокурору, могли бы способствовать сокращению сроков производства по уголовным делам и в целом повышению эффективности судопроизводства.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
2. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / В. П. Верин [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. – М., 2004.
3. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 2.
4. Рябинина Т. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / Т. Рябинина // Законность. – 2008. – № 8.

References

1. Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (Clause by Clause) / ed. by I. L. Petruhin. – 6th ed., rev. and suppl. – M., 2008.
2. Scientific and Practical Manual on the Application of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation / V. P. Verin [et al.] ; ed. by V. M. Lebedev. – M., 2004.
3. On the Application by Courts of Norms of Criminal Procedural Law Which Regulate the Preparation of a Criminal Case to the Judicial Proceedings : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2009 № 28 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2010. – № 2.
4. Ryabinina T. Proceedings on Enforcement Medical Measures / T. Ryabinina // Zakonnost. – 2008. – № 8.

Р. Б. Головкин,*начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор***А. М. Краснов,***соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России***R. B. Golovkin,***Chief of the Department of State and Law Studies of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law, Professor***A. M. Krasnov,***post-graduate student of the Faculty of Research and Teaching Staff Training of VLI of the FPS of Russia***ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ****Concept of Legal Counteraction**

Аннотация. Статья посвящена анализу действующего законодательства, содержащего в той или иной форме термин «противодействие», и определению на этой основе сущности и понятия правового противодействия.

Ключевые слова: противодействие, нормативный правовой акт, субъекты противодействия, система противодействия, негативное противодействие, позитивное противодействие.

Abstract. The given article is devoted to the analysis of the current legislation containing the term «counteraction» in this or that form. The author as well considers the definition of this category on the basis of essence and concept of legal counteraction.

Key words: counteraction, regulatory legal act, subjects of counteraction, a system of counteraction, negative counteraction, positive counteraction.

В последние годы в законодательстве, средствах массовой информации, юридической практике и в быту в связи с различными социальными явлениями стал активно использоваться термин «противодействие» (Напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубка Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 1 дек. 2005 г. № 519-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глобы Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статьей 1 (пункт 2) Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 8 апр. 2004 г. № 91-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Он нашел отражение и в большом количестве законов и подзаконных актов (Напр.: О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Рос. газ. 2001. 9 авг. ;

О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Там же. 2006. 10 марта; О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Там же. 2008. 30 дек.; О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Там же. 2002. 30 июля; О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ // Там же. 1998. 15 янв. и др.). Спектр таких нормативных правовых актов достаточно широк и включает в себя нормы уголовного, уголовно-процессуального, административного, конституционного права. Кроме того, можно выделить еще и случаи косвенного отражения явления, обозначаемого термином «противодействие», в законодательстве, учитывая его содержательную сторону.

Указанные обстоятельства свидетельствуют, с одной стороны, об актуальности противодействия различным социальным, преимущественно негативным, действиям, с другой стороны, о необходимости общетеоретической разработки этой проблемы, имеющей трансотраслевой характер.

Прежде всего следует сформировать операциональное понятие, которое в законодательстве обозначается термином «противодействие» и которое может иметь общеправовое значение.

«Действию всегда есть равное и противоположное противодействие» – это один из основных законов механики (третий закон Ньютона), согласно которому действия двух материальных тел друг на друга равны по численной величине и противоположны по направлению. Например,

сила, с которой груз, лежащий на плоскости, давит на эту плоскость, равна силе (реакции), с которой плоскость давит на груз; сила, с которой Земля притягивает Луну, равна силе, с которой Луна притягивает Землю, и т. д. Следует иметь в виду, что названные силы действия и противодействия не уравнивают друг друга, так как они приложены к разным телам. Действие и противодействие играют важную роль при изучении движения механических систем (Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article021809.html>).

Представляется, что действие и противодействие, судя по их отражению в законодательстве, имеют значение и для социальных систем. Первичное рассмотрение нормативных правовых актов показывает, что в большинстве источников термин «противодействие» закрепляется по-разному. Можно выделить три основных варианта закрепления этого термина: во-первых, закрепление термина, сопряженное с дефиницией понятия «противодействие»; во-вторых, закрепление рассматриваемого термина без закрепления отдельной правовой дефиниции; в-третьих, фиксация термина без раскрытия обозначаемого им понятия.

В группе нормативных правовых актов, где закрепление рассматриваемого термина происходит по *первому варианту*, можно назвать прежде всего Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где в п. 2 ст. 1 противодействие коррупции рассматривается как «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

В Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в п. 4 ст. 3 также раскрывается понятие, обозначенное термином «противодействие терроризму», и закрепляется, что противодействие терроризму – это «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

В целом, соглашаясь с пользой данных дефиниций, все же нужно отметить те обстоятельства, которые снижают их ценность. Представленные дефиниции либо сужают объем противодействия, либо необоснованно его расширяют. Так, например, закрепляется ограниченный круг субъектов противодействия терроризму (только государственные организации и органы местного самоуправления), но при этом возникает вопрос: а другие субъекты не могут противодействовать терроризму? Представляется, что могут, так как в принципе любой субъект может принимать участие в закрепленных нормой направлениях действий. Дело в том, что юридико-технически норма данной статьи дефинитивная, а не обязывающая или управомочивающая, она не является нормой-правилом поведения, следовательно, не может ограничивать круг субъектов в дефиниции, его можно было бы ограничить в соответствующей обязывающей норме, являющейся нормой-правилом поведения.

То же самое можно сказать и об ограничении противодействия полномочиями субъектов в федеральном законе «О противодействии коррупции». Получается, что если нет полномочий, то субъект не может противодействовать коррупции.

С точки зрения ограничения противодействия можно рассмотреть и закрепленные направления противодействия. Закрытый перечень направлений противодействия целесообразнее было бы сформулировать как открытый, например, продолжив его «иными действиями», препятствующими терроризму, коррупции и т. д., так как жизнь очень многогранна, и предусмотреть все действия, направленные против указанных явлений, достаточно сложно.

Относительно «расширения» дефиниции можно сказать, что оно порождает некоторое противоречие. Так, в начале представленных дефиниций противодействие позиционируется как активная деятельность, прямо направленная на коррупцию, терроризм и т. д., а вместе с тем деятельность по выявлению причин и условий рассматриваемых негативных явлений собственно не является противодействием.

Кроме того, противодействие не ограничивается ответным воздействием на коррупцию, терроризм и другие негативные социальные явления, данный термин употребляется для обозначения процессов, препятствующих позитивной социальной деятельности, например, правоохранительной.

Второй вариант закрепления в законодательстве термина «противодействие» характеризуется тем, что содержание понятия, обозначаемого данным термином, в тексте закона выражается неявно либо вообще отсутствует и существует в виде априорного понятия. Например, ст. 22 Закона г. Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 «О физической культуре и спорте в городе Москве» называется «Противодействие применению допинговых средств и (или) методов в городе Москве», но при этом в ее содержании нет информации о понятии противодействия:

«1. В городе Москве осуществляется антидопинговая пропаганда, направленная на противодействие применению допинговых средств и (или) методов.

2. Уполномоченный орган совместно с городскими спортивными федерациями обеспечивают противодействие применению допинговых средств и (или) методов спортсменами, являющимися работниками или учащимися организаций, входящих в городскую государственную систему физической культуры и спорта, членами спортивных сборных команд города Москвы, а также применению указанных средств и (или) методов при проведении официальных городских спортивных мероприятий.

3. Порядок проведения мероприятий по противодействию применению допинговых средств и (или) методов в случаях, указанных в части 2 настоящей статьи, утверждается уполномоченным органом» (Ведомости Моск. гор. Думы. 2009. № 8, ст. 216).

Подобным способом закреплён термин «противодействие» и в Указе Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», где говорится, что надо противодействовать фальсификации истории и создать для этого Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (Рос. газ. 2009. 20 мая). Иными словами, в данном Указе ведётся речь лишь о противодействии фальсификации истории, а все противодействие, если рассматривать данный документ буквально, можно свести к образованию названной комиссии.

Третий вариант закрепления в законодательстве термина «противодействие» осуществляется без фиксации отдельной правовой дефиниции, но при этом раскрывается содержание понятия, обозначаемого данным термином, через перечни видов противодействия. Причём в рамках данного варианта закрепления можно выделить две разновидности нормативных правовых актов:

- 1) акты, закрепляющие меры противодействия

социально-негативным явлениям; 2) акты, закрепляющие направления противодействия.

Первая разновидность представлена актами, закрепляющими меры противодействия, среди которых можно назвать, например, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», где понятие «противодействие» формируется через закреплённые в ст. 4 меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

К данным мерам относятся:

- обязательные процедуры внутреннего контроля;
- обязательный контроль;
- запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Подобным образом сформулирована и норма ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», где раскрывается противодействие использованию допинговых средств и (или) методов в спорте через меры по противодействию использованию допинговых средств и (или) методов. Эти меры включают в себя:

- 1) установление обязательного допингового контроля при проведении международных спортивных соревнований и всероссийских спортивных соревнований;

- 2) установление ответственности за использование допинговых средств и (или) методов, а также за принуждение к их использованию и пропаганду их использования;

- 3) установление ответственности за фальсификацию лекарственных средств и пищевых добавок посредством включения допинговых средств в их состав, реализацию таких лекарственных средств и пищевых добавок, а также за деятельность, направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления, использования допинговых средств и местах их приобретения;

- 4) предупреждение применения допинговых средств и (или) методов;

- 5) повышение квалификации специалистов, осуществляющих допинговый контроль;

- 6) включение в дополнительные образовательные программы образовательных учреждений, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта, разделов о причинении вреда здоровью спортсменов вследствие использования допинговых средств и (или) методов;

7) проведение антидопинговой пропаганды в средствах массовой информации;

8) проведение научных исследований в области разработки новых методов допингового контроля;

9) установление ответственности физкультурно-спортивных организаций, спортсменов, тренеров, врачей и других специалистов за нарушение правил обязательного допингового контроля (Рос. газ. 2007. 8 дек.).

О мерах противодействия идет речь и, например, в гл. 8 постановления Правительства г. Санкт-Петербурга от 1 ноября 2005 г. № 1681 «О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия» (Вестн. Администрации Санкт-Петербурга. 2005. 28 дек.) и ряд других актов.

Вторая разновидность закрепления понятия «противодействие» через перечень осуществляется путем фиксации определенных направлений деятельности различных субъектов по преодолению социально-негативных явлений. По подобной схеме выстраивается еще целый ряд нормативно-правовых актов. Обозначим и проанализируем некоторые из них.

Например, в ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» указывается, что противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В соответствии со ст. 41 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливаются следующие направления противодействия:

- профилактика распространения незаконного потребления и незаконного оборота наркотиков;

- лечение и реабилитация больных наркоманией;

- пресечение незаконного оборота наркотиков.

Анализ приведенных примеров вариантов закрепления в законодательстве термина «противодействие» позволил сформировать следующие выводы.

Во-первых, закрепляется тот факт, что противодействие – это определенный вид активной человеческой деятельности, препятствующей другой человеческой деятельности.

Во-вторых, противодействие направлено на преодоление различных негативных социальных явлений.

В-третьих, в рассмотренных нормативных правовых актах закрепляется круг субъектов противодействия.

В-четвертых, особенность закрепления термина «противодействие» проявляется в трех основных вариантах: а) в виде фиксации и термина, и обозначаемой им дефиниции; б) закрепление рассматриваемого термина без закрепления отдельной правовой дефиниции; в) фиксация термина без раскрытия обозначаемого им понятия.

В-пятых, из анализа норм, закрепляющих направления, меры и формы противодействия, можно заключить, что противодействие негативным социальным явлениям закрепляется и в других нормативных правовых актах, прямо не используется термин «противодействие», но содержится некоторая детализация и конкретизация мер, направлений и форм противодействия.

Среди детализирующих нормативных правовых актов прежде всего следует отметить те из них, которые предписывают противодействовать негативным социальным явлениям в виде их *предупреждения, пресечения и предотвращения*.

Так, например, в примеч. 2 ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации указываются действия по предотвращению и пресечению преступления как обстоятельства освобождения от уголовной ответственности. В этом примечании зафиксировано, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало *предотвращению либо пресечению* преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Статья 68 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» указывает, что правоохранительные и иные органы обязаны принимать меры по пресечению противоправной агитационной деятельности, предотвращению изготовления подложных и незаконных печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов и их изъятию, устанавливать изготовителей указанных материалов и источники оплаты этих материалов, а также незамедлительно информировать соответствующую комиссию референдума о выявленных фактах и принятых мерах (Рос. газ. 2004. 30 июня).

Статья 26 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» обязывает сотрудников уго-

ловно-исполнительной системы, независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток, в случае непосредственного обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении этих правонарушений и сообщить об этом в ближайший орган внутренних дел Российской Федерации (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316).

Норма ст. 30 «Полномочия пограничных органов» Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» уже не обязывает, а уполномочивает пограничные органы находиться на любых участках местности и передвигаться по ним при исполнении служебных обязанностей; требовать от собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов в пограничной зоне выделения мест для передвижения пограничных нарядов, оборудования и содержания в надлежащем состоянии проходов через ограждения, переходов через другие препятствия; сопровождать российские и иностранные суда и иные транспортные средства и располагать на них пограничные наряды; в целях *предотвращения и пресечения* нарушений режима Государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через Государственную границу проверять необходимые документы у лиц и документы транспортных средств, производить досмотр (осмотр) транспортных средств и перевозимых на них грузов (Там же. № 17, ст. 594).

Как видно, детализация противодействия в рассмотренных нормативных правовых актах осуществляется без дефинирования содержания предотвращения и пресечения, но при этом используются два вида норм: закрепляющие обязанности осуществлять противодействие в данных формах и закрепляющие такие права.

Следующая форма детализации противодействия негативным социальным явлениям отражается в нормативных правовых актах, конкретизирующих предотвращение и пресечение в виде контроля и надзора.

Например, ст. 1 Федерального закона от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит определение понятия контроля в области охраны окружающей среды (экологический контроль), который рассматривается как система мер, направленная на *предотвращение*, выявление и *пресечение* нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечение соблюдения субъектами хозяйственной и иной деятельности требований, в том

числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды (Рос. газ. 2002. 12 янв.).

Статья 2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» содержит понятие государственного контроля. Государственный контроль (надзор) в соответствии с нормой данной статьи представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти (федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации), направленную «на *предупреждение, выявление и пресечение нарушений* юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями (далее также – юридические лица, индивидуальные предприниматели) требований, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (далее – обязательные требования), посредством организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями (Там же. 2008. 30 дек.).

Статья 96 Лесного кодекса Российской Федерации закрепляет право должностных лиц, осуществляющих государственный лесной контроль и надзор (государственные лесные инспектора, лесничие), *пресекать и предотвращать* нарушение лесного законодательства.

Статья 34 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» содержит полномочия органов государственного контроля (надзора), тем самым закрепляя направления детализации этой формы противодействия (Там же. 2002. 31 дек.). На основании положений настоящего Федерального закона и требований технических регламентов органы государственного контроля (надзора) вправе:

– требовать от изготовителя (продавца, лица, выполняющего функции иностранного изготови-

теля) предъявления декларации о соответствии или сертификата соответствия, подтверждающих соответствие продукции требованиям технических регламентов, или их копий, если применение таких документов предусмотрено соответствующим техническим регламентом;

- осуществлять мероприятия по государственному контролю (надзору) за соблюдением требований технических регламентов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- выдавать предписания об устранении нарушений требований технических регламентов в срок, установленный с учетом характера нарушения.

То же самое можно сказать и об основных направлениях государственного надзора и контроля за качеством и безопасностью зерна и продуктов его переработки, установленные Федеральным законом от 5 декабря 1998 г. № 183-ФЗ «О государственном надзоре и контроле за качеством и безопасностью зерна и продуктов его переработки» (Там же. 1998. 9 дек.).

Основными направлениями государственного надзора и контроля за качеством и безопасностью зерна и продуктов его переработки согласно данному Федеральному закону являются:

- защита прав граждан на обеспечение зерном и продуктами его переработки, качество которых соответствует требованиям государственных стандартов, технических условий, санитарных и ветеринарно-санитарных правил и норм, гигиенических нормативов и иных нормативных документов;

- установление показателей качества зерна и продуктов его переработки, методов оценки их качества и учета зерна и продуктов его переработки;

- аккредитация лабораторий, осуществляющих определение качества зерна и продуктов его переработки;

- сертификация зерна и продуктов его переработки;

- иные направления, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Статья 8 Закона Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии» фиксирует понятие государственного ветеринарного надзора в качестве деятельности государственных ветеринарных инспекторов по предупреждению, обнаружению и пресечению нарушений законодательства Российской Федерации о ветеринарии. При этом устанавливается, что государственный ветеринарный надзор направлен в том числе на выявление и установление *причин и условий* возникновения и распространения заразных и массовых незаразных болезней животных

(Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 24, ст. 857).

На основании изложенного можно выделить следующее важное направление детализации противодействия негативным социальным явлениям, которое выражается в закреплении отдельными правовыми актами устранения причин и условий, порождающих негативные социальные явления.

Например, ст. 29.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает правомочие судьи, органа или должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении, при установлении *причин* административного правонарушения и *условий*, способствовавших его совершению, вносить в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. При этом ч. 2 данной статьи обязывает организации и должностных лиц рассмотреть представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах судье, в орган, должностному лицу, внесшим представление.

Статья 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» устанавливает ответственность командира за непринятие необходимых мер по предупреждению или пресечению дисциплинарного проступка, совершенного подчиненным ему по службе военнослужащим или гражданином, призванным на военные сборы, привлечению военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, к установленной настоящим Федеральным законом дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка либо по устранению причин и условий, способствовавших его совершению (Рос. газ. 1998. 2 июня).

Интересным представляется такое направление противодействия негативным социальным явлениям, как преодоление негативных факторов и защита от них. Например, ст. 32 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1, установлены обязанности государства по преодолению монополии в области культуры. Действия органов государственной власти и управления, должностных лиц, препятствующие возникновению новых субъектов культурной деятельности по мотивам нецелесообразности, квалифицируются как осуществление монополии и подпадают под действие антимонопольного законодательства Российской Федерации (Там же. 1992. 17 нояб.).

Статья 121 Семейного кодекса Российской Федерации регулирует защиту прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

Статья 17 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (Там же. 1999. 20 апр.) и ст. 30 Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (Там же. 1992. 30 апр.) устанавливают такую форму противодействия негативным социальным явлениям, как применение специальных средств.

Статья 47 Федерального закона от 15 июля 1995 г. 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» закрепляет право применения огнестрельного оружия в местах содержания под стражей (Там же. 1995. 20 июля).

Огнестрельное оружие в местах содержания под стражей может быть применено в следующих случаях:

1) для защиты от нападения, угрожающего жизни или здоровью сотрудников мест содержания под стражей, подозреваемых и обвиняемых, иных лиц;

2) отражения нападения подозреваемого или обвиняемого на сотрудников мест содержания под стражей, иных лиц с целью завладения оружием;

3) освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств;

4) отражения группового или вооруженного нападения на здания, сооружения, помещения и транспортные средства мест содержания под стражей;

5) задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни и здоровья сотрудников мест содержания под стражей или иных лиц.

Статья 10 Федерального закона от 7 мая 1999 г. № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением» в качестве средства противодействия негативным социальным явлениям закрепляет право на применение физической силы и газового оружия (Там же. 2009. 13 мая).

Представляется, что перечень законов и подзаконных актов, закрепляющих формы противодействия негативным социальным явлениям, может быть продолжен, однако приведенные примеры уже позволяют ясно выделить такие формы противодействия, как предотвращение, пресечение, контроль и надзор, устранение причин и условий, способствующих возникновению и развитию негативных социальных явлений,

действия в том числе с применением специальных средств, оружия и физической силы, направленные на защиту от них и их преодоление.

Из контекста использования термина «противодействие» в законодательстве применительно к негативным социальным явлениям усматривается и другая сторона исследуемого термина – противодействие социально полезным и необходимым явлениям.

Среди примеров норм, упоминающих негативное противодействие, прежде всего следует отметить *введение в заблуждение*.

Так, норма ст. 14.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях введение в заблуждение рассматривает как синоним обмана, при этом не раскрывается понятие ни того, ни другого.

Статья 1488 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) вводит запрет на отчуждение исключительного права на товарный знак по договору, так как оно может являться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя.

Статья 8 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введение в заблуждение рассматривает как факт недобросовестной конкуренции. Признаются недобросовестной конкуренцией и влекут наступление последствий, предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации: *введение в заблуждение*, а именно создание ложного представления о причастности производителя товара, рекламодателя к Олимпийским играм и (или) Паралимпийским играм, в том числе в качестве спонсора (Там же. 2007. 5 дек.)

Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» закрепляет запрет на введение в заблуждение и фиксирует это следующим образом: одновременное либо последовательное в течение торгового дня выставление заявок, направленных на *введение в заблуждение* участников рынка или инвесторов, в результате чего в торговой системе появляется две или более заявки противоположной направленности (Там же. 1996. 25 апр.)

Подобный запрет в виде ограничения устанавливается и нормой статьи 36.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, где зафиксировано, что фонд, агенты или работники фонда не вправе делать в устной и письменной форме заявления, распространяемые среди застрахованных лиц, о фонде

или его управляющей компании, которые заведомо направлены на введение в заблуждение или содержат недостоверную информацию.

Некоторые нормы закрепляют *обман* как явление противодействия нормальной жизнедеятельности общества, государства и личности. Например, ст. 14.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях рассматривает обман как правонарушение в виде: обмеривания, обвешивания, обсчета, введения в заблуждение относительно потребительских свойств, качества товара (работы, услуги) или иной обман потребителей.

Статья 179 Гражданского кодекса Российской Федерации признает недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств.

Статья 165 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Статья 134 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации устанавливает, что спасатель может быть полностью или частично лишен вознаграждения либо специальной компенсации, причитающихся согласно правилам, установленным гл. XVI «Спасение судов и другого имущества», в той мере, в какой спасательные операции оказались необходимыми или более трудными по его вине либо в какой спасатель виновен в *обмане* или в ином нечестном поведении.

Статья 28 Семейного кодекса Российской Федерации рассматривает обман как основание признания брака недействительным.

Среди вариантов негативного противодействия следует рассмотреть действия, препятствующие позитивной социальной деятельности. Так, например, п. 6.6 ст. 36 Федерального конституционного закона от 26 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» устанавливает запрет на совершение действий, препятствующих работе комиссии референдума.

Статья 18 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» обязывает граждан и должностных лиц не препятствовать, а выполнять законные требования работников ведомственной охраны при исполнении ими должностных обязанностей.

Невыполнение законных требований работников ведомственной охраны и действия, *препятствующие* исполнению ими должностных обязанностей, влекут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Весьма широко в юридической теории и практике применяется термин «противодейст-

вие» в связи с расследованием преступлений. Так, по мнению некоторых авторов, исследование противодействия расследованию приобрело в последнее время особенную актуальность и остроту. Это вызвано размахом организованной преступной деятельности, тесно связано с коррумпированностью работников властных структур и правоохранительных органов. Раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступлений, сегодня противодействие расследованию может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствования установлению истины по уголовному делу.

Противодействие расследованию (в стремлении избежать ответственности за содеянное) всегда сопутствовало совершению преступлений. За период существования преступности оно развилось от элементарных шагов до системы изощренного и открытого противодействия деятельности государственных органов по борьбе с преступностью.

Современное противодействие расследованию изменилось не только качественно (новые формы, средства и методы его осуществления), но и масштабно, особенно в рамках деятельности организованной преступности. Если раньше можно было считать, что мастера и средств, находившихся в арсенале следователей и оперативных работников, в целом достаточно для выявления и преодоления хитростей и уловок преступников в целях ухода от ответственности, то теперь этого явно мало, потому что им противостояет не просто более профессиональный и оснащенный современными техническими возможностями преступник, а армада сил и средств сплоченной и организованной преступности, которая отваживается на борьбу с государством (Ахтырская Н. Формы противодействия расследованию преступлений, совершаемых в сфере компьютерных технологий. URL: http://www.crime-research.org/library/Akht_01_03.htm).

Противодействие следствию – это проблема, обусловленная общественно опасной деятельностью, запрещенной соответствующим законодательством. Она производна и от сложившейся общественной практики, кроме того, некоторые действия в рамках противодействия следствию не являются противоправными, что отражено в нормах права, закрепляющих право не свидетельствовать против себя и презумпцию невиновности (О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2005 г. № 196-ФЗ. Ст. 24 // Рос. газ. 2005. 29 дек. ; О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисципли-

линарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста : федер. закон от 1 дек. 2006 г. № 199-ФЗ // Там же. 2006. 6 дек. и др.).

В целом, резюмируя особенности противодействия нормальной жизнедеятельности общества, государства и личности, отраженные в правовых предписаниях, следует отметить, что этот вариант противодействия сразу встречает вариант позитивного противодействия негативным социальным явлениям. Дело в том, что правовые нормы, содержащие упоминания о негативном противодействии, сами являются средством позитивного противодействия негативным явлениям, так как эти нормы преимущественно сконструированы как охранительные и содержат образцы запрещенного поведения под угрозой юридической ответственности.

С учетом проведенного анализа можно выделить следующие признаки и особенности противодействия.

1. В нормах права термин «противодействие» используется для обозначения различных видов деятельности: деятельность, направленная на преодоление социально-негативных видов деятельности и явлений; направленная социально-негативная деятельность.

2. Отраженное в законодательстве противодействие характеризует, с одной стороны, человеческую деятельность, направленную на преодоление различных негативных социальных явлений, а с другой стороны, деятельность, направленную и (или) являющуюся социально-негативной.

3. В рассмотренных нормативных правовых актах закрепляется круг субъектов противодействия (от индивидов до государства в целом).

4. Особенность закрепления в законодательстве термина «противодействие» проявляется в трех основных вариантах: а) в виде фиксации и термина, и обозначаемой им дефиниции; б) закрепление рассматриваемого термина без закрепления отдельной правовой дефиниции; в) фиксация термина без раскрытия обозначаемого им понятия.

5. *Позитивное противодействие* можно рассматривать как деятельность различных субъектов, направленную на обеспечение интересов жизнедеятельности общества, личности и государства.

Негативное противодействие – это деятельность, направленная на ухудшение социальной стабильности и обеспеченности прав личности и государства. Кроме того, целесообразно выделять прямое и косвенное противодействие.

Прямое противодействие проявляется как деятельность различных субъектов, прямо направленная на блокирование и преодоление социально-негативных явлений и действий.

Косвенное противодействие – это действия, прямо не направленные на реализацию целей данного вида противодействия, но противодействие возникает фактически.

6. Согласно проанализированным нормативным правовым актам субъектами позитивного противодействия могут выступать государство в целом, государственные органы, должностные лица, отдельные граждане и их организации. Субъекты негативного противодействия – это только должностные лица, граждане и их организации.

7. *Формы (направления, меры) противодействия* – это внешние проявления деяний (действий либо бездействий), отраженные в законодательстве.

8. *Методы позитивного противодействия* проявляются в виде установленных в законодательстве дозволений, обязываний, запретов, ограничений, рекомендаций. *Методы негативного противодействия* корреспондируют с ограничениями и запретами, установленными законодательством, и проявляются в деяниях, противоречащих правовым предписаниям (прямо или косвенно). При этом к фактам противодействия следует относить не только нарушение запретов и ограничений, но и неиспользование обязанностей должностными лицами и неиспользование ими имеющихся прав по реализации позитивного противодействия.

9. *Средства противодействия* – это любые материальные и нематериальные явления, с помощью которых субъекты осуществляют противодействие. С точки зрения правового регулирования эти средства можно обозначить как *правомерные*, т. е. те, которые предусмотрены правовыми предписаниями и используются для их реализации либо не противоречат правовым нормам, и *неправомерные*, которые противоречат правовым предписаниям.

10. Субъекты, формы, методы и средства противодействия образуют *систему элементов постоянного позитивного противодействия*. Негативное противодействие в настоящее время не носит системного характера, а представляет собой совокупность элементов, которые в своем взаимодействии проявляют варианты спонтанных, индивидуально-обусловленных, при этом достаточно часто встречающихся социально-негативных деяний.

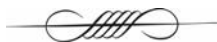
11. Обозначаемое в нормативных правовых актах негативное противодействие – это один из способов позитивного противодействия, так как образцы негативного противодействия закрепляются преимущественно охранительными правовыми нормами, содержат образцы запрещенного противодействия и предусматривают за него юридическую ответственность. Следовательно,

но, закрепление в нормах образцов негативного противодействия суть позитивное противодействие со стороны государства. Иными словами, факт фиксации любого противодействия в правовых нормах, а также деятельность, предусмотренная реализацией данных норм, представляют собой деятельность по противодействию негативным социальным явлениям.

12. Из анализа норм, фиксирующих формы противодействия, можно заключить, что противодействие негативным социальным явлениям в виде позитивного и негативного закрепления со-

держится и в других нормативных правовых актах, не использующих прямо термин «противодействие», но содержащих некоторую детализацию и конкретизацию мер, направлений и форм противодействия.

Таким образом, **правовое противодействие** – это правомерные и неправомерные деяния различных субъектов, проявляющиеся в различных формах, с использованием соответствующих методов и средств, которые дозволены, обязательны, запрещены либо ограничены правовыми предписаниями.

Библиографический список

1. О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. – 1998. – 15 янв.
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 9 авг.
3. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 30 июля.
4. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 10 марта.
5. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. – 2008. – 30 дек.

References

1. On Narcotics and Psychotropic Substances : federal law of January 8th, 1998 № 3 // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – January 15.
2. On Counteraction to Legalization (Washing up) of Incomes Received by a Criminal Way and Financing of Terrorism : federal law of August 7th, 2001 № 115 // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – August 9.
3. On Counteraction to Extremist Activity : federal law of July 25th, 2002 № 114 // Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – July 30.
4. On Counteraction to Terrorism : federal law of March 6th, 2006 № 3 // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – March 10.
5. On Corruption Counteraction : federal law of December 25th, 2008 № 273 // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – December 30.

Т. Ю. Гришина,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

T. Yu. Grishina,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

СИМВОЛИЗМ В ПРАВЕ

Symbolism in Law

Аннотация. В статье анализируется проблема символизма в праве.

Своевременность обращения к данной тематике продиктована потребностью развития права в современной России, так как принимаемые сегодня законы должны быть символом прежде всего существующего порядка, регулирующего общественные отношения. Они должны восприниматься не как символ времени и политических пристрастий, но как символ торжества и справедливости.

Полученные выводы и предложения автора позволяют по-новому взглянуть на современную правовую систему как определенный символ и значение символизма в праве.

Ключевые слова: символизм, символизм права, символ, понятие символа, символ и власть, политическое и правовое содержание символизма, специфика правовых символов.

Abstract. The author analyzes the problem of symbolism in law.

Timeliness of the reference to the given subject is determined by the need of the development of law in modern Russia as the laws passed today should first of all be a symbol of the existing order which regulates public relations. They should be perceived not as a symbol of time and political predilections, but as a symbol of triumph and justice.

The author's conclusions and suggestions allow to have a fresh look at the modern legal system as at a certain symbol and understand the importance of symbolism in law.

Key words: symbolism, symbolism in law, symbol, concept of a symbol, symbol and power, political and legal content of symbolism, specificity of legal symbols.

Проблема символизма во все времена являлась сложной и многогранной. Над ее разрешением работали не только ученые-правоведы, но и теологи, философы, историки, этнологи.

Так, христианский символизм первоначально возник в контексте экзегетической деятельности. При объяснении текста Священного Писания трудные места, не поддающиеся буквальному истолкованию, трактовались в иносказательном смысле (Столяров А. А. Средневековый символизм // История философии. Запад–Россия–Восток. М., 1995. Кн. первая: Философия древности и средневековья. С. 303).

Для философско-теологической литературы средневековья более характерен предметный символизм. Он превращает процесс восприятия любой вещи в религиозно значимый акт. Его истоки – в сложной многозначной символике, пронизывающей всю жизнь церкви.

В периоды социально-политических кризисов усиливается тенденция к отождествлению символа и власти даже в современных политических культурах (Бочаров В. В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 17–18). Например, христианизация на Руси протекала как демонстративная мена местами старой (языческой) и новой (христианской) символики.

Иными словами, символизм тесно связан с властью, в том числе и политической, и во многом имеет правовое содержание.

Политическое и правовое содержание символизма целесообразно раскрывать через определение понятия «символ». В настоящее время понятие «символ» трактуется весьма неоднозначно. Например, один из исследователей символизма А. Ф. Лосев обращает внимание на тот факт, что в литературе, в той или иной мере касающейся проблем символа, насчитывается около 60 дефиниций «символ» (Лосев А. Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 11).

Обобщая основные точки зрения на анализируемую проблему, будем рассматривать символ как систему образно-знаковых явлений, каждое из которых служит для обозначения определенного типа взаимосвязи предметов, субъектов, отношений, отражающейся в общественном, групповом или индивидуальном сознании.

Опираясь на данное определение и анализ юридической и иной специальной литературы, выявим особенности правовых символов. Прежде всего следует отметить, что символизм в праве тесно связан с формализмом позитивизма. Направление юриспруденции, которое фиксирует в основном лишь результаты правотворческой деятельности, отрывая тем самым нормативные

установления от существующих правоотношений, получило название «позитивизм». Представители этого направления делали акцент на формальной характеристике права (Пиголкин А. С. Теория государства и права : учебник. М., 2003. С. 83).

Однако поскольку законодатель свои требования формулирует посредством символов-терминов и словесных конструкций, то изложение его воли может не совпасть с его действительным содержанием. Фактически в качестве символа может выступать любой природный или культурный объект, получивший некое семиотическое осмысление, в том числе и по своим форме, цвету, материалу, способу изготовления и т. д., а также любое событие, действие или слово. В символе хранится и передается определенная социальная, в том числе и политико-правовая, информация. Символ – это своего рода «знак знака». Если знак может быть сведен к своему смыслу, то символ может быть только соотнесен с другими символическими комплексами, смысл которых также неоднозначен.

Уже в средневековье субъекты политико-правовых отношений различали степень информированности символов, выделяя образы «подобные» и «неподобные». При этом «мир не воображали символическим, его таким воспринимали» (Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. М., 1995. С. 87).

Н. П. Павлов-Сильванский посвятил рассматриваемому вопросу очерк «Символизм в древнем русском праве» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1998. Прил. 1: Символизм в древнем русском праве. С. 482–506). О проводниках-символах писал в 20-е гг. XX в. П. А. Сорокин (Почепцов Г. История русской семиотики. М., 1998. С. 32–36).

Впервые в русской историографии этот круг вопросов был рассмотрен П. Д. Колмыковым. По его мнению, юридические символы и обряды были поэтическим выражением внешней материальной стороны правовых идей на «младенческой» стадии развития общества. В «юношеском возрасте» человечество переходит к более абстрактным, кратким, «многозначным» изречениям-формулам, «мерным, часто рифмованным», что отражает в «умственной зрелости народа» смену «чувственной» поэзии поэзией слова. Наконец, в «мужском возрасте» человечества юридическая мысль нашла выражение в юридической прозе – «бесчисленных видах из устного и письменного делопроизводства» (Колмыков П. Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 12–19). Исследователя критиковали за идеалистичность этого построения (Свердлов М. Б. Древнерусский акт X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины.

Л., 1976. Т. VIII. С. 51). Однако несомненной заслугой П. Д. Колмыкова является определение задачи специального изучения символических обрядовых действий и словесных формул как предистории древнерусских актов.

Наиболее обстоятельно некоторые из вопросов, поднятых П. Д. Колмыковым, были рассмотрены также А. Г. Станиславским, который выделил значительное число юридических символов и формул, по обычаю используемых при закреплении сделок. Была сделана попытка определить назначение символов, формул и актов, указаны источники для исследования юридического символизма: грамоты, летописи, писцовые книги, этнографический материал (Станиславский А. Г. Об актах укрепления прав на имущество. Казань, 1842. С. 108–129).

Овладение символом как способом фиксации права на вещь или объект – важнейший прием в архаическом, в том числе древнерусском, праве. Как писал П. М. Бицилли, «...символическими актами сопровождаются действия, при помощи которых средневековый человек вступает в правоотношения с себе подобными, и символическими знаками отмечено большинство объектов его обихода» (Бицилли П. М. Указ. соч. С. 15).

П. Д. Колмыков привел примеры использования у разных народов куска земли или дерна при решении спорных вопросов о земельных участках и последующего употребления выражения «продать в дерн, одерень» как словесной формулы.

Развитие системы государственности проходило с использованием символики, которая также включалась в ритуально-процессуальные действия, а кроме того, могла являться самостоятельным комплексом знаков, удостоверяющих властные полномочия княжеской администрации. В письменных источниках нет описания знаков, однако в ряде статей Русской Правды говорится об отличительных княжеских знаках (Краткая Правда // Российское законодательство X – начала XX в. : в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 48 ; Пространная редакция Русской Правды // Там же. С. 69–70).

Исследуя предпосылки, условия зарождения и развития римского частного права, Р. Иеринг определил принцип субъективной воли в качестве его первоначального источника (Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. Ч. 1. С. 93–102). «Мечом основан римский мир и меч или копье являются древнейшим символом римского права... Римляне не имеют, говоря языком права, “отчужденной” собственности, отчужденной от Бога или других людей, они обладают собственностью “первоначальной”, “непосредственной”, при которой собственник сам является творцом своего

права на собственность, они её взяли, где наши», – говорит Иеринг.

Сегодня, несмотря на бесспорную важность изучения политической и правовой символики, в отечественной государственно-правовой науке это направление развивается недостаточно активно по сравнению с зарубежными исследованиями (Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. Волгоград, 2003. С. 121 и др.).

Среди отечественных ученых следует назвать имена Н. Н. Вопленко, А. И. Демидова, Д. А. Мисюрова, С. Г. Прокофьева, В. Н. Синюкова. Указанные авторы рассматривают политический и правовой символизм в приложении к современности. Как отмечает В. Н. Синюков, «кроме “материй” права есть и его “дух”, “аура”, “символы” и “образы”, которые не менее императивны и реальны, чем “правоотношения” и “акты применения”, и которые либо вообще не существовали для нашего материалистического правоведения, либо выводились им за рамки собственно юридической проблематики» (Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 54).

В юридической науке на символизм права обратили внимание Ю. А. Глушаков, А. Л. Куницын, А. В. Никитин.

А. В. Никитин, опираясь на труды первооткрывателей символизма права итальянского философа и историка Джамбаттиста Вико (1688–1744) и немецкого филолога Якоба Гримма (1785–1863), изучивших символические обряды и краткие словесные формулы немецкого, скандинавского и французского права, пришел к выводу, что с исторической и науковедческой точек зрения проблема символизма в праве до сих пор не может считаться исследованной адекватно существующему положению дел в правовой реальности (Никитин А. В. Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 10, 16).

По мнению социолога П. Бурдьё, значение, придаваемое форме, является характерной чертой всех кодификаций. Кодификация – это операция символического упорядочивания, которая выпадает чаще всего на долю высшей государственной бюрократии (Цит. по: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 203).

Кодексы и законы – «опорные столбы» права, по меньшей мере того, которое преподается на юридических факультетах. Согласно выражению Ж. Карбонье, Гражданский кодекс представляется как «символ остановившегося времени» (Carbonnier J. Le code civil, dans «Les lieux de la memoire», dir. P. Nora; «La nation». Т. Н. Paris, Gallimard, 1986. P. 308).

По мнению Н. Рулана, символизм, порождающий ритуал, связан с правом теснее, чем с понятием урегулирования конфликта, в том смысле, что в

категории принуждения конфликт не может быть разрешен иначе, как с помощью применения права. И здесь кроется тот смысл, который видят в ритуале этнологи (Рулан Н. Указ. соч. С. 287).

Политико-правовая знаковая система способна регулировать поведение только тогда, когда адресуемая информация воспринята сознанием личности (или коллективным сознанием группы, что наиболее актуально для средневековья) и трансформировалась в мотив ее деяния (Фалалеева И. Н. Указ. соч. С. 121 и др.).

В современных демократических федерациях, где субъекты, как правило, не представляют национальную государственность, их конституции в основном преследуют цель как бы разукрупнить федеральную власть. Практически не встречаются расхождения с федеральной конституцией по вопросам прав и свобод человека, а механизм власти функционирует в пределах точно очерченной компетенции. Поэтому такие конституции внешне кажутся малозначительными, но на деле весьма важны для предотвращения чрезмерной концентрации власти, способной угрожать свободе людей. В то же время в этих конституциях подчас заметно увлечение законодателей местной государственной символикой (закрепление своего флага, гимна, «официальных» птиц или рыб в ряде штатов США и др.), а также включение в тексты малозначительных и даже парадоксальных положений (кантоны в Швейцарии) (Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 53).

Правовая государственность как символ и социальный идеал представляет собой прежде всего прогрессивную идеологию гражданского общества, постепенная объективация которой на нормативном уровне обусловлена уровнем общественного правопонимания (Мами К. Правовое государство: социальный идеал и реальность // Законодательство. 2003. № 2).

Сегодня вопрос целесообразности единого гражданства Российской Федерации активно обсуждается в правовой науке. В частности, М. В. Баглай полагает, что одновременное гражданство Российской Федерации и республик в составе Федерации «не ведет к раздроблению гражданства РФ» (Баглай М. В. Конституционное право РФ. М., 1998. С. 267).

Как считает М. К. Маликов, принадлежность к народу, а не к отдельным нациям (народностям) выражает сущность гражданства РФ. В республике гражданство излишне, идеологизировано, имеет символическое (как флаг, гимн) значение. Постулирование гражданства в рамках национально-государственного образования – республики – не более, чем дань исторической традиции (Мисрокова М. Коллизии законов о

гражданстве РФ и республики в ее составе // Закон и право. 2005. № 6. С. 12–14).

В Римской империи многочисленность и разбросанность императорских конституций вызвали потребность их объединения. Оно должно было служить символом единства права при политическом разделении государственного аппарата (Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 2005. С. 24).

В то же время И. А. Исаев под символизмом правовой формы понимает не внешние символы, которыми на заре становления права сопровождались юридически значимые действия, а нечто более широкое в смысле понятий «философии символических форм» Эрнста Кассирера или марксистской теории права Евгения Пашуканиса, а именно: символизм правовой формы заключается не столько во внешних и материальных знаках, сколько в динамизме и многосмысленности отражения им правовой реальности (Исаев И. А. Символизм правовой формы: Историческая перспектива // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10).

В большей мере символический характер правовых форм обусловлен стремлением их создателей сделать данные формы максимально емкими и содержательными, вбирающими в себя исчерпывающее число различных смыслов и предписаний. Именно непрерывность цепи смысловых значений, содержащихся в норме, сближает ее с символом.

Например, в США правовая доктрина содержит утверждение, что получение доказательства с нарушением XIV поправки к Конституции¹ не должно запрещать его использование, аргументируя это тем, что надлежащая юридическая процедура, включающая в себя соблюдение всех прав граждан, является «живым принципом», находящимся в движении и символизирующим развитие «свободного общества».

В отечественном праве возмещение причиненного ущерба как форма деятельного раскаяния представляет особый интерес применительно к нашему исследованию. В первую очередь это касается ущерба имущественного. Последний может стать для потерпевшего настоящей финансовой проблемой. Но нередко даже символическая ценность утраченного оказывается настолько же или даже более существенной, чем материальная потеря. Следовательно, *полное*

возмещение данного рода ущерба становится значительным шагом на пути к установлению справедливости, так как удовлетворяет интересы лица, потерпевшего от преступления. То есть символом права для потерпевшего выступает сам институт возмещения вреда.

Необходимо отметить институт *habeas corpus*, существующий в Англии с 1679 г. и являющийся в представлении многих континентальных юристов своеобразным «символом» английского уголовного процесса. Любое задержанное лицо должно быть доставлено в суд, который проверяет основания задержания (ареста) и при отсутствии таковых освобождает лицо путем издания приказа *habeas corpus*.

Конституционализм символизирует относительную завершенность процесса укоренения определенной политической линии, курса в использовании власти, иными словами, законодательное оформление победы одного из политических соперников.

Однако важно значение символов и для целых регионов и субъектов. Так, к началу XX в. Дагестанская область была регионом, правовой статус которого содержал черты колониального характера. Вместе с тем утвержденный 5 июля 1878 г. герб Дагестанской области Российской империи как один из государственных атрибутов отныне символизировал объединение всего Дагестана (Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения : дис. ... д-ра юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 327).

По мнению норвежского ученого Торстейна Экхофа, закон может иметь определенную латентную функцию, и если он не ведет к реальным изменениям, то может удовлетворять определенные потребности путем официального выражения некоторых идеалов. Такого рода действие закона он называет «символическим» эффектом (Цит. по: Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ). М., 1992. С. 75).

В современном гражданском праве Российской Федерации наиболее часто встречаются примеры использования символов. Так, иногда возможно установление отношения *посредственного владения вещью*, под которым понимается законное владение товарораспорядительным документом или иным символом вещного права на определенную вещь, а символом вещи выступают, например, ключи от автомобиля или правоустанавливающие документы на нее (п. 1 ст. 573 ГК РФ) (Белов В. А. Гражданское право: Особенная часть : учебник. М., 2004. С. 21, 41). С правом на имя самым тесным образом сопрягается *право на подпись. Подпись (автограф) физического лица* представляет собой графическое начертание символа или совокупности сим-

¹ Раздел 1 XIV поправки к Конституции США гласит: «Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; и не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите на основе законов» (URL: <http://www.histdokuments.narod.ru/Sbornik/popravku.htm>).

волов (знак), ассоциирующееся с его именем (п. 1 ст. 160 ГК РФ); товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а знак обслуживания – это обозначение, служащее для индивидуализации выполняемых юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями работ или оказываемых ими услуг (ст. 1477 ГК РФ).

Звания, степени, знаки, награды, призы и другие символы, предназначенные для обозначения заслуг определенного лица в той или иной сфере деятельности, призваны подчеркнуть общественно полезный характер этой деятельности и стимулировать других лиц осуществлять таковую, стремясь к аналогичным заслугам. Государственные символы присуждаются (присваиваются), как правило, в публичном порядке. Так, например, порядок присвоения воинских званий регулируется ст. 46–49 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (Рос. газ. 1998. 2 апр.); награждения государственными наградами и присвоения почетных званий – Указом Президента РФ от 2 марта 1994 г. № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» (Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1994. № 10, ст. 775) и статутами (положениями) о соответствующих конкретных наградах; присвоения ученых степеней и званий – постановлениями Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней» (Рос. газ. 2002. 6 февр.) и от 29 марта 2002 г. № 194 «Об утверждении Положения о порядке присвоения ученых званий» (Там же. 10 апр.). Награды и символы, учреждаемые частными лицами, например, медали за спортивные достижения, призы на конкурсах и выставках, звания «Передовик производства», «Первый ученик», «Лауреат такого-то конкурса», различного рода премии и т. п., присуждаются в частном по-

рядке с соблюдением в необходимых случаях правил ст. 1055–1061 ГК РФ (о публичном конкурсе и публичном обещании награды).

Принимаемые сегодня федеральные законы в любой области должны создаваться на базе апробированных и современных правил законодательной техники, технических нормативов и правил, продумываться с позиций законов природы и законов человеческого бытия, готовиться и обсуждаться фундаментально и рассчитываться на годы, а порой и десятилетия.

Принимаемые законы должны быть символом прежде всего существующего порядка, регулирующего общественные отношения. Они должны восприниматься не как символ времени и политических пристрастий, но как символ торжества справедливости.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно заключить следующее.

Во-первых, символизм – это неотъемлемая черта права, выраженного в законодательстве, и без символов вряд ли возможно эффективное регулирование общественных отношений.

Во-вторых, следует различать понятия «правовой символизм» и «правовые символы». Понятие правового символизма шире, так как, помимо условных образов, имеющих более или менее четко зафиксированное в законе правовое содержание (собственно правовых символов), включает в себя и символизм самого права как социального явления, как особого регулятора общественных отношений.

В-третьих, символизм в праве подвергался неоднократно анализу со стороны представителей различных наук, тем не менее данную проблему нельзя считать раскрытой, так как система символов, связанных с правовым регулированием общественных отношений, весьма динамична и требует постоянного внимания исследователей (в качестве примера можно рассмотреть недавнее переименование должности руководителя Чеченской Республики).

Библиографический список

1. Бочаров В. В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти / В. В. Бочаров. – СПб., 1996.
2. Лосев А. Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М., 1976.
3. Пиголкин А. С. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин. – М., 2003.
4. Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М., 2000.

References

1. Bocharov V. V. Power and a Symbol // Symbols and Attributes of Power / V. V. Bocharov. – SPb., 1996.
2. Losev A. F. Problem of Formation of a Symbol and Realistic Art / A. F. Losev. – M., 1976.
3. Pigolkin A. S. Theory of State and Law / A. S. Pigolkin. – M., 2003.
4. Rulan N. Juridical Anthropology / N. Rulan. – M., 2000.

Н. С. Емельянов,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

N. S. Emelyanov,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ В СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Legal Conflict in the System of Execution of Punishments

Аннотация. В статье анализируются понятия и разновидности правового конфликта в системе исполнения наказаний, его структура, границы и личностная направленность.

Ключевые слова: правовой конфликт, пенитенциарный конфликт, границы конфликта, структура пенитенциарного конфликта.

Abstract. The author analyzes the concept and types of a legal conflict in the system of execution of punishments, considers its structure, limits and personal orientation.

Key words: legal conflict, penitentiary conflict, conflict limits, structure of a penitentiary conflict.

Правовой конфликт – это противоборство субъектов права с противоположным пониманием и действиями по отношению к принципам и нормам права с целью изменения своего статуса и юридического состояния (Фортova Л. К. Правовая конфликтология: конспект лекций. Владимир, 2006. С. 6). Конфликт субъектов права с противоположным пониманием и действием по отношению к принципам и нормам уголовно-исполнительного права условно можно обозначить как пенитенциарный.

Слово «пенитенциарный» происходит от фр. *penitenciaire* – исправительный, тюремный; среднелат. *poenitentiarius* – покаянный, исправительный (Эрудит: толково-этимолог. слов. иностр. слов / Н. Н. Андреева [и др.]. М., 1995. С. 182).

Этот термин в отечественной правовой литературе еще не получил широкого распространения (Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / В. С. Жеребин [и др.]. Владимир, 2005. С. 11). Несмотря на это, в практической плоскости он существует прежде всего в силу того, что уголовно-исполнительная система (далее: УИС) регулируется нормами права.

В своем письме к Президенту Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 05/11369-Ак министр юстиции России А. В. Коновалов по поводу развития УИС отмечал следующее: «...По-прежнему нередки случаи конфликтов в учреждениях УИС, во многом обусловленных напряженными взаимоотношениями в среде спецконтингента. Общая обстановка в учреждениях УИС продолжает оставаться тягостной и оказывающей непоправимое деформирующее воздействие на личность» (Документ опубликован не был).

В настоящее время анализ конфликтов в системе исполнения наказаний позволяет выделять среди них:

- позитивные и негативные;
- внутриличностные, межличностные, межгрупповые;
- официальные и неофициальные;
- «вертикальные» и «горизонтальные»;
- трудовые, учебные, бытовые, режимные;
- открытые и скрытые;
- компромиссные и бескомпромиссные (Там же. С. 11).

Таким образом, предметом пенитенциарного конфликта будут являться противоречия, возникающие при исполнении уголовного наказания, а также при применении к осужденным основных средств исправления.

Граница пенитенциарного конфликта может быть следующих видов: пространственная граница, временная граница и внутрисистемная граница (Юридическая конфликтология : монография / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995).

Пространственная граница пенитенциарного конфликта определяется территорией, на которой происходит конфликт, т. е. территорией учреждения и органа, исполняющего наказания в виде лишения свободы. Временная граница обозначает продолжительность конфликта, его начало и конец (Там же). Определить временную границу конфликта очень сложно или невозможно вообще, так как его предмет является диффузным вследствие напластования проблем. Внутрисистемная граница определена системой исполнения наказаний в целом и выделением конфликтующих сторон, т. е. субъектов, в частности.

Структура пенитенциарного конфликта выглядит следующим образом: субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона.

К субъектам уголовно-исполнительных правоотношений в целом относятся:

1. Осужденный, т. е. лицо, в отношении которого приговор, вынесенный судом, вступил в законную силу и которому назначено наказание (Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 405 ; Уголовно-исполнительное право : учебник / под общ. ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Рязань, 2006. Т. 1: Общая часть. С. 290).

2. Учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, в лице их администрации и персонала (ст. 16 УИК РФ) (Уголовно-исполнительное право / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Т. 1: Общая часть. С. 291).

Субъекты пенитенциарных конфликтов относятся до конкретных лиц, работающих и отбывающих наказания в местах лишения свободы. Ими являются:

1. Осужденный.
2. Сотрудник УИС.
3. Вольнонаемный работник (водители, медперсонал).

Следовательно, конфликты могут возникнуть между:

- осужденным и осужденным;
- осужденным и сотрудником;
- осужденным и вольнонаемным;
- сотрудником и сотрудником;
- сотрудником и вольнонаемным;
- вольнонаемным и вольнонаемным.

С правовой точки зрения каждый из перечисленных субъектов наделен законодателем сводом субъективных прав и юридических обязанностей. Каждый из них занимает определенное правовое положение по отношению друг к другу, которое регламентировано законом: Конституцией Российской Федерации, международными документами, федеральными законами, другими законами и ведомственными нормативными правовыми актами. Все это внешнее выражение права.

Внутренним выражением, или субъективной стороной, будет отношение субъектов к праву, его знание и понимание, личностные оценки, волевые качества, морально-нравственный уровень, психическая устойчивость и т. д., т. е. внутреннее состояние человека, как независимое от права, так и связанное с ним.

Объектом пенитенциарного конфликта в целом являются уголовно-исполнительные правоотношения, область которых определена различными отраслями права. Сфера уголовно-исполнительной политики охватывает международное право, конституционное право, уголовное право, трудовое право и т. д. Следовательно, исследуемый вид правового конфликта выходит за рамки

уголовно-исполнительного законодательства, что, в свою очередь, осложняет правоотношения и предполагает большой спектр детерминантов правовых конфликтов.

Объективная сторона конфликта заключается в характере противоположно направленных, юридически значимых либо юридически нейтральных действий его субъектов, причиняющих ущерб (Социология права : учебник / В. М. Сырых [и др.]. 3-е изд., стер. М., 2004. С. 268). В основном объективная сторона проявляется в выборе стиля поведения каждой из конфликтующих сторон и наличия реальной возможности воздействия на ход конфликта.

Анализируя детерминацию пенитенциарного конфликта, следует сказать, что, с одной стороны, российское законодательство предоставляет достаточно оснований для возникновения правовых конфликтов, а с другой – данное обстоятельство позволит выявить все недостатки (пробелы и коллизии), существующие в законе. В конфликтах, возникающих и развивающихся в связи с существующими противоречиями между правовыми нормами уголовно-исполнительного законодательства, правовой аспект выражен наиболее полно. Интересы субъектов конфликта, мотивы их поведения определяются смыслом и значением правовых норм, от которых напрямую зависит поведение участников (Юридическая конфликтология : монография / под ред. В. Н. Кудрявцева).

Немаловажную роль в конфликтном поведении играет личность преступника. Нередко обнаружить причины конфликтов можно в ней, поскольку личность преступника – это понятие и общесоциологическое, и юридическое (Криминология : учеб. для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. 27-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 82).

В условиях исправительного учреждения большое влияние на личность осужденного оказывает так называемая криминальная субкультура, или контркультура. Нормы и ценностные ориентации преступной среды определяют поведение осужденного, криминализируя его личность (Там же. С. 45). Криминальная субкультура несет в себе свод неписаных правил поведения, исполнение которых обязательно для всех осужденных без исключений. С течением времени свод криминальных «законов» и «понятий» естественным образом изменяется, но принципиальное их значение, или, скорее, назначение, остается неизменным. Это в первую очередь касается негативного отношения к администрации исправительного учреждения и сотрудникам правоохранительных органов в целом. Тем самым субкультура осужденных уже своим существованием подразумевает конфликтное поведение

ние и влечет за собой ряд трудностей в работе сотрудников пенитенциарных учреждений.

Характеристика участников конфликта, особенности условий его протекания определяют и поведение сторон (Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2006. С. 632).

Согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных». Процесс исправления, в свою очередь, не может обходиться без конфликтов, так как осужденный пытается оказать сопротивление администрации, всячески показывая свое нежелание исправляться. Ко всему прочему общность осужденных состоит из лиц криминальной направленности, нравственная запущенность которых различна (Криминология : учеб. для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. С. 45). Воспринимая средства исправления и перевоспитания прежде всего как карательные, осужденные вырабатывают к ним отрицательное от-

ношение (Там же. С. 47). Иными словами, деятельность сотрудников постоянно сопряжена с конфликтами либо угрозой их возникновения.

Все вышеперечисленное еще более усложняет процесс решения задач УИС, обозначенных законодателем, так как сотрудникам, помимо своих функциональных обязанностей, приходится постоянно удерживать «равновесие в отношениях» с криминальным миром во избежание негативных последствий, которые могут пагубно сказаться на деятельности правоохранительных органов. Видимо, поэтому профессионально-нравственная деформация сотрудников становится необратимым процессом, вследствие чего и происходит «размытие» устоев правового сознания как у них самих, так и у осужденных, постоянно подверженных воздействию криминальной среды.

Тем не менее, на наш взгляд, специалистам в области правовой конфликтологии необходимо обратить внимание на методологию превенции пенитенциарных конфликтов, начиная с латентной стадии.

Библиографический список

1. Детков А. П. Теоретические и практические проблемы пенитенциарной конфликтологии : монография / А. П. Детков ; науч. ред. В. А. Уткин. – Барнаул, 2009.
2. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения : монография / В. С. Жеребин [и др.]. – Владимир, 2005.
3. Юридическая конфликтология : монография / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М., 1995.

References

1. Detkov A. P. Theoretical and Practical Problems of Penitentiary Conflictology / A. P. Detkov ; ed. by V. A. Utkin. – Barnaul, 2009.
2. Penitentiary Crimes: Essence and Current Problems of Prevention / V. S. Zherebin [et al.]. – Vladimir, 2005.
3. Legal Conflictology / ed. by V. N. Kudryavtsev. – M., 1995.

В. Е. Ерохина,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

V. E. Erohina,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Implementing the Programmes Concerning Professional Rehabilitation of Invalids: Problem Issues

Аннотация. Данная статья основана на анализе действующего законодательства в сфере реализации индивидуальных программ реабилитации инвалидов. Рассматриваются два взаимосвязанных процесса: медицинский критерий ограничений у инвалидов и социальные последствия их установления в профессионально-трудовой сфере.

Ключевые слова: индивидуальная программа реабилитации инвалида, гарантии, сфера занятости, трудовая реабилитация, ограничения.

Abstract. This article is based on the analysis of the effective legislation in the sphere of implementing individual programmes of rehabilitation for invalids. The author considers two interconnected processes: the medical side of the limitations for invalids and social consequences of their introducing into the sphere of professional labour.

Key words: individual programme of rehabilitation of invalids, guarantees, sphere of occupation, labor rehabilitation, limitations.

Статьей 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» установлено, что инвалидам, занятым в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, создаются необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида (далее: ИПР) (Рос. газ. 1995. 2 дек.). Согласно правилам признания лица инвалидом, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 95, специалисты федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы (далее: МСЭ) при установлении гражданину группы инвалидности одновременно разрабатывают и ИПР (Там же. 2006. 28 февр.).

В ИПР вносятся все мероприятия, необходимые инвалиду в целях реабилитации, сведения о доступных и противопоказанных условиях и видах труда, включая рекомендации по сокращенной продолжительности рабочего времени. Приказом Минздравсоцразвития России от 4 августа 2008 г. № 379н «Об утверждении форм индивидуальной программы реабилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, порядка их разработки и реализации» утверждены две формы индивидуальной программы реабилитации: одна для взрослого, другая для ребенка-инвалида, а также порядок разработки и реализации ИПР (Там же. 2008. 10 сент.).

Данные нововведения должны способствовать развитию реабилитации инвалидов и повышению ее эффективности.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» ИПР имеет для инвалида рекомендательный характер и он вправе отказаться от того или иного вида, формы и объема реабилитационных мероприятий, а также от реализации программы в целом. Если работник скрывает (не сообщает) сведения о своей инвалидности и не предъявляет ИПР, то он действует в рамках своего права. При рассмотрении ситуации, когда соискатель, имея инвалидность (например, при наличии определенного хронического заболевания соматического характера – артрит, астма и др.), в процессе поиска работы не сообщает об инвалидности и не предъявляет ИПР – это его право и его выбор. В данной ситуации инвалид освобождает государство и работодателя от предоставления ему каких-либо социальных гарантий (в трудовой сфере), беря ответственность за свое здоровье на себя.

Если работник предъявляет работодателю ИПР, в которой определены требования к рабочему месту инвалида, работодатель обязан их соблюдать и реализовать все положения ИПР.

Однако при приеме на работу инвалидов отделы кадров организаций, как правило, обязывают их предоставлять ИПР. При этом они ссылаются на требования инспекций по труду, а рекомендательный характер ИПР игнорируют.

Состояние здоровья и инвалидность, в частности, не должны находиться в рамках категории «деловые качества работника», так как интеллектуальные способности человека, приобретенные профессиональные навыки находятся вне сферы

функциональных соматических расстройств систем организма (в чем и проявляется инвалидность). Естественно, это не относится к психоневрологическим патологическим состояниям личности. При заболеваниях опорно-двигательного аппарата, бронхолегочной системы и др. происходит изменение в определенном «механизме» функционирования организма как системы, отвечающей за те или иные органы и данные процессы, которые не влияют на уровень развития умственных способностей, а следовательно, и не отражаются на профессиональных навыках и умениях.

Однако постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» относит состояние здоровья к личностным деловым качествам работника, которые характеризуются как определенная категория, набор качеств, приобретенные человеком в процессе профессиональной деятельности (Рос. газ. 2004. 8 апр. ; 2006. 31 дек.). Между тем данная категория в большей степени относится к сфере этики, морали, нравственных устоев и принципов конкретного человека, а не к медицинской области. В связи с этим отождествлять здоровье человека с его профессиональными навыками нельзя.

Относительно ИПР необходимо отметить следующее: основная проблема здесь кроется вовсе не в неумении или нежелании работодателей реализовать все пункты ИПР, а в самом процессе ее составления и выдачи бюро МСЭ инвалиду.

Рассмотрим эту процедуру более подробно.

При подаче гражданином заявления на прохождение МСЭ в документе (заявлении) указываются его личные данные, причина прохождения МСЭ. К заявлению прилагаются необходимые медицинские документы (эпикриз, результаты анализов и др.). Иногда освидетельствуемый в заявлении указывает, что требуется выдача ИПР. Как правило, это происходит в тех случаях, когда человек проходит МСЭ повторно, знает о наличии ИПР и требованиях работодателя о ее предоставлении.

В процедуре освидетельствования принимают участие врачи-специалисты и секретарь. Они задают гражданину определенные вопросы, касающиеся в основном общего состояния его здоровья. Затем, после совещания, которое проходит в отсутствие освидетельствуемого, комиссией выносится решение о том, какую группу инвалидности установить. Далее инвалиду выдается под подпись справка МСЭ, а также ИПР. Участвия в составлении последней, анализе всех ее пунктов (профессиональной, медицинской реабилитации) инвалид не принимает. Таким образом, он не имеет возможности оценить важность

тех или иных пунктов ИПР, а следовательно, и объективно решить вопрос о целесообразности выполнения ИПР в полном объеме или только ее части.

Главная цель ИПР – медицинская, профессиональная, социальная реабилитация, предоставление определенных гарантий инвалидам со стороны работодателей – вряд ли будет достигнута, если специалисты, отвечающие за ее составление и выдачу, будут представителями только одной области – медицинской. Объяснить, оценить характер того или иного трудового процесса могут лишь инженеры по охране труда, специалисты отделов трудовой занятости, работающие с инвалидами, естественно, учитывая медицинские показания и заключения врачей в каждом конкретном случае, анализируя диагноз, определенный прогноз его состояния, трудовую квалификацию.

Рассмотрим конкретный пример. Гражданин имеет инвалидность 2-й группы: диагноз – артрит (хроническая форма); клинический прогноз – неопределенный. Заболевание характеризуется периодическим воспалением коленных суставов, что приводит к ограничению двигательной (контрактурной) способности суставов. По словам инвалида, какое-либо влияние данное состояние на трудовую деятельность (связанную с умственным трудом) не оказывает. Сама форма заболевания, течение болезни предопределяют ограничение конкретных физических нагрузок, но никак не ограничения в интеллектуальном, умственном труде. Как правило, в ИПР такого больного значатся следующие рекомендации: «ограничено физическое и психическое напряжение, объем работы сократить в два раза». Разумеется, работодатель не заинтересован в таком работнике, следовательно, шансов у последнего найти квалифицированную работу практически нет.

Не углубляясь в медицинскую сторону вопроса и не обладая специальными медицинскими знаниями, тем не менее мы можем составить примерный перечень заболеваний, имеющих определенную специфику (диабет, артрит, астма и иные хронические формы), которые в процессе протекания ни в коей мере не должны являться основанием для установления ограничений в трудовой деятельности людей (учитывая каждый конкретный случай).

Например, учителю установлена инвалидность 2-й (или 3-й) группы по конкретному заболеванию. Естественно, он получает от государства набор социальных гарантий и реализует их. Однако зачем ограничивать его трудовую (умственную) деятельность определенными временными рамками (сужая их или сокращая количество часов рабочей нагрузки), если человек не выполняет тяжелого физического труда, который

ему и противопоказан? Вопрос о продолжении рабочего процесса у такого работника имеет, как правило, два варианта: если человек получил инвалидность, уже работая в определенной должности на конкретном предприятии, то работодатель, зная его квалификацию и деловые качества, способен верно оценить и разрешить определенную ситуацию, но если человек только ищет работу (например, после окончания вуза, не имея опыта работы и др.), то предоставив работодателю справку МСЭ, ИПР, шанс найти работу для такого соискателя практически равен нулю.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным внести соответствующие изменения в Трудовой кодекс РФ, в классификации и критерии Минздравсоцразвития России по следующим вопросам:

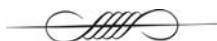
– комиссия МСЭ должна состоять из широкого круга специалистов, а именно: врачей, работников центров трудовой занятости, определяющих не только степень тяжести заболевания и характер реабилитационных мер, но и возможность профессиональной реабилитации инвалидов, учитывая их квалификацию и условия осуществления трудовой деятельности. Столь широкий круг специалистов должен быть обязателен для участия в проведении МСЭ, причем как при первичном, так и при после-

дующих освидетельствованиях. Такой состав комиссии МСЭ должен быть детально прописан в соответствующих документах;

– целесообразно пересмотреть вопрос об установлении ограничений часов рабочего времени для инвалидов 2-й группы (по каждому конкретному заболеванию и истории болезни), исходя из условий реализации профессионально-трудовых обязанностей в каждом конкретном случае.

Социализация и реабилитация инвалидов никогда не станут действенными, если процесс его «поддержки» будет реализовываться лишь в ограничениях и запретах. Человек, имеющий инвалидность, должен в полной мере реализоваться в трудовой сфере во всех ее звеньях, а не только в той, где нужна низкая квалификация и механический, монотонный труд. Пока будет жив стереотип, что инвалид – это не работник, а источник проблем и многократных затрат государства (и работодателя), решить данный вопрос будет трудно.

Между тем сегодня общество уже заявило о проблемах инвалидов, о людях, которые живут вместе с нами и нуждаются в нашей помощи, обозначены основные направления в реализации государственных программ поддержки инвалидов, а следовательно, наметились тенденции к ликвидации существующих противоречий в этой сфере.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 15 апреля 2003 г. «Об утверждении разъяснения “Об определении учреждениями государственной службы медико-социальной экспертизы причин инвалидности”»: приказ М-ва здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации от 29 апр. 2005 г. № 317 // Рос. газ. – 2005. – 8 июня.
2. О порядке и условиях признания лица инвалидом : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 февр. 2006 г. № 95 // Рос. газ. – 2006. – 28 февр.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 2 дек.
4. Об утверждении форм индивидуальной программы реабилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, порядка их разработки и реализации : приказ М-ва здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации от 4 авг. 2008 г. № 397н // Рос. газ. – 2008. – 10 сент.
5. Справочник врача. – М., 2005.

References

1. On Amending and Supplementing the Resolution of the Ministry of Labour and Social Development of the Russian Federation of April 15, 2003 «On Confirmation of the Interpretation “On Defining the Disablement Causes by Institutions of State Service of Medical and Social Examination”»: resolution of the Ministry of Healthcare and Social Development of the Russian Federation № 317 of April 29, 2005 // Rossiyskaya Gazeta. – 2005. – June 8.
2. On the Order and Conditions of Declaring a Person an Invalid : resolution of the Government of the Russian Federation № 95 of February 20, 2006 // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – February 28.
3. On Social Protection of Invalids in the Russian Federation : federal law № 181-FZ of November 24, 1995 // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – December 2.
4. On Confirmation of Individual Programme Forms for Invalid Rehabilitation Issued by Federal State Institutions of Medical and Social Examination, Order of Their Development and Implementation : resolution of the Ministry of Healthcare and Social Development of the Russian Federation № 397 of August 4, 2008 // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – September 10.
5. Guidebook for Doctors. – M., 2005.

А. М. Зюков,
докторант Академии права и управления
ФСИН России
кандидат юридических наук

Д. Е. Любишкин,
старший преподаватель кафедры уголовно-
процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

A. M. Zyukov,
doctoral candidate of the Academy
of Law and Management
of the Federal Penal Service of Russia
Candidate of Law

D. E. Lyubishkin,
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Procedure
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)**

Restorative Justice (in Terms of the Aspect of Protecting the Rights of a Crime Victim)

Аннотация. В статье анализируются проблемы защиты прав потерпевшего в отечественном уголовном судопроизводстве сквозь призму восстановительного правосудия. Как положительный пример, имеющий перспективу законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, авторам представляется опыт примирительных процедур, существующих в Северо-Кавказском регионе России.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, реабилитация, потерпевший, адат, маслагат, примирение, компенсация вреда.

Abstract. The article deals with the problem of protection of the rights of a crime victim in Russian criminal court procedure in the light of restorative justice. As a positive example that has a prospect to be formalized in criminal procedural legislation, the authors set forth the precedents of conciliation procedures, existing in the North Caucasus Region of Russia.

Key words: restorative justice, rehabilitation, a crime victim, adat, maslahat, conciliation, compensation for harm.

Термин «реабилитация» происходит от позднелатинского *rehabilitatio* – восстановление. В отечественном уголовном процессе положения гл. 18 УПК РФ «Реабилитация» распространяются на обвиняемых, подсудимых, лиц, помещенных в психиатрические больницы, а также на юридические лица, которым причинен вред незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания. При этом речь не идет о восстановлении прав потерпевшего от преступления, а равно родственников или законных представителей потерпевшего лица.

Восстановление нарушенных прав чаще всего выступает в противовес доктрине отмщения. Справедливость всегда должна быть восстановлена. Самый первый способ ее восстановления – возмездие, т. е. нанесение потерпевшей стороной точно такого же ущерба стороне обидчика или обидчиков. Понятие справедливости ранее было важнейшим в обычном праве. Оттуда оно перешло в законное право, где сохранило свое значение. Как известно, слово «юстиция» произошло от латинского *justitia*, что означает справедливость, законность.

Еще в XIX в. с позиции философского понимания нравственности в делах уголовных рос-

сийский философ В. С. Соловьев указывал на неперспективность доктрины отмщения, так как внутреннее бессмыслие «отмстительной справедливости» подчеркивается тем, что за исключением немногих случаев она не имеет никакого отношения к существующим уголовным законам (Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева : в X т. СПб., 1914. Т. VII (1894–1897). Случай кажущегося ее применения только один: смертная казнь за убийство. Однако с позиции философского закона *отрицания отрицания*¹ невозможно достичь справедливости убийством за смерть, так как восстановление права для погибшего невозможно. Например, за убийство Авеля следует казнить Каина. В. С. Соловьев отмечал, что смерть Каина вряд ли восстановит права убитого им Авеля на жизнь. Субъектом восстановленного права, нарушаемого преступлением, может быть само общество или государство. Все частные права (на жизнь, имущество) гарантированы государством, оно ручается за их

¹ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ ЗАКОН – один из основных законов диалектики, характеризующий направление, форму и результат процесса развития. Сформулирован Г. В. Ф. Гегелем и развит К. Марксом. Согласно закону «отрицания отрицания» развитие осуществляется циклами, каждый из которых состоит из трех стадий: исходное состояние объекта, его превращение в свою противоположность (отрицание), превращение этой противоположности в свою противоположность (отрицание отрицания).

неприкосновенность, ставя их под защиту своих законов. Если же определить право как нечто положительное (+), а нарушение права как нечто отрицательное (–), и если произошло отрицание в виде преступления (например, отнята жизнь у человека), то оно должно вызвать равное отрицание в виде наказания (отнятие жизни у убийцы). В итоге такое двойное отрицание, или отрицание отрицания, даст опять положительный результат: *минус на минус дает плюс*. Однако злоупотребление данной алгебраической формулой невозможно, ибо две отрицательные величины (в нашем случае – преступление и наказание) подлежат ставить одну за другой, тогда как очевидно, что можно сложить труп убитого с трупом повешенного убийцы, и получается два трупа, т. е. две отрицательные величины и никакого положительного результата (лат. *argumentum ad judicium* – довод, адресованный к здравому смыслу).

Однако в том же XIX в. в регионах Северного Кавказа практиковались компенсационные выплаты родственникам убитого со стороны убийцы или его семьи. Это позволило примирить более 200–300 семейств.

В то же время В. В. Владимирова, исследуя институт реабилитации и возмещения вреда жертвам правосудия, обращает внимание на то, что термином «реабилитация» (восстановление) в том виде, который известен нам, юристы пользуются уже несколько столетий (Владимирова В. В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2007. С. 1–5). По утверждению Н. И. Миролюбова, впервые его употребил средневековый французский легист Блейнианус для обозначения древнейшего института помилования осужденного с восстановлением всех его прежних прав (Цит. по: Владимирова В. В. Указ. соч.). Под реабилитацией в западноевропейских странах во второй половине XVIII в. и в России в XIX в. понималось прекращение в будущем всех праволишений, связанных с осуждением.

Нравственные основы реабилитации не только преступников, но и жертв преступлений, формирующиеся в конце XIX в. в России, мы находим и в трудах российских философов. Так, российский религиозный философ В. С. Соловьев указывал, что нравственный принцип требует, чтобы мы признавали право обоих субъектов (обидчика и потерпевшего. – А. З., Д. Л.) на нашу помощь для восстановления нарушенной правды (Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. VII (1894–1897). С. 313). В. С. Соловьев убедительно разъяснял, что до сих пор (в конце XIX в. – А. З., Д. Л.) признается только право обидчика или преступника на сострадание,

тогда как не допускается право обижаемого на сострадание, что приводит к отнятию самого права на защиту. Эти две доктрины им были названы доктринами *отмщения* (для обиженного) и *словесного вразумления* (для обидчика) (Там же. С. 314).

Не будучи юристом, В. С. Соловьев тем не менее приводит для нас простую формулу: «Преступление есть нарушение права; право должно быть восстановлено; наказание, т. е. равномерное нарушение права в лице преступника, совершаемое в силу определенного закона публичной властью (в отличие от частной мести), покрывает первое нарушение, и таким образом восстанавливается нарушенное право». Следовательно, в доктрине отмщения нарушенное определенным преступным действием восстанавливается соответствующим или равномерным действием. Однако В. С. Соловьев пришел к выводу, что в целом доктрина восстановления права посредством равного воздания защищалась более философами, нежели юристами.

В настоящее время вести речь о восстановлении прав потерпевшего от преступления можно в случае *фактической реабилитации*, например, в случае реализации положений ч. 3 ст. 148 УПК РФ, когда информация об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, распространенного средствами массовой информации, подлежит обязательному опубликованию. Во всех других случаях жертва преступления остается не реабилитированной.

Однако правовой выход из сложившейся ситуации есть. Это способ защиты и восстановления прав личности, например, на честь, достоинство и деловую репутацию гражданско-правовыми средствами (ст. 152 ГК РФ). Между тем проблема может возникнуть вновь, если не будет установлено местонахождение ответчика, так как иск подается по месту нахождения ответчика.

Например, в ходе проверки по материалу № 04пр-08 (Ленинский межрайонный следственный отдел Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре по Владимирской области) в отношении Х. не было установлено его местонахождения, однако сделан вывод, что в действиях лица фактически усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 298 УК РФ. Однако сроки давности уголовного преследования истекли, в связи с чем в возбуждении уголовного дела отказано. В обосновании решения следователь сослался на сроки давности уголовной ответственности, закрепленные в ст. 78 УК РФ.

Здесь налицо казус: уголовный закон закрепляет сроки давности *уголовной ответственности*, а уголовно-процессуальный указывает на

сроки давности уголовного преследования, что не одно и то же. При этом в уголовно-процессуальном законе сами сроки давности уголовного преследования не закреплены. В результате восстановления прав жертвы преступления не последовало.

Сегодня восстановлению нарушенных прав потерпевшего от преступлений способствует и активизация института реабилитации в уголовном судопроизводстве. В 2001 г. было привлечено к дисциплинарной ответственности 239 следователей за нарушение сроков содержания обвиняемых под стражей, в 2002 г. – 125 следователей, в 2003 г. – 102; в 2004 г. – 43; в 2005 г. – 40; за необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности: в 2001 г. – 132 следователя, в 2002 г. – 119; в 2003 г. – 299; в 2004 г. – 207; в 2005 г. – 215 (Сведения о количестве сотрудников следственных подразделений, совершивших правонарушения по регионам : стат. данные ГИАЦ МВД России за 2001 – 2005 гг. URL: <http://www.mvd.ru/stats/>). Сам факт привлечения к ответственности должностных лиц еще не свидетельствует о восстановлении нарушенных прав потерпевшего, однако, на наш взгляд, его можно рассматривать в качестве одной из процессуальных гарантий института реабилитации в стадии досудебного производства по уголовному делу и, следовательно, постановления в дальнейшем судом законного, обоснованного и справедливого приговора по делу. В последнем случае возрастает вероятность возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Профессор Б. Я. Гаврилов, исследуя практику правового регулирования защиты прав участников уголовного процесса, отмечает, что, несмотря на принимаемые государством меры по упрочению законности и правопорядка, в последние годы значительно возросло число допускаемых следователями, дознавателями и судами процессуальных ошибок и нарушений закона. В результате за 11 лет (1994 – 2004 гг.) 48,7 тыс. граждан было реабилитировано в стадии предварительного расследования и 32,8 тыс. полностью оправдано судами, из них 25,3 тыс. обвиняемых и подсудимых содержались под стражей (Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 63).

Сегодня в правовом регулировании защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в судопроизводстве по уголовным делам определяющее значение придается совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 г. сделан

вывод о том, что права потерпевших в современной России защищены объективно слабее, чем права подсудимых, подозреваемых или осужденных. Последние не возмещают своим жертвам причиненный им вред. Государство же его тоже не компенсирует. Не оказывает государство и должной психологической помощи потерпевшим. По данным статистики, не менее одной четвертой части жителей Российской Федерации становились в последние годы жертвами преступлений. Однако по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, что указывает на неполную реализацию принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве. В соответствии с действующим законодательством потерпевшим признается лицо, в отношении которого дознавателем, следователем или судом принят процессуальный акт – постановление о признании потерпевшим¹. Только с этого момента потерпевший как самостоятельный участник уголовного судопроизводства вступает в процесс и наделяется процессуальными правами. Однако срок принятия постановления о признании потерпевшим законом не установлен. В силу этого пострадавший от преступления нередко признается потерпевшим только на завершающей стадии досудебного производства. До тех пор пока его не признают потерпевшим, пострадавший от преступления рассматривается в качестве заявителя. Это, в свою очередь, ведет к нарушению прав пострадавшего от преступления. В связи с вышеизложенным Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации делает вывод о необходимости дополнения ст. 146 УПК РФ положением о том, что пострадавшее от преступления лицо признается потерпевшим одновременно с возбуждением уголовного дела. Кроме того, он обращает внимание на то, что механизм обеспечения прав потерпевшего на возмещение причиненного преступления материального ущерба и компенсации морального вреда остается крайне несовершенным. По-прежнему не решен вопрос о компенсации морального и материального вреда потерпевшему в ситуации, когда уголовное преследование в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении повлекшего вред преступления, прекращено вследствие амнистии (Рос. газ. 2008. 14 марта).

¹ В большинстве стран вместо термина «потерпевший» применяется более широкий термин «жертва преступления». Термином «жертва» оперирует и Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/power.htm>).

Фактически восстановление прав потерпевшего от преступления гарантируют следующие законы:

– Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в редакции от 5 апреля 2010 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Там же. 2004. 25 авг. ; 2010. 7 апр.);

– Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в редакции от 1 июля 2010 г.) «О прокуратуре Российской Федерации», в частности, ст. 27 «Полномочия прокурора»: при осуществлении возложенных на него функций прокурор рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (Там же. 1995. 25 нояб. ; 2010. 7 июля);

– Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в редакции от 17 июля 2009 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в частности, ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите». Государственной защите подлежат: «...3) следователи...; 6) сотрудники федеральных органов внутренних дел, осуществляющие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а также исполнение приговоров, определений и постановлений судов (судей) по уголовным делам, постановлений органов расследования и прокуроров (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ); 6.1) сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (пп. 6.1 введен Федеральным законом от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ)» (Там же. 1995. 26 апр. ; 2009. 23 июля).

В силу Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» государственная защита может быть применена в отношении заявителя или жертвы. Между тем государственной защите в соответствии с настоящим Федеральным законом подлежат участники уголовного судопроизводства, однако среди них нет ни заявителя, ни жертвы преступлений.

Таким образом, без признания жертвы преступлений потерпевшим по уголовному делу отсутствуют основания применения положений иных Федеральных законов, направленных на защиту и восстановление прав жертв преступлений.

Но и факт признания жертвы преступлений потерпевшим после возбуждения уголовного де-

ла не означает восстановления нарушенных прав. Так, по делу Х. было вынесено решение о приостановлении предварительного следствия в связи с невозможностью привлечения к уголовной ответственности (обвиняемый по ч. 3 ст. 298 УК РФ скрылся, был объявлен в розыск и обнаружен на территории другого государства). Права потерпевшего от преступления не восстановлены (Архив СУ СК при прокуратуре Владим. обл. Уголов. дело № 326 ; Архив Ленин. район. суда г. Владимира. Материал 3/7-10/09).

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, а также в большинстве международно-правовых документов жертва преступления рассматривается не как участник уголовно-процессуальной деятельности, а лишь как лицо, которому должны быть обеспечены: «...1) доступ к правосудию; 2) реституция; 3) компенсация из других источников в тех случаях, когда реституцию невозможно получить в полном объеме; 4) социальная помощь, в которую включаются материальная, медицинская и психологическая помощь...».

Восстановление права жертвы на имя, честь и достоинство (а равно права родственников жертвы), например, на Северном Кавказе – это сложная процедура, которая находит отражение в изученной нами процедуре «примирительного производства» на основе существующих сегодня на Северном Кавказе традиций.

Своеобразную правовую основу примирения составляют так называемые адаты, используемые в Дагестане как «закон, постановление». Происхождение адатов обусловлено мировым соглашением в том случае, если существующие адаты не решают конкретного спора, которое называют маслагатом. Процессуальные законы примирения в Дагестане требуют, чтобы к примирению по адатам приступали только после первичного совета примириться на основе маслагата (Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 116–117).

В процессе примирения выделяются следующие этапы:

1) обращение лица (либо его родственников), по вине которого наступили обстоятельства убийства кровной мести, к родственникам погибшего лица с просьбой о прощении;

2) социальный контроль – привлечение к процедуре примирения членов примирительных комиссий, образованных при органе местного самоуправления;

3) судебный контроль – наличие вступившего в силу приговора суда о виновности (невиновности) лица;

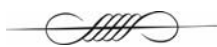
4) денежная компенсация родственникам погибшего лица со стороны виновного лица (вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный юридическому лицу, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред; вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред);

5) церемония прощения – процедура, происходящая по добровольному соглашению сторон после возмещения вреда (внесения компенсации родственникам погибшего лица со стороны виновного лица), с участием членов примирительной комиссии, а также представителей обеих

конфликтующих сторон, в ходе которой подписывается акт о примирении (Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир, 2009. С. 160).

Таким образом, прощение входит важным этапом (или звеном) в процедуру примирения, кроме того, является ожидаемой конечной целью всей примирительной процедуры, а фактическое восстановление прав наступает в случае совершения компенсационных действий (компенсации причиненного вреда).

Пожалуй, только в таком случае можно говорить о восстановительном производстве (и правосудии), когда работают вся правовая система и все ее механизмы: от наказания до компенсации вреда и от судебного и социального контроля до общественного прощения и примирения (что особенно важно в традиционных обществах).

Библиографический список

1. Владимирова В. В. Компенсация морально-го вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе / В. В. Владимирова. – М., 2007.

2. Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Борис Яковлевич Гаврилов. – М., 2004.

3. Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика / А. М. Зюков. – Владимир, 2009.

4. Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Хасплат Умалатович Рустамов. – М., 1998.

5. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В X т. Т. VII (1894–1897). – Спб., 1914.

References

1. Vladimirova V. V. Compensation for Moral Harm – a Sanction of Rehabilitation of a Victim in Russian Criminal Procedure / V. V. Vladimirova. – M., 2007.

2. Gavrilov B. Ya. Legal Regulation of Protection of Constitutional Rights and Freedoms of the Participants of Criminal Procedure / Boris Yakovlevich Gavrilov. – M., 2004.

3. Zyukov A. M. Blood Feud: an Out-of-law Custom and State Legal Policy / A. M. Zyukov. – Vladimir, 2009.

4. Rustamov H. U. Differentiation of Forms of Criminal Procedure: Modern Tendencies and Problems of Improvement / Hasplat Umaltovich Rustamov. – M., 1997.

5. Collection of Works of Vladimir Sergeevich Soloviev. In X vol. Vol. VII (1894–1897). – Spb., 1914.

Ж. Б. Иванова,

*заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Коми республиканской академии
государственной службы и управления
кандидат юридических наук, доцент*

С. А. Семенов,

*начальник кафедры уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

Zh. B. Ivanova,

*Chief of the Department of Civil Law and Process
of the Komi Republican Academy of State Service
and Administration
Candidate of Law, Assistant professor*

S. A. Semenov,

*Chief of the Department of Criminal Law
and Criminology of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor*

НЕЗАКОННАЯ ДОБЫЧА ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ: ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Illegal Catch of Water Animals: Object and Target of the Body of a Crime

Аннотация. В статье анализируются объект и предмет незаконной добычи водных животных; проблемы квалификации рассматриваемых преступлений и спорные вопросы, возникающие в следственно-судебной практике; доктринальные идеи развития природоохранного законодательства на современном этапе развития уголовного права.

Ключевые слова: благоприятная природная среда, экологическая безопасность, родовой объект, предмет преступления, квалификация преступлений, браконьерство, естественная свобода, состав преступления.

Abstract. The article deals with the target and object of illegal catch of water animals; problems of qualification of the crimes under consideration and controversial issues which arise as a result of investigatory and judicial practice; as well as doctrinal ideas of the development of environmental legislation at the modern stage of criminal law.

Key words: favourable environment, ecological safety, subsume, object of a crime, qualification of crimes, poaching, elementary freedom, body of a crime.

В ст. 42 Конституции Российской Федерации провозглашается право каждого на благоприятную природную среду, которое может быть реально обеспечено и гарантировано эффективной государственной политикой по созданию системы экологической безопасности населения. Среди задач, решаемых государством в сфере обеспечения экологической безопасности и экологического правопорядка, выделяется задача сохранения и дальнейшего воспроизводства водных биологических ресурсов (рыбы, водных животных), которые на протяжении многих столетий являются предметом преступного воздействия.

Судебно-следственная практика применения уголовного законодательства при квалификации экологических преступлений позволяет выявить позитивные и негативные тенденции в данном вопросе.

Современные масштабы незаконной добычи рыбы и других водных ресурсов не могут не вызывать серьезной обеспокоенности общества и государства относительно состояния и перспектив сохранения рыбных запасов и других водных животных, которые за последнее время стремительными темпами сокращаются.

Как самостоятельный институт экологические преступления впервые в российском уголовном праве выделены в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее: УК РФ) 1996 г. (гл. 26),

что существенным образом повлияло на решение вопросов определения объекта преступлений, посягающих на животный мир.

Бесспорно, что вопрос об объекте преступления является сложным и дискуссионным. В этой связи остановимся на концепции, определяющей объект преступления как общественное отношение, охраняемое уголовным законом (Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. М., 2000. С. 106). Основываясь на выработанной теорией уголовного права классификации объектов преступлений (Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 152), предпримем попытку проследить, какое значение придает законодатель экологическим интересам в сравнении с другими общественными отношениями.

Раздел IX УК РФ, кроме гл. 26 «Экологические преступления», содержит и другие главы, объединенные общим названием «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Вряд ли можно согласиться с имеющимся в научной литературе мнением о выделении экологических преступлений по признаку родового объекта, ибо согласно упомянутой классификации родовым объектом для данных преступлений является совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок. Глава об экологических преступлениях сформирована

рована на базе видового объекта, поэтому понятие экологического преступления является ничем иным, как видовым понятием, включающим в себя целый комплекс видовых признаков.

УК РФ не содержит определения экологического преступления, поэтому установление видового объекта преступлений, посягающих на животный мир, представляет определенные сложности, обусловленные зависимостью объекта от исторических условий, политической конъюнктуры, экономической системы и уголовной политики государства.

В обобщенном виде основные суждения по данной проблеме сводятся к следующему: во-первых, охрана природы и рациональное использование природных ресурсов – это функция государства; во-вторых, охрана окружающей природной среды – это также функция государства, направленная на улучшение благоприятных природных условий жизни людей.

Ряд авторов (Н. Д. Казанцев, Ю. Б. Кравченко, Ю. И. Тютюкин, Н. В. Черноголовкин) среди задач деятельности государства и общества выделяют охрану природы и рациональное использование природных ресурсов (Казанцев Н. Д. О некоторых вопросах кодификации природоохранительного законодательства. М., 1971. С. 14 ; Кравченко Ю. Б. Охрана окружающей природной среды как функция Советского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. С. 7 ; Проблемы правовой охраны окружающей среды в СССР. Л., 1979. С. 7 ; Тютюкин Ю. И. Природа. Общество. Закон. Кишинев, 1976. С. 52 ; Черноголовкин Н. В. Функциональная характеристика социалистического государства // Сов. государство и право. 1973. № 7. С. 17).

Сторонники другой точки зрения (О. С. Колбасов) считают, что охране подлежат лишь те компоненты природы, от которых зависит жизнь человека, и состояние которых зависит в свою очередь от поведения людей (Колбасов О. С. Экология: политика-право. М., 1976. С. 60). Подобное мнение высказывает и В. В. Петров, полагающий, что объектом экологического правонарушения является природная среда как условие жизни на Земле, представленная в комплексе экологических связей и в виде отдельных природных объектов (Петров В. В. Экология и право. М., 1981. С. 57).

Дополняя приведенное высказывание, В. Д. Пакутин указывает на то, что необходимо сохранение природных условий в таком качественном и количественном состоянии, при котором люди как биосоциальные существа могли бы не только выжить, но и дальше развиваться по пути социального прогресса (Пакутин В. Д. Уголовно-правовая охрана внешней природной среды. Уфа, 1974. С. 26). По мнению Т. А. Бушуевой и П. С. Дагеля,

объект преступлений в области природопользования – это нормальные отношения между людьми по поводу окружающей среды как основы существования и жизнедеятельности человеческого общества (Бушуева Т. А., Дагель П. С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Сов. государство и право. 1977. № 8. С. 81). Высказывались и иные точки зрения на объект экологического преступления, например, право собственности государства на природные богатства (Ляпунов Ю. И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 150). Несостоятельность данного положения, как считает Ю. И. Ляпунов, была вскрыта В. Я. Тацием в работе «Ответственность за хозяйственные преступления» (Там же. С. 65 ; Таций В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления. Харьков, 1984).

В юридической литературе встречаются мнения, согласно которым объектом экологических преступлений являются сами природные богатства (Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1975. С. 262). Такая научная позиция представляется неверной, ибо она не делает различия между объектом и предметом преступления. Так, в трудах А. М. Плешакова выделено конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду в качестве объекта преступления (Плешаков А. М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (теоретический и прикладной аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16).

Профессор А. Н. Трайнин еще в 1938 г. отмечал, что эти преступления нарушают хозяйственную жизнь страны посредством нарушения правил производства промыслов в области природы (Трайнин А. Н. Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938. С. 119–120). Такую же позицию с некоторыми уточнениями занимали Н. А. Беляев, З. А. Вышинская, Г. Л. Кригер, А. А. Пионтковский и некоторые другие криминалисты (Курманов А. С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 28). Это было вызвано, видимо, тем, что преступления против природы в УК РСФСР 1926 г. содержались в главе «Преступления против порядка управления». Чуть позже указанные деяния окончательно были квалифицированы как хозяйственные преступления.

Полагаем, что для данного исторического периода такой подход был вполне оправдан: на этапе индустриализации страны природные ресурсы расценивались в основном как источники удовлетворения материальных потребностей общества в топливе, пищевых продуктах и др. В связи с этим законодатель, устанавливая ответственность за браконьерство, незаконное занятие

водными промыслами, не преследовал иной цели, кроме защиты природных богатств от их стихийного, расточительного и бесхозяйственного использования.

Другие задачи были поставлены перед законодателем в годы научно-технического прогресса, что было вызвано реальной возможностью нерационального использования природных объектов за рекордно короткие сроки. В этой связи П. Т. Некипелов еще в 1973 г. обращал внимание на то, что речь должна идти не только об использовании или эксплуатации природных богатств, но и о сохранении и улучшении окружающей человека природной среды. Именно поэтому объектом преступлений против природы, по его мнению, следовало признавать общественные отношения в области рационального использования, сохранения и улучшения окружающей человека природной среды (Некипелов П. Т. Уголовно-правовая охрана природы // Сов. государство и право. 1973. № 1. С. 79).

В научной литературе остро дискутируются вопросы относительно определения понятия «экологическое преступление». Впервые определение экологического преступления было дано в ст. 85 Закона РФ от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 10, ст. 457), ныне утратившего силу. Под экологическим преступлением понималось общественно опасное деяние, посягающее на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека. Аналогичная позиция в отношении объекта экологического преступления изложена в работах О. Л. Дубовик (Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса РФ. М., 1998. С. 86).

Существующие разночтения по этому вопросу объясняются рядом обстоятельств, прежде всего сложностью самого объекта преступлений в области охраны природы. Отношения, выступающие объектом экологических правонарушений, носят комплексный характер, соприкасаясь с объектами иных преступлений. Не обоснован, на наш взгляд, и подход, предложенный С. Н. Кравченко: объект определяется через совокупность норм различных отраслей права, регулирующих природоохранные отношения (Кравченко С. Н. Имущественная ответственность за нарушение природоохранительного законодательства. Львов, 1979. С. 75).

Профессор Э. Н. Жевлаков объектом экологических преступлений называет охраняемые уголовным законом комплексные общественные отношения по рациональному использованию при-

родных ресурсов, сохранению качественно благоприятной среды для человека и иных живых существ и обеспечению экологической безопасности населения (Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность. М., 1996. С. 96). Аналогичную позицию занимает В. Н. Бalandюк, указывая, что объектом экологических преступлений являются общественные отношения по охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности людей (Бalandюк В. Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений : лекция. М., 2000. С. 6). В данном определении, по его мнению, находят отражение все группы правоотношений, где окружающая среда выступает в качестве объекта.

Такого же мнения придерживаются В. Я. Таций и С. Б. Гавриш, определяющие объект рассматриваемых преступлений как определенную совокупность социально одобренных и охраняемых уголовным законом природоохранных отношений, которые направлены на охрану окружающей человека природной среды, ее улучшение и оздоровление, а также на научно обоснованное, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, сохранение нормального экологического состояния объектов природы (Таций В. Я. Указ. соч. С. 68).

Как справедливо замечает Д. А. Хашимов, человек – это один из видов живых существ, и руководствоваться целями обеспечения лишь его нормального существования было бы не совсем верно (Хашимов Д. А. Уголовно-правовая охрана особо охраняемых территорий : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1998. С. 25). Мы должны производить комплексную охрану окружающей среды как места обитания человека, животных, растений. Использование на современном этапе развития общества природных богатств является одним из основных составляющих экологических правоотношений. Имеющаяся в научной литературе точка зрения о необходимости переосмысления понятия рационального использования природных ресурсов, на наш взгляд, представляется преждевременной. Не следует отказываться от этого понятия в связи с актуальностью проблемы и невозможностью его вхождения в иную группу или замены другим определением.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что под объектом экологического преступления понимаются общественные отношения, регулирующие установленный порядок взаимодействия человека с окружающей природной средой и рационального использования природных ресурсов.

Данное определение признано на современном этапе и законодателем. Так, в Экологиче-

ской доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р, указано: «Устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Для этого необходимо формировать и последовательно реализовывать единую государственную политику в области экологии, направленную на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» (Рос. газ. 2002. 18 сент.).

В теории уголовного права нет однозначного понимания в части непосредственного объекта незаконной добычи водных животных. По общему определению, непосредственный объект – это те общественные отношения, которые охраняются конкретной уголовно-правовой нормой (Уголовное право России. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 119). Различные определения в своей основе имеют те же причины, что и проблема объекта экологического преступления в целом. В основном они исторически и политически обусловлены. Представляется правильной позиция тех ученых, которые признают непосредственным объектом преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за браконьерство, общественные отношения по охране и рациональному использованию диких животных (Курманов А. С. Указ. соч. С. 33).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» под охраной животного мира следует понимать деятельность, направленную на сохранение биологического разнообразия и обеспечение устойчивого существования животного мира, а также на создание условий для устойчивого использования и воспроизводства объектов животного мира. Под использованием объектов животного мира понимают их изучение, добывание или получение иными способами пользы от указанных объектов для удовлетворения материальных или духовных потребностей человека с изъятием их из среды обитания или без такового.

В указанном законе вместо понятия «рациональное использование» употреблено понятие «устойчивое использование», которое определено как не приводящее в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия животного мира, когда сохраняется способность животного мира к воспроизводству и устойчивому существованию (Экологическое право : сб. норматив. материалов. М., 1998. С. 309). На наш взгляд, слово «рациональное» более мотивировано и исключает тавтологию, имеющуюся в законодательном определении.

На уровне непосредственного объекта выделяют основной, дополнительный и факультативный объекты состава преступления. Учитывая сложности в определении объекта экологических преступлений, следует признать оправданной указанную классификацию и для преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных животных и растений» и ст. 258 УК РФ «Незаконная охота». Как справедливо отметил А. С. Курманов, дополнительным объектом для браконьерства будет право государственной собственности на животный мир, а факультативным, в зависимости от квалификации, – режим особо охраняемых природных территорий и т. д. (Курманов А. С. Указ. соч. С. 36).

Отдельного рассмотрения при анализе объекта данных преступлений требует вопрос предмета преступления. Предмет преступления – это то, по поводу чего совершается преступление. Воздействуя на предмет, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение (Российское уголовное право : курс лекций / под ред. проф. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1: Преступление. С. 309). Установление предмета преступления имеет важное практическое значение при решении вопроса об уголовной ответственности, квалификации совершенного деяния и назначении наказания. Каждый предмет преступления обладает определенной совокупностью качественно однородных признаков, характерных для конкретного состава.

Признаки предмета рассматриваемых преступлений можно подразделить на две основные группы. Во-первых, из всего многообразия видов, классов, популяций уголовный закон охраняет только диких животных. Юридического закрепления понятия «дикие животные» нет. Нет пояснений по данному вопросу и в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, хотя в учебной и научной литературе содержатся различные мнения (Жевлаков Э. Н. Отграничение хищения от браконьерства // Сов. юстиция. 1982. № 3. С. 9 ; Крастыньш У. Уголовно-правовая охрана объектов природы // Соц. законность. 1982. № 2. С. 52).

По справедливому замечанию профессора Ю. Н. Ерофеева, многие животные – постоянные мигранты, многие временные, а некоторые вообще проживают лишь в открытом море. Охранять необходимо всех. Нахождение животного в состоянии естественной свободы ограничивается моментами вступления и выбывания (Ерофеев Ю. Н. Ответственность за незаконную охоту по уголовному законодательству России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 62). Выпускание в природную среду в целях разведения происходит, например, при акклиматизации, когда определенные виды животных пытаются приспособить

бить к новым условиям обитания, расселяя их вне пределов исторического ареала. Таким способом на территории России развели ондатру, нутрию и т. п.

Предметом преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную добычу водных животных, в рассматриваемом случае последние становятся с момента их выпуска.

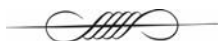
Ситуации, связанные с прекращением права собственности на животное, происходят, например, когда мелкая рыба из сети выбрасывается обратно в воду. Их следует отличать от случаев, когда право собственности не прекращается. Выбывшим из состояния естественной свободы признается животное, на добычу которого затрачен труд человека, вследствие чего оно является физически обособленным, выделенным из природной среды материальным объектом (Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. В. А. Владимирова, Н. И. Загородникова, Б. В. Здравомыслова. М., 1979. С. 324).

В связи с этим рыба, пойманная в сеть, зверь, отловленный капканом, птица, находящаяся в силках, не могут являться предметом преступле-

ний, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную добычу водных животных (Шкурко В. А. Охота, рыболовство и закон. Минск, 1982. С. 56). Добыча их должна рассматриваться в зависимости от обстоятельств либо как хищение, либо как приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что объект и предмет преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, своеобразны, что обусловлено сложностью общественных отношений в сфере охраны природных ресурсов и большим многообразием водных животных. Родовым объектом указанного преступления является общественная безопасность и общественный порядок, видовым – общественные отношения по охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности людей, а непосредственным объектом выступают отношения по поводу рационального использования и охране водных животных.

Предметом рассматриваемого преступления являются водные животные, находящиеся в состоянии естественной свободы.

Библиографический список

1. Бушуева Т. А. Объект уголовно-правовой охраны природы / Т. А. Бушуева, П. С. Дагель // Сов. государство и право. – 1977. – № 8.
2. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / О. Л. Дубовик. – М., 1998.
3. Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность / Э. Н. Жевлаков. – М., 1996.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М., 1996.
5. Таций В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления / В. Я. Таций. – Харьков, 1984.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. – М., 2000.

References

1. Bushueva T. A. Object of Environment Protection within Legal Terms / T. A. Bushueva, P. S. Dage / Soviet State and Law. – 1977. – № 8.
2. Dubovik O. L. Ecological Crimes: Commentary to Article 26 of the Criminal Code of the Russian Federation / O. L. Dubovik. – M., 1998.
3. Zhevlakov E. N. Ecological Crimes and Ecological Criminality / E. N. Zhevlakov. – M., 1996.
4. Naumov A. V. Russian Criminal Law. General Part / A. V. Naumov. – M., 1996.
5. Tatsiy V. Ya. Responsibility for Economic Crimes / V. Ya. Tatsiy. – Kharkov, 1984.
6. Criminal Law of the Russian Federation. General Part / ed. by prof. B. V. Zdravomyslov. – M., 2000.

М. М. Идрисов,
заместитель прокурора г. Клина

M. M. Idrisov,
Vice Prosecutor of the city of Klin

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ НА ЭТАПЕ ПРЕНИЙ СТОРОН

Peculiarities of Supporting Prosecution in Court at the Stage of Parties' Debate

Аннотация. Статья посвящена анализу различных аспектов поддержания государственного обвинения в суде на этапе прений сторон, в частности, обвинительной речи прокурора.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, прения, реплики, судебное следствие, речь, судебное заседание, присяжные заседатели.

Abstract. The article is devoted to analyzing different aspects of supporting prosecution in the court of law at the stage of parties' debates, in particular, the accusatory speech of the prosecutor.

Key words: public prosecutor, prosecutor, debates, remarks, judicial examination, speech, trial, jurors.

Выступление прокурора с судебной речью – один из наиболее ответственных элементов поддержания государственного обвинения в суде на этапе прений сторон. Участвуя в прениях сторон, прокурор первым публично подводит итог судебного следствия, от имени государства первым дает оценку действиям подсудимого, излагает окончательные выводы, к которым он пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела, и подводит итог своей деятельности в качестве государственного обвинителя (Мельник В. В. Речь государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей : науч.-практ. пособие. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

Речь прокурора имеет большое общественное и процессуальное значение. В своем выступлении он должен привести достаточные доказательства, изобличающие лиц, нарушивших уголовный закон, быть максимально убедительным как для суда, так и для всех присутствующих на суде. Это важнейшее качество обвинительной речи может быть обеспечено только в том случае, если обвинитель опирается на исследованные в судебном следствии факты.

Ни одна из сторон, участвующих в прениях, не наделена какими-либо процессуальными преимуществами друг перед другом. Это положение в полной мере распространяется также и на прокурора, который выступает в прениях как равный с другими их участниками. Равное положение участников прений является одним из необходимых условий, обеспечивающих состязательность судопроизводства (Гаврилов В. В. Поддержание государственного обвинения в уголовном суде. Саратов, 1999. С. 60).

Обвинитель не вправе отказаться от участия в прениях сторон. Если прокурор найдет обвине-

ние необоснованным, то в своей речи он излагает мотивы отказа от обвинения.

По своей правовой сущности и процессуальному значению речь государственного обвинителя является правовым актом, посредством которого прокурор реализует свои полномочия на суде. Для того чтобы речь была юридически обоснованной, прокурор приводит в строгую систему доказательства, исследованные на судебном следствии. При этом он не вправе ссылаться на доказательства, не являющиеся предметом рассмотрения на суде. В случае необходимости предъявления новых доказательств он может ходатайствовать о возобновлении судебного следствия. От прокурора требуется не простое перечисление доказательств, а их критический анализ и объективная оценка. Он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении дела.

Речь государственного обвинителя должна отвечать определенным требованиям. Прежде всего, это хорошее знание материалов уголовного дела, так как без этого даже самый одаренный обвинитель не может произнести речь, в которой содержался бы глубокий социальный, правовой и психологический анализ фактов. Необходимым качеством речи обвинителя является ее убедительность.

Отсутствие убедительности – наиболее распространенный недостаток речей прокуроров. Это связано с тем, что некоторые прокуроры обходят молчанием доказательства, свидетельствующие в пользу подсудимого, подчеркивая свою необъективность и предвзятость (Герасимов С. И. Организация работы городской (районной) прокуратуры : метод. пособие. М., 2001. С. 463).

В качестве иллюстрации данной мысли приведем пример из истории русского дореволюционного суда.

Старушка была привлечена к ответственности за кражу старого чайника. Прокурор произнес

такую речь: «Собственность священна, все наше гражданское благоустройство держится на собственности. Если мы позволим людям потрясать ее, то страна погибнет». Защитник, известный русский адвокат Ф. Н. Плевако, на это ответил: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее более чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь – старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уже, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно» (Плевако Ф. Н. Избранные речи. М., 1993. С. 98).

Эта короткая, но сильная, эмоциональная речь еще больше подчеркнула всю надуманность, несообразность оценки, которую дал содеянному прокурор.

Убедительность речи государственного обвинителя имеет особенно большое значение в суде с участием присяжных заседателей. Как отмечает В. И. Радченко, «неумение прокурора представить имеющиеся в деле доказательства, неубедительность его выступлений в суде влекут естественный результат: вынесение оправдательных вердиктов или чрезмерно мягких, с точки зрения прокурора, выводов скамьи присяжных заседателей. Тем не менее в подобных случаях стало модным обвинять в либерализме присяжных, а не прокуроров, которые не сумели убедительно доказать вину подсудимых» (Радченко В. И. Судебная реформа в России // Журн. рос. права. 1999. № 1. С. 69).

Кроме того, речь прокурора должна обладать такими свойствами, как ясность, популярность, доступность, логичность, лаконичность, выразительность, эстетичность (Мельник В. В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Журн. рос. права. 2001. № 7, 8).

Как отмечал А. Ф. Кони, «в основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, иными словами, необходимость склонять слушателей к своему мнению» (Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1956. С. 67).

Прокурору в своем выступлении следует избегать излишней юридизации. Его речь должна быть образной и максимально краткой. В ней должна быть безукоризненная логика в суждениях по любому вопросу, который в ней затрагивается. Обвинитель должен говорить простым и ясным языком, понятным не только юристам, но и лицам, юридически не осведомленным, коими являются присяжные заседатели (Воронцов В. Участие прокурора в суде // Государство и право. 2000. № 3).

Обвинительная речь только тогда активно воспринимается слушателями, когда она художе-

ственно разработана. В этих целях широко используются риторические фигуры, или фигуры речи. Это особые стилистические обороты, служащие для усиления образно-выразительной стороны высказывания и его семантико-стилистической организации.

В судебной речи наиболее распространенной фигурой являются речевые повторы. При правильном расположении повторение одного и того же придает фразе не только ясность, но и значительность. Речевые повторы и обусловленный ими «стереозффект», как бы умножающий количество высказываемых мыслей, создают комфортные психологические условия для усвоения присяжными заседателями наиболее важных мыслей, соображений оратора (Мельник В. В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Журн. рос. права. 2001. № 9).

Важны и другие риторические фигуры, в том числе вопросно-ответный ход – риторическая фигура, которая заключается в том, что прокурор задает себе и слушателям вопросы и сам на них отвечает (Андреевский С. А. Защитительные речи. СПб., 1909. С. 48).

Для направления мыслей председательствующего судьи и присяжных заседателей в нужную для дела сторону особенно эффективен такой риторический прием, как фигура умолчания – действенный способ убеждающего внушения. Он заключается в том, что обвинитель в своей речи не договаривает все до конца, а только сообщает им веские фактические данные, которые и на сознательном, и на подсознательном уровне заставляют работать механизм мышления таким образом, что слушатели самостоятельно, путем собственных размышлений и сопутствующих им подсознательных интеллектуальных и эмоциональных ассоциаций приходят к прогнозируемым судебным оратором конечным выводам (Мельник В. В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Журн. рос. права. 2001. № 9).

Для активизации познавательных и эмоциональных процессов присяжных заседателей в обвинительной речи могут использоваться и такие речевые фигуры, как антитеза, предупреждение и неожиданный перерыв мысли.

Антитеза является риторической фигурой, в которой для усиления выразительности речи резко противопоставляются явления, понятия и признаки. Преимущества антитезы состоят в том, что ее обе части взаимно освещают одна другую, а мысль при этом выигрывает в силе.

Элементы смыслового противопоставления содержатся и в другой речевой фигуре – предупреждении. Оратор, прогнозируя возражения слушателей и опережая их, сам себе возражает от

лица слушателей и опровергает эти возражения уже от своего имени.

Искусные судебные ораторы умело используют еще один риторический прием – неожиданный перерыв мысли. Эта речевая фигура заключается в том, что оратор неожиданно для слушателей прерывает начатую мысль, а затем, поговорив о другом, возвращается к не договоренному ранее. Такой прием дает пищу не только вниманию, взбадривая и освежая его, но и любопытству, поддразнивая его, что повышает у слушателей интерес к речи, поддерживает с ними психологический контакт (Там же).

В. В. Мельник справедливо указывает на то, что речь обвинителя должна обладать еще тремя важными коммуникативными качествами – точностью (фактическая добросовестность), искренностью (демонстрация оратором подлинных мыслей и чувств, вызывающих у слушателей доверие к нему) и уместностью (установление и поддержание психологического контакта между говорящим и слушающим).

По общему правилу, обвинитель при построении обвинительной речи должен исходить из перечня вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ). В его речи должны содержаться следующие элементы: 1) социально-общественная оценка преступления; 2) анализ и оценка доказательств; 3) предложения о мерах по предупреждению преступлений; 4) юридическая оценка преступления; характеристика личности подсудимого; предложения о мере наказания; соображения о возмещении материального ущерба; определение судьбы вещественных доказательств (Басков В. И. Курс прокурорского надзора : учебник. М., 1999. С. 261).

Структура и содержание речи прокурора в суде законом не определяются. Государственный обвинитель, как и другие участники прений сторон, сохраняет свободу в определении структуры своей речи, конкретного ее содержания, характера выводов и предложений.

Между тем юридическая наука и практика выработали примерную структуру речи государственного обвинителя. Она состоит: из вступления, где дается социально-общественная оценка преступления, основной части, где излагаются фактические обстоятельства дела, анализируются доказательства, бывшие предметом рассмотрения на судебном следствии, обосновывается уголовно-правовая квалификация преступного деяния подсудимого, характеризуется личность подсудимого, анализируются причины и условия, способствовавшие совершению преступления, формулируются предложения о мерах по их устранению, обосновываются предложения о виде и размере наказания, подлежащего применению к подсудимому, рассматриваются вопросы о воз-

мещении ущерба, причиненного преступлением, и аргументируются соответствующие предложения (Герасимов С. И. Указ. соч. С. 478), и заключительной.

Такая структура речи полностью отвечает роли прокурора в суде, в обязанность которого входит помощь суду постановить по делу правосудный приговор. Соотношение частей речи прокурора, их место в ее структуре и объем могут меняться в зависимости от конкретных обстоятельств каждого уголовного дела. Если, например, в судебном процессе значительные трудности вызывает квалификация преступления, то в соответствующей части речи прокурор уделит этому большее внимание, чем другим разделам.

Важно, чтобы все элементы речи находились в неразрывной органической связи между собой, друг друга подкрепляли, один из другого следовали. Использовать методы психологического анализа обвинитель должен при характеристике личностных особенностей подсудимого и потерпевшего.

Характеризуя антисоциальную личность, обвинитель должен видеть возможность ее ресоциализации, при этом не должен допускать унижения человеческого достоинства, так как он характеризует человека, который еще не признан преступником. Изложение фактических обстоятельств дела не должно представлять собой простой пересказ событий, оно должно носить аналитический, а не повествовательный характер.

Судебные прения в целом и выступление обвинителя, в частности, не могут быть регламентированы по времени. Суд не вправе ограничивать продолжительность прений. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу, а также доказательств, признанных недопустимыми (ч. 5 ст. 292 УПК РФ).

Принимая во внимание, что прокурор не всегда имеет возможность для подготовки своей речи использовать перерывы в ходе судебного заседания, встает вопрос о том, когда ему следует готовить свое выступление. Подготовку целесообразно начинать уже с момента изучения уголовного дела. На этой стадии, в частности, могут быть подготовлены такие разделы обвинительной речи, как оценка общественной опасности содеянного, его юридическая квалификация. Кроме того, во избежание ошибок при квалификации действий подсудимого, прокурору необходимо просмотреть соответствующий материал, судебную практику, а в ходе судебного разбирательства такая возможность может не представиться.

Подготовка речи государственного обвинителя в ходе судебного заседания связана и с организационными сложностями, поскольку ему нужно одновременно и участвовать в судебном следствии, и

продумывать свое выступление. Совместить это трудно без ущерба для той или иной деятельности. Помочь прокурору в решении этой задачи могут планы его деятельности в судебном разбирательстве. Планы частично заполняются прокурором в ходе судебного следствия, и эта информация может быть использована в различных частях обвинительной речи. Например, систематически заполняя те разделы плана, которые касаются доказательств, указывая, какие изменения эти доказательства получили в ходе судебного следствия, государственный обвинитель имеет готовый раздел своего выступления, касающийся изложения и оценки доказательств. Иные разделы планов могут использоваться при подготовке прочих разделов обвинительной речи. Таким образом, роль планирования государственным обвинителем своей деятельности является чрезвычайно важной не только на стадии судебного следствия, но и в прениях. Особенно ярко это проявляется при подготовке выступления по многотомным и многоэпизодным уголовным делам, когда к уголовной ответственности привлекается значительное количество лиц, совершивших преступления. При такой ситуации даже очень талантливый прокурор не сможет удержать в памяти всю необходимую ему информацию.

На структуру, содержание, продолжительность обвинительной речи влияет много факторов. Среди них: особенности дела; характер имеющихся доказательств и их источники; личность и позиция подсудимого по отношению к предъявленному обвинению; место рассмотрения дела, состав аудитории; актуальность случившегося; индивидуальные качества обвинителя и его позиция; вид совершенного преступления; количество лиц, привлекаемых по нему к уголовной ответственности; объем обвинения; качество проведенного по нему предварительного расследования; позиция защиты по конкретному уголовному делу и степень ее активности. Поскольку прокурор выступает первым в прениях сторон (ч. 3 ст. 292 УПК РФ), то он может лишь с той или иной степенью вероятности предполагать содержание речи защитника и его позицию, принимая во внимание тактику, применяемую стороной защиты в ходе судебного следствия. Учет данного фактора при подготовке к прениям помогает прокурору решить многие задачи.

В зависимости от рассмотренных факторов могут увеличиваться или сокращаться соответствующие разделы обвинительной речи. Если доказательственный материал большой, то на его изложение уходит достаточно много времени. То же самое происходит и в том случае, если доказательства противоречивы и их надлежит грамотно оценить.

Однако всегда следует учитывать, что лучше всего люди запоминают то, что слышат вначале,

поэтому наиболее важная часть выступления должна прозвучать в первые 10 минут. Час или два обычно бывают достаточны для изложения своей позиции. Более длинная речь редко бывает понятной (Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / В. С. Бурданова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршунова. СПб., 1998).

Для обеспечения убедительности обвинительной речи существенное значение имеет определение правильного порядка изложения доказательств и их анализ. На практике применяется два варианта изложения доказательств: 1) сначала излагаются все обстоятельства дела, после чего приводятся доказательства по ним; 2) по объемным, многоэпизодным делам соответствующие доказательства предъявляются после изложения обстоятельств каждого преступного эпизода.

В этом разделе речи государственного обвинителя должны быть четко изложены не только все эпизоды преступления, но и их взаимосвязь, роль каждого подсудимого, связи соучастников преступления. Все это имеет важное значение при произнесении обвинительной речи в суде присяжных.

При рассмотрении уголовных дел в судах может и должна быть использована способность человека к образному мышлению. Государственному обвинителю следует не только самому для себя создать мысленную модель происшедшего, но и активно участвовать в формировании такой модели у суда.

Выбор и исследование определенных доказательств в том или ином порядке и в определенных границах проводятся таким образом, чтобы продемонстрировать обоснованность позиции обвинения и несостоятельность возражений защиты.

В настоящее время все чаще позиция защиты строится на том, что подсудимого заставили признать свою вину, сознаться в преступлении, которого он не совершал. При этом адвокат, естественно, предлагает свою версию происшедшего (часто разработанную совместно с подзащитным). В процессе судебного следствия по тем вопросам, которые задают адвокат и подсудимый, по заявляемым ими ходатайствам прокурор, как правило, может составить достаточно четкое представление о позиции защиты в целом, спрогнозировать основные положения, которые будут высказаны адвокатом в речи.

Государственному обвинителю не следует пренебрегать даже абсурдными доводами защиты, наоборот, нужно использовать их для заключительной речи. Для того чтобы наглядно показать непоследовательность позиции защиты, можно на большом листе бумаги (на доске) изобразить все доводы защиты, а затем другим цветом отметить пункты, опровергнутые в ходе судебного разбирательства (Кириллова Н. П. На-

глядность в работе государственного обвинителя // Закон : интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. 2000. 19 янв.).

Во время выступлений прокурор должен выглядеть уверенно, а это возможно только в том случае, если ему будут хорошо известны материалы предварительного расследования, он внимательно следил за исследованием доказательств в процессе судебного следствия, активно участвовал в этом и, самое главное, если убежден в своей правоте.

С присяжными заседателями следует разговаривать, используя простые слова и понятия. Вероятнее всего, вся процедура суда – нечто новое и не совсем понятное для них. Эти люди не привыкли еще к юридическим штампам, поэтому для того, чтобы произнесенная речь была воспринята и запомнилась им, прокурор должен облекать свои мысли, выводы в форму простых умозаключений.

Приводя в речи те или иные доказательства, прокурор должен смотреть в глаза суду и присяжным, что позволяет следить за их реакцией.

Человеческий голос обладает целым рядом характеристик, которые можно произвольно изменять в некотором диапазоне (изменение высоты, громкости голоса, частоты и продолжительности пауз), что дает возможность прокурору сделать свою речь более яркой и интересной для слушателей, что, несомненно, положительно скажется на общем впечатлении от его выступления.

В обвинительной речи прокурору обязательно следует указать на слабые места защиты. Это могут быть и ошибки в логике рассуждений, и подмена понятий, и многое другое. Если у кого-либо из свидетелей имеется мотив, чтобы солгать, полезно указать на этот мотив, уделив ему как можно больше внимания, обращаясь к бытовым, традиционным оценкам родственников, дружеских, любовных и других взаимоотношений.

Заключительная часть речи практически так же важна, как и вступление. Она должна иметь оттенок государственной значимости. Стиль речи обвинителя должен соответствовать его высокому назначению – осуществлять обвинение в суде от имени государства. В этой части прокурору необходимо повторить сильные моменты, подтверждающие позицию государственного обвинения, но при этом заключительная часть не должна быть простым повторением основных моментов. Здесь важно правильно расставить акценты, подвести итог.

После окончания основных речей председательствующий судья выясняет у их участников о желании воспользоваться репликой (ч. 6 ст. 292 УПК РФ). В этой ситуации прокурор должен выступить с репликой, дав в ней оценку доказательствам и основным выводам, приведенным в речи защитника. Если в речи защитника основные дока-

зательства обвинения будут существенно искажены, то нельзя отказываться от реплики, в противном случае такой отказ может быть расценен как слабость позиции обвинения. При этом реплика должна быть конкретной и доказательной.

Участники судебных прений по их окончании, но до удаления суда в совещательную комнату вправе представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в пп. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ (ч. 7 ст. 292 УПК РФ). По этому поводу И. Я. Фойницкий писал: «Обвинение как требование, о судебном признании которого ходатайствует обвинитель, имеет то же содержание, что и судебный приговор по делу; оно есть как бы проект судебного приговора, предлагаемый обвинителем и устанавливающий для суда известные границы» (Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 46).

Таким образом, успех судебного рассмотрения дела, как и итог всей работы по изобличению преступников, во многом зависит от профессиональной подготовленности государственного обвинителя, его активности в ходе судебного процесса по представлению и исследованию доказательств, способности быстро оценивать возникающие при разбирательстве дела непростые ситуации и находить правильный и законный выход, умения вести публичные дискуссии и владения ораторским искусством. Тщательное изучение обвинителем материалов уголовного дела представляет собой основу качественного подержания государственного обвинения в суде.

Следует также отметить, что наряду с профессиональным мастерством государственный обвинитель должен обладать такими качествами, как: высокий уровень правосознания, уважения к закону; принципиальность, твердость в отстаивании своего убеждения, умение противостоять любым посторонним влияниям и в то же время самокритичность, способность подчинить самоконтролю мышление и всю свою деятельность, пренебречь в интересах дела ложным самолюбием и отказаться от версии, оказавшейся ошибочной; настойчивое творческое стремление к отысканию истины; непримиримость к преступлению и вместе с тем непредвзятое отношение к подсудимому, осторожность при решении вопроса о его виновности; гуманность, уважение к человеческому достоинству; чувство меры, скромность, отсутствие самолюбования (Корневский Ю. В. Государственное обвинение: какая реформа нужна? // Законность. 2001. № 4).

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что речь прокурора:

– обусловлена обстоятельствами уголовного дела, составом суда, рассматривающего уголовное дело;

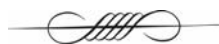
- призвана произвести критический анализ и дать объективную оценку обстоятельствам уголовного дела;
- способствует установлению фактических обстоятельств уголовного дела и постановлению правосудного приговора;
- базируется на методах психологического воздействия на участников процесса; методах психологического анализа личности; риторических приемах;
- состоит из трех частей: вступительной, основной, заключительной;

– содержит анализ показаний участников процесса, доказательств и результатов судебного следствия;

– должна обладать такими свойствами, как: ясность, лаконичность, убедительность, доступность, логичность, эстетичность, этичность, точность, искренность, уместность.

Достижению убедительности речи прокурора способствуют подготовка и поэтапное планирование.

Качественное поддержание государственного обвинения в суде достигается посредством тщательного изучения материалов уголовного дела.

Библиографический список

1. *Воронцов В.* Участие прокурора в суде / В. Воронцов // Государство и право. – 2000. – № 3.
2. *Гаврилов В. В.* Поддержание государственного обвинения в уголовном суде / В. В. Гаврилов. – Саратов, 1999.
3. *Герасимов С. И.* Организация работы городской (районной) прокуратуры : метод. пособие / С. И. Герасимов. – М., 2001.
4. *Мельник В. В.* Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник // Журн. рос. права. – 2001. – № 7–9.
5. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности : учеб. пособие / В. С. Бурданова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршунова. – СПб., 2003.
6. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996.

References

1. *Vorontsov V.* A Participation of the Public Prosecutor in Court / V. Vorontsov // State and the Law. – 2000. – № 3.
2. *Gavrilov V. V.* Supporting Public Prosecution in the Criminal Court / V. V. Gavrilov. – Saratov, 1999.
3. *Gerasimov S. I.* Organizing Work of Municipal (District) Prosecutor's Office / S. I. Gerasimov. – M., 2001.
4. *Melnic V. V.* The Art of Public Speaking as a Means of Creating a Persuasive Judicial Speech in Criminal Trial / V. V. Melnic // Journal of Russian Law. – 2001. – № 7–9.
5. The Instruction for State Prosecutions: Criminalistic Aspect of the Activity / V. S. Burdanova [et al.] ; ed. by O. N. Korshunov. – SPb., 2003.
6. *Foynitskiy I. Ya.* The Course of Criminal Court Proceedings / I. Ya. Foynitskiy. – SPb., 1996.

В. Х. Каримов,
*преподаватель кафедры криминалистики
Барнаульского юридического института
МВД России*

V. H. Karimov,
*Lecturer of the Forensic Studies
Department of Barnaul Legal Institute
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

**ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Information Retrieval Systems Resources in Disclosing and Investigating Crimes in the Sphere of Economy

Аннотация. В статье анализируются современные возможности информационных систем в раскрытии и расследовании экономических преступлений. Обозначены перспективы создания и использования систем государственной регистрации граждан, специализированных автоматизированных комплексов, проводящих анализ элементов экономических преступлений.

Ключевые слова: информационные системы, экономические преступления, мошенничество, государственная регистрация граждан, способы совершения преступлений.

Abstract. In the article the author analyzes current information systems resources in disclosing and investigating economic crimes. The author defines the prospects of creation and use of systems of the state registration of citizens, specialized automated complexes that carry out the analysis of the elements of economic crimes.

Key words: information systems, economic crimes, swindle, state registration of citizens, ways of committing crimes.

На состояние преступности в нашей стране во многом влияет экономическая составляющая. Последствия противоправных экономических деяний гораздо опаснее, чем принято считать, поскольку ущерб, наносимый государству, обществу и гражданам, определяется не только в денежном измерении. Они обуславливают многие негативные социальные явления.

В настоящее время правоохранительные органы сталкиваются с качественно новой преступностью – «беловоротничковой», хорошо организованной, имеющей высокий образовательный уровень, располагающей средствами и технологиями, которые нередко превосходят уровень обеспечения правоохранительных органов. По оценкам Национального центра исследований мошенничества США, сегодня эти преступники наносят ущерб государству, превышающий 300 млрд долларов в год. При этом примерно каждая третья семья в США за последние несколько лет стала жертвой «беловоротничковых» преступников, но только около 40 % пострадавших обращаются в полицию. Это обусловлено в первую очередь тем, что лишь каждое пятое обращение пострадавших в правоохранительные органы приводит к осуждению преступника (Хафизова Л. С., Згадзай О. Э. Финансовая преступность и мошенничество в сети Интернет. Казань, 2006. С. 52). Одной из причин роста такой преступности является распространение компьютерных технологий, предоставляющих злоумышленникам новые, не существовавшие ранее возможности.

В связи с этим с современной экономической преступностью нельзя бороться традиционными

криминалистическими методами. Правоохранительные органы должны действовать на опережение, максимально эффективно используя имеющиеся в их распоряжении средства и научно апробированные методы. Достигается это за счет должного информационного обеспечения их деятельности по борьбе с преступностью.

На наш взгляд, определяющей информационной системой, направленной на борьбу с экономическими преступлениями, может стать государственная регистрация граждан с использованием современных информационных технологий. Данная система позволит:

– во-первых, решить ряд проблем социального характера. Применение информационных технологий коренным образом меняет само качество государственных услуг, делает их более комфортными и доступными. По официальным данным, число обращений граждан в органы власти за теми или иными услугами в год составляет в среднем 360 млн. Это значит, что каждый взрослый гражданин Российской Федерации обращается в органы государственной власти по 3–4 раза в год. Использование информационных технологий позволяет значительно ускорить и упростить ряд процедур, решений, увеличить эффективность бюджетных расходов (Путин В. В. На заседании Правительственной комиссии по вопросу «О развитии информационных технологий в субъектах Российской Федерации». URL: <http://premier.gov.ru/visits/ru/9332/events/9337/>);

– во-вторых, обеспечить правоохранительные органы значимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений информацией. Следует обратить внимание, что в нашей стране очень высоким является уровень коррупции, почву для

которой создают в том числе и «нечистые на руку» чиновники, сознательно выстраивающие бюрократические барьеры при оформлении тех или иных документов с целью получения личной выгоды. Кроме того, отсутствие единой системы регистрации конкретных лиц, в чей адрес направляется социальная поддержка, создает почву для расхищения направляемых средств.

В этой связи важен зарубежный опыт создания систем государственной регистрации граждан. Так, в Швеции новорожденному ребенку присваивается цифровой код, сопровождающий его на протяжении всей жизни, с привязкой к этому коду формируется персональное досье. В Канаде в специализированных банках данных практически на каждого жителя ведется досье, в котором содержатся установочные (биографические) данные, краткая психологическая характеристика лица, информация о доходах, расходах и наличии денег на банковских счетах, сведения о судимости и совершенных правонарушениях. В США имеется автоматизированная информационно-поисковая система (далее: АИПС) «Social Securite» и т. д. Использование подобной системы, построенной на основе современных технологий, по словам премьер-министра страны В. В. Путина, позволит серьезно сократить поле для коррупции и повысить эффективность и прозрачность власти (Там же).

Кроме того, для борьбы с преступлениями в экономической сфере необходимы специализированные информационно-поисковые системы (далее: ИПС) криминалистического назначения. Внедренные в свое время комплексы подобного рода, такие как: ИПС «Ориентир», «Электрон», АИПС «Досье-мошенник», доказали свою эффективность. В настоящее время внедряются интегрированные ресурсы экономического анализа, объединяющие базы МВД России, ФТС России и Росфинмониторинга.

Между тем, несмотря на определенный прогресс в обозначенном направлении, следует констатировать, что в нашей стране действует недостаточное количество специализированных ИПС, направленных на обеспечение борьбы с экономическими преступлениями, а имеющиеся отличаются невысоким качеством.

Для их дальнейшего эффективного развития следует изучать положительный мировой опыт. Так, для борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, создана автоматизированная информационная система «Interpol Criminal Information System» (ICIS, «Система криминальной информации Интерпола»), которая обеспечивает обработку, структурный и интеллектуальный анализ всей криминальной информации, стекающейся по каналам электросвязи в национальные центральные бюро Интерпо-

ла: о неправомерном доступе или подключении к ЭВМ; внесении в технические средства или программное обеспечение компьютерных систем изменений, приводящих к уничтожению, блокированию или модификации информации; компьютерном мошенничестве и фальсификации с банкоматами и др. Для анализа экономических преступлений создаются специализированные подразделения, например: в Австралии – Группа координации безопасности электронной почты (ESCG), в США – Центр жалоб на интернет-преступления (IC3) и т. д.

По нашему мнению, перспективным видится создание интегрированных поисковых систем с функциями анализа и установления корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики преступлений, в частности, о потенциальном преступнике, с созданием определенной информационно-аналитической модели. Подобной работой занимается ФБР США, использующая программу Единого учета преступлений (UCR) и Национальной системы отчетности, базирующейся на инциденте (NIBRS). Согласно данным этих систем, например, можно узнать, что большинство «беловоротничковых» преступников – это белые люди в возрасте от 20 до 30 лет и т. д. (Анализ «беловоротничковой» преступности. URL: <http://www.crime-research.org/library/FBI.htm>). В дальнейшем на основе полученной информации строится модель, используемая другими ведомствами США, например Службой внутренних доходов США, осуществляющей автоматизированную выборку налогоплательщиков «с повышенным потенциалом» для их тщательной дальнейшей проверки.

В рамках предлагаемых систем следует проводить анализ организаций, корпораций, фирм с возможностью установления корреляционных связей с конкретными лицами, имеющими отношение к их созданию и функционированию. В данной связи особое внимание следует уделять деятельности так называемых фирм-однодневок, которые создают для осуществления различных незаконных операций: хищение денег из государственного бюджета при выделении легальным предприятиям государственного заказа; незаконное получение кредитов; легализация доходов, полученных преступным путем; «отмывание» теневых доходов и т. д.

В качестве успешного примера выявления и учета признаков, указывающих на противоправность экономической деятельности, можно привести разработку отечественных налоговых служб, которые сформировали 109 признаков «неблагонадежных» фирм. При этом в ближайшем будущем планируется создать специальный реестр компаний, куда войдут фирмы, имеющие хотя бы один из 109 признаков. Фирмы, которые только регист-

рируются, могут вызвать сомнение у налоговых служащих по 32 основным признакам. Чем больше нежелательных признаков у компании, тем вероятнее организация более тщательной ее проверки. В этой автоматизированной системе будут собраны данные ФНС России, ФТС России, Минюста России, МВД России, банков и других госструктур (Бровкина Т. И. Тенденции развития теневой экономической деятельности в современных условиях. Хабаровск, 2008. С. 73).

Для обнаружения признаков противоправного поведения возможно применение автоматизированных аналитических систем, таких как: «Fraud Management-tanger» (поиск и определение различных способов мошенничества, пресечение новых попыток нелегального доступа уже уличенных лиц, предоставления заинтересованным органам информации по способам и объему преступных посягательств); «InfoTracer» («фильтрация» экономической информации с использованием ключевых слов и фраз, после чего автоматическое составление данных о деловых операциях конкретной компании и ее партнерах; об используемых технологиях и выпускаемой продукции; о фамилиях руководящего персонала) «Oasis» (ЦРУ) и «Magic Lantern» (ФБР) (контроль информационного обмена преступных сообществ и «взлом» компьютеров подозреваемых). Движение денежных средств возможно отслеживать по системе «Falcon», которая способствует контролю более четверти миллиарда платежных пластиковых карт, увеличив число случаев выявления мошенничеств в банковской сфере на 60 %. Данная система мгновенно распознает типовые признаки преступных посягательств в кредитной сфере (Жуланов В., Ищенко Е. Использование баз данных в расследовании экономических преступлений // Законность. 2007. № 10. С. 25).

Немаловажное значение в борьбе с экономической преступностью приобретает использование информационных ресурсов учреждений, организаций, фирм. Банки, страховые и финансовые компании являются одновременно поставщиками и главными потребителями информации, аккумулируемой в электронных системах кредитных бюро и

представляемой, как правило, на коммерческой основе, на определенных законом условиях. Например, в трех крупнейших кредитных бюро США (всего их около трехсот) – «ТРВ», «Транс Юнион», «Эквифакс» – имеется порядка 400 млн досье на 200 млн человек, т. е. практически на все взрослое население страны. К услугам этих бюро обращаются не только финансовые организации, но и налоговая служба, а через нее и ФБР.

Значимое место в информационном обеспечении расследования экономических преступлений занимают и бухгалтерские учеты организаций, поскольку они обладают защитными функциями, проявляющимися в свойстве отражать изменения в хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, учреждений и организаций, неизбежно возникающие при совершении хищений и других посягательств на собственность. Работники правоохранительных органов должны иметь доступ к подобным ресурсам, а при необходимости (по наиболее актуальным и часто встречающимся в практике материалам) следует создать специализированную базу, имеющую информационно-справочную функцию.

Таким образом, мы пришли к выводу, что современная экономическая преступность находится на качественно новом уровне. Для борьбы с ней необходимы адекватное использование технических средств и технологий, методов, научная организация и правовое регулирование такой деятельности. В частности, требуются дальнейшее развитие и активное использование систем государственной регистрации граждан, а также специализированных комплексов, направленных на содействие в борьбе с экономической преступностью. В данных системах важной функциональной составляющей будет возможность анализа сведений о финансовых процессах, лицах и организациях, в них участвующих, способах совершения преступлений. Для успешной реализации намеченных планов следует учитывать положительный мировой опыт создания на основе современных информационных технологий средств, методов и приемов борьбы с экономическими преступлениями.

Библиографический список

1. Бровкина Т. И. Тенденции развития теневой экономической деятельности в современных условиях / Т. И. Бровкина. – Хабаровск, 2008.
2. Жуланов В. Использование баз данных в расследовании экономических преступлений / В. Жуланов, Е. Ищенко // Законность. – 2007. – № 10.
3. Хафизова Л. С. Финансовая преступность и мошенничество в сети Интернет / Л. С. Хафизова, О. Э. Згадзай. – Казань, 2006.

References

1. Brovkina T. I. Tendencies of Development of Shadow Economic Activities in Modern Conditions / T. I. Brovkina. – Khabarovsk, 2008.
2. Zhulanov V. Use of Databases in Investigating Economic Crimes / V. Zhulanov, E. Ishchenko // Legality. – 2007. – № 10.
3. Hafizova L. S. Financial Criminality and Swindle in the Internet / L. S. Hafizova, O. E. Zgadzay. – Kazan, 2006.

А. С. Колосов,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

Т. А. Зезюлина,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

A. S. Kolosov,
Deputy Chief of the Department
of Criminal Law and Criminology
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

T. A. Zezyulina,
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

International Standards in the Sphere of Application of a Punishment in the Form of Compulsory Work

Аннотация. В статье формулируется понятие международных стандартов, а также анализируются основные положения международно-правовых актов в сфере применения наказания в виде обязательных работ.

Ключевые слова: международные стандарты, обязательные работы, осужденный, правила.

Abstract. The article presents the definition of the concept of international standards, and explores the basic provisions of international legal acts in the sphere of application of a punishment in the form of compulsory work.

Key words: international standards, compulsory work, convict, rules.

Вопрос о международных стандартах в сфере назначения и исполнения наказания в виде обязательных работ представляется весьма актуальным и значимым в настоящее время. Особое значение международных стандартов применения мер, не связанных с лишением свободы, в том числе обязательных работ, определено их далеко идущей целью общего сокращения применения реального лишения свободы.

Понятие «международные стандарты» – относительно новое для отечественного законодательства. В самом общем виде оно означает общие правила, единые требования, предъявляемые к тем или иным нормативным основам и правоприменительной практике в международном масштабе (Мананкова М. А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы и вопросы их реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 14).

В международном праве понятием «международные стандарты» охватываются наиболее общие правила поведения, т. е. международно-правовые нормы. По мнению экспертов в области международного права, международные стандарты – это требования, которые члены мирового сообщества предъявляют друг другу, ниже их уровня государства соглашаются не опускаться (Международное право / отв. ред. Ф. И. Кожевников. 5-е изд. М., 1987 ; Международное право / под ред. Н. Т. Благовой. М., 1987).

Международные стандарты в сфере назначения и исполнения обязательных работ принадлежат к группе стандартов, принятых международным сообществом в отношении наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. По оценке профессора П. Г. Пономарева, «подавляющая часть стандартов рассматриваемого профиля сосредоточена в одном международном акте – Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах) 1990 г.» (Цит. по: Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983. С. 408). Данный документ был принят резолюцией Генеральной ассамблеи ООН № 45/110 от 14 декабря 1990 г. (Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций : сб. норматив.-правовых актов / под ред. О. В. Филимонова. М., 2002. С. 100–113).

Однако аналогичным документом регионального масштаба является принятая 19 октября 1992 г. Рекомендация № R(92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О Европейских правилах по общим санкциям и мерам» (далее: Европейские правила) (Там же. С. 114–132). Данный документ был принят в развитие ранее изданных нормативных актов Совета Европы (О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы : резолюция Ком. Министров Совета Европы от 9 марта 1976 г. № (76) 10. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShon_DocumID_33340.html) и пред-

ставляется весьма важным в связи с тем, что закрепление общеевропейских принципов обращения с осужденными во внутреннем законодательстве и обеспечение условий для их реализации являются обязанностью каждого государства – члена Совета Европы, включая Россию (Морозов В. М., Пантелеев В. А., Ильин В. А. Проблемы соблюдения международных стандартов и решений Европейского суда по правам человека в деятельности уголовно-исполнительной системы России / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Никитина. Владимир, 2003. С. 5).

Данные международные стандарты носят рекомендательный характер и не относятся к числу международных договоров либо общепризнанных принципов и норм международного права. В связи с этим их положения могут быть реализованы в России только опосредованно, путем включения в отечественное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство (Филимонов О. Токийские правила и российская практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 48).

Рассматриваемые международные документы содержат целый ряд минимальных правовых гарантий для лиц, к которым применяются меры, подобные обязательным работам в России. По сути, это так называемые естественные права человека в правовом статусе осужденных, основы специального правового статуса.

К их числу Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (далее: Токийские правила), в частности, относят: право на уважение человеческого достоинства правонарушителя; право на личную жизнь правонарушителя и личную жизнь семьи правонарушителя; право на судебное обжалование приговора и др.

Токийские правила раскрывают содержание понятия «режима исполнения мер, не связанных с тюремным заключением» и вводят в употребление термин «непентенциарный режим».

В отличие от режима отбывания наказания в виде лишения свободы существенной особенностью непентенциарного режима является, в частности, то, что он не охватывает всего образа жизни осужденного. Он сводится к порядку и условиям соблюдения специфических прав и обязанностей лица, подвергнутого уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы. Однако и здесь имеет место контроль за поведением осужденных, который выступает в качестве одного из основных элементов режима.

Европейские правила содержат специальное определение надзора, которое в целом отвечает смыслу Токийских правил. Термин «надзор» в интерпретации Европейских правил означает «с

одной стороны, оказание помощи виновному исполняющим органом или от его имени, чтобы поддержать правонарушителя в обществе, с другой – деятельность по обеспечению исполнения осужденным возложенных на него условий или обязанностей».

Помимо правил о надзоре на стадии исполнения приговора, важны правила, касающиеся срока действия альтернативных наказаний.

Относительно срока действия Токийскими правилами установлены две нормы. Первая содержит запрет на продление срока, установленного компетентным органом в соответствии с законом. Токийскими правилами рекомендовано, в случае уклонения от изменения или отмены назначенной меры, устанавливать подходящую альтернативу, но никак не продлевать срок действия меры, оказавшейся неэффективной.

Вторая рекомендация Токийских правил о сроках касается возможности досрочного прекращения наказания. Прекращаться досрочно может любая мера, «если она оказала благоприятное воздействие на правонарушителя» (правило 11.2).

О том, каким образом должны разъясняться осужденным порядок и условия отбывания наказаний и мер, Токийские и Европейские правила дают сходные рекомендации: в начале исполнения наказаний или мер в устной или письменной форме разъясняется содержание наказания, включая обязанности и права осужденного, а также последствия уклонения или ненадлежащего исполнения требований.

По терминологии, используемой Токийскими и Европейскими правилами, нарушение осужденным условий отбывания наказания может повлечь за собой «изменение» или «отмену» наказания, причем «отмена» возможна полная либо частичная. В традициях российской системы исполнения наказаний принято применять «замену» более суровым наказанием.

Европейские правила, более подробно описывающие процесс исполнения наказаний и мер, различают «незначительные нарушения указаний исполняющего органа или условий и обязанностей» и «существенные нарушения». Соответственно различаются и процедуры, применяемые в случае их совершения.

Незначительные проступки не требуют отмены наказания или меры, они должны быть незамедлительно рассмотрены, действия по расследованию такого рода нарушений, а также содержание беседы с правонарушителем должны быть отражены в личном деле (правила 78–79 Европейских правил).

Решения об изменении или отмене наказания или меры вправе выносить только орган, принимающий решение, но не исполняющий орган

(правило 82 Европейских правил, правило 14.2 Токийских правил). Основанием для такого решения должен быть письменный отчет о нарушении условий или обязанностей, содержащий «подробную оценку способа, которым совершено нарушение, и обстоятельств, в которых оно совершено» (правило 81 Европейских правил). Изменение или отмена наказания или меры не могут быть основаны лишь на признании самого правонарушителя (правило 84 Европейских правил). Помимо того, правонарушитель должен иметь возможность «исследовать документы, на которых основано требование об изменении или отмене, и предоставить свои замечания по поводу вменяемого нарушения» (правило 83 Европейских правил). В тексте Токийских правил основание решения об изменении или отмене не связанной с тюремным заключением меры описано аналогичным образом: оно принимается после «тщательного рассмотрения фактов, представленных как сотрудником, осуществляющим надзор, так и правонарушителем» (правило 14.2).

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и в случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В связи с этим для обязательных международных стандартов, ратифицированных нашей страной, характерно прямое юридическое действие, т. е. они могут непосредственно применяться, в том числе и в процессе назначения и исполнения наказаний, о чем гласит ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ). Неслучайно весьма остро встает вопрос о соответствии норм российского законодательства международно-правовым стандартам в рассматриваемой сфере.

Само название наказания в виде обязательных работ подчеркивает их принудительный характер и тот факт, что согласие осужденного не учитывается при их назначении и исполнении. Для того чтобы выяснить, не противоречат ли данные положения нормам международного права, представляется необходимым рассмотреть, каким образом принудительный труд регламентируется такими международными нормативными правовыми актами, как Конвенция Международной организации труда (далее: МОТ) № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 г. (Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 219–230); Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3); Конвенция МОТ № 105 «Об упразднении принудитель-

ного труда» 1955 г. (Международная защита прав и свобод человека. С. 230–232); Международный пакт «О гражданских и политических правах» 1966 г. (Там же. С. 32–53); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. (Рос. газ. 1995. 23 июня).

Пункт 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде» гласит, что «принудительный или обязательный труд означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». Известно, что при толковании термина «принудительный или обязательный труд» международные органы по защите прав человека неоднократно ссылались на данную Конвенцию.

Трудовой кодекс Российской Федерации учел положения общепризнанных международных актов и не просто установил запрет на принудительный труд, но и более детально определил, что следует под ним понимать. Так, ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации определяет принудительный труд как «выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе в целях поддержания трудовой дисциплины, в качестве меры ответственности за участие в забастовке, в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития, в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе, в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности». Причем положения названной статьи относят к принудительному труду также и нарушение установленных сроков выплаты заработной платы или ее выплату не в полном размере, и требование работодателем исполнения трудовых обязанностей от работника, если работник не обеспечен средствами коллективной или индивидуальной защиты либо работа угрожает жизни или здоровью работника (Чубраков С. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ (перспективные вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 75).

Ряд международных актов, устанавливая запрет «принудительного или обязательного труда», вместе с тем делают из этого правила некоторые исключения (используя порой не совсем определенные формулировки). Так, Международный пакт «О гражданских и политических правах» гласит, что термином «принудительный или обязательный труд» не охватывается «работа или

служба, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения» (ст. 8). Аналогичные формулировки содержатся и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая устанавливает, что термин «принудительный или обязательный труд» не включает в себя «любую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении или условно освобожденное от такого заключения» (ч. 3 ст. 4), и в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, определяющей, что термином «принудительный или обязательный труд» не охватывается «какая бы то ни была работа, которая обычно должна выполняться во время заключения... или в период условного освобождения от такого заключения» (п. 3 ст. 4).

Более четко подходит к решению этого вопроса Конвенция МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде», которая не включает в принудительный или обязательный труд «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей, и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ» (п. 2 ст. 2) (Там же. С. 76). Можно ли считать, что труд осужденных к обязательным работам будет производиться «под надзором и контролем» органов государственной власти? На основании анализа положений ст. 25 УИК РФ, устанавливающей права и обязанности уголовно-исполнительных инспекций, можно сделать утвердительный вывод. Однако, что следует понимать под выражением «не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ»? Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку от его решения зависит наличие или отсутствие запрета на использование труда осужденных на объектах, принадлежащих частным организациям и лицам. Вряд ли следует толковать эту фразу буквально, полагая, что если осужденный работает на предприятии, в учреждении, организации, которые не принадлежат государству или муниципалитету, то он как бы им «уступается». Более обоснованно, по нашему мнению, в данном случае говорить о том, что эта норма подразумевает полную передачу осужденного в распоряжение негосударственных организаций, в результате чего они смогут использовать преступников по своему усмотрению и без контроля со стороны государственных органов, что не предусмотрено действующим законодательством в отношении осужденных к обязательным работам.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на положения Конвенции относительно рабства от 25 сентября 1926 г. (Международная защита прав и свобод человека. С. 201–205), гласящей, что «рабство есть состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них» (п. 1 ст. 1). Полагаем, что выполнение обязательных работ не будет противоречить нормам названной Конвенции, поскольку в данном случае можно говорить лишь о распоряжении трудом осужденного, а не самим осужденным.

Следует отметить, что Трудовой кодекс Российской Федерации не просто воспринял положения отмеченных международных документов, касающиеся исключений из общего правила о запрете принудительного труда, но и откорректировал их так, что позволило устранить все неясности, порожденные последними. Согласно ч. 4 ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации «принудительный труд не включает в себя: работу, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской обязанности и военной службе или заменяющей ее альтернативной гражданской службе; работу, выполняемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях объявления чрезвычайного или военного положения, бедствия или угрозы бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии или эпизоотии), а также в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части; работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров».

Конвенция МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» в ст. 1 содержит запрет на использование принудительного труда именно как средства политического и идеологического воздействия и воспитания. Представляется бесспорным, что слова «политического и идеологического» относятся и к воздействию, и к воспитанию, но ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство России не позволяет сделать вывод о том, что труд осужденных к обязательным работам будет использоваться в этих целях.

Вместе с тем необходимо учитывать, что и в Токийских, и Европейских правилах общественные работы фигурируют в качестве одной из возможных альтернативных мер. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что, с точки зрения ООН и Комитета Министров Совета Европы, эта мера полностью соответствует общепризнанным международным актам, защищающим права и свободы человека.

По всей видимости, некоторая отмеченная выше неопределенность ряда рассмотренных международных договоров по отношению к обязательным работам вызвана прежде всего тем, что во время обсуждения данных актов подобное наказание еще не применялось на практике и даже не планировалось. Полагаем, что все вышеизложенное свидетельствует о непротиворечии привлечения осужденных к обязательным работам даже без их согласия названным международным актам.

Если же пойти по пути испрашивания «согласия», внося подобную оговорку в отечественное законодательство, то это вряд ли будет являться решением проблемы. Во-первых, «элементы торга» не свойственны российскому уголовному праву, и это будет противоречить сущности наказания как меры государственного принуждения. Во-вторых, согласие осужденного в любом случае будет вынужденным (поскольку в случае отказа он лишается свободы), т. е. его согласие не будет делать труд подлинно добровольным. Таким образом, введение такого условия нецелесообразно, поскольку это будет не более чем очевидной для всех юридической фикцией. Необходимо отметить и то, что обязанность по назначению этой меры лишь с согласия осужденного отсутствует и в международных актах, рекомендующих ее использование.

Как уже отмечалось, обязательные работы заключаются в выполнении осужденными бесплатных общественно полезных работ. Таким образом, осужденные к данному наказанию не получают заработную плату (вознаграждение) за выполненную ими работу. Однако ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. На первый взгляд может показаться, что нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России, устанавливающие бесплатность обязательных работ, вступают в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации. Вместе с тем для правильного ответа на вопрос о том, допустимо ли ограничение осужденных к обязательным работам в праве на вознаграждение за труд или нет, необходимо проанализировать и нормы международных актов, касающихся этого права.

Право человека на вознаграждение за выполненную работу защищается такими общепризнанными международными актами, как: Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» 1966 г. (Международная защита прав и свобод человека. С. 20–32); Конвенция МОТ № 95 «Относительно защиты

заработной платы» 1949 г. (Там же. С. 149–156); а также Европейская социальная хартия № 35 1961 г. (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс») и Европейская социальная хартия № 163 1996 г. (Там же).

Статья 7 Международного пакта «Об экономических, социальных и культурных правах» гласит, что «участствующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая, в частности: а) вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, всем трудящимся: 1) справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого то ни было различия... 2) удовлетворительное существование для них самих и их семей в соответствии с постановлениями настоящего Пакта...».

Между тем ст. 4 этого же документа устанавливает, что «участствующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе». Следовательно, то, что обязательные работы должны быть бесплатными, не противоречит, а напротив, разрешается данным Пактом, поскольку ограничения осужденных в праве на вознаграждение за труд установлены уголовным и уголовно-исполнительным законодательством России (Чубраков С. В. Указ. соч. С. 80–81).

В ст. 1 Конвенции МОТ № 95 «Относительно защиты заработной платы» говорится, что под термином «заработная плата» понимается «независимо от названия и метода исчисления всякое вознаграждение или всякий заработок, исчисляемые в деньгах и устанавливаемые соглашением или национальным законодательством, которые в силу письменного или устного договора предприниматель уплачивает трудящемуся за труд, который либо выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны». По этому поводу необходимо отметить, что осужденные к обязательным работам не заключают с предприятиями, на которых они отбывают наказания, никаких договоров (ни трудовых, ни гражданско-правовых). Они направляются на указанные объекты на основании заключаемых соответствующими органами с потенциальными «работодателями» соглашений об использовании труда осужденных.

Кроме того, в п. 1 ст. 2 данной Конвенции прямо указано, что настоящая Конвенция приме-

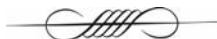
няется «ко всем лицам, которым выплачивается или причитается заработная плата». Однако осужденные к обязательным работам на законном основании исключаются из числа лиц, которым причитается заработная плата, что не противоречит п. 2 ст. 2 данной Конвенции, предусматривающему возможность исключения из сферы ее применения определенных категорий лиц.

Европейские социальные хартии № 163 и 35 также устанавливают право всех трудящихся на справедливое вознаграждение, достойное для поддержания нормального уровня жизни самих работников и их семей. Однако названные Хартии не вступили пока в силу для России, и соответственно их нормы не могут непосредственно применяться на ее территории.

Право на равную оплату за равный труд, а также на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, признает также Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ч. 3 и 4 ст. 23), устанавливая, как отмеча-

лось выше, возможность его ограничения законом при определенных условиях (ч. 2 ст. 29) (Рос. газ. 1995. 5 апр.). То, что ограничение данного права предусмотрено уголовным и уголовно-исполнительным законодательством России в качестве одного из элементов наказания в виде обязательных работ, соответствует выдвигаемым указанным актом требованиям к подобным ограничениям.

Таким образом, положения действующего законодательства Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ, не противоречат общепризнанным международным правовым актам в сфере охраны труда как по вопросу запрета на использование принудительного труда, так и по вопросу ограничения осужденных в праве на вознаграждение за труд. Отсутствие в действующем законодательстве согласия осужденного как обязательного условия назначения ему наказания в виде обязательных работ, не противоречит нормам международного права, и вносить соответствующие изменения в российское законодательство является нецелесообразным.

Библиографический список

1. Морозов В. М. Проблемы соблюдения международных стандартов и решений Европейского суда по правам человека в деятельности уголовно-исполнительной системы России / В. М. Морозов, В. А. Пантелеев, В. А. Ильин ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Никитина. – Владимир, 2003.
2. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций : сб. норматив.-правовых актов / под ред. О. В. Филимонова. – М., 2002.
3. Филимонов О. Токийские правила и российская практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы / О. Филимонов // Рос. юстиция. – 2003. – № 2.

References

1. Morozov V. M. Problems of Observance of International Standards and Decisions of the European Court of Human Rights in the Activities of the Penal System of Russia / V. M. Morozov, V. A. Panteleyev, V. A. Ilyin ; ed. by Doctor of Law, Professor A. M. Nikitin. – Vladimir, 2003.
2. Organizational and Legal Basis of the Activity of Penal Inspections / ed. by O. V. Filimonov. – M., 2002.
3. Filimonov O. Tokyo Rules and Russian Practice of the Application of Punishments not Connected with the Deprivation of Liberty / O. Filimonov // Russian Justice. – 2003. – № 2.

Д. С. Котомин,
*аспирант кафедры теории и истории государства
 и права Ярославского государственного
 университета им. П. Г. Демидова*

D. S. Kotomin,
*post-graduate student of the Department
 of Theory and History of State and Law
 of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov*

ТЕХНИКА И ТАКТИКА ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Techniques and Tactics of the Lobbying Activity: to the Question of the Concepts Correlation

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о соотношении двух элементов технологии лоббистской деятельности: техники и тактики. Автор проводит разграничение между ними и анализирует их содержание.

Ключевые слова: техника, тактика, технология, лоббистская деятельность.

Abstract. The article is devoted to the study of correlation between the two elements of the technology of the lobbying activity: techniques and tactics. The author differentiates them and analyzes their content.

Key words: technique, tactics, technology, lobbying activity.

Одними из наиболее тесно связанных между собой элементов в технологии лоббистской деятельности являются техника и тактика. Отдельные ученые в силу такой тесной взаимосвязи данных элементов говорят об их тождественности (Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 41). Данная позиция представляется нам малообоснованной по следующей причине. Несмотря на то, что тактика действительно оказывает существенное влияние на выбор методов и средств (техники), вряд ли целесообразно объединять искусство использования имеющихся инструментов с самими инструментами. Здесь важно проводить четкое их разграничение. Так, еще в XIX в. родоначальник юридической техники Рудольф фон Иеринг писал об инструментальном характере юридической техники, сравнивая юридическую деятельность с обработкой земли и разнообразными ремеслами. При этом он отмечал двоякий смысл юридической техники: в первом смысле она понимается как искусство, во втором – как определенный механизм (Иеринг Р. Юридическая техника. Спб., 1905. С. 15–16). Такая позиция позволяет определить тактику как искусство, а технику – как «механическую» составляющую лоббистской деятельности. Следовательно, говоря о технике лоббирования, мы всегда рассматриваем его инструментальный аппарат; говоря о тактике, – имеем в виду искусство эффективного использования данного аппарата.

Рассматривая философскую основу техники, следует согласиться с мнением профессора А. В. Полякова, который считает, что техника является определенным артефактом, т. е. представляет собой нечто искусственное, выступает противоположностью естественному, природному. Техника связывает между собой замысел и его реализацию, обеспечивает эту реализацию. Довольно точно отметил сущность юридической техники профессор С. Л. Сергеев, назвав ее «информационно-операционной основой функционирования пра-

вовой материи» (Цит. по: Волкова С. В., Малышева Н. И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 186). Все многообразие используемых в процессе лоббистской деятельности технических инструментов и составляет эту основу.

Обращаясь к терминологическому аспекту вопроса, вряд ли можно согласиться с высказываемой в научной литературе точкой зрения, в соответствии с которой «юридическая техника» считается устаревшим термином, а «юридическая технология» – ее современным аналогом, более «адекватным понятием» (Костенко М. А. Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» // Изв. Таганрог. гос. радиотехн. ун-та. 2005. № 9. С. 128). Техника любой деятельности, в том числе и лоббистской, представляет собой самостоятельный, обособленный элемент ее технологии, объединяющий в себе совокупность всех используемых в ходе реализации данной деятельности инструментов.

Профессор В. Н. Карташов выделяет три разновидности технических средств, составляющих юридическую технику: общесоциальные, специально-юридические и технические средства (Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 18). Использование данного деления позволит нам наиболее системно проанализировать инструменты лоббистской деятельности. Исходя из этого под техникой лоббирования, на наш взгляд, следует понимать совокупность общесоциальных, специально-юридических и технических средств, с помощью которых субъекты лоббирования в процессе оказания воздействия на правотворческие органы обеспечивают достижение необходимого им результата.

Общесоциальные средства, составляющие технику лоббирования, не имеют каких-либо специфических отличий от технологий иных процессов. Однако, как и в других видах юридической деятельности, данная часть технического инструментария яв-

ляется основой процесса лоббирования. К таким средствам необходимо относить буквы, знаки препинания, понятия, суждения, языки и т. д. (Карташов В. Н. Место и роль интерпретационной техники и тактики в технологии юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Ярославль, 2007. С. 4–6).

Процесс лоббирования в правотворческой деятельности немислим без использования специально-юридических инструментов. К ним относятся юридические определения, научные категории, законы, выработанные в научном процессе, а также в собственно юридической деятельности. Представляется невозможным эффективное лоббирование какого-либо правового акта без знания и использования субъектами и участниками данного процесса соответствующих юридических терминов, определений и т. д.

Широчайшее применение в лоббировании находит и третий компонент юридической техники – собственно технические средства. В частности, среди них необходимо выделить разнообразную компьютерную технику, соответствующие программы, средства связи, копирования, Интернет и т. п. (Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые аспекты теории и методологии) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 16).

Как было указано выше, тактика лоббистской деятельности представляет собой определенное искусство использования имеющихся у субъектов и участников лоббирования многочисленных технических инструментов. Под тактикой следует понимать искусство правильно и грамотно управлять участниками процесса лоббирования, оптимально организовывать соответствующие действия и операции, наиболее целесообразно использовать общесоциальные, специально-юридические и технические средства для достижения поставленных целей (частных и промежуточных, ближайших и второстепенных и т. п.) (Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций. Ярославль, 1996. Ч. 2: Правотворческая практика, система и структура права. С. 6–7).

Тактика является одним из наиболее важных элементов в структуре технологии лоббирования. Ее можно абсолютно справедливо рассматривать в качестве одной из основ профессионализма субъектов (участников) лоббирования. Умение правильно выстроить деятельность по оказанию воздействия на управленческие органы есть основа успешной реализации прав и законных интересов субъектов лоббирования. Грамотное использование имеющегося в распоряжении набора средств, приемов и методов отличает профессионального субъекта (участника) лоббистской деятельности, позволяет обеспечить достижение стоящих перед данной деятельностью целей и задач.

Под содержанием тактики, на наш взгляд, следует понимать совокупность приемов, способов, мето-

дов, правил (Карташов В. Н., Бахвалов С. В. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии) : учеб. пособие. Ярославль, 2007. С. 66).

Как в мировой практике, так и в нашей стране лоббирование чаще всего осуществляется с использованием следующих способов.

1. Участие в деятельности профильных комитетов законодательного органа. В работе комитетов допускается участие как депутатов, так и заинтересованных лоббистов и экспертов. Так, например, в соответствии с регламентом Бундестага в Германии экспертам из заинтересованных профессиональных союзов и ассоциаций разрешается участвовать в деятельности германского парламента. При этом Положение о регистрации союзов и их представителей при Бундестаге, принятое в 1972 г., предусматривает обязательную регистрацию таких участников (Любимов А. П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 67–68).

2. Разработка законопроектов и вынесение их на обсуждение парламента. Данная форма лоббирования практикуется как самими лоббистами, так и непосредственно органами законодательной и исполнительной власти с участием заинтересованных групп в зависимости от законодательного регулирования лоббистской деятельности в конкретном государстве. Согласно ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации «право законодательной инициативы принадлежит Президенту, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации и Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения». Таким образом, в Российской Федерации любое лоббирование с использованием рассматриваемой формы может происходить только с участием указанных в Основном законе субъектов, имеющих право законодательной инициативы.

3. Проведение пропагандистских кампаний в средствах массовой информации по поводу готовящихся или принятых решений (Киселев К. В. Лоббизм: методы легального влияния // ЧиновникЪ. 2002. № 6. С. 24). Данный способ лоббирования очень часто применяется на практике, так как является одним из наиболее технически простых и эффективных. В современном информационном обществе каждый человек ежедневно подвергается воздействию средств массовой информации, которые способны как оказывать влияние на общественное мнение в целом по тем либо иным вопросам, так соответственно и корректировать точки зрения отдельных людей, в том числе тех, от кого зависит принятие конкретных правотворческих решений.

4. Проведение конференций с участием представителей законодательной и исполнительной ветвей власти, уже ставшее повседневной практикой в деятельности российских политических партий и движений. Такое взаимодействие позволяет наиболее скоординированно работать всей государственной власти, что благотворно отражается на эффективности принимаемых решений.

5. Организация торжественных встреч и приемов для полномочных представителей законодательной и исполнительной ветвей власти, что часто практикуется руководителями регионов, крупных предприятий и др.

6. Обращения к депутатам, представителям исполнительной власти и др. К данной форме лоббирования необходимо также отнести обращения по телефону, письма, телеграммы в их адрес, личные визиты к ним. Подобные действия оказывают психологическое воздействие на отдельных лиц, от которых зависит принятие конкретных решений.

7. Проведение митингов и забастовок, которые наиболее характерны для профсоюзных объединений, отстаивающих социально-экономические интересы работников своей отрасли.

Способы – это пути достижения намеченных целей и результатов с помощью конкретных приемов и при наличии соответствующих условий и предпосылок (Карташов В. Н., Бахвалов С. В. Указ. соч. С. 69). Так, например, обращение к депутатам, представителям исполнительной власти может производиться с использованием такого распространенного приема, как «grass roots lobbying», заключающегося в массовом и организованном направлении писем и телеграмм от населения на имя того или иного должностного лица, от мнения которого зависит принятие того либо иного решения (Берлин А. Д., Григор Г. Э. Корпоративный лоббизм: теория и практика. М., 2005. С. 43).

Противоправное лоббирование осуществляется с помощью подкупа должностных лиц, оказания на них воздействия путем угроз, насилия и др. С этими способами во многом связано отрицательное отношение общества к лоббизму. Несмотря на это, нельзя не рассматривать данные способы оказания воздействия на лиц, от которых зависит принятие пра-

вотворческих решений, в качестве тактики осуществления лоббистской деятельности. Выделение подобных способов помогает противопоставить коррупцию и законное лоббирование интересов, осуществление воздействия на принятие решений правотворческими органами противоправными способами и подобное влияние путем средств, соответствующих как нормам права, так и нормам морали. Помимо этого можно говорить о таких распространенных способах лоббирования, как использование личных связей, или «коридорного лоббизма». Данные способы реализуются путем личных, дружеских контактов и визитов к должностным лицам, что также необходимо отделять от рассмотренных выше законных способов лоббирования, которые свойственны обществу с высокоразвитой политической системой и правовой культурой.

В некоторых исследованиях по данной теме авторы проводят четкую границу между понятиями «коррупция» и «лоббизм» на том основании, что «коррупция предполагает незаконные, криминальные способы взаимодействия граждан и их объединений с должностными лицами государственных органов, лоббизм, в свою очередь, предусматривает взаимодействие указанных сторон только в рамках закона» (Исаков В. В. Конституционно-правовые основы лоббизма в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 10). В отдельных публикациях лоббистская коррупция выделяется в качестве самостоятельного ее вида (Коррупция в понятиях // Рос. газ. 2006. 25 июля). На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения А. П. Любимова, отмечающего, что «лоббизм – сложное и емкое правовое и политическое явление, в функционировании которого имеют место и незаконные, в том числе уголовно наказуемые, деяния» (Любимов А. П. Проблемы правового формирования лоббизма // Государство и право. 1999. № 7. С. 65). Лоббистская деятельность включает в себя все возможные способы оказания воздействия с целью принятия решений в интересах субъектов лоббирования. Исходя из этого процесс лоббирования может осуществляться как в легальной форме с использованием разрешенных правом способов и приемов, так и противоправной.

Библиографический список

1. Берлин А. Д. Корпоративный лоббизм: теория и практика / А. Д. Берлин, Г. Э. Григор. – М., 2005.
2. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2009.
3. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования / В. Н. Карташов // Юрид. техника. – 2007. – № 1.
4. Любимов А. П. История лоббизма в России / А. П. Любимов. – М., 2005.

References

1. Berlin A. D. Corporative Lobbying: Theory and Practice / A. D. Berlin, G. E. Grigor. – M., 2005.
2. Davydova M. L. Law Technique: Problems of Theory and Methodology / M. L. Davydova. – Volgograd, 2009.
3. Kartashov V. N. Law Technology or Law Technique? Some Methodological Aspects of the Study / V. N. Kartashov // Law Technique. – 2007. – № 1.
4. Lyubimov A. P. History of Lobbism in Russia / A. P. Lyubimov. – M., 2005.

Л. В. Лазарева,
 доцент кафедры уголовно-процессуального права
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат юридических наук, доцент

L. V. Lazareva,
 Associate Professor of the Department
 of Criminal Procedure of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Law, Assistant professor

МОНИТОРИНГ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Monitoring of Legal Regulation of Judicial-expert Activity in the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования судебно-экспертной деятельности, в частности, отсутствию единообразия в нормативном закреплении категорий «судебная экспертиза» и «основания назначения судебной экспертизы». В результате анализа действующего законодательства автор вносит ряд предложений, направленных на устранение ошибок при назначении и производстве экспертизы и способствующих единообразию правоприменительной практики. Рассматривается возможность создания на федеральном уровне единой экспертной службы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, эксперт, правовое регулирование, мониторинг.

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of judicial and expert activity, in particular, it deals with the absence of uniformity in normative fastening of the categories «judicial examination» and «the bases for setting judicial examination». As the result of the analysis of the effective legislation the author submits a number of proposals aimed at eliminating the mistakes during setting and conducting the examination and contributing to the uniformity of law enforcements practice. The opportunity of establishing the uniform expert service at a federal level is considered.

Key words: judicial examination, judicial-expert activity, expert, legal regulation, monitoring.

Новые пути развития общества, а вместе с ними и современные тенденции формирования государственно-правовых явлений потребовали изменения всей правовой системы, принятия законов, соответствующих современным общественным отношениям.

Потребность в использовании достижений науки и техники в борьбе с преступностью так же стара, как и сама преступность, и существует в обществе с момента зарождения деятельности по расследованию уголовных дел. Возникнув в силу действия ряда причин объективного характера, эта потребность в современном обществе не только не уменьшилась, но, наоборот, обнаружила общую тенденцию ко все большему возрастанию и приобрела тем самым значение постоянно действующей объективной закономерности. Данная закономерность проявляет себя и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Современная система уголовно-процессуального права и ее институты претерпевают значительные изменения, вызванные социально-экономическими преобразованиями, ростом преступности, видоизменением структуры последней, усилением противодействия расследованию организованных преступных групп.

Одним из таких институтов является институт судебной экспертизы, преследующий цель обеспечения полноты и всесторонности предварительного расследования путем повышения его научно-технического уровня. Данное обстоятельство является

отражением интенсивно развивающихся в последнее время различных отраслей науки и техники.

Институт судебной экспертизы как система взаимосвязанных норм и специфический регулятор самостоятельных общественных отношений существует в виде составной, хотя и относительно обособленной части уголовно-процессуального права. Он составляет неотъемлемую и очень важную часть как практической деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств, так и ее уголовно-процессуальной формы. Последние законодательские инициативы, поправки и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство все более четко и последовательно выделяют проблемы судебно-экспертной деятельности в особую область правового регулирования.

Разработка проблем уголовного судопроизводства, связанных с судебно-экспертной деятельностью, представляет большой научный и практический интерес. Вопросы, связанные с процессуальной регламентацией судебной экспертизы, исследовались учеными на протяжении десятилетий и сейчас продолжают оставаться в центре внимания правоведов.

Тем не менее в теории и практике судебной экспертизы есть немало нерешенных проблем. Современное состояние правового регулирования судебно-экспертной деятельности в России далеко от совершенства. Система законодательства о судебной экспертизе неполна и внутренне противоречива. Принимаемые нормативные правовые акты не всегда нацелены на наиболее рациональное использование специальных знаний экспертов в ходе применения права, а иногда и противоречат функциям государства и принципам процессуального права.

Мониторинг нормативной правовой основы судебно-экспертной деятельности выявил такие дефекты, как пробелы, коллизии, недействующие и нелегитимные нормы. Например, весьма сложным является обеспечение достоверности исходных данных, в частности сравнительного материала, направляемого на судебную экспертизу, что входит в обязанности суда; трудно реализуемыми оказываются нормы о праве участников уголовного процесса присутствовать при производстве экспертизы; не определен статус несудебных экспертиз, появляющихся в уголовном процессе, и многое другое. Все это требует дальнейшего разъяснения и конкретизации.

Таким образом, возрастает необходимость системного подхода к государственному регулированию судебно-экспертной деятельности.

Примером коллизии правового регулирования судебно-экспертной деятельности является отсутствие единообразия в нормативном закреплении категории «судебная экспертиза».

В общей теории судебную экспертизу рассматривают в основном как процессуальное или экспертное действие (Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. М., 2002. С. 19 ; Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В. П. Кашепова. М., 2003). Такой подход во многом предопределен содержанием ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в которой дается понятие судебной экспертизы как процессуального действия, состоящего из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2291).

Структурное построение УПК РФ подтверждает мнение о том, что судебная экспертиза является следственным действием. В юридической литературе отмечается, что «нормы о следственных действиях обособлены в главах 23–27 УПК РФ» (Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 20) (гл. 27 УПК РФ называется «Производство судебной экспертизы»). В силу этого в большинстве комментариев к УПК РФ, а также другой учебной и научной литературе судебная экспертиза определяется как следственное действие (Даньшина Л. И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России : учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 144 ; Исаенко В. Следственные действия и пол-

номочия прокурора по надзору за ними // Законность. 2003. № 3. С. 20–25 ; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. М., 2004 ; Корнелюк О. В. Судебная экспертиза: правовые основы и практика применения // Следователь. 2004. № 5. С. 54–56 ; Шейфер С. А. Указ. соч. С. 38 и др.). Между тем и в уголовном процессе можно встретить подход к сущности судебной экспертизы как к процессуальному действию (Уголовный процесс : учеб. для вузов / под ред. проф. В. М. Лебедева. М., 2003. С. 423 ; Уголовный процесс : курс лекций / под общ. ред. В. И. Качалова, О. В. Качаловой. М., 2004. С. 196).

Следует заметить, что подходы к сущности судебной экспертизы как процессуального или следственного действия в сфере уголовного судопроизводства не являются взаимоисключающими. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие – это следственное, судебное и иное действие, предусмотренное законом. Понятие следственного действия в УПК РФ отсутствует, но п. 19 ст. 5 определяет неотложные следственные действия как «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела... в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Таким образом, следственное действие – это разновидность процессуальных действий, отличающееся, по мнению большинства авторов, по признаку своей познавательной направленности (Безлепки В. Г. Уголовный процесс России : учебник. М., 2003 ; Уголовно-процессуальное право / под ред. П. А. Лупинской. М., 2004 и др.).

Познавательная направленность следственного действия состоит в том, что в результате его проведения следователь, дознаватель, прокурор, суд получают фактические данные, сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Полученные законным способом и зафиксированные в предусмотренной форме эти данные становятся доказательствами (ст. 74, 75 УПК РФ).

Определяя место и роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, следует ее проанализировать и соотнести с признаками следственного действия.

К числу признаков судебной экспертизы, совпадающих с признаками следственного действия, относятся следующие положения:

- судебная экспертиза, безусловно, имеет познавательную направленность, с ее помощью могут быть установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию;

- заключение эксперта в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ является доказательством по уголовному делу;

- решение о назначении экспертизы принимает следователь, дознаватель, прокурор, суд (су-

дья), вынося об этом соответствующее постановление (определение); при этом указанными лицами определяются вид экспертизы, кому поручается ее производство (конкретный эксперт либо экспертное учреждение), состав специалистов для комплексной экспертизы, материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта, а также формулируются вопросы к нему (ст. 195 УПК РФ). При этом назначение экспертизы нельзя рассматривать как самостоятельное следственное действие, поскольку вынесение соответствующего постановления (определения) является лишь процессуальным основанием проведения судебной экспертизы (точно так же, как необходимы соответствующие постановления для производства освидетельствования, обыска, выемки)¹;

– в ст. 196 УПК РФ закреплены случаи обязательного назначения и производства судебной экспертизы, во всех остальных случаях назначение экспертизы – это право, а не обязанность следователя;

– ст. 197 УПК РФ предусматривает право следователя присутствовать при производстве экспертного исследования, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий;

– лица, назначившие судебную экспертизу, должны обеспечивать права и законные интересы обвиняемого, подозреваемого и других участников процесса, разрешать отводы, заявленные эксперту, и разъяснять права и обязанности эксперту, не работающему в экспертном учреждении;

– заключение эксперта, являясь доказательством, подлежит оценке со стороны субъектов доказывания, может быть назначена дополнительная или повторная экспертиза.

Однако эти признаки отнюдь не подтверждают позицию тех ученых, которые считают судебную экспертизу особой автономной формой осуществления познавательной деятельности, коренным образом отличающейся от следственных действий (А. А. Эйсман, И. М. Лузгин). Мы считаем, что нельзя вести речь об автономии эксперта при производстве судебной экспертизы, так как он, что было уже указано, осуществляет свою познавательную деятельность по инициативе лица, назначившего экспертизу, изучает лишь те материалы, которые были ему предоставлены, и отвечает на поставленные перед ним вопросы.

В уголовном судопроизводстве нужно говорить не об отдельных и изолированных друг от друга действиях следователя, дознавателя или суда по назначению экспертизы, с одной стороны, и самостоятельных действиях эксперта по производству экспертизы, с другой стороны, а о

взаимодействии лица, назначившего судебную экспертизу, и эксперта (Шамонова Т. Н. Аспекты организации взаимодействия при расследовании преступлений // *Современные тенденции управления расследованием преступлений* : сб. науч. тр. М., 2006. С. 177–184). Это взаимодействие, направленное на получение фактических данных об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и представляет собой содержание судебной экспертизы как комплексного действия познавательного характера.

Следует заметить, что в специальной литературе подобные точки зрения высказывались неоднократно. В. А. Михайлов рассматривает «систему действий и решений при назначении и производстве судебных экспертиз» (Курс уголовного судопроизводства : учебник : в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М., 2006. Т. 2: Досудебное и судебное производство, гл. 41. С. 262), также о «комплексе операций» при назначении и проведении судебной экспертизы говорит С. А. Шейфер (Шейфер С. А. Указ. соч.). Т. Н. Шамонова пишет: «Экспертизы в непрерывном процессе проверки и оценки доказательств в ходе расследования представляют целый комплекс организационных, технических и научно-исследовательских задач, решаемых участниками этого следственного действия» (Шамонова Т. Н. Указ. соч.).

Как замечает С. А. Шейфер, экспертиза представляет собой сложный познавательный комплекс, обеспечивающий взаимодействие следователя и эксперта, а нормы, его регламентирующие, образуют специфический институт уголовно-процессуального права (Шейфер С. А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях* : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007). Специфические черты экспертизы обуславливают особое место, которое она занимает в системе следственных действий. Все образующие систему следственных действия реализуются путем непосредственного контакта следователя с объектами, несущие в себе доказательственную информацию, что дает ему возможность извлечь эту информацию и придать ей предусмотренную законом форму. И только экспертиза являет собой длительную и опосредованную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию. Доказательственную информацию непосредственно получает и истолковывает эксперт, который на этой основе формулирует свое заключение и передает его следователю.

Такое представление получает признание многих современных исследователей (Кальницкий В. В. Следственные действия. Омск, 2003. С. 55 ; Следственные действия: процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности / под ред. Б. П. Смагоринского. М., 1994. С. 213–221), хотя другие авторы предпочи-

¹ Такого же мнения придерживается и С. А. Шейфер (Шейфер С. А. Указ. соч. С. 139–144). Но в правовой литературе можно встретить и противоположную точку зрения о том, что назначение судебной экспертизы – это самостоятельное следственное действие (Следственные действия : учеб. пособие / Ю. В. Гаврилин [и др.]. М., 2006. С. 179).

тают именовать экспертизу «процессуальным действием», не рассматривая вопрос о том, является ли она действием следственным.

В то же время ряд ученых не считают судебную экспертизу следственным действием. Так, С. Б. Россинский полагает, что судебную экспертизу нельзя отождествлять со следственными действиями по двум причинам: во-первых, следственные действия осуществляются самим следователем, а судебная экспертиза – особым субъектом уголовно-процессуальной деятельности – экспертом; во-вторых, судебные экспертизы в отличие от следственных действий всегда связаны с использованием специальных знаний и проводятся в том случае, когда без их применения невозможно установить те или иные значимые для уголовного дела обстоятельства (Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций. М., 2007. С. 307–308).

Вопросы института судебной экспертизы вызывают неподдельный интерес современного научного сообщества. Ежегодно по различным аспектам судебной экспертизы проводится значительное количество диссертационных и монографических исследований, издаются десятки научных статей.

Проблемы судебно-экспертной деятельности требуют более подробного анализа, выходящего далеко за рамки настоящей статьи. Мы ограничимся рассмотрением отдельных проблем судебной экспертизы, решение которых, на наш взгляд, необходимо в интересах правоприменительной практики и, в частности, процесса доказывания, не претендуя на полноту обзора.

Глава 27 УПК РФ озаглавлена «Производство судебной экспертизы», при этом включает в себя нормы, посвященные не только назначению судебной экспертизы (ст. 195, 196), но и производству судебной экспертизы (ст. 197), производству и назначению судебной экспертизы (ст. 198), а также направлению материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы (ст. 199). Очевидно, что название главы является более узким по объему в сравнении с содержащимися в ней предписаниями. Такая позиция законодателя является несостоятельной с позиции юридической техники и поэтому подлежит упорядочению путем изменения наименования гл. 27 и приведения его в соответствие с п. 49 ст. 5 УПК РФ – «Судебная экспертиза».

Полагаем, что подвергнутые анализу различия в названии этого следственного действия являются не только терминологическими, но и существенными по своему характеру, указывая на специфические особенности реализуемых следователем полномочий на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности.

В целях преодоления несогласованности подходов к определению понятия «судебная экспертиза» и его нормативному закреплению считаем необходимым предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве соответствующую дефиницию.

Другим примером коллизии правовых норм, регулирующих судебно-экспертную деятельность, является отсутствие указания на основания назначения судебной экспертизы. Действующий УПК РФ не регламентирует данный вопрос. В п. 1 ч. 1 ст. 195 УПК РФ хотя и указывается на «основания назначения экспертизы», однако не раскрывается содержание этого понятия. Статья 78 УПК РСФСР четко определяла основания назначения судебной экспертизы, предусматривая, что это следственное действие проводится в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле.

О. Я. Баев, анализируя эту проблему, правильно акцентирует внимание на криминалистическом аспекте оснований «для назначения большинства экспертиз», под которыми понимает «дедуктивные умозаключения следователя, основанные на его криминалистических знаниях и практическом опыте, о механизме слеодообразования при совершении преступлений, относящихся к определенному виду... а также об имеющихся экспертных возможностях исследования отдельных видов следов...» (Руководство по расследованию преступлений : учеб. пособие / рук. авт. коллектива д-р юрид. наук А. В. Гриненко. М., 2002. С. 562).

Анализ УПК РФ и Федерального закона «О Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что основанием для производства судебной экспертизы является наличие фактических данных, указывающих на необходимость проведения исследования с использованием специальных знаний для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

С целью устранения данного пробела необходимо дополнить ч. 2 ст. 195 УПК РФ следующим предложением: «Судебная экспертиза назначается при необходимости проведения исследования с использованием специальных знаний». Такая новация позволит избежать многочисленных ошибок в деятельности следователя при назначении и производстве экспертизы и будет способствовать единообразию правоприменительной практики.

Другой проблемой законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности является дифференциация экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия преступлений на судебно-экспертную деятельность и деятельность специалистов-криминалистов (в основном сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел).

Обоснованием данного вывода послужило следующее обстоятельство.

Во-первых, сегодня в производстве у одного эксперта может находиться в среднем по 8–10 экспертиз. Помимо этого, ему постоянно приходится

выезжать на места происшествия в качестве специалиста для оказания различной помощи следователю, что отвлекает его от основной работы. Не трудно предположить, что в таких условиях качество обнаружения, собирания, изъятия следов на месте происшествия оставляет желать лучшего.

Полагаем, что в этих условиях было бы целесообразным создание на федеральном уровне единой экспертной службы, а в горрайорганах внутренних дел сохранить институт специалистов-криминалистов. Последние выезжали бы на места происшествия, собирали следы преступления, оказывали техническую и иную помощь следователю, проводили предварительные исследования на месте происшествия и т. п. Судебную же экспертизу следует поручить исключительно экспертам в созданной федеральной экспертной службе. Это способствовало бы повышению качества не только производства следственных действий, особенно осмотров мест происшествий, но и экспертной работы, сокращению сроков проведения экспертиз.

Наше предложение основано на следующих положениях:

- специалист-криминалист в горрайоргане внутренних дел должен являться технологом, создающим и организовывающим технологии использования научно-технических средств в раскрытии и расследовании преступлений;
- в качестве специалистов-криминалистов должны быть отобраны эксперты с опытом практической работы в должности не менее двух лет и имеющие право производства криминалистических экспертиз;
- должен быть обеспечен высокий уровень специальной подготовки специалиста с последующим регулярным повышением квалификации в специализированном учебном заведении. У специалиста-криминалиста должен быть более высокий уровень подготовки по основам традиционных криминалистических экспертиз и по навыкам обнаружения, фиксации, изъятия следов преступника, направляемых для проведения специальных экспертных исследований;
- необходимо обеспечить специалистов-криминалистов новейшими средствами и методами обнаружения, фиксации и изъятия следов и иных объектов с места происшествия, в том числе справочными (автоматизированными информационно-поисковыми) системами, как общего, так и специализированного назначения;
- специалисты-криминалисты должны проводить ситуалогические интеграционные исследования вещной обстановки места происшествия с предварительным исследованием обнаруженных следов;
- необходимо разработать систему повышения заинтересованности специалиста-криминалиста в результатах работы при осмотрах мест происшествий.

Принадлежность экспертов к разным, методически не связанным ведомствам не позволяет реализовать единую скоординированную политику применения технико-криминалистических средств

и методов, обеспечить ее динамичное развитие на основе единой научно-методической и производственной базы, предоставить возможность применения не только апробированной и утвержденной в рамках соответствующего ведомства методики, но и любой избранной экспертом методики для подготовки экспертного заключения.

В настоящее время деятельность экспертно-криминалистических подразделений регламентирована соответствующими ведомственными нормативными актами, регулирующими организацию и функционирование соответствующих служб, которые имеют ряд различий. Отрицательным моментом в данном вопросе является разнообразие подзаконных актов, содержащих требования к специалисту и эксперту в различных ведомствах (МВД России, Минюст России, ФТС России и др.). В этой связи Л. И. Головченко справедливо отмечает, что в «ходе судебной реформы необходимо выработать единые подходы к осуществлению судебно-экспертной деятельности различными субъектами и в первую очередь государственными учреждениями судебных экспертиз независимо от их ведомственной принадлежности» (Головченко Л. И. Реформирование системы экспертного обеспечения правосудия в Украине // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Харьков, 2002. Вып. 2. С. 7–8).

Существенно затрудняет правоприменение несогласованность нормативной базы судебно-экспертной деятельности различных министерств и ведомств, отсутствие организационного и методического единообразия в судебно-экспертной деятельности, связанное с различной ведомственной подчиненностью органов судебной экспертизы.

Данное обстоятельство приобретает особую актуальность в свете совершенствования правового регулирования судебно-экспертной деятельности. Однако, учитывая, что расхождение в экспертных методиках, влекущее получение разных результатов при одних и тех же исходных данных и объектах исследования, может быть использовано недобросовестными участниками процесса в собственных интересах или в интересах представляемых ими лиц, вполне логично отсутствие заинтересованности отдельных министерств и ведомств в создании единой судебно-экспертной службы.

В рамках мониторинга эффективности правового механизма регулирования судебно-экспертной деятельности нами было проведено анкетирование сотрудников следственных и экспертных подразделений, цель которого – выявление оценки лицами, непосредственно связанными с назначением и производством судебной экспертизы, эффективности правового механизма регулирования судебно-экспертной деятельности¹. В ходе опроса было вы-

¹ В опросе (2008–2009 гг.) применяли участие 207 следователей и 250 экспертов (МВД России, Минюст России) из 13 регионов Центрального федерального округа Российской Федерации.

явлено отношение к действующему законодательству, а также внесены предложения о совершенствовании нормативной правовой основы судебно-экспертной деятельности. Большинство опрошенных (75 %) высказались положительно о создании единой федеральной экспертной службы.

Следует также обратить внимание на законодательную новеллу, способную кардинально изменить организационную структуру экспертных учреждений в системе МВД России, ФСБ России, Минюста России, ФТС России и др.

Статья 70 УПК РФ устанавливает, что эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей. Это положение является основанием для отвода эксперта, состоящего в штате экспертно-криминалистического подразделения при УВД, которому поручено производство экспертизы.

В этой связи следует согласиться с мнением В. М. Быкова о том, что «уяснение этих требований уголовно-процессуального закона неизбежно приводит к мысли, что теперь эксперты и специалисты не вправе находиться в одном ведомстве со следователями и дознавателями. По существу, новый УПК РФ ставит вопрос о создании единого учреждения судебной экспертизы, которое было бы полностью независимо от стороны обвинения, и, понятно, что эти эксперты и специалисты уже не должны быть в погонах и иметь воинские или специальные звания» (Быков В. М. Новый УПК РФ и проблемы организации раскрытия и расследования преступлений // Вестн. криминалистики. М., 2003. Вып. 3 (7). С. 6–7).

Таким образом, создание единых нормативных основ судебной экспертизы – один из путей оптимизации деятельности по вовлечению в сферу уголовного судопроизводства результатов судебно-экспертной деятельности.

Библиографический список

1. Безлепкин В. Г. Уголовный процесс России : учебник / В. Г. Безлепкин. – М., 2004.
2. Зинин А. М. Судебная экспертиза : учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. – М., 2002.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. – М., 2004.
4. Корнелюк О. В. Судебная экспертиза: правовые основы и практика применения / О. В. Корнелюк // Следователь. – 2004. – № 5.
5. Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций / С. Б. Россинский. – М., 2007.
6. Уголовно-процессуальное право / под ред. П. А. Лупинской. – М., 2004.

References

1. Bezlepkin V. G. Criminal Trial of Russia / V. G. Bezlepkin. – M., 2004.
2. Zinin A. M. The Judicial Examination / A. M. Zinin, N. P. Maylis. – M., 2002.
3. Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation / ed. by A. Ya. Sukhareva. – M., 2004.
4. Kornelyuk O. V. Judicial Examination: Legal Basics and Practice of Application / O. V. Kornelyuk // Investigator. – 2004. – № 5.
5. Rossinskiy S. B. Criminal Trial of Russia / S. B. Rossinskiy. – M., 2007.
6. Criminal Procedural Law / ed. by P. A. Lupinskaya. – M., 2004.

Д. Ю. Любитенко,
*аспирант кафедры теории и истории
права и государства
Волгоградского государственного университета*

D. Yu. Luybitenko,
*post-graduate student of the Department
of Theory and History of State and Law
of Volgograd State University*

СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА ПРАВОВЫХ ДОКТРИН

System Characteristics of Legal Doctrines

Аннотация. В статье анализируются системные свойства правовых доктрин: целостность, структурность, иерархичность, адаптивность, коммуникативность, а также раскрываются уровни и основные формы правовых доктрин, способы обособления одной доктрины от другой.

Ключевые слова: правовая доктрина, система, правовая парадигма, целостность, адаптивность, коммуникативность.

Abstract. The author of the article analyzes system characteristics of legal doctrines such as integrity, structuredness, hierarchy, adaptability, communicativeness. Moreover, the levels and main forms of legal doctrines, ways of isolation of one doctrine from the other are revealed in the article.

Key words: legal doctrine, system, legal paradigm, integrity, adaptability, communicativeness.

Для юридической науки интерес к проблемам доктринальности права является естественным и непреложным – это один из немногих тезисов, не требующих поиска доказательств. Выработка представлений о содержании правотворческой деятельности и содержании самого правового регулирования, согласно сложившимся в российской науке традициям, является важным итогом научного творчества юристов.

В последние годы в отечественных исследованиях в области права все чаще высказывается мысль о необходимости осуществления правотворчества и правоприменения, основываясь на юридической доктрине. Так, А. И. Демидов отмечает, что отсутствие юридической доктрины «оборачивается рассогласованием законотворчества», сопровождается «разрывом правовой теории и юридической практики, формирующихся под давлением своих собственных сиюминутных задач...» (Демидов А. И. Принципы юридической доктрины России // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов, 2001. С. 8). Это, как и многое другое, обуславливает обращение научного интереса к изучению природы такого явления, как правовые доктрины.

Под понятием правовой доктрины в настоящей статье понимается система авторитетных и влияющих на законодателя представлений о должном образе права, отражающих сложившиеся в обществе культурные и прежде всего научные взгляды относительно надлежащего характера правового регулирования.

Автор настоящей статьи предпринял попытку анализа системных свойств правовых доктрин, поскольку достижение качества (в том

числе согласованности) законодательства как одного из атрибутов его доктринальности представляется малоперспективным без наличия такой же согласованности и системной связи между доктринальными положениями, составляющими его основу.

Помимо доктрины в широком смысле слова, обозначающей социально-философское основание всей жизнедеятельности общества и государства (например, религиозная доктрина ислама), могут существовать доктрины в узком смысле слова (военная доктрина, доктрина продовольственной безопасности и т. п.). Говоря же о доктринах как о множестве, представляется необходимым определить способы и границы обособления одной доктрины (целостности) от другой. Иными словами, для постижения юридической природы правовых доктрин целесообразно их рассмотрение в контексте системного подхода.

Системный подход обладает рядом преимуществ. Прежде всего, он позволяет выявить структуру объекта юридического исследования, а также внутренние связи, взаимодействие и подчиненность его частей, что объясняет его довольно широкое применение в юридических исследованиях.

Н. В. Витрук находит объяснение признанию научным сообществом достоинств системного подхода в том, что все, по существу, государственно-правовые явления можно рассматривать как системы. Под социально-правовой системой он понимает совокупность или комплекс связанных друг с другом и взаимодействующих частей и элементов целого, функционирование которых подчинено достижению единой цели (Витрук Н. В. Сложные динамические системы в сфере государственно-правовой надстройки. Ос-

новы применения кибернетики в правоведении. М., 1977. С. 29.).

В числе авторов, использовавших этот исследовательский метод, можно назвать целую плеяду известных ученых: А. С. Автономова, С. С. Алексеева, И. С. Андреева, В. К. Бабаева, В. Д. Бордунова, Ю. А. Веденеева, Н. А. Власенко, Я. И. Гилинского, В. В. Глушенко, Р. Г. Губенко, В. Н. Карпович, И. П. Левченко, В. А. Пошкявичус, М. М. Рассолова, В. Д. Рудашевского, И. С. Самощенко, Д. И. Фельдмана, Г. И. Курдюмова, В. Е. Чиркина, В. А. Шабалина.

Однако следует отметить то обстоятельство, что вопрос о свойствах, присущих системам, несмотря на широкое вовлечение в последние годы системного подхода в методологию как естественных, так и гуманитарных наук, до настоящего времени остается дискуссионным и напрямую зависит от контекста, в котором рассматриваются системы (гносеологический, онтологический и др.).

Характеризуя общенаучные представления о системах, можно отметить их безусловное разнообразие. Как правило, выделяют более 20 самостоятельных свойств (признаков) системы. Слабая сторона многих теоретико-правовых исследований, как справедливо замечает В. М. Костылев, заключается в одностороннем соотношении свойств системы, выделяемых в научной литературе, и свойств, присущих конкретному объекту таких исследований (Костылев В. М. Право: опыт системного анализа. URL: http://www.kostylew.ru/pr_opyt2.htm). Соотнесение правовых доктрин со всеми без исключения признаками и свойствами систем в таком ключе представляло бы собой весьма значительное по объему исследование, что не соответствует формату настоящей работы. В этой связи автор полагает возможным ограничиться оценкой правовой доктрины с точки зрения наличия в ней основных признаков системы.

Целостность доктрин. Доктринальное поле представляет собой хаотическое множество подходов, мнений, позиций. Именно такими с содержательной точки зрения предстают перед нами на первый взгляд по отдельности и правовые доктрины. Общая методологическая проблема здесь заключается в том, что это множество образует огромный пласт информации, обобщить который не под силу ни одному исследователю, ни даже большому научному коллективу. Однако некоторая обособленность множества содержательных элементов доктрин не ведет к отрицанию их целостности.

Целостность доктрин заключается, во-первых, в том, что подходы, мнения, позиции, положенные в их основу, не существуют независимо друг от друга, а образуют особые формы – теории, концепции, идеи, принципы, дефиниции и т. п.

Доктринальный характер *теории* определяется ее значением для законодательства. Известно, что теория позволяет понимать, объяснять и прогнозировать различные проявления объекта теории. Для права такие свойства теории создают возможность выстраивать программу законодательных преобразований, т. е. воплощать в правовом регулировании определенный перспективный замысел.

Следующей формой доктрин являются *концепции*. В классической науке была сильна тенденция к отождествлению понятия «концепция» с понятием «теория». Как отмечает В. Л. Абушенко, «иногда им обозначали “неполную”, “нестрогую” и т. д. теорию именно для того, чтобы подчеркнуть ее “неполноту”, “нестрогость”. В неклассической науке его «стали, как правило, редуцировать к фундаментальной теоретической (концептуальной) схеме (включающей в себя исходные принципы, универсальные для данной теории законы, основные смыслообразующие категории и понятия), или (и) к идеализированной (концептуальной) схеме (модели, объекту) описываемой области...» (Абушенко В. Л. Концепция // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Минск, 2003. С. 513).

В приведенной выше цитате подчеркиваются именно смыслообразующие свойства понятия «концепция», что, на взгляд автора, представляется верным. Так, в основе естественно-правовой концепции лежит один главный замысел – принадлежность и неотъемлемость прав человека в силу природы. В научной литературе наряду с концепцией нередко упоминается естественно-правовая доктрина – понятие более широкое, включающее в себя не только ведущий замысел, но и представления, являющие собой дальнейшее развитие, конкретизацию ведущего замысла.

Отграничение понятий «доктрина» и «концепция», в частности, имеет важное практическое значение в целях совершенствования законодательного процесса. Предметом рассмотрения проекта закона в первом чтении является его концепция, под которой часто понимают «характеристику предмета и целей проекта закона, его основных положений, структуры, а также возможных последствий его применения» (Любимов А. П. Качество подготовки законопроекта субъекта права законодательной инициативы // Рос. юстиция. 2006. № 2. С. 36).

Доктрина оказывает непосредственное влияние на формирование *принципов права*, в этой связи ее нередко с ними ассоциируют. Присущие доктринам нормативность, стремление к упорядочивающему воздействию на право, к его подчинению своим представлениям о должном правовом регулировании обнаруживают непосредственную связь доктрин и руководящих начал,

коими часто называют принципы. Если теория носит абстрактный характер, то принципы – более прикладной, они в большей степени доступны для вовлечения в правотворчество. Например, принципы оперативно-розыскной деятельности были обобщены и сформулированы теорией оперативно-розыскной деятельности задолго до их законодательного закрепления, в том числе посредством действующего в настоящее время Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.).

Одной из важных задач любой науки является формулирование профессионального терминологического аппарата. В этой связи в качестве первичной формы правовой доктрины можно рассматривать *термины*. «Чтобы правильно ориентироваться в избранной сфере исследования, – отмечает Ю. Ю. Ветютнев, – необходимо пользоваться единой и логически корректной системой терминов, обозначающих наблюдаемые и анализируемые явления; в противном случае не может идти речи о выявлении каких-либо закономерностей, поскольку невозможно установить связь между явлениями, когда последние лишены собственных наименований» (Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 11).

Примером воплощения доктрин в терминах является понятие коррупции, которое вместе с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» получило легальное определение в ст. 1 (Рос. газ. 2008. 30 дек.). Можно уверенно утверждать, что представления о необходимости нормативно-правового закрепления этого понятия были выработаны правовой доктриной задолго до осуществления легального толкования федеральным законодателем.

Единообразие в толковании терминов в условиях свободного обмена представителями научного сообщества гипотезами, мнениями и т. п. является условием возникновения конвенционального научного знания. Как считает Д. Дэвидсон, успешное общение предполагает, что говорящий и слушатель должны вкладывать в слова говорящего одно и то же значение, «говорящий должен иметь намерение вызвать у слушателя такую интерпретацию своих слов, какую он сам намеренно в них вкладывает, и иметь достаточно оснований считать, что слушатель справится с этой задачей» (Дэвидсон Д. Общение и конвенция // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М., 1987. С. 176).

Все вышеназванные формы правовых доктрин – теории, концепции, идеи, принципы, дефиниции и т. п. – являются доктринами локального

характера. Вместе с тем единство в толковании юридических терминов становится предпосылкой, информационным кодом, способствующими объединению разнообразных доктринальных представлений на основе их содержательной согласованности в единую доктрину.

Однако, в отечественной юридической науке это закономерное требование не находит полного воплощения: в ней различные по природе явления называют одними именами, как это происходит, в частности, с доктринами, и наоборот, одно и то же явление наделяют различными титулами. Соответственно отечественная юридическая наука в настоящее время не выработала единой и целостной правовой доктрины, которая бы основывалась на единой парадигме. «Под парадигмами, – пишет Т. Кун, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 17).

В юриспруденции парадигмы связывают с различными типами правопонимания. Своеобразной линией водораздела здесь являются фундаментальный вопрос о сущности права и непрекращающийся спор по этому поводу нормативистов и сторонников «широкого» понимания права. Как полагает Н. В. Варламова, «различие между позитивистским и непозитивистским типами правопонимания существенно и непреодолимо» (Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журн. рос. права. 2009. № 12. С. 68–84). Не исключая возможности такого примирения, А. В. Поляков констатирует, что до настоящего времени эта задача остается не под силу отечественной юридической науке, при этом он обращает внимание на то, что «...большинство современных попыток модернизации российской теории права представляет собой эклектичное сочетание разнородных начал и идей, плохо согласующихся между собой» (Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4–5).

Признание научным сообществом какой-либо одной всеобъемлющей доктрины в качестве единственно верной, особенно если такое признание будет осуществлено под властным давлением, вряд ли будет способствовать гармоничному развитию науки и ее способности к выработке достоверного и необходимого практике знания. Закрепленное в ст. 13 Конституции Российской Федерации признание государством идеологического многообразия призвано обеспечивать конкурентное и свободное поле не только для научных, но и других источников знания (религиозные учения, нравственность, традиции и т. д.).

Вместе с тем отсутствие единой комплексной правовой доктрины, ставшей результатом научного творчества, не исключает теоретическую возможность выделения парадигмального уровня доктрин. Выражаясь оценочными категориями Т. Куна, в современной отечественной юридической науке сложно обнаружить признаки *нормальной науки*. Используя представления этого ученого, состояние отечественной науки о праве можно охарактеризовать как кризисное, но не тупиковое, как содержащее зачатки будущего перехода научного сообщества к новой парадигме правопонимания. Такой парадигмой может стать и нормативное, и «широкое» понимание права, и даже принципиально новая парадигма.

При этом следует разграничивать понятия «юридическая доктрина» и «правовая доктрина». Как уже отмечалось, доктриной может быть названа совокупность представлений о каком-либо предмете или явлении, необязательно основанная на научном мышлении. Правовой доктриной называется вышеобозначенная совокупность, претендующая на включение или уже включенная в формат действующего права. В связи с этим автор считает обоснованным использовать понятие «юридическая доктрина» как термин, обозначающий совокупность представлений о праве, в основу которой положены достижения именно юридической науки и практики.

Отсутствие в настоящее время в России единой, общепризнанной парадигмы права не означает, что ее место не может занять доктрина, происходящая из иных форм общественного сознания либо «синтетическая» доктрина. Содержательную сторону доктрины, как уже отмечалось, могут образовывать религиозные представления. Это означает, что формы воплощения доктрин не исчерпываются только формами научного знания. Восполняя таким образом недосказанность в изложении форм, доктрина, по дополнению автора, также может существовать в форме *догмы*, т. е. положения, принимаемого за непреложную истину без доказательства.

В своей статье «Доктрина “Москва – третий Рим”»: предпосылки, идеи и государственно-правовые перспективы» К. А. Стрельников указывает на то, что, помимо доктрины в узком смысле слова, т. е. «системы признанных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления какой-либо государственной деятельности», в обществе и государстве должна существовать доктрина в широком смысле слова, а именно «социально-философское основание всей жизнедеятельности общества и государства» (Стрельников К. А. Доктрина «Москва – третий Рим»: предпосылки, идеи и государственно-правовые перспективы // История государства и права. 2008. № 14. С. 12). В качестве примера

доктрины в широком смысле слова автор называет доктрину «Москва – третий Рим».

В указанной статье в форме силлогических построений перечисляется ряд взаимосвязанных друг с другом тезисов, вытекающих из существа доктрины «Москва – третий Рим». Подытоживая эти размышления вывод о том, что социально-философское основание доктрины «Москва – третий Рим» может находить свое развитие во всех направлениях внутренней и внешней политики Российского государства, в том числе в конкретных законодательных решениях, воплощающих общий замысел этой доктрины.

Доктрина «Москва – третий Рим» иллюстрирует собой то, что на всеобъемлющий, общемировоззренческий уровень может претендовать не только доктрина, основанная на научных представлениях, но также доктрина, основанная на религиозных, нравственных и иных представлениях. Кроме того, такие доктрины имеют свое, нередко весьма широкое, видение правового развития, хотя по отношению к ним, на взгляд автора, некорректно использовать понятие «парадигмальные», учитывая их преимущественно вненаучное происхождение.

Современное доктринальное поле России, освободившись в конце XX в. от примата марксистско-ленинской идеологии, в последние годы все чаще наполняется попытками создания доктрин, претендующих на всеобъемлющий, общемировоззренческий уровень. Отличительной особенностью таких доктрин является стремление их авторов к максимальному охвату доктринами всех сторон социальной жизни.

Примечательным примером является так называемая Русская доктрина (Русская доктрина. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/>). Этот общественно-политический проект с содержательной точки зрения представляет собой соединение определенного набора представлений об особом пути российской цивилизации (в структуре книги этому посвящены введение, ч. I «Духовно-политическая нация», ч. II «Русский дух»), о производной от этого образа совокупности социальных ценностей, выступающих конструктами должного общественно-политического уклада (ч. III «Русское государство», ч. IV «Русское хозяйство», ч. V «Русский социум», ч. VI «Пути преобразования»).

В ч. VI содержится отдельная глава под названием «Преобразования правовой системы». Это позволяет говорить о том, что данная доктрина не только косвенно, но и прямо стремится к влиянию на образ правовой системы России.

Аналогичным всеобъемлющим содержанием характеризуется так называемая Национальная доктрина России, опубликованная в сети Интернет на специально посвященном ей ресурсе

«Сайт национальной доктрины России и иных доктрин РФ». Создатели этого проекта исходят из того, что современной России не хватает «наличия национальной идеи, национальной доктрины, ответа на вопросы, кто мы, и куда мы идем» (URL: <http://www.doktrin.ru/>).

Данные примеры позволяют утверждать, что доктрины могут обладать целостностью не только как свойством взаимосвязанности ее элементов, но и как внешним атрибутом, заключающимся в характере ее изложения в материальных источниках (книгах, рукописях и пр.).

Структурность и иерархичность доктрин. Доктрины обладают признаками иерархичности. Так, доктрины, охватывающие общемировоззренческий или парадигмальный уровни, собирают вокруг себя и подчиняют себе доктрины локальные, предназначенные для разрешения вопросов частных и предметных.

Доктрины широкого (первого) уровня концентрируются вокруг базовых принципов и ценностей (аксиологическое содержание), сообразно которым выстраивается преимущественно перспективный образ правового регулирования. Доктрины локального (второго) уровня служат задачам достижения и охраны данных базовых принципов и ценностей. Это обуславливает наличие иерархии между доктринами первого и второго уровней.

В качестве примера может служить доктрина народного суверенитета, возникшая в XVIII в. и предполагающая в противоположность средневековой доктрине божественного права, что источником всякой власти в государстве является народ. Эта базовая ценность (принцип), воспринятая в ст. 2 Конституции Российской Федерации, находит свое воплощение практически в каждой отрасли российского законодательства: в избирательном праве как таковом, в институте суда присяжных, арбитражных заседателей и т. д.

Как уже отмечалось, в конструкции доктрин подчас не столь очевидна главенствующая роль науки, сколь нескрываясь велика роль аксиологических элементов. Примером тому служит также доктрина народного суверенитета.

Структуры доктрин первого и второго уровней нетождественны. В первом случае доктрина содержит прежде всего аксиологические начала и производные от них представления о характере правового регулирования, во втором – она уже распадается на локальные инструменты, обеспечивающие претворение замысла доктрины первого уровня.

Коммуникативность доктрин. Человеческое общество, будучи в широком понимании слова совокупностью всех форм взаимодействия и объединения людей, охвачено информационными связями. Поскольку право представляет собой

способ урегулирования отношений между людьми, то закономерным является понимание права через призму коммуникативности. Индивид, выступая носителем (приверженцем) тех или иных доктринальных представлений, придает доктринам единство, обеспечивая взаимосвязь их элементов через феномен коммуникации.

Коммуникация как способ связи элементов доктрин охватывает все аспекты восприятия, истолкования и усвоения людьми информации. Она выступает связующим звеном структурных элементов доктрины, в рамках которой осуществляется процесс правообразования. В результате происходит самоорганизация правовой действительности, правовой жизни в целом.

Правовые ценности получают воплощение в определенной знаковой системе, объединяя общим смыслом все остальные элементы правовой доктрины посредством явления коммуникации. Правовые ценности, представляя собой особый «сгусток» информации, не могут проявлять себя иначе, как посредством коммуникации, передающей информацию через доступные ей формы. Иначе в условиях отсутствия коммуникации доктринальные представления утрачивали бы не только свойства влиятельности на процессы образования права, но и вообще не могли быть замеченными.

В связи с этим автор делает вывод о том, что доктрина так же, как и право, является открытой системой, постоянно взаимодействующей со средой. В таком случае, говоря о гармоничном состоянии права (отсутствие коллизий и пробелов в праве и т. п.), можно утверждать и о гармоничном или негармоничном состоянии доктринального поля. Устойчивое состояние доктринального поля характеризуется ориентацией на признанные доктрины даже при наличии в обществе идеологического плюрализма.

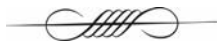
Из теории систем вытекает важное положение, согласно которому всякая система представляет собой явление самоорганизующееся. Это означает обоснованность рассмотрения сквозь призму самоорганизации также и правовой доктрины. Доктрина может отличаться динамическими свойствами и различной степенью внутренней согласованности. Различные периоды существования доктрины могут характеризоваться особым сочетанием устойчивости и неравновесности. Самоорганизующее начало доктрин соотносится с требованиями, предъявляемыми к праву, а именно с требованиями обеспечения стабильности в обществе.

Адаптивность доктрин. Выше уже отмечалось, что доктрины могут вбирать в себя и научное, и вненаучное содержание. В условиях идеологического плюрализма (свободной конкуренции идей) в доктринальном поле действуют за-

коны, аналогичные законам природы: наиболее влиятельной и жизнеспособной становится та доктрина, которая обладает большим авторитетом в глазах общества, поэтому развитие доктрин может происходить и путем собирания и объединения потенциала авторитетности и притягательности научного знания и внеаучных представлений и ценностей в одной целостной доктрине.

Суть данной характерной черты доктрины заключается в ее адаптивности – особом свойстве, присущем системам. Адаптивность представляет собой стремление к состоянию устойчивого равновесия, которое предполагает адаптацию параметров системы к изменяющимся параметрам внешней среды.

Таким образом, правовые доктрины образуют особые формы знания: теории, концепции, идеи, дефиниции и т. д. Правовые доктрины могут охватывать своим содержанием различные уровни человеческого бытия: общий мировоззренческий уровень или представлять собой локальные инструментальные системы взглядов. Правовую доктрину можно определить как систему взглядов, санкционированных государством и формализованных в правовых источниках или же претендующих на приобретение этих качеств, обладающих свойствами целостности, структурности и иерархичности составляющих ее элементов, коммуникативности (наличием прочных информационных связей внутри себя и с внешней средой), а также адаптивности.

Библиографический список

1. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы / Н. В. Варламова // Журн. рос. права. – 2009. – № 12.
2. Дэвидсон Д. Общение и конвенция / Д. Дэвидсон // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. – М., 1987.
3. Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2.

References

1. Varlamova N. V. Russian Theory of Law is in the Search for a Paradigm / N. V. Varlamova // Journal of Russian Law. – 2009. – № 12.
2. Davidson D. Communication and Convention / D. Davidson // Philosophy, Logic, Language / ed. by D. P. Gorskiy and V. V. Petrov. – M., 1987.
3. Polyakov A. V. Petersburg School of the Philosophy of Law and Problems of Modern Jurisprudence / A. V. Polyakov // Jurisprudence. – 2000. – № 2.

О. А. Мартынов,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

O. A. Martynov,
*post-graduate student of the Faculty
of Research and Teaching Staff Training
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs*

**ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Influence of the Decisions of the European Court of Human Rights
on the Legal System of the Russian Federation**

Аннотация. Статья посвящена проблеме правовых последствий ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В статье освещаются вопросы применения в правоприменительной практике общепризнанных принципов и норм международного права и правовых позиций Европейского Суда по правам человека; рассмотрения Европейским Судом по правам человека жалоб, направленных гражданами Российской Федерации; совершенствования отдельных положений действующего российского законодательства с целью обеспечения надлежащей реализации решений Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, прецедент, правоприменительная практика.

Abstract. The article is devoted to the problem of legal consequences of ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The article throws light on the issues of applying generally recognized principles and norms of the international law and legal propositions of the European Court of Human Rights. The author deals with the process of considering complaints of the citizens of the Russian Federation sent to the European Court of Human Rights and perfecting certain positions of the effective Russian legislation for maintaining the appropriate realization of the decisions of the European Court of Human Rights.

Key words: the European Court of Human Rights, precedent, law enforcement practice.

Важную роль в становлении Российской Федерации как демократического государства, приверженного европейским ценностям, сыграла ратификация Россией 5 мая 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее: Конвенция). Это событие не только подтвердило реальность провозглашенных прав и свобод, но и обеспечило гражданам Российской Федерации доступ к серьезному международному инструменту их защиты – Европейскому Суду по правам человека (далее: ЕСПЧ).

Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация выразила свое принципиальное согласие с обязательной силой решений и постановлений ЕСПЧ, рассматривающего межгосударственные и индивидуальные жалобы на нарушение прав и свобод человека (Рос. газ. 1998. 7 апр.). Кроме того, в соответствии со ст. 32 Конвенции к его ведению относятся вопросы толкования и применения положений Конвенции. В связи с этим ЕСПЧ оказывает прямое воздействие на внутригосударственное право и соответственно правоприменительную практику государств – участников Конвенции.

По данным на 1 января 2010 г., Россия является самым крупным «поставщиком» дел в Страсбургский суд. Причем согласно статистике ЕСПЧ количество дел из России постоянно растет (1999 г. – 971 жалоба; 2000 г. – 1322; 2001 г. – 2104; 2002 г. – 3986; 2003 г. – 4728; 2004 г. – 5824; 2005 г. – 8069; 2006 г. – 10132; 2007 г. – 9497; 2008 г. – 10146; 2009 г. – 13666; 1 января 2010 г. – на рассмотрении 33550 жалоб в отношении России).

По состоянию на январь 2010 г., ЕСПЧ приняты решения по существу по 862 делам из России, в 815 из которых было установлено нарушение хотя бы одной из статей Конвенции. В рамках исполнения предписываемых ЕСПЧ так называемых мер общего характера в российское законодательство и административную практику вносятся существенные изменения. Заметные перемены происходят в российской уголовно-исполнительной системе. ЕСПЧ признает, что условия содержания в местах заключения в России сами по себе могут рассматриваться как бесчеловечное обращение и составлять нарушение положений Конвенции (это подтверждается материалами дел: *Khudoyorov v. Russia*, *Labzov v. Russia*, *Novoselov v. Russia*, *Mayzit v. Russia*, *Kalashnikov v. Russia*, *Guliev v. Russia*, *Shchebet v. Russia*).

До последнего времени в российском законодательстве место решений ЕСПЧ не обозначено, не

предусмотрена и обязательность его решений, если такие решения вынесены не в отношении Российской Федерации. Нет прямого указания на их юридическую силу в части соотношения с национальными правовыми нормами. В российской правовой системе официально прецедент как источник права пока не признается, однако в правоприменительной деятельности суды Российской Федерации, в частности Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, используют решения ЕСПЧ.

Не являясь официально источником российского права, прецеденты ЕСПЧ оказывают большое влияние на правоприменительную деятельность. Проводником, связующим звеном между международным правом и национальной правовой системой фактически является Конституционный Суд Российской Федерации, в актах которого неоднократно были применены логика и правовые позиции ЕСПЧ. Свое намерение следовать международным стандартам в области защиты прав человека высказали Высший Арбитражный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, неоднократно использовавшие их в своей правоприменительной деятельности. Активную позицию в этом вопросе заняли и конституционные (уставные) суды субъектов Федерации. Сегодня имеется большое количество дел, в которых они ссылались на практику ЕСПЧ.

Так, обязательность решений ЕСПЧ в российском праве заключается, во-первых, в том, что в соответствии со ст. 1 Конвенции Российская Федерация взяла на себя обязательства по обеспечению прав и свобод каждому человеку, находящемуся под ее юрисдикцией, во-вторых, в силу ст. 32 Конвенции в решениях ЕСПЧ содержится официальное толкование конвенционных норм, имеющих обязательное значение в праве.

На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В своем постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» он отмечает: «В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации (имеются в виду постановления ЕСПЧ. — *О. М.*), принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов» (Рос. юстиция. 2003. № 12).

О влиянии решений ЕСПЧ на российскую правовую систему говорит и тот факт, что государство, в отношении которого вынесено решение о нарушении им положений Конвенции, предпринимает меры по устранению таких нарушений, в том числе и путем внесения измене-

ний во внутреннее законодательство и правоприменительную практику. Примером этому является изменение уголовного законодательства Великобританией, Бельгией, Италией, Францией, Швейцарией и другими европейскими государствами в соответствии с решениями ЕСПЧ.

С момента ратификации Россией Конвенции в отечественной уголовно-исполнительной системе также произошли серьезные изменения, связанные прежде всего с принятием следующих законов:

— Федеральный закон от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» (Рос. газ. 1998. 29 июля);

— Федеральный закон от 19 июня 2001 г. № 85-ФЗ «О внесении дополнений и изменений в статью 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» (Парламент. газ. 2001. 23 июня). Речь идет о предоставлении права Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации посещать учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, без специального на то разрешения;

— Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 75-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2003. 17 июня). Данный закон предусматривает устранение несоответствий в законодательстве, регулирующем вопросы содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, исполнения уголовных наказаний, а также восполнения пробелов в части порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы;

— Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» (Парламент. газ. 2003. 11 дек.). Закон предусматривает гуманизацию системы исполнения наказаний в отношении осужденных к лишению свободы, а также направлен на устранение отдельных несоответствий, имеющих в законодательстве, регламентирующем вопросы содержания под стражей, назначения и исполнения уголовных наказаний, и приведение некоторых его положений в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующему выводу. В последнее время для российских должностных лиц, практикующих юристов и рядовых граждан все большее значение приобретает деятельность ЕСПЧ. Именно сейчас в российской правовой науке идет процесс формирования подходов, критериев, взглядов на ре-

шения ЕСПЧ как на судебные акты, на их значение и место в российской правовой системе. Одновременно с этим в российской теории права формируется понятийный аппарат, который используется законодателем и правоприменителем в связи с решениями ЕСПЧ. Данный процесс может оказать существенное влияние на направления

развития российского законодательства, а также правоприменительной практики, ведь именно сегодня законодательная, исполнительная и судебная ветви государственной власти разрабатывают принципы и порядок применения в своей деятельности решений ЕСПЧ и прежде всего содержащихся в них правовых позиций.

Библиографический список

1. *Берестнев Ю.* Распространение решений Европейского Суда по правам человека / Ю. Берестнев // Рос. юстиция. – 2001. – № 3.
2. *Бессарабов В. Г.* Европейский Суд по правам человека / В. Г. Бессарабов. – М., 2003.
3. *Завадская Л.* Право жалобы в Европейский Суд / Л. Завадская // Рос. юстиция. – 1996. – № 6.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : [заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. : с изм. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв. 1990 г., 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.
5. *Чернышова О.* Жалобы против России в Европейский Суд по правам человека / О. Чернышова // Рос. юстиция. – 2002. – № 4.

References

1. *Berestnev Yu.* Dissemination of the Decisions by the European Court of Human Rights / Yu. Berestnev // Russian Justice. – 2001. – № 3.
2. *Bessarabov V. G.* The European Court of Human Rights / V. G. Bessarabov. – M., 2003.
3. *Zavadskaya L.* The Right of Complain to the European Court / L. Zavadskaya // Russian Justice. – 1996. – № 6.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms : [concluded in Rome on November 4, 1950 : with amendments of September 21, 1970, December 20, 1971, January 1, 1990, November 6, 1990, May 11, 1994] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 2, art. 163.
5. *Chernyshova O.* Complaints against Russia Passed to the European Court of Human Rights / O. Chernyshova // Russian Justice. – 2002. – № 4.

В. В. Меркурьев,

*заведующий отделом проблем борьбы
с организованной преступностью, терроризмом
и экстремизмом НИИ Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор*

Е. А. Богачевская,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

Д. Е. Александров,

*адвокат Адвокатской конторы № 3
Владимирской областной коллегии адвокатов «Лига»*

V. V. Merkuriev,

*Head of the Department of the Problems
of Struggling against Organized Crime, Terrorism
and Extremism of the Scientific Research Institute
of the Academy of General Office of Public Prosecutor
of the Russian Federation*

E. A. Bogachevskaya,

*Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of VLI of the FPS of Russia*

Candidate of Law

D. E. Alexsandrov,

*Attorney of the Firm of Attorneys № 3
of the Bar of Vladimir Region «League»*

**СИСТЕМА ОБЩЕУГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШИХ.
СОСТОЯНИЕ И ДВИЖЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**

**System of General Crimes which Have Entailed Deaths of Victims.
State and Change of Crimes against Human Life**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению посягательств, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. Предлагается научный анализ данных статистической отчетности по преступлениям, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, представлена структура таких преступлений. *Ключевые слова:* преступления, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших; данные официальной статистики; латентная преступность.

Abstract. The given article considers the issues of infringements which may result in the death of victims. The author offers the scientific analysis of the statistical data on crimes which may result in the deaths of victims and represents the structure of such crimes.

Key words: crimes which have entailed deaths of victims; official statistical data; latent criminality.

Право на жизнь как естественное право человека имеет неоспоримое преимущество перед иными правами и свободами, которые составляют минимальный стандарт прав человека. Очевидно, что все они, несмотря на необходимость и важность, теряют свою значимость в случае гибели человека.

Например, антикриминальная концепция в этом смысле предусматривает, что деятельность по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма ориентирована на решение следующих основных задач:

а) недопущение (минимизация) человеческих потерь исходя из приоритета жизни и здоровья человека над материальными и финансовыми ресурсами;

б) своевременное проведение аварийно-спасательных работ при совершении террористического акта, оказание медицинской и иной помощи лицам, участвующим в его пресечении, а также лицам, пострадавшим в результате террористического акта, их последующая социальная и психологическая реабилитация;

в) минимизация последствий террористического акта и его неблагоприятного морально-пси-

хологического воздействия на общество или отдельные социальные группы (Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.).

Исследование следственно-прокурорской и судебной практики по делам об убийствах, умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, и о необходимой обороне показало, что с использованием такого критерия, как сохранение жизни, можно выделить следующие два типа деяний:

1) играющие деструктивную роль по отношению к жизни;

2) служащие сохранению жизни.

В рамках настоящей статьи интерес представляет первая группа деяний, в частности, посягательства, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. Именно они образуют в совокупности самый опасный сегмент преступности. Общественная опасность этой части преступности выше общественной опасности любых других видов, выделяемых по различным основаниям, поскольку ее вредоносный потенциал выражен в причинении смерти неограниченному и заранее не прогнозируемому чис-

лу людей, находящихся под охраной уголовного закона Российской Федерации.

Накопленный опыт свидетельствует, что человек подвергается опасности ежедневно. Очень многое в обеспечении безопасности зависит от него самого (Квашис В. Е. Основы виктимологии. М., 1999 ; Полубинский В. Жизнь наша – дело рисковое. М., 1996), от его адаптированности к условиям жизни в селе, городе, районе, регионе, где формируется среда обитания, которая сегодня очень часто характеризуется крайне отрицательно. В последнее время особенно актуальна проблема защиты людей от угроз, исходящих от различных источников опасности как природного, так и техногенного характера.

В мирное время гарантии права на жизнь не сводятся только к запрещению убийства, террористического акта – это безоговорочно закрепляется Уголовным кодексом каждой страны, в том числе и Российской Федерации. Государство обязано организовать эффективную борьбу с преступностью, особенно с той ее частью, которую образует система преступлений, повлекших смерть потерпевших.

Если обратиться к официальной уголовной статистике, может сложиться впечатление, что государство со своей задачей успешно справля-

ется. Так, в 2009 г. количество потерпевших от насильственных действий по сравнению с 2008 г. сократилось на 7,0 % (531 007 чел. против 570 657, или на 39 650 лиц). Количество погибших в 2009 г. от преступлений было самым минимальным за первое десятилетие нового века и составило 46 091 чел. Это на 1,7 % (792 чел.) меньше, чем в 2008 г. (46 883 чел) (URL: <http://www.mvd.ru/files/AauTOcPxyhbg2fK.pdf>).

Однако необходимо констатировать, что в данном случае статистика обманчива. Подобные процессы, как и в предшествующие годы, могут быть объяснены как минимум двумя обстоятельствами: с одной стороны, усилением процесса сокрытия преступлений от учета и регистрации, устойчиво охватившего регионы страны и не встречавшего соответствующего противодействия, с другой – снижением активности правоохранительных органов по выявлению преступлений, поскольку действие основных факторов, обуславливающих их совершение, не ослабло, а наоборот, в период развития финансово-экономического кризиса даже обострилось.

Сведения о числе погибших от преступных посягательств в России за последние десять лет приведены в таблице.

Динамика общего числа погибших от преступных посягательств в России за 2000–2009 гг.

Кол-во лиц, погибших от преступлений	Год									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего, абсолютное число, чел.	75440	77732	77255	77803	73298	69199	61378	53987	46883	46091
Процент по отношению (+,-) к 2000 г., %	–	+3,0	+2,4	+3,1	–2,8	–8,3	–18,6	–28,4	–37,9	–38,9
Процент по отношению (+,-) к предыдущему году, %	–	+3,0	–0,6	+0,7	–5,8	–5,6	–11,3	–12,0	–13,2	–1,7

Вместе с тем точные сведения о совершенных преступлениях против личности и, в частности, против жизни человека, неизвестны. По официальным данным, только в 2009 г. остались нераскрытыми 2156 убийств и покушений на убийство (–7,1 %), 7305 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (–15,2 %).

Снижение числа зарегистрированных убийств (с покушениями) в 2009 г. отмечалось в 65 субъектах Российской Федерации. Наибольшее их сокращение (в среднем по стране этот показатель составил 11,8 %) имело место в Ненецком автономном округе – 52,9 %, Еврейской автономной области – 39,6 %, Москве – 36,2 %, Ярославской области – 35,4 %, Рес-

публике Удмуртия – 32,6 %, Ульяновской области – 29,6 %, Республике Кабардино-Балкария – 27,5 % и Тверской области – 25,2 %. Еще в 20 субъектах Российской Федерации это снижение превысило 15 %.

В условиях, когда убийства совершаются в основном на бытовой почве и при возрастающей алкоголизации страны, динамика уменьшения числа зарегистрированных убийств противоречит сложившимся объективным обстоятельствам. Это позволяет утверждать, что определенная часть убийств и иных преступлений, влекущих смерть потерпевших, остаются латентными, а лица, их совершившие, уходят от заслуженного наказания.

В частности, специалисты обращают внимание на высокую латентность убийств, совершенных с целью продажи жилья. По их оценке, только в 9,3 % случаев совершения убийств владельцев жилья по корыстным мотивам уголовные дела были возбуждены по факту обнаружения трупа с признаками насильственной смерти. В остальных случаях убитые числились выехавшими к новому месту жительства после продажи квартиры, умершими в результате несчастного случая, безвестно отсутствующими, или же государственные и муниципальные органы, в том числе правоохранительные, вообще не располагали сведениями об их исчезновении.

Анализ уголовных дел об убийствах владельцев квартир близкими им лицами, имевшими право наследования жилья, показал, что по половине таких убийств вначале вообще не возбуждались уголовные дела из-за отсутствия информации о криминальных обстоятельствах смерти или исчезновения собственника жилого помещения.

В условиях продолжающейся активизации организованной преступной деятельности, когда субъекты такой деятельности активно используют крайние меры насилия с продуманным сокрытием и уничтожением трупов, других следов преступлений, резкое снижение за год числа регистрируемых убийств (в 2007 г. – на 16,8 %; в 2008 г. – на 9,0 %; в 2009 г. – на 8,2 %) выглядит парадоксальным. Только за счет снижения степени латентности фактов насильственной смерти число зарегистрированных убийств могло не просто снизиться, а даже возрасти.

Анализ системы данных о преступности, реагировании на нее и статистики судебно-медицинских экспертиз, проведенный сотрудниками отдела проблем борьбы с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, показал, что такое снижение фиксировалось на фоне:

а) относительной стабильности количества лиц, пропавших без вести и оставшихся в розыске на конец года;

б) значительного сокращения числа экспертиз трупов с признаками насильственной смерти, но именно судебно-медицинских экспертиз трупов, а не числа самих трупов, что может быть связано с практикой возбуждения уголовных дел, назначения судебно-медицинских экспертиз, а также затребованием заключений экспертов;

в) небольшого снижения числа экспертиз тех трупов, причина смерти которых не установлена (Долгова А. И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009. С. 14–15).

Потери населения России, по данным Федеральной службы государственной статистики, составили в 2009 г. 2 013 590 чел., что на 62 364 чел. меньше (–3,0 %), чем в 2008 г. Они связаны в том числе и с такими обстоятельствами, которых вполне можно было бы избежать: пожары, автоаварии, катастрофы на воздушном, железнодорожном и водном транспорте, производственный травматизм в промышленности, в частности на шахтах, травмы в быту, смертельные случаи в армии, в рядах правоохранительных органов и др. Количество таких жертв, по данным официальной статистики, ежегодно достигает, а иногда и превышает 100 тыс. чел.¹

При этом немало смертельных исходов не учитывается статистикой на местах по небрежности, а иногда в целях укрытия от ответственности виновных лиц. В тех случаях, когда расследования гибели людей от травматизма и при чрезвычайных ситуациях проводятся, в выводах различных комиссий констатируются халатность, безответственность, непрофессионализм, изношенность оборудования или технических средств и т. п. Часто это крайне отрицательно характеризует органы власти различного уровня, которые обязаны организовывать и контролировать различные сферы жизнедеятельности людей.

В рамках настоящей статьи нас прежде всего интересует состояние такого сегмента в общем объеме потерь населения Российской Федерации, который связан с потерями, наступившими в результате совершения преступлений, повлекших смерть потерпевших. На рис. 1 отражена динамика общего количества зарегистрированных в России преступлений (за 2000–2008 гг.), в результате совершения которых возможна смерть потерпевших².

¹ Например, в 2009 г. имели место чрезвычайные ситуации подобного вида: 1) при пожаре в ночном клубе «Хромая лошадь» (г. Пермь) 5 дек. 2009 г. погибло 155 чел. и 79 пострадали. Крупнейший по числу жертв в современной России пожар вызвал широкий общественный резонанс и жесткую реакцию российских властей; 2) в результате аварии на Саяно-Шушенской ГЭС 17 авг. 2009 г. погибло 75 чел. В ходе ликвидации последствий аварии на станции силами МЧС при взаимодействии с Минэнерго России при проведении аварийно-спасательных работ в целом было привлечено до 2,7 тыс. чел. (в том числе около 2 тыс. чел. непосредственно на ГЭС), более 200 единиц техники, в том числе 11 воздушных судов и 15 плавсредств.

² Нам не удалось получить в ГИАЦ МВД России полные статистические данные о преступлениях, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, лицах, их совершивших, а также о лицах, погибших от преступных посягательств на территории России в 2009 г., но это не помешало проанализировать основные тенденции этого вида преступности.

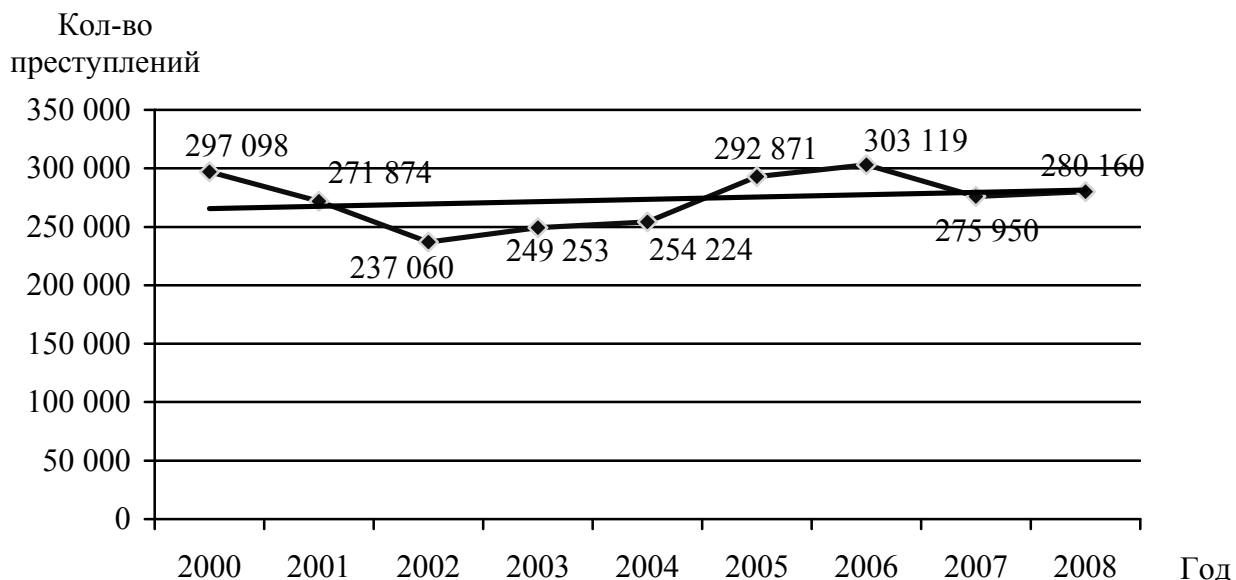

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных в России преступлений за 2000–2008 гг., в результате совершения которых возможна смерть потерпевших

В целом линия тренда отражает положительную динамику исследуемых преступлений. За девять лет среднее значение уровня преступности, связанной с возможным причинением смерти потерпевшим, равнялось 273 512 преступлениям. В 2000, 2005, 2006, 2007 и 2008 гг. общее число зарегистрированных преступлений, в результате соверше-

ния которых возможна смерть потерпевших, было выше среднего значения. Только в 2002, 2003 и 2004 гг. оно опускалось ниже своего среднего за девятилетний период значения.

На рис. 2 показана динамика общего количества погибших от преступлений в Российской Федерации за период с 2000 по 2008 г.

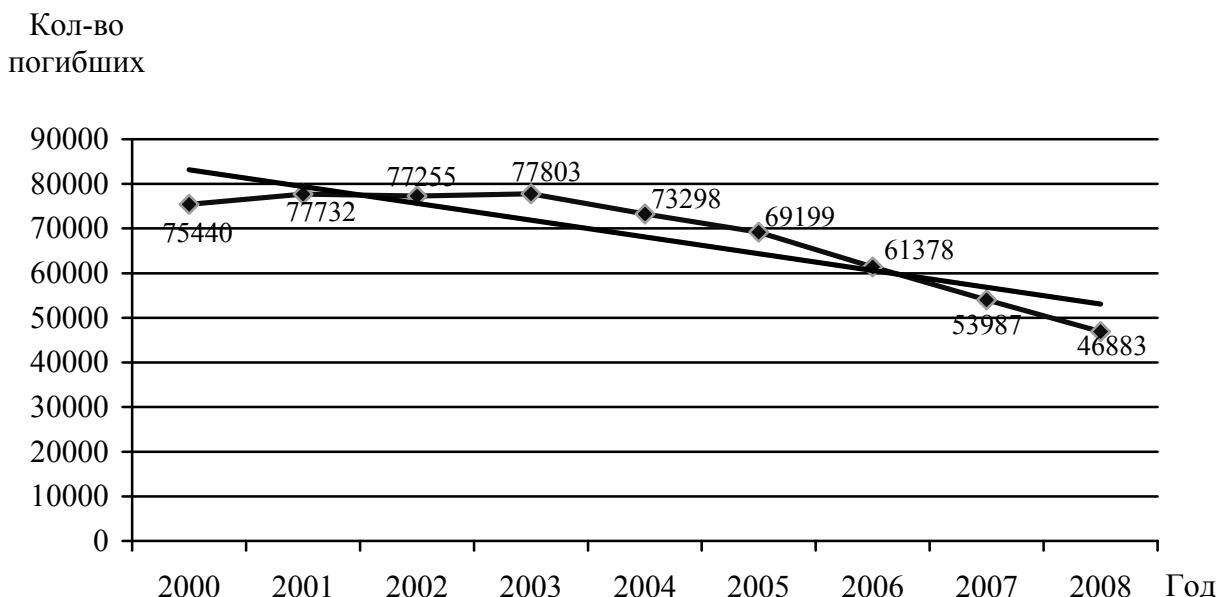

Рис. 2. Динамика общего количества погибших в России от преступных посягательств в 2000–2008 гг.

По существу, снижение уровня погибших в России может только радовать. Если судить по линии тренда, отражающей отрицательную динамику количества погибших, тенденции выгля-

дят более благоприятно, чем этого можно пожелать. Однако наблюдающееся благополучие вызывает сомнение, поскольку, если опираться только на статистическое снижение уровня

показателя последствий совершения преступлений исследуемого вида, то оно объективно ничем не обосновано. С 2003 г. количество официально зарегистрированных фактов гибели людей в результате криминальных актов стабильно снижалось и к 2008 г. достигло своего минимального значения – 46 883 факта. Следовательно, в то время, когда количество преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, росло, по непонятным причинам число погибших сокращалось.

За девять лет в Российской Федерации от преступных посягательств погибло 612 975 чел., т. е. в среднем в год погибало 68 108 чел. Только за последние три анализируемых года (2006–2008 гг.) в России за год погибало в результате совершенных преступлений людей меньше этого среднего показателя.

Удельный вес погибших от преступных посягательств в общем объеме потерь населения Российской Федерации, по данным официальной статистики, в период с 2000 по 2008 г. оставался в целом стабильным. Колебания происходили в пределах от 2,3 до 3,4 %. Среднее его значение за этот отрезок времени составило 3,0 %, среднее отклонение от этого значения – 0,31 %. Таким образом, интервал от 2,7 до 3,3 % следует считать индикативным (стабильным).

Если же удельный вес количества погибших от преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, в общем объеме умерших в России в течение года составляет 3,6 % и выше, то его значение следует считать пороговым (критическим). В 2008 и 2009 гг. удельный вес числа погибших от преступлений в общем объеме потерь населения составлял 2,3 %, т. е. не достиг не только своего среднего значения, но и был даже ниже своего минимального индикативного значения.

Если принимать во внимание, что удельный вес преступлений, в результате которых возможна смерть потерпевших, в количестве всех зарегистрированных преступлений в этот же период находился на уровне своего максимального индикативного значения, то достоверность данных, представленных в ГИАЦ МВД России для формирования сводных отчетов из регионов, вызывает сомнение.

Теперь обратимся к структуре преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. Совокупность этих преступлений формируется в соответствии с Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 399/11 и МВД России № 1 от 28 декабря 2009 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», которым предусмотрен Перечень № 8 (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Анализ перечня преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, позволяет представить структуру в следующем виде.

1. Преступления против личности

1.1. Преступления против жизни и здоровья:

- убийство (ст. 105 УК РФ);
- убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ);
- убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступления (ст. 108 УК РФ);
- причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
- доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ);
- незаконное производство аборта (ч. 3 ст. 123 УК РФ);
- *неоказание помощи больному (ч. 2 ст. 124 УК РФ)*¹;
- оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

1.2. Преступления против свободы, чести и достоинства личности:

- похищение человека (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ);
- незаконное лишение свободы (ч. 3 ст. 127 УК РФ);
- торговля людьми (п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ);
- использование рабского труда (ч. 3 ст. 127.2 УК РФ);
- *незаконное помещение в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 128 УК РФ)*.

1.3. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности:

- изнасилование (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ);
- насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ).

1.4. Преступления против конституционных прав и свобод человека:

- *нарушение правил охраны труда (ч. 2 ст. 143 УК РФ)*.

2. Преступления против собственности:

- умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

3. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ).

3.1. Преступления против общественной безопасности:

- террористический акт (п. «б» ч. 2, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ);
- захват заложника (ч. 3, 4 ст. 206 УК РФ);
- *нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ч. 2, 3 ст. 215 УК РФ)*;

¹ Здесь и далее курсивом выделены преступления, не относящиеся к общеуголовным преступлениям, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших.

- угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного и подвижного состава (ч. 3 ст. 211 УК РФ);
- прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ч. 1, 2 ст. 215.1 УК РФ);
- приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ч. 3 ст. 215.2 УК РФ);
- приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктов и газопроводов (ч. 3 ст. 215.3 УК РФ);
- нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ч. 2, 3 ст. 216 УК РФ);
- нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ч. 2, 3 ст. 217 УК РФ);
- нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий (ст. 218 УК РФ);
- нарушение требований пожарной безопасности (ч. 2, 3 ст. 219 УК РФ);
- незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ч. 2, 3 ст. 220 УК РФ);
- небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ);
- ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ);
- пиратство (ч. 3 ст. 227 УК РФ).

3.2. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности:

- склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ);
- незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ч. 2 ст. 235 УК РФ);
- нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ч. 2 ст. 236 УК РФ);
- производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (п. «г» ч. 2, ч. 3 ст. 238 УК РФ).

3.3. Экологические преступления:

- нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ч. 2 ст. 248 УК РФ);
- загрязнение вод (ч. 3 ст. 250 УК РФ);
- загрязнение атмосферы (ч. 3 ст. 251 УК РФ);
- загрязнение морской среды (ч. 3 ст. 252 УК РФ);
- порча земли (ч. 3 ст. 254 УК РФ).

3.4. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта:

- нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (ч. 2, 3 ст. 263 УК РФ);

- нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 3–6 ст. 264 УК РФ);
- недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ч. 2, 3 ст. 266 УК РФ);
- приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ч. 2, 3 ст. 267 УК РФ);
- нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ч. 2, 3 ст. 268 УК РФ);
- нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ч. 2, 3 ст. 269 УК РФ).

4. Преступления против государственной власти.

4.1. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства:

- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- диверсия (ч. 3 ст. 281 УК РФ).

4.2. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления:

- халатность (ч. 2, 3 ст. 293 УК РФ).

4.3. Преступления против правосудия:

- посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ч. 2 ст. 311 УК РФ).

4.4. Преступления против порядка управления:

- посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ).

5. Преступления против военной службы:

- неисполнение приказа (ч. 2, 3 ст. 332 УК РФ);
- насильственные действия в отношении начальника (п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ);
- нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ч. 3 ст. 335 УК РФ);
- нарушение правил несения пограничной службы (ч. 3 ст. 341 УК РФ);
- нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ч. 2, 3 ст. 349 УК РФ);
- нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ч. 2, 3 ст. 350 УК РФ);
- нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ);
- нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ).

6. Преступления против мира и безопасности человечества:

- применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ);
- геноцид (ст. 357 УК РФ).

Таким образом, используя в виде системообразующего критерия родовый объект преступления, мы всю совокупность исследуемых преступлений условно представим в виде шести блоков:

1. Преступления против личности.
2. Преступления против собственности.
3. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ).
4. Преступления против государственной власти.
5. Преступления против военной службы.
6. Преступления против мира и безопасности человечества.

Самой многочисленной группой преступлений, в результате которых возможна смерть потерпевших, является группа преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ). Она включает в себя 30 видов исследуемых преступлений, из которых 13 являются общеуголовными, а 17 к таковым отнести нельзя, поскольку они могут быть совершены только лицом, обязанным в силу выполняемой работы или занимаемой должности

обязанным соблюдать специальные правила. Несмотря на наличие специального субъекта в составе преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 3–6 ст. 264 УК РФ) в силу его распространенности мы отнесли к классу общеуголовных преступлений. Не вошли в разряд общеуголовных преступлений все экологические преступления из этой группы, а также преступления, которые совершаются в связи с нарушением специальным субъектом определенных правил либо ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей.

Несмотря на многочисленный видовой состав преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, их удельный вес в общем объеме преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, составлял примерно четверть (среднее значение за девять лет составило 25,3 %). Динамика уровня показателя зарегистрированных преступлений третьей группы показана на рис. 3.

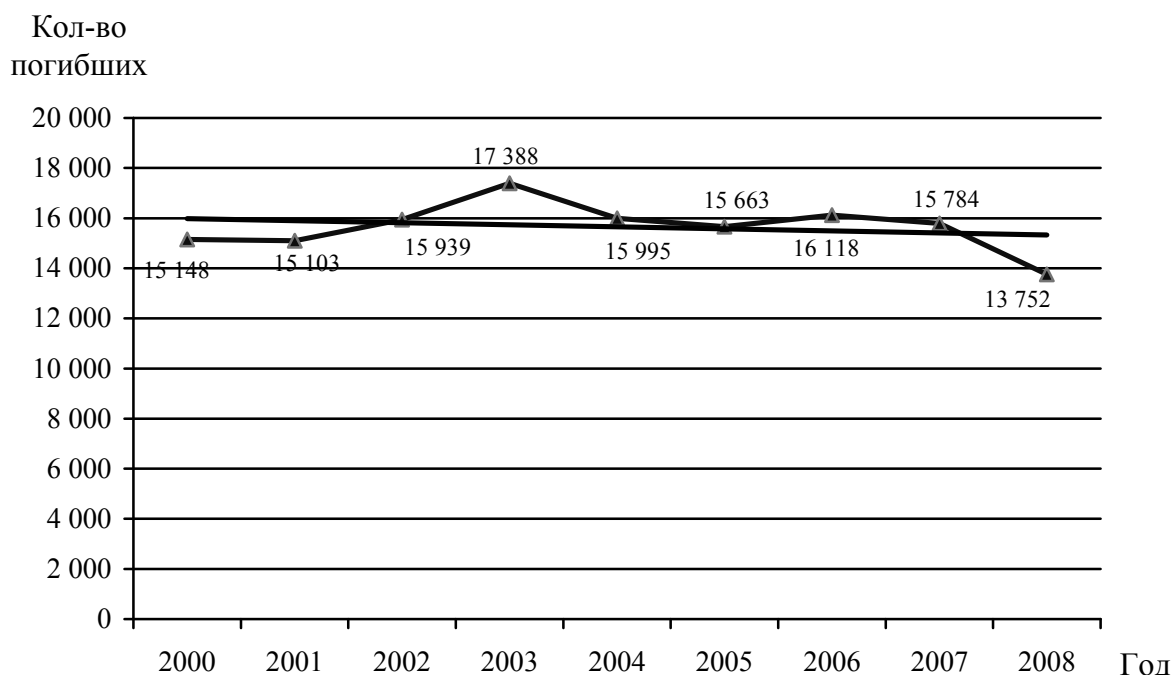

Рис. 3. Динамика количества зарегистрированных в России в 2000–2008 гг. преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ), в результате совершения которых возможна смерть потерпевших

Линия тренда почти горизонтальна, что свидетельствует о стабильном уровне преступности этого вида, не имеющем вектора на заметное снижение или тем более рост.

Анализируя количественные показатели погибших в результате совершения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, мы пришли к выводу, что они несут

в себе мощный смертоносный потенциал. Так, при незначительном удельном весе этих преступлений (25,3 %) в структуре всех зарегистрированных преступлений, повлекших смерть потерпевших, почти треть потерпевших в России погибли именно в результате их совершения. Динамика абсолютных показателей погибших, зарегистрированных официально, отражена на рис. 4.

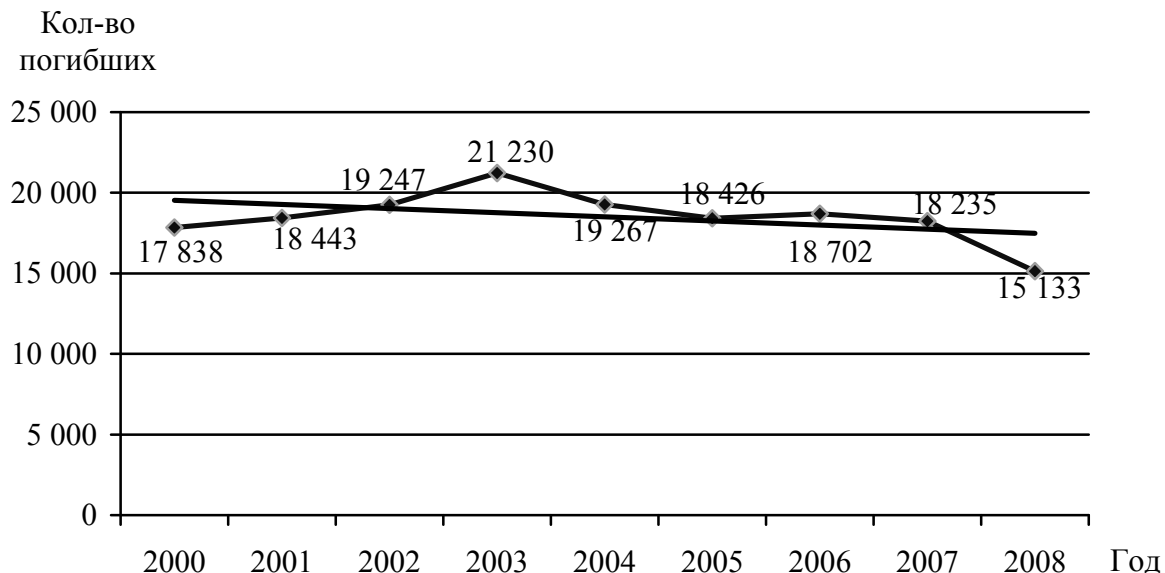

Рис. 4. Динамика общего количества погибших от преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ) в России за 2000–2008 гг.

Несмотря на направленность к снижению линии тренда, можно в целом говорить об относительной стабильности уровня потерь населения в результате криминальных актов против общественной безопасности и общественного порядка в отличие от динамики общей численности погибших в России, которая отражена на рис. 2.

Удельный вес погибших в результате совершения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка в общей массе погибших от преступных посягательств в России балансировал в пределах от 23,6 % в начале нового столетия до 33,8 % к концу первого десятилетия, среднее значение равнялось 27,7 %. Именно к этому времени больше стало погибать во время пожаров, катастроф на воздушном, железнодорожном и водном транспорте, в результате производственного травматизма в промышленности, во время аварий на шахтах, которые сопровождались многочисленными жертвами. Наиболее тяжелые последствия этих преступлений были зафиксированы в 2009 и 2010 гг., когда к различного рода катастрофам и авариям, за которыми стоял пресловутый человеческий фактор, добавились многочисленные террористические акты и лесные (торфяные) пожары.

Возникает вопрос: какие же преступления в большей степени влияют на общую картину состояния и тенденций общеуголовной преступно-

сти, связанной с причинением смерти потерпевшим? Анализ преступлений против личности, в результате которых возможна смерть потерпевших, позволил ответить на этот вопрос.

Во-первых, в группу преступлений против личности входят 17 видов преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. Из них только три вида преступлений не могут быть отнесены к классу общеуголовных: неоказание помощи больному (ч. 2 ст. 124 УК РФ), незаконное помещение в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 128 УК РФ) и нарушение правил охраны труда (ч. 2 ст. 143 УК РФ). Остальные 14 преступлений являются общеуголовными и в полной мере определяют состояние преступности, связанной с причинением смерти потерпевшим, и ее тенденции.

Во-вторых, удельный вес преступлений против личности в общем объеме преступлений, повлекших смерть потерпевших, в период с 2000 по 2008 г. колебался в пределах от 64,3 до 73,6 %. Самое высокое значение удельного веса было отмечено в 2001 г. (73,6 %), а самое низкое — в 2007 г. (64,3 %).

На рис. 5 отражена динамика общего количества зарегистрированных общеуголовных преступлений против личности, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, и общего количества общеуголовных преступлений.

Кол-во погибших

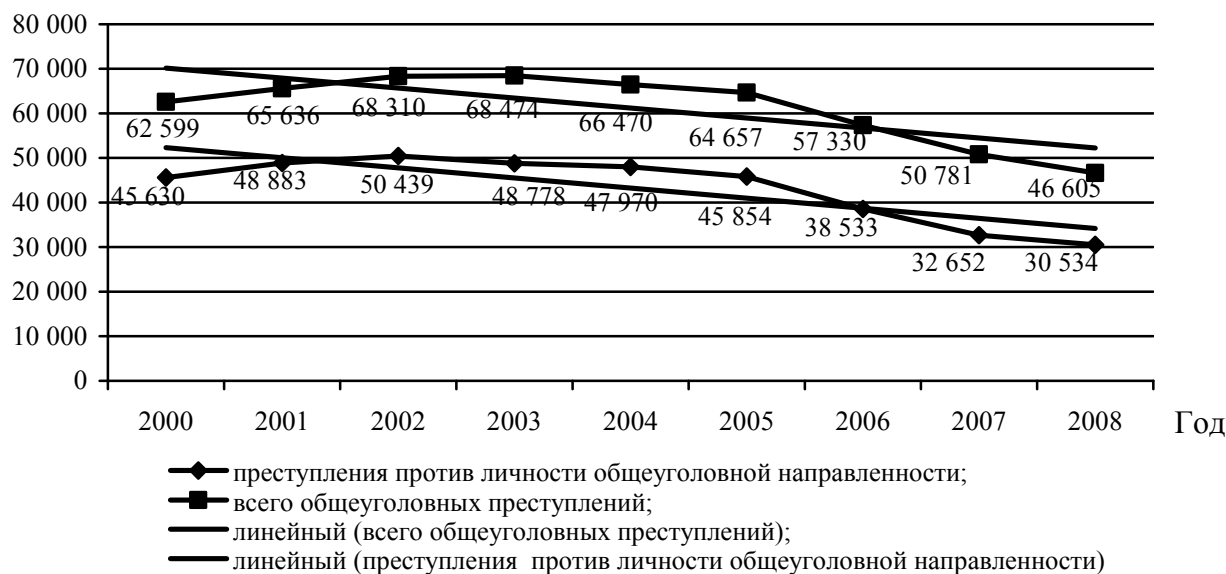

Рис. 5. Динамика общего количества общеуголовных преступлений против личности и общего количества общеуголовных преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, в России за 2000–2008 гг.

Характерно, что подавляющее большинство преступлений, входящих в анализируемую группу, относится к насильственным посягательствам: убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, изнасилование и т. д.

До 2003 г. наблюдался рост числа зарегистрированных общеуголовных преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. В 2002 г. уровень наиболее опасных преступлений против личности был самым высоким и равнялся 50 439 преступлениям. С 2003 г. наблюдается снижение числа зарегистрированных общеуголовных преступлений против личности, которое в 2008 г. достигло минимального за девятилетний период значения – 30 534 преступления. В том же году уровень зарегист-

рированных общеуголовных преступлений также был самым низким – 46 605 преступлений. Линии тренда, отражающие тенденции преступности, проходят параллельно и указывают на значительное снижение уровня регистрируемых фактов общеуголовных посягательств, повлекших смерть потерпевших, как в целом для всей совокупности преступлений, так и для ее основного сегмента – общеуголовных преступлений против личности.

Динамика общего количества погибших от преступлений против личности общеуголовной направленности и общего количества погибших от преступлений в 2000–2008 гг. в Российской Федерации, отраженная на рис. 6, имеет схожее взаимное расположение линий тренда.

Кол-во погибших

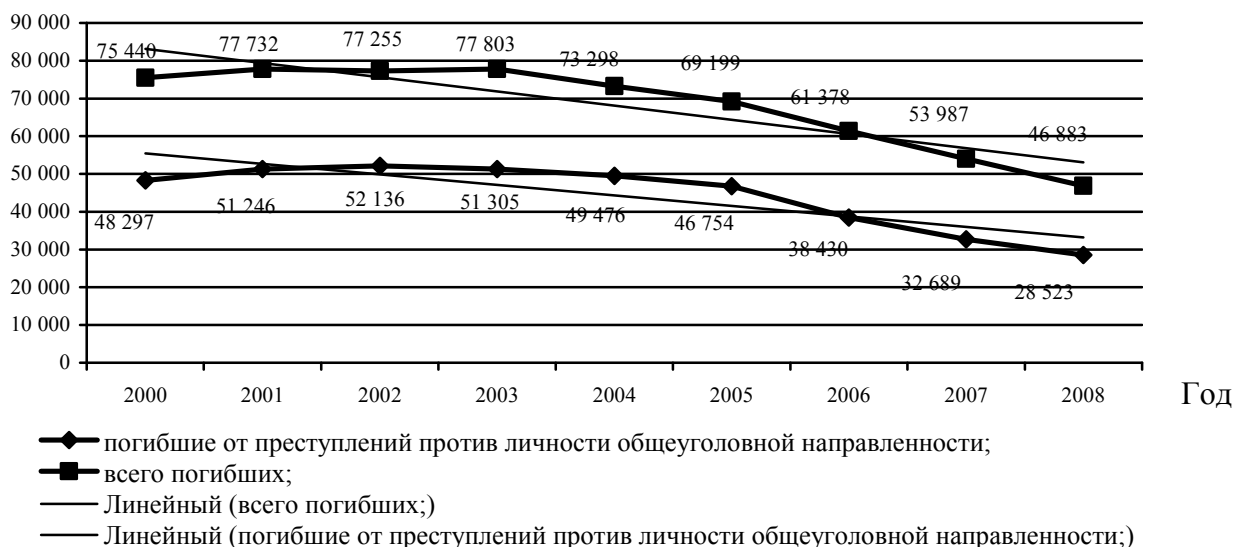

Рис. 6. Динамика общего количества погибших от преступлений против личности общеуголовной направленности и общего количества погибших от преступлений в 2000–2008 гг. в России

Самое большое количество погибших в результате совершения общеуголовных преступлений против личности зафиксировано в 2002 г. (52 136 чел.), а самое минимальное – в 2008 г. (28 523 чел.). Удельный вес погибших в результате совершения общеуголовных преступлений против личности в общей массе погибших от преступных посягательств изменялся в диапазоне от 60,5 до 67,5 %. Среднее его значение составляло 64,7 %, а среднее отклонение за девятилетний период – 2,4 %. Таким образом, интервал от 62,3 до 67,1 % следует считать индикативным (стабильным). Только в 2007 и 2008 гг. удельный вес количества погибших от общеуголовных преступлений против личности в общей массе погибших от преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, был ниже минимального стабильного значения: соответственно 60,5 и 60,8 %. К концу первого десятилетия XXI в. более высокими темпами стал расти удельный вес погибших от преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, что повлекло снижение удельного веса количества погибших от общеуголовных преступлений против личности.

Итак, представленные выше результаты исследований и их анализ позволяют сделать следующие выводы.

В целом в Российской Федерации можно наблюдать противоречивую динамику изменений регистрируемого числа преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, и числа самих погибших в результате совершенных преступлений.

Выражается это не только в том, что среднее значение числа зарегистрированных преступлений (273 512) и среднее значение погибших (68 108) за девятилетний период (2000–2008 гг.) находились в соотношении 4:1. Несмотря на положительную динамику абсолютных показателей преступности, выражающуюся в росте общего числа зарегистрированных фактов совершения преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, к концу первого десятилетия XXI в. отмечается резкое снижение числа погибших от указанных преступлений.

Наблюдающееся снижение вызывает серьезное сомнение, поскольку, если основываться только на статистическом снижении абсолютно-го показателя потерь, наступивших вследствие совершения преступлений исследуемого вида, то оно объективно ничем не обосновано. При фактическом отсутствии благоприятных изменений в причинном комплексе наиболее общественно опасного сегмента преступности и усилении связанных с последствиями финансово-экономического кризиса негативных процессов в детерминации общеуголовных преступлений, в ре-

зультате совершения которых возможна смерть потерпевших, количество жертв от криминальных актов могло только возрасти.

Очевидно, возрастание степени латентности фактов криминальной смерти не в последнюю очередь обусловлено сложившейся в 2007 и 2008 гг. практикой реагирования на преступления, в результате которых наступила смерть потерпевших. Снижение активности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений указанного вида, а также усиление процесса сокрытия преступлений от учета и регистрации, устойчиво охватившего регионы страны и не встречавшего должного противодействия, играли не последнюю роль в том, что довольно весомая часть убийств и иных преступлений, влекущих смерть потерпевших, остались латентными, а лица, их совершившие, ушли от заслуженного наказания.

В связи с этим представляется обоснованным проведение прокурорской проверки законности и обоснованности принятых решений органами предварительного следствия и судами при возбуждении, прекращении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших. Особое внимание мы предлагаем уделить состоянию законности при вынесении постановлений, определений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, в том числе за отсутствием события либо состава преступления, в отношении преступлений, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), за последние пять лет.

Важным источником данных о фактической распространенности преступлений, повлекших смерть потерпевших, в том числе убийств, является анализ оперативной обстановки в городе, районе, субъекте Российской Федерации. В связи с этим в целях выявления не поставленных на учет преступлений исследуемого вида, помимо документов, имеющих в подразделениях Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, следственном аппарате и в органах дознания МВД России (журналы, книги регистрации и учета, талоны-корешки, контрольные производства по уголовным делам, материалы проверок фактов обнаружения трупов людей и т. д.), практический интерес для прокурора представляют данные, которыми располагают лечебно-профилактические учреждения, а также:

– сведения патологических отделений медицинских учреждений общего и специализированного профиля, в частности, информация о фактах вскрытия трупов людей, скончавшихся при невыясненных обстоятельствах не вследст-

вие общего заболевания или старения организма, а от иных причин, в том числе вследствие причинения им телесных повреждений;

– сведения станций и клинических больниц «Скорой помощи», где зафиксированы факты выездов, в результате которых установлена смерть людей, а также специализированных больниц (спецтравмы) о смерти доставленных в них людей со следами насилия;

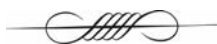
– сведения бюро судебно-медицинской экспертизы субъектов Российской Федерации и их отделений, в которых могут оставаться неистребованные акты судебно-медицинского исследования трупов лиц, смерть которых наступила в результате постороннего воздействия, т. е. носила или могла носить насильственный характер;

– сведения страховых учреждений и компаний о выплате страховых сумм в связи с гибелью людей от определенных причин;

– документы о регистрации смерти в органах загса.

Особую группу источников данных, указывающих на смерть людей в результате совершенных в отношении их преступлений, являются материалы проверок заявлений о безвестном исчезновении людей. Их объем не всегда тщательно прорабатывается как в прокуратурах городов и районов, так и в соответствующих управлениях, отделах прокуратур субъектов Российской Федерации.

Как правило, столь масштабное изучение названных и других учетных данных, в которых может содержаться информация о не поставленных на учет преступлениях, повлекших смерть потерпевших, осуществляется в рамках проверок организации и состояния расследования убийств и других особо тяжких преступлений против жизни и здоровья людей, процессуального контроля и прокурорского надзора за исполнением законов, проводимых органами прокуратуры, в том числе управлениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Библиографический список

1. Долгова А. И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений / А. И. Долгова // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. А. И. Долговой. – М., 2009.

2. Квашис В. Е. Основы виктимологии / В. Е. Квашис. – М., 1999.

3. Полубинский В. Жизнь наша – дело рисковое / В. Полубинский. – М., 1996.

References

1. Dolgova A. I. Criminal Situation in Russia: Estimation of Changes / A. I. Dolgova // New Criminal Situation: Estimation and Reaction / ed. by A. I. Dolgova. – M., 2009.

2. Kvashis V. E. Basics of Victimology / V. E. Kvashis. – M., 1999.

3. Polubinskiy V. Our Life is Risky Business / V. Polubinskiy. – M., 1996.

Н. Н. Невский,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

N. N. Nevskiy,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ВИКТИМИЗАЦИЯ¹ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Victimization of an Individual Entrepreneur

Аннотация. Проводится краткий анализ составляющих виктимизации индивидуального предпринимателя на примере Владимирской области.

Ключевые слова: виктимизация, индивидуальный предприниматель.

Abstract. The author conducts a brief analysis of the components of victimization of an individual entrepreneur taking Vladimir Region as an example.

Key words: victimization, individual entrepreneur.

Важнейшей негативной тенденцией современного развития России является криминализация всех сфер экономики, в том числе малого бизнеса. Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, всего за январь–декабрь 2009 г. правоохранительными органами было выявлено 428,8 тыс. преступлений экономической направленности. Удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 14,3 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 1075,7 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 40,3 % (Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.mvd.ru>).

Важным фактором дестабилизации обстановки в предпринимательской деятельности является коррупция. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, россияне чаще склоняются к мнению о том, что коррупция в России непобедима (58 %). Чуть более трети (37 %) респондентов верят в победу над ней, но только при условии политической воли властей и общества (URL: http://www.stopcorruption.ru/item_919.htm). По сведениям Центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International Russia зафиксирован самый высокий уровень коррумпированности в госсекторе за последние восемь лет (Центр антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International Russia : [сайт]. URL: <http://www.transparency.org.ru>). Согласно репрезентативному опросу New Russia

Barometer², проведенному в 2007 г., 35 % опрошенных уверены, что в России практически все госслужащие коррумпированы, 51 % считает, что коррумпировано большинство из них. Таким образом, даже те респонденты, которые отвечали, что никогда не давали взятки и не сталкивались с ее вымоганием, уверены в коррумпированности властей. О том, что вся милиция коррумпирована, полагают 89 % респондентов, хотя сталкивались с такой практикой лишь 5 % из них (URL: <http://www.rb.ru/topstory/economics/2008/10/23/1846.html>). По словам директора российского центра Transparency International Russia Елены Панфиловой, отечественный рынок коррупции оценивается в 300 млрд долларов в год (URL: <http://finam.info/need/news21EC000001/default.asp>). Глава МВД России Рашид Нургалиев определяет ущерб, причиняемый экономике России коррупцией, в 40 млрд руб. в год (Нургалиев Р. Г. Неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше не будет // Рос. газ. 2008. 14 окт.).

Как видим, уровень распространенности преступных посягательств и коррупционных актов очень высокий. Естественно это нашло отражение в результатах опроса, проведенного нами вместе со студентами факультета внебюджетного образования Владимирского юридического института во Владимирской области в 2009 г. В опросе приняли участие 110 индивидуальных предпринимателей.

Угрозы (реальные и мнимые) со стороны преступных элементов испытали на себе всего 5 % опрошенных бизнесменов. Эти данные коррелируют со сведениями, представленными российскими виктимологами Д. В. Ривманом и В. С. Устиновым. По их мнению, «7,8 % потерпевших от вымога-

© Невский Н. Н., 2011

¹ Виктимизация – процесс превращения лица в жертву посягательства, а также результат этого процесса как в единичном, так и в массовом порядке (Невский Н. Н. Генезис теории виктимологии (социальные и криминологические проблемы) : монография. Владимир, 2009. С. 242).

² Центр изучения общественной политики при университете Стрэтклейд в Великобритании. Проводит опросы общественного мнения, направленные на оценку перемен в бывших коммунистических странах.

тельства составляют предприниматели и другие работники коммерческих структур» (Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. – СПб., 2000. С. 327–328). Наиболее виктимными потерпевшими от вымогательства со стороны преступных групп являются участники экономической деятельности и представители нелегального бизнеса, «которых можно, в известной мере условно, назвать жертвами экспроприаторского вымогательства. Эти потерпевшие воспринимают вымогательство как неизбежную издержку своей деятельности» (Там же).

На вопрос, мешают ли бизнесу преступные группировки, существующие в Вашем районе, были получены следующие ответы: 4 % – да; 18 % – затруднились ответить; 78 % – нет.

Ответы на вопрос, безопасен ли район, в котором Вы работаете, для ведения малого бизнеса, распределились таким образом: 17 % – да; 23 % – нет; 60 % – достаточно спокойный.

Значительный процент отрицательных или неопределенных ответов вызван, по нашему мнению, нежеланием бизнесменов давать характеристики своим «покровителям» со стороны криминальных элементов. В этой связи показателен ответ, звучавший примерно у 60 % респондентов: «Мы привыкли решать проблемы собственными силами или с помощью друзей». Другими мотивировочными элементами, оправдывающими «правовой нигилизм», были: недоверие к органам внутренних дел или сомнение в возможности правоохранительных органов раскрыть преступление, малозначительный ущерб, отсутствие времени на бессмысленные посещения рекетмейстерских кабинетов.

Эта точка зрения подтверждается ответами на вопрос о том, каким образом Вы защищаете свое имущество от преступных посягательств:

54 % – установили «кнопку экстренного вызова», или охранно-пожарную сигнализацию;

37 % – вставили защитные рольставни на окна, двери, секции и витрины магазинов, в помещении офиса;

21 % – заключили договор с частным охранным агентством или с подразделениями вневедомственной охраны.

Ни один бизнесмен из числа опрошенных не создал собственную службу безопасности.

Анализ результатов опроса позволяет сделать вывод о том, что объективная сторона виктимизации воспринимается индивидуальными предпринимателями достаточно высоко. Это объясняется как динамикой и уровнем общей преступности, так и взаимодействием индивидуальных бизнесменов с легализованными криминальными структурами, «курирующими» тот или иной вид предпринимательской деятельности.

Факторами виктимизации индивидуального предпринимателя являются: хищения личного и

бизнес-имущества, вовлечение в коррупционную сеть через конвертационные центры и системы «серого» и «черного» хозяйствования, мошенничество, редко рэкет.

Анализ данных уголовной статистики по Владимирской области, а также опросных листов индивидуальных предпринимателей подтвердил, что чаще всего жертвами посягательств становятся бизнесмены, специализирующиеся на розничной торговле и оказании бытовых услуг (73 %). Это обстоятельство не противоречит мнению В. Н. Сафонова, указавшего, что «48,8 % потерпевших от организованного вымогательства составили служащие частных торговых предприятий и предприниматели-индивидуалы» (Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000. С. 222).

Опрос индивидуальных предпринимателей выявил и другой основной виктимизирующий фактор – коррумпированность должностных лиц местного самоуправления. Это вызвано главным образом просчетами и недостатками в фискальной политике, имеющими место в актах локального правового регулирования.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о преступных возможностях должностных лиц разного муниципального ранга участвовать в таких криминальных направлениях, как «параллельная» банковская система, «черный» и «серый» бизнес, «юридическая защита» от посягательств со стороны правоохранительных и иных органов государственного управления.

Высокий уровень коррумпированности, подтверждается и признанием 35 % индивидуальных предпринимателей в том, что им довелось давать взятки, 40 % респондентов отказались ответить на данный вопрос и лишь 25 % утверждали, что давать взятки им не приходилось. Последняя цифра, по нашему мнению, весьма условна. Объясняется это тем, что данная часть респондентов знакомы с возможностью привлечения к уголовной ответственности за дачу взятки и не хотели рисковать, отвечая на вопрос о том, давали ли они взятки для продвижения своего бизнеса.

Мотивировка дачи взятки является стандартной: волокита в деле решения вопросов для индивидуального предпринимателя государственным или муниципальным служащим или негативная оценка государственной поддержки малого бизнеса в результате сложившейся кризисной ситуации в стране.

На вопрос о том, что необходимо сделать для защиты индивидуальных предпринимателей от коррупции, 75 % заявили следующее: усиление правового режима в стране (как положительный пример использование информа-

ционных технологий), сокращение штатов государственных должностных лиц, высокая стабильная заработная плата для муниципальных служащих. При этом 35 % респондентов считают, что процесс борьбы с коррупцией заранее обречен на провал.

Неверие индивидуальных предпринимателей в эффективную борьбу с общеуголовной и бело-воротничковой преступностью свидетельствует о растущей аномии и может рассматриваться как негативный фактор, способствующий уходу из легального бизнеса.

Библиографический список

1. *Невский Н. Н.* Генезис теории виктимологии (социальные и криминологические проблемы) : монография / Н. Н. Невский ; Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Владимир, 2009.

2. *Ривман Д. В.* Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. – СПб., 2000.

References

1. *Nevskiy N. N.* Genesis of the Theory of Victimology (Social and Criminological Issues) / N. N. Nevskiy ; FPS of Russia, VLI of the FPS of Russia. – Vladimir, 2009.

2. *Rivman D. V.* Victimology / D. V. Rivman, V. S. Ustinov. – SPb., 2000.

А. В. Непотенко,

*прокурор отдела по надзору за соблюдением законов
при исполнении уголовных наказаний
прокуратуры г. Москвы*

A. V. Nepotenko,

*public prosecutor of the Department for Supervision over
Observance of Laws during the execution
of criminal punishments
of Moscow Public Prosecutor's Office*

**ПОНЯТИЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

The Concept of «Legal Technique of Control and Supervision Activity»: Problem of Definition

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия «юридическая техника контрольно-надзорной деятельности». Используя различные источники и обобщая мнения других ученых, автор предлагает свое определение данной категории.

Ключевые слова: право, термин, категория, понятие, определение, смысл, юридическая техника, юридическая деятельность, контроль, надзор, нормативный правовой акт.

Abstract. The article investigates the concept of «legal technique of control and supervision activities». Using a variety of sources and summarizing the views of other scientists, the author proposes a generalized definition of this category.

Key words: law, term, category, concept, definition, sense, legal technique, legal activity, control, supervision, regulatory legal act.

На современном этапе взгляды ученых на сущность юридической техники отличаются не только широким разнообразием, но и определенной противоречивостью. В этой связи выявление особенностей понятия «юридическая техника контрольно-надзорной деятельности» во многом зависит от решения ряда общих вопросов и прежде всего от определения границ использования юридической техники.

Как отмечает В. М. Баранов, юридическая техника присутствует почти во всех видах правовой практики, в том числе в правоприменении, толковании норм права. В связи с этим необходимо более точно и определенно очертить пространство юридической техники (Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. Н. Новгород, 2000. С. 10).

В настоящее время область реализации юридической техники представляется значительно шире, чем в 70–80-е гг. XX в. Исследователи отмечают возможность и необходимость ее применения в сферах правотворчества, правоприменения, интерпретации правовых актов (Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 34 ; Савченко Л. В. Юридическая техника в правотворчестве субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 26 ; Соловьев О. Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 34).

Следует констатировать, что большинство авторов под юридической техникой, как правило, понимают совокупность (систему) соответствующих средств, приемов, методов и правил подготовки и изложения правовых актов (Власенко Н. А. Основы законодательной техники : практ. рук. Иркутск, 1995 ; Законодательная техника / под ред. Д. А. Керимова. Л., 1965 ; Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008 ; Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991 ; Его же. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М., 1998 ; Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972 ; Черданцев А. Ф. Теория государства и права : курс лекций. Екатеринбург, 1997), т. е. рассматривают юридическую технику как технику документов.

На наш взгляд, необходим более широкий подход. Мы поддерживаем точку зрения Т. В. Кашаниной о том, что юридическая техника – это совокупность инструментов ведения юридической работы (Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 80). Предназначение юридической техники заключается в том, чтобы обеспечить качество и эффективность не только правовых актов, но и всей юридической деятельности. Например, в правоприменительном процессе принятие правоприменительного акта является завершающей стадией. Нельзя не учитывать тот факт, что правоприменительный акт по своей сути есть не только документ определенной формы, но и *решение* определенного дела – акт, имеющий интеллектуально-волевую природу. В этой связи средства, приемы, правила подготовки и принятия того или иного решения

должны включать в себя и соответствующие инструменты как установления фактических обстоятельств дела, так и интерпретационной деятельности. Законность, справедливость, обоснованность решения в правоприменительном акте зависят не только от соблюдения требований, касающихся его оформления, но и в значительной степени от того, насколько полно и достоверно установлена фактическая основа юридического дела и точно произведена юридическая квалификация.

Особо отметим, что юридическая техника представляет собой прежде всего *инструментарий юридической деятельности*. Такой подход позволяет с большей четкостью установить цели, содержание и виды юридической техники. Например, можно говорить о технике установления фактических обстоятельств дела, технике юридической квалификации, технике юрисдикционной, распорядительной, учредительной деятельности и, наконец, о технике контрольно-надзорной деятельности.

Для того чтобы определить сущностные черты юридической техники контрольно-надзорной деятельности, необходимо раскрыть цели и содержание этого вида юридической деятельности.

В правовой литературе принято разграничивать контроль и надзор (Архипов С. В. Проблемы разграничения контроля и надзора в сфере государственного управления // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44 ; Беляев В. П. Сущность контроля и надзора, их сходство и различия // Государство и право. 2006. № 7 ; Калмыкова А. В. Совершенствование правового статуса федеральных контрольно-надзорных органов в условиях административной реформы // Журн. рос. права. 2004. № 8 ; Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб., 2003). Однако, учитывая, что в российском законодательстве дифференциация контроля и надзора не носит строгий характер, более того, законодатель нередко использует эти понятия в качестве синонимов, отождествляет их, то в рамках настоящей статьи мы считаем вполне оправданным рассмотрение контроля и надзора в качестве единого явления, имеющего сложную природу и многоаспектный характер.

Контрольная деятельность служит гарантом нормального функционирования различных звеньев социального организма. Ее объектом выступают все сферы общественной жизни, все органы и организации. Особенности контрольной деятельности заключаются в том, что действия разнообразных органов, организаций и должностных лиц проверяются и оцениваются не только с точки зрения законности и правовой силы, но и в плане их целесообразности, эффективности, экономичности, культурности и оптимальности (Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 92–93).

Успешное достижение целей контроля за законностью и целесообразностью действий различных субъектов основывается на эффективном использовании юридической техники. При этом технико-юридический инструментарий нельзя воспринимать как нечто внешнее по отношению к контрольно-надзорной деятельности, это органичная часть ее внутреннего содержания.

Как отмечает В. Н. Карташов, содержание юридической деятельности образует совокупность всех составляющих ее элементов и процессов. Элементами содержания данный ученый называет: субъектов и участников; объекты; действия и операции; средства; способы совершения действий и операций; результат (Там же. С. 52–69).

Средства, способы, приемы и методы осуществления действий образуют непосредственное содержание юридической техники контрольно-надзорной деятельности. Проблема состава техники требует специального рассмотрения, в рамках же настоящей статьи ограничимся указанием на ряд наиболее общих положений.

Юридическая техника призвана обеспечить результативность не только мероприятий по контролю (ревизии, проверки и т. д.), но и некоторых других действий. В частности, анализ российского законодательства позволяет отнести к контрольно-надзорной деятельности также и выдачу разрешений (лицензий) на осуществление определенных видов деятельности, а также регистрацию актов, документов, прав, объектов. Данный вывод основан на содержании Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов государственной власти» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11, ст. 945). В положениях о федеральных службах по надзору закрепляются соответствующие полномочия. Например, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования выдает в установленном порядке лицензии (разрешения), в частности: на содержание и разведение объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, в полуволевых условиях и искусственно созданной среде обитания (п. 5.3.4); экспорт информации о недрах по районам и месторождениям топливно-энергетического и минерального сырья, расположенным на территории Российской Федерации, и в пределах континентального шельфа и морской зоны Российской Федерации (п. 5.3.12) (Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июля 2004 г. № 400 // Там же. 2004. № 32, ст. 3347).

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека регистрирует отдельные виды продукции, представляющие потенциальную опасность для человека (п. 5.3.2) (Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защи-

ты прав потребителей и благополучия человека : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 322 // Там же. № 28, ст. 2899).

Следует отметить, что и в мероприятиях по контролю, и в действиях по лицензированию, регистрации можно обнаружить классические признаки и стадии правоприменения. В этом и заключается, на наш взгляд, сущность контроля и надзора как вида юридической деятельности.

В то же время контроль и надзор могут рассматриваться как функция государства. Реализация контрольно-надзорной функции предполагает более широкий спектр форм и действий, охватывая не только правоприменение, но и правотворческую, организационно-управленческую деятельность. В рассматриваемом ракурсе контроль и надзор предполагают создание оптимальной системы соответствующих государственных органов, наделение их необходимой компетенцией, организационно-штатным расписанием и т. д. Для иллюстрации нашей позиции приведем еще ряд примеров. В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» прокуроры субъектов Российской Федерации обязаны обеспечить активное участие прокурорских работников в подготовке нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан: своевременно запрашивать и изучать проекты региональных, муниципальных нормативных правовых актов, участвовать в работе комитетов, комиссий и рабочих

групп представительных и исполнительных органов публичной власти (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» отмечается необходимость усиления организующей роли коллегий в укреплении законности при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов следствия, дознания и судебного рассмотрения уголовных дел; регулярного заслушивания на заседаниях коллегии отчетов прокуроров по этим вопросам (Законность. 2008. № 2).

Обратим внимание на тот факт, что отдельные действия (подготовка нормативных правовых актов, участие в работе комитетов, комиссий и рабочих групп представительных и исполнительных органов публичной власти, заседания коллегий прокуратуры и т. д.) характеризуют контроль и надзор как деятельность государства, но не как юридическую, а как организационно-управленческую.

С учетом изложенного считаем возможным предложить следующее определение понятия «юридическая техника контрольно-надзорной деятельности»: это выступающий органичной частью внутреннего содержания контрольно-надзорной деятельности юридический инструмент, способствующий результативности осуществления мероприятий по контролю, лицензированию и регистрации путем оптимизации данной деятельности на стадиях установления фактической основы, юридической квалификации и принятия правоприменительного акта.

Библиографический список

1. Архипов С. В. Проблемы разграничения контроля и надзора в сфере государственного управления / С. В. Архипов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 18, № 44.
2. Беляев В. П. Сущность контроля и надзора, их сходство и различия / В. П. Беляев // Государство и право. – 2006. – № 7.
3. Калмыкова А. В. Совершенствование правового статуса федеральных контрольно-надзорных органов в условиях административной реформы / А. В. Калмыкова // Журн. рос. права. – 2004. – № 8.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М., 2007.
5. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение / В. И. Рохлин. – СПб., 2003.
6. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург, 1997.

References

1. Arhipov S. V. Problems of Differentiation of Control and Supervision in the Field of Public Administration / S. V. Arhipov // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. – 2007. – V. 18, № 44.
2. Belyaev V. P. The Essence of Control and Supervision, their Similarities and Differences / V. P. Belyaev // State and Law. – 2006. – № 7.
3. Kalmykova A. V. Improving the Legal Status of Federal Control and Supervision Institutions in the Conditions of an Administrative Reform / A. V. Kalmykova // Journal of Russian Law. – 2004. – № 8.
4. Kashanina T. V. Legal Technique / T. V. Kashanina. – M., 2007.
5. Rohlin V. I. Prosecutor's Supervision and State Control: History, Development, Concept, Correlation / V. I. Rohlin. – SPb., 2003.
6. Cherdantsev A. F. Theory of State and Law / A. F. Cherdantsev. – Ekaterinburg, 1997.

С. С. Новиков,
*начальник факультета заочного обучения
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат исторических наук, доцент*

S. S. Novikov,
*Chief of the Faculty of Correspondence Education
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of History, Assistant professor*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОМ УЧЕНИИ О ФУНКЦИЯХ ГОСУДАРСТВА

Maintaining the World Order in the Current Study of State Functions

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из самых важных функций государства – функции участия в обеспечении мирового порядка, основным содержанием которой является участие в миротворческих операциях ООН и ОБСЕ. В статье анализируется юридическая литература советского и современного периодов, посвященная данному вопросу.
Ключевые слова: функции, мировой порядок, миротворческие операции.

Abstract. The article is devoted to considering one of the most important state functions – the function of maintaining world order, which mainly consists in the participation in the UN and OSCE peacekeeping operations. In the article the author analyzes the legal literature of Soviet and modern periods devoted to this issue.

Key words: functions, world order, peace-keeping operations.

Одной из важнейших внешних функций современного Российского государства является функция участия в обеспечении мирового порядка (далее: ФУОМП). Однако прежде чем перейти к вопросам частного характера, касающимся особенностей ее структуры, механизма и форм реализации, необходимо в теоретико-правовом аспекте оценить важность данного направления деятельности, а также выяснить ее место и роль в системе функций современного Российского государства.

В отечественной юридической науке вопросам поддержания мира всегда уделялось достаточно много внимания. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в советской теоретико-правовой науке функция борьбы за мир являлась одной из наиболее исследованных. Многие советские ученые в число основных внешних функций социалистического государства с момента его образования включали борьбу за мир, мирное сосуществование стран с различными социально-политическими системами (Напр.: Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. С. 252; Манов Г. Н. Государство и политическая организация общества. М., 1974. С. 184; Черноголовкин Н. В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М., 1960. С. 136). «Она (функция обеспечения мирового порядка. – С. Н.), – пишет Н. В. Черноголовкин, – начинает активно осуществляться Советским государством с момента его возникновения и будет осуществляться до тех пор, пока в мире сохранится капиталистическая система»

(Черноголовкин Н. В. Указ. соч. С. 136). «Проблема войны и мира, – пишут В. В. Лазарев и С. В. Липень, – одна из немногих, по которым в отечественной литературе имеются подборки первоисточников. Это неудивительно, ведь исследованиями в данной области занимаются и философы, и историки, и политологи, и юристы» (Теория государства и права: хрестоматия: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 276–277). Функция борьбы за мир и мирное сосуществование с капиталистическими странами в советский период действительно отражала реальный исторический факт существования на Земле разнотипных – социалистических и капиталистических – государств и опосредствовала их наиболее целесообразные, обоюдодоприемлемые и необходимые взаимоотношения (Черноголовкин Н. В. Указ. соч. С. 136). Осуществление данной функции для СССР нередко сопровождалось трудностями, а иногда и трагедийными событиями. Достаточно вспомнить войны XX в., главным фигурантом которых выступало Советское государство.

Исследование данной функции было обусловлено соперничеством двух мировых систем – социализма и капитализма. Во многом по этой причине содержание этой функции в Советском государстве значительно, если не принципиально, отличалось от содержания выполняемой Российским государством на современном этапе функции обеспечения мирового порядка.

Известно, что участие в обеспечении мирового порядка для современного государства является условием интеграции с мировым сообществом, залогом его конкурентоспособности. Российская Федерация не является исключением. Президент Российской Федерации, в компетен-

цию которого в соответствии со ст. 80 Конституции Российской Федерации входит определение основных направлений внутренней и внешней политики государства, неоднократно в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации обращал внимание представителей власти и всей общественности в целом на необходимость серьезной работы в этом направлении. Анализ посланий главы государства на протяжении последних лет позволяет сделать следующий вывод: обеспечение (а точнее, участие в этом сложном процессе) мирового порядка и безопасности было, есть и, пожалуй, останется одной из важнейших внешних функций Российского государства (Рос газ. 2000. 9 июля ; 2001. 4 апр. ; 2003. 17 мая ; 2004. 15 мая ; 2005. 26 апр. ; 2006. 10 мая ; 2007. 28 апр. ; 2008. 6 нояб. ; 2009. 13 нояб.).

На этом недвусмысленном фоне становится очевидным, что успехи России как во внешней политике, так и внутри страны во многом зависят и будут зависеть от ее успехов в деле обеспечения мирового порядка. Прав профессор В. М. Сырых, полагаящий, что «основная цель международной политики современных государств сводится к обеспечению на земном шаре мира, оперативному разрешению локальных вооруженных конфликтов и развитию международного сотрудничества» (Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2002. С. 35).

ФУОМП имеет своей целью обеспечение такой международной атмосферы, при которой, с одной стороны, не ущемляются национальные интересы членов мирового сообщества, с другой, исключаются вооруженные конфликты между ними, предотвращаются войны и жестокие локальные столкновения. Только в XX в. мир пережил две мировые войны и сотни региональных военных конфликтов, в ходе которых погибли десятки миллионов безвинных людей. Современный уровень международных отношений позволяет успешно бороться с этим кровавым злом, несущим лишения и страдания целым народам.

Кратко раскрывая содержание рассматриваемой функции, М. И. Байтин и И. Н. Сенякин отмечают, что «приоритеты в деятельности Российского государства по обеспечению мира – это недопущение новой глобальной войны – горячей или холодной, укрепление обязательного для всех режима нераспространения оружия массового уничтожения и новейших военных технологий, повышение контролируемости международной торговли оружием при соблюдении российских коммерческих интересов в этой области, введение в действие Договора СНВ-2 и Конвенции о запрещении химического оружия» (Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001. С. 59).

В условиях международной интеграции ФУОМП является важным направлением деятельности Российского государства. Она подчинена достижению конкретных целей и имеет собственную структуру.

Будучи тесно связанной с государством, явлением сложным по своей структуре, каждая функция государства представляется не менее сложным явлением, имеющим собственную структуру. При этом структура функций государства и структура самого государства – категории взаимозависимые.

Прав А. П. Глебов, утверждая, что «понятия “структура функции”, “элемент структуры функции”, “связи элементов структуры функции”, предложенные применительно к функции государства более четверти века назад, “прижились” в теории государства и права, дополнили понятийный аппарат функционального метода исследования государственных и правовых явлений. Эти понятия оказались пригодными для познания сложной природы, структуры внутренней противоречивости функций государства...» (Глебов А. П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы в исследовании государственных и правовых явлений // Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2006. С. 161).

Как и все функции государства, ФУОМП имеет свою собственную структуру. При этом данную функцию не следует рассматривать в качестве самодостаточного и обособленного политико-правового явления, поскольку она в соотношении с иными функциями государства также составляет систему и выступает ее элементом.

ФУОМП обусловлена предметно и достижением конкретных задач, стоящих перед Российским государством в области внешней политики.

По справедливому замечанию многих отечественных правоведов, каждая функция государства имеет свой объект (предмет), свою объектную направленность, ибо беспредметных функций не существует (Напр.: Бабаев В. К., Бабаев С. В. Функции современного Российского государства : учеб. пособие. Н. Новгород, 2001. С. 7 ; Байтин М. И. Указ. соч. С. 191 ; Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности : учеб. пособие. М., 1998. С. 34 ; Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. М., 2002. С. 161 ; Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 18–23).

Объектами рассматриваемой нами функции являются процессы и явления, обладающие характером реальной угрозы мировому порядку и безопасности. Сферами, предметно обуславливающими функцию обеспечения мирового порядка, являются следующие: международный

терроризм; международная наркоторговля; криминальная миграция; производство и оборот оружия массового уничтожения и новейших военных технологий; применение военной силы¹.

Каждый из рассмотренных выше участков однородных общественных отношений, в которые устремлена исследуемая функция, является структурообразующим фактором. Другими словами, предметная дифференциация ФУОМП обуславливает наличие в ее структуре соответствующих подфункций: 1) борьба с международным терроризмом; 2) борьба с наркоторговлей; 3) ограничение криминальной миграции; 4) осуществление международного контроля над оружием массового уничтожения и военными технологиями; 5) минимизация и осуществление международного контроля за использованием военной силы.

Наряду с подфункциями в структуре ФУОМП, на наш взгляд, следует выделить методы ее реализации. Поскольку и «предмет», и «цель», и «метод» – это тесно связанные категории, исследование методов осуществления рассматриваемой функции является одним из определяющих факторов научности подхода к ее изучению.

Палитра возможностей, позволяющих государству как субъекту власти и участнику внешнеполитических отношений проявлять собственную волю, чрезвычайно разнообразна. Оно может достигать своих целей, действуя жесткими и мягкими, честными и нечестными методами, принуждать, заставлять, стимулировать, соблазнять, обманывать, провоцировать известное поведение (Бабаев В. К., Бабаев С. В. Указ. соч. С. 62).

Рассматривая вопрос о реализации (осуществлении) ФУОМП, необходимо изучить методы ее осуществления, под которыми следует понимать *совокупность приемов и способов, посредством которых формируются и в дальнейшем поддерживаются международная стабильность и безопасность*.

Традиционно в отечественной правовой науке методы убеждения и принуждения рассматриваются в качестве общих методов осуществления государственной власти, функций государства (Напр.: Макуев Р. Х. Теория государства и права. Орел, 2003. С. 93 ; Морозова Л. А. Современная российская государственность: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 19 ; Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. С. 192), при этом степень успеха в осуществлении функций госу-

дарства во многом зависит от правильного сочетания всех приемов и способов в практической деятельности органов государства (Сим А. В. Функция охраны прав и свобод личности в современном Российском государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 131). ФУОМП не является исключением. Между тем в юридической литературе встречаются и иные мнения относительно методов осуществления функций государства. Так, В. К. Бабаев и С. В. Бабаев, отождествляя методы осуществления функций государства с методами правового регулирования общественных отношений, выделяют императивный, диспозитивный, поощрительный и рекомендательный методы (Бабаев В. К., Бабаев С. В. Указ. соч. С. 8).

Позиция данных авторов представляется одновременно и интересной, и спорной. На наш взгляд, при отождествлении методов деятельности государства и методов правового регулирования не стоит забывать об известной обособленности государства и права. Кроме того, комплексный и универсальный характер методов принуждения и убеждения предполагает излишним выделение в качестве самостоятельных императивного, диспозитивного, поощрительного и рекомендательного методов. Властно-принудительные, императивные по своему характеру, действия органов власти вполне можно рассматривать в рамках метода принуждения, а поощрения, стимулы, рекомендации и юридическая возможность выбирать охватываются методом убеждения.

В основе осуществления ФУОМП находится сочетание убеждения и принуждения как методов ее осуществления. При этом ведущее место в силу договорной природы международно-правовых связей принадлежит методу убеждения.

Вместе с тем практика участия ведущих мировых держав в обеспечении мирового порядка и безопасности за последние десятилетия свидетельствует о тенденции к игнорированию отдельными странами дипломатических, договорных форм и методов урегулирования конфликтов. К сожалению, эти страны не обременяют себя выполнением сложившегося в международном праве императива мирного разрешения споров, согласно которому последние должны разрешаться исключительно мирными средствами. Безусловно, экономическая и военная мощь этих стран позволяет им доминировать открыто, порой цинично заявляя об этом. Опыненные своим могуществом и безнаказанностью, супердержавы практически становятся «международными полицейскими», забывая о том, что имидж «международного жандарма» достаточно легко сформировать, сложнее от него избавиться (Корнев А. В. Полицейское государство: идеи и практика : учеб. пособие. М., 1998. С. 89).

¹ Мы считаем, что перечень задач, стоящих перед современным государством в сфере обеспечения мирового порядка и безопасности, может изменяться по мере появления (исчезновения или ликвидации) тех или иных угроз в данной сфере общественных отношений.

Мировое сообщество должно выработать действительно эффективный и гарантированный механизм контролируемого применения военной силы, исключив случаи игнорирования мнения стран – участников международных организаций, прежде всего ООН¹.

Тезис о том, что в современных условиях, в эру гуманизма и терпимости, убеждение должно стать ведущим, если не единственным, методом реализации функции мирового порядка, вряд ли вызовет серьезные возражения. Вместе с тем не стоит питать иллюзий. Отмечая роль и значение охранительной функции государства, профессор Т. Н. Радько пишет: «Государственно-правовая охрана общественных отношений необходима всегда, поскольку идея беспреступного общества остается не более чем мечтой отдельных романтиков» (Радько Т. Н. Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2001. С. 62). Вышеуказанная позиция полностью применима и в вопросе о методах осуществления исследуемой нами функции, поскольку преступность все меньше и меньше «считается» с государственными границами, приобретая международный характер. Поддерживая мнение Т. Н. Радько, можно с уверенностью сказать, что идея о вечном мире между странами не менее романтична.

В этой связи необходимо заметить, что в арсенале методов реализации рассматриваемой нами функции имеются и методы принуждения, в том числе и применения военной силы. Это вполне оправданно и закономерно, поскольку ни один порядок, в том числе и мировой, невозможно обеспечить, опираясь только на уговоры и увещания.

Далее перейдем к рассмотрению принципов осуществления ФУОМП.

Категория «принцип» всегда была и сегодня остается актуальной для теоретико-правовой науки, поскольку ее исследование облегчает познание и объяснение природы и сущности государственно-правовых явлений. Известное выражение Гельвеция – «знание принципов легко возмещает незнание некоторых фактов» – подтверждает важность изучения принципиальных, основополагающих начал любой деятельности (Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 399).

В науке о государстве и праве распространены различного рода принципы, среди которых: принципы права, отрасли, института; организации и деятельности государственного аппарата; законности, правосудия; морали, правосознания; научной деятельности и т. д. (Черданцев А. Ф.

Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 52).

Принципы осуществления (реализации) функций государства занимают самостоятельное место в юридической науке. Раскрывая вопросы реализации функций государства, следует рассмотреть общие руководящие идеи, начала, лежащие в основе их реализации.

Категория «принцип» практически не используется при исследовании функций государства и их осуществлении. Характеризуя деятельность государства, его работу, многие авторы в основном перечисляют принципы организации и деятельности механизма (аппарата) государства (Напр.: Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 399–402 ; Радько Т. Н. Механизм государства : лекция. М., 2002. С. 43 ; Темнов Е. И. Теория государства и права. М., 2003. С. 204–205). Тем не менее выделяемые в теории государства принципы организации и деятельности государственного аппарата (механизма) вполне можно рассматривать применительно к осуществлению функций государства. Действительно, система функций, даже отдельно взятая функция государства, во многом обуславливает структуру и деятельность государственного аппарата (его части) (Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2000. С. 186 ; Каск Л. И. Структура и функции государства. Л., 1969. С. 51).

Аппарат государства является основным проводником государственно-властной воли (Бабаев В. К., Бабаев С. В. Указ. соч. С. 63). Это обстоятельство позволяет нам рассматривать принципы организации и деятельности государственного аппарата (механизма) в качестве общих принципов осуществления функций государства.

Количество выделяемых в теории государства принципов организации и деятельности государственного аппарата (механизма) колеблется от трех до двенадцати (Радько Т. Н. Механизм государства. С. 43). Однако большинство авторов в той или иной редакции называют следующие принципы: народовластие, разделение властей, федерализм, гуманность, законность, профессионализм (Там же. С. 45–50).

Вышеуказанные принципы являются общими для всех функций государства, в том числе и для рассматриваемой нами. Вместе с тем ограничиться перечислением только общих принципов осуществления ФУОМП означает отвлечься от раскрытия ее специфики и особой роли по отношению к обществу. Во избежание этого необходимо обратиться к анализу специальных принципов.

На наш взгляд, ФУОМП осуществляется на основе общепризнанных принципов международного права, являющихся для всех внешних функций общими. Современной наукой и меж-

¹ Например, авианалеты 16 государств – членов НАТО весной–летом 1999 г. на Югославию.

дународно-правовой практикой выработаны следующие принципы.

Принцип суверенного равенства государств. Поддержание международного правопорядка может быть обеспечено лишь при полном уважении юридического равенства участников. Суверенное равенство государств составляет основу международных отношений, что в обобщенном виде отражено в п. 1 ст. 2 Устава ООН, который гласит: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов» (Цит. по: Международное право : учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1995. С. 29). Назначение вышеуказанного принципа заключается в обеспечении юридически равного участия в осуществлении внешних функций всеми государствами.

Принцип неприменения силы и угрозы силой. Впервые данный принцип был закреплен в Уставе ООН в период освободительной борьбы против фашизма. В соответствии с п. 4 ст. 2 Устава ООН «все Члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций» (Цит. по: Международное право. С. 33).

Принцип нерушимости государственных границ. Данный принцип составляет одну из важнейших основ безопасности стран мирового сообщества. Впервые идея нерушимости границ получила свое правовое оформление в договоре СССР с ФРГ от 12 августа 1970 г., а затем в договорах ПНР, ГДР и ЧССР с ФРГ. С этого времени нерушимость границ стала нормой международного права, юридически обязательной для государств – участников вышеупомянутых договоров (Там же. С. 38–39).

Принцип территориальной целостности государств. Этот принцип утвердился с принятием Устава ООН в 1945 г., а его развитие продолжается и сейчас. При этом существуют различные варианты наименования данного принципа: принцип территориальной целостности или принцип территориальной неприкосновенности. Его значение весьма велико с точки зрения стабильности в межгосударственных отношениях, а назначение заключается в охране и защите территории государства от любых посягательств. Для любого государства при осуществлении им ФУОМП важно не нарушать территориальную организацию тех государств, где могут осуществляться миротворческие операции.

Принцип мирного разрешения международных споров. Этот принцип – сердцевина, несущий элемент во всей конструкции, образуемой принципами осуществления ФУОМП. Представ-

ляется, что данный принцип в значительной степени является воплощением указанной функции и выполняет роль системообразующего фактора по отношению к остальным принципам. Предположим, что указанный принцип будет игнорироваться странами-лидерами, выполняющими основной объем нагрузки по обеспечению мирового порядка. В таком случае все вышеупомянутые принципы во многом утратят свой смысл и значение. Однако и сегодня некоторые страны под прикрытием демократического миссионерства позволяют себе игнорировать этот принцип.

Принцип всеобщего уважения прав человека. Идея прав человека возникла еще в древности и претерпела длительный период эволюции. Между тем уважение прав человека в качестве принципа международных отношений утвердился и занял самостоятельное место только с формированием первых международных организаций. Сегодня значение данного принципа сложно переоценить, поскольку при любой миротворческой операции всегда страдают, лишаются своих элементарных, жизненно необходимых прав обычные люди.

Подводя некоторые итоги, считаем необходимым отметить следующее.

Во-первых, сегодня, когда в Российском государстве произошли кардинальные изменения, проблематика функций государства становится особенно актуальной. Несмотря на наличие фундаментальных трудов по указанной проблеме, утверждение о ее исчерпанности было бы излишне поспешным и некорректным. В настоящее время Российская Федерация осуществляет огромное количество функций как внутри страны, так и во внешнеполитической сфере, причем имеется тенденция к их увеличению.

Во-вторых, анализ наиболее распространенных определений понятия функций государства позволяет судить о сложности, многогранности, динамичности исследуемой категории. Синтезируя многообразие подходов, мы считаем возможным предложить уточненное и дополненное определение функций государства, под которыми понимаем *основные направления нормативно регламентированной, организационно обеспеченной деятельности государства, обусловленные главными, объективно необходимыми целями и задачами, выражающие его сущность и социальное назначение.*

В-третьих, анализируя внешние функции, можно согласиться с мнением известных ученых о том, что участие в обеспечении мирового порядка является стратегически важным направлением деятельности Российского государства.

В-четвертых, как и любая функция государства, ФУОМП является структурно организованным явлением. В ее структуре можно выделить следующие основные элементы:

1) подфункции, своего рода «слагаемые», обеспечения мирового порядка, предметно обусловленные направления деятельности Российского государства по достижению конкретных задач;

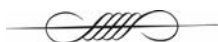
2) методы реализации ФУОМП, характеризующие внешнее проявление внешнеполитической деятельности Российского государства;

3) принципы – общие руководящие начала, на которых строится и которым подчинена вся деятельность России по обеспечению мирового порядка.

И, наконец, последнее. В условиях кардинально изменившихся мировой обстановки, баланса и соотношения сил содержание ФУОМП существенно изменилось. Великой трагедией обернулся для России распад СССР – державы, которая, по сути, представляла собой систему сдержек и про-

тивовесов. Для «новой» России участие в обеспечении мирового порядка становится с каждым днем трудноразрешимой задачей. Конечно, в современном мире образовались своеобразные центры «силы», такие как США, Россия, Западная Европа, Япония, Китай. Не исчезла и тенденция к мировой гегемонии, дающая о себе знать в некоторых внешнеполитических акциях США. Однако это обстоятельство свидетельствует о том, что надо еще активнее осуществлять ФУОМП и защиту национальных интересов другими государствами, в том числе и Россией.

Длительное время основным содержанием рассматриваемой функции является участие СССР, а затем и Российской Федерации в миротворческих операциях под эгидой ООН и ОБСЕ.

Библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства / М. И. Байтин. – Саратов, 1979.
2. Манов Г. Н. Государство и политическая организация общества / Г. Н. Манов. – М., 1974.
3. Радько Т. Н. Теория государства и права / Т. Н. Радько. – М., 2001.
4. Радько Т. Н. Механизм государства : лекция / Т. Н. Радько. – М., 2002.
5. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства / Н. В. Черноголовкин. – М., 1970.
6. Хижняк В. С. Конституционные принципы внешней политики Российской Федерации в механизме взаимодействия национального права России и международного права / В. С. Хижняк // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – № 2.

References

1. Baitin M. I. Essence and Main Functions of a Socialist State / M. I. Baitin. – Saratov, 1979.
2. Manov G. N. State and Political Organization of a Society / G. N. Manov. – M., 1974.
3. Radko T. N. Theory of State and Law / T. N. Radko. – M., 2001.
4. Radko T. N. Mechanism of State / T. N. Radko. – M., 2002.
5. Chernogolovkin N. V. Theory of the Socialist State Functions / N. V. Chernogolovkin. – M., 1970.
6. Khizhnyak V. S. Constitutional Principles of the RF Foreign Policy in the Mechanism of Interaction between the National Law of Russia and International Law / V. S. Khizhnyak // The Bulletin of Saratov State Academy of Law. – Saratov, 2008. – № 2.

И. Л. Петрова,*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук***I. L. Petrova,***Associate Professor of the Department of State and Law
Studies of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law***ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА****Linguistic Syncretism of a Legal Text**

Аннотация. Статья посвящена синтаксическим особенностям языка нормативных правовых актов, которые состоят из тех же элементов, что и литературная речь, и потому подчиняются общепринятым лексико-грамматическим правилам и закономерностям построения текста. Однако под воздействием правового содержания предложения в текстах правовых норм получают дальнейшее структурно-смысловое развитие, превращаясь в особую единицу – нормативно-правовое высказывание. Это дает основание говорить о таком явлении, как правовой синтаксис.

В статье доказывается необходимость редукции лингвистического понятия «синтаксис» в право, что является объективным требованием современной правовой действительности.

Ключевые слова: право, язык, правовая норма, синтаксис, язык права, правовой синтаксис, нормативно-правовое высказывание.

Abstract. The article is devoted to the syntactical features of the texts of normative legal acts. These texts consist of the same elements as literary language thus they submit to generally accepted lexico-grammatical rules and patterns of text construction. However under the influence of the legal content sentences in the texts of legal norms get further structural and sense development turning into a special unit – a normative and legal statement. This gives grounds for talking about such a phenomenon as legal syntax.

The article proves the necessity of the reduction of the linguistic concept «syntax» in law. This is the objective demand of the current legal reality.

Key words: law, language, legal norm, syntax, language of law, legal syntax, normative and legal statement.

У второстепенных членов предложения, выраженных присубстантивными (зависимыми от имен существительных) предложно-падежными формами имен существительных, присубстантивными наречиями, присубстантивным инфинитивом, а также у второстепенных членов предложения, обнаруживающих двунаправленные связи или недостаточную проясненность синтаксических связей и отношений, у детерминантов и полупредикативных членов предложения наблюдается синкретизм – «совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций» (Бабайцева В. В. Изучение членов предложения в школе. М., 1975. С. 138). Это совмещение может иметь место как в плане содержания (в значении членов предложения), так и в плане выражения (способ выражения, вид связи, средства связи, характер зависимости), а также в плане содержания и выражения одновременно.

Синкретизм компонентов высказывания является одним из проявлений общей тенденции развития языка – стремления к экономии речевых средств. Этот процесс находит отражение и в современном юридическом языке России, что представляется немаловажным для интерпретации и восприятия правовых норм.

Анализируя тексты нормативных правовых актов, мы выявили причины возникновения синтаксического синкретизма.

Во-первых, наличие у частей речи вторичных синтаксических функций. Например, Государственная власть в области осуществляется на основе **разделения властей**. Настоящий федеральный закон определяет правовые основы государственной политики **в области охраны окружающей среды**. В этих конструкциях имена существительные выполняют вторичную синтаксическую функцию – несогласованных определений.

Понятие первичности и вторичности синтаксических функций словоформ в научной литературе связывается с понятием морфологизованных и неморфологизованных членов предложения, с «движением частей речи» в структуре предложения (Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика и стилистика. Л., 1926. С. 79). Само же явление первичности и вторичности как соотношения основного, исходного и производного (Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 59) обнаруживается во всех сферах языковой системы, и обусловлено оно развитием этой системы, ее постоянным совершенствованием.

В словоформе как члене предложения существует два типа грамматических значений: кате-

гориальное (значение слова как части речи) и синтаксическое (типовое значение члена предложения). Если сопоставить номинативные (информативные) типовые значения членов предложения с типами категориальных значений основных частей речи, то окажется, что эти значения практически одинаковы: определение обозначает признак предмета, и имя прилагательное как часть речи также обозначает признак предмета; сказуемое называет действие предмета, и глагол как часть речи называет действие как процесс; обстоятельство выражает признак действия или признак признака, и наречие также выражает признак действия или признак признака; подлежащее и дополнение обозначают предмет, и имя существительное называет предмет. Обобщая категориальные значения частей речи, исследователи отмечают, что имя существительное имеет значение предметности, имя прилагательное – значение признаковости, глагол – значение процессуальности, наречие – значение признака действия, признака признака (Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982. С. 34, 36, 38, 43 ; Виноградов В. В. Русский язык. М. ; Л., 1947 ; Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 43, 106) и т. д.

Анализ функционирования словоформы в структуре предложения обнаруживает два типа соотношения категориального и синтаксического значений: 1) категориальное и синтаксическое значение совпадают и 2) категориальное значение не совпадает с синтаксическим. *Первичной синтаксической функцией* называется такое функционирование словоформы, при котором ее категориальное и синтаксическое значения совпадают. Под *вторичной синтаксической функцией* понимают такое функционирование словоформы, при котором ее категориальное значение не совпадает с синтаксическим. Функционирование словоформ во вторичной функции может приводить к серьезным изменениям в структуре языка как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне. На морфологическом уровне такое функционирование может изменять категориальное значение словоформ, и это приводит к транспозиции частей речи (к процессам перехода слов из одной части речи в другую). На синтаксическом уровне функционирования словоформ во вторичной функции приводит к качественному изменению самих синтаксических функций, следствием этого оказывается появление новых функций и особых, синкретичных, членов предложения.

Словоформа, функционирующая в первичной синтаксической функции, является однозначной как член предложения. Словоформа, функционирующая

во вторичной синтаксической функции, является многозначной как член предложения и квалифицируется как синкретичный член предложения.

Во-вторых, причиной возникновения рассматриваемого явления может быть синкретическое категориальное значение распространяемого слова. Так, в предложениях: *Компоненты природной среды... обеспечивают в совокупности благоприятные условия жизни на земле. Размещение эмиссионных ценных бумаг – отчуждение эмиссионных ценных бумаг эмитентом первым владельцам*, – выделенные имена существительные совмещают в своем значении предметную и процессуальную семантику.

В-третьих, использование неморфологизованных членов предложения. Например, в конструкциях: обязательство – обязанность должника **уплатить** кредитору определенную денежную сумму; агитация по вопросам референдума – деятельность, осуществляемая в период кампании референдума и имеющая целью **побудить** или побуждающая участников референдума **поддержать** инициативу проведения референдума, – функции определения и дополнения выполняет инфинитив.

В-четвертых, двойные синтаксические связи и отношения словоформ. Например, в следующей конструкции: собрание **вправе образовывать** постоянные или временные депутатские **комиссии** и рабочие **группы для подготовки** законопроектов и выполнения других задач, – словоформы **для подготовки и выполнения** зависят одновременно от двух членов предложения: от сказуемого **вправе образовывать** и дополнений **комиссии и группы**.

Представляется целесообразным квалифицировать эти факторы как объективные, связанные с языковой действительностью. Однако необходимо выделить и субъективный фактор – желание говорящего (в нашем случае – законодателя) придать большую смысловую нагрузку члену предложения, что связано со стремлением «выразить наиболее экономно, с меньшим количеством языковых средств, более сложный комплекс синтаксических значений и отношений» (Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. С. 115).

В современной лингвистической литературе по поводу синкретических членов предложения четко определились две точки зрения:

1) случаи возможной двоякой сочетаемости словоформ считаются проявлением синтаксической омонимии;

2) те же самые случаи квалифицируются как проявление двусторонних связей словоформ в строе предложения.

Синтаксическая омонимия, по определению Н. П. Колесникова, – это «такое явление, когда в предложении возникает побочное значение (со-

держание), не предусмотренное автором и вызванное синтаксическими средствами (факторами)» (Колесников Н. П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов н/Д, 1981. С. 8). К таким факторам он относит порядок размещения компонентов, различное членение предложения на составные части, омонимичность самих моделей, по которым строится словосочетание. Н. П. Колесников полагает, что синтаксическая омонимия (как и лексическая) устраняется посредством контекста, но есть случаи, где такого устранения не происходит, что позволяет считать наличие омонимии в предложении отрицательным явлением, мешающим восприятию текста.

Вполне вероятно, что нет достаточных оснований относить эти случаи к омонимии, если омонимия всегда снимается контекстом и ситуацией речи. Так, в предложении: *Холодный воздух из долины обрушивается всей тяжестью на Новороссийскую бухту, как в пустой сосуд (К. Паустовский)*, – взятом вне контекста и ситуации, синтагматическая отнесенность словоформы *из долины* оказывается недостаточно проясненной. Ср.: *воздух из долины* и *обрушивается из долины*. Однако предшествующий контекст (см. главу «Небесная азбука Морзе» в повести К. Паустовского «Черное море») снимает эту неопределенность: *За хребтом Варада... лежит высокая долина, похожая на громадную чашу. Она открыта к северу и защищена горами с юга. Поэтому в ней всегда собирается холодный и плотный северный воздух. Он медленно накапливается, ползет вверх... и начинает переваливаться вниз, в сторону Новороссийска. В Новороссийске воздух теплый и разреженный. Холодный воздух из долины обрушивается всей тяжестью на Новороссийскую бухту, как в пустой сосуд.* Значит, в анализируемом предложении предложно-падежная форма *из долины* имеет только одну грамматическую и смысловую связь – с подлежащим – именем существительным *воздух*. Смысл предложения таков: «Холодный воздух, который скапливается в долине, обрушивается всей тяжестью на Новороссийскую бухту». Синтаксическая омонимия в рассмотренном примере снимается контекстом.

Однако если ситуация и контекст не устраняют неясности синтаксических связей и отношений, то речь идет уже не об омонимии. Некоторые лингвисты склонны видеть в этих случаях проявление двусторонних связей словоформ. При двусторонних зависимостях синкретичность словоформы обусловлена двумя причинами: во-первых, самим характером двусторонних связей; во-вторых, отнесенностью предложно-падежной формы к имени существительному.

Н. С. Валгина полагает, что «слабоуправляемые предложно-падежные сочетания, включаясь в структуру предложения не механически, не как готовая единица, а под влиянием словесного ок-

ружения и строя предложения, подвергаются переразложению» (Валгина Н. С. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // Рус. яз. в шк. 1972. № 5. С. 99). Следствием этого переразложения может быть возникновение двусторонней связи данной словоформы. Например, в ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Рос. газ. 2002. 2 нояб.) читаем: *временный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения наблюдения в соответствии с настоящим Федеральным законом* (арбитражный управляющий и утвержден в соответствии с настоящим законом, и наблюдение проводится в соответствии с настоящим законом); *представитель работников должника – лицо, уполномоченное работниками должника представлять их законные интересы при проведении процедуры банкротства* (лицо уполномочено – при каком условии? когда? – при проведении процедуры банкротства, представляет интересы – когда? – при проведении процедуры банкротства, интересы – какие? – возникающие при проведении процедуры банкротства). В данных дефинициях налицо синкретизм компонентов, возникающий в результате переразложения, перераспределения связей внутри грамматической конструкции.

Итак, в лингвистической литературе случаи возможной двоякой сочетаемости словоформ считаются проявлением синтаксической омонимии и те же самые случаи квалифицируются как проявление двусторонних связей словоформ в строе предложения.

Однако мы определяем как более соответствующее конкретным языковым фактам мнение, согласно которому следует разграничить явления синтаксической омонимии (омографии), которая, как и омонимия вообще, всегда снимается контекстом и ситуацией речи, и явления двусторонних связей, когда в одной словоформе совмещаются значения разных второстепенных членов предложения.

Эту, уже третью, точку зрения обосновывает В. И. Фурашов. В предложенной им парадигме определения различаются сильные и слабые синтаксические позиции словоформ – вариантов данного члена предложения. В слабых синтаксических позициях может иметь место и синтаксическая омонимия, которая устраняется посредством контекста и ситуацией речи, и проявление двусторонних связей словоформ.

Система форм одного и того же члена предложения как синтаксической единицы представляет собой парадигму, так как, подобно другим единицам языковой системы, члены предложения предстают в конкретных реализациях (предложениях в речи) в том или ином варианте. Среди этих вариантов всегда есть типичные, открывающие и возглав-

ляющие парадигму. Типичный элемент парадигмы определения, по мысли В. И. Фурашова, «можно назвать простым, а все остальные – осложненными, так как при их реализации всегда примешиваются добавочные функционально-синтаксические оттенки» (Фурашов В. И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке. Владимир, 1975. С. 31). Функционально-синтаксические оттенки делают осложненные элементы парадигмы маркированным членом противопоставления типичному варианту, который оказывается лишенным указанного признака.

Второстепенные члены могут занимать в предложении сильные и слабые синтаксические позиции. В сильных синтаксических позициях функционируют простые, типичные элементы парадигмы какого-либо второстепенного члена предложения, а в слабых – осложненные элементы парадигмы. В слабых позициях может иметь место и синтаксическая омонимия, и проявление двусторонних связей.

В. И. Фурашов приходит к следующему выводу, с которым нельзя не согласиться: «Члены предложения – это синтаксические категории, представляющие собой единство категориального синтаксического значения и системы формальных признаков, средств выражения этого значения, как непосредственно связанных с элементами структуры предложения (конструктивно-синтаксические, морфологические, лексические и интонационные средства), так и опосредованных речевой ситуацией и контекстом» (Там же. С. 41–42).

При двусторонней синтаксической зависимости предложно-падежные формы, например, обычно нельзя с достаточной долей определенности отнести ни к одному из двух грамматически главенствующих членов, так как ни содержание предложения, ни ситуация речи, ни широкий контекст не дают оснований предпочесть какой-либо один из возможных вариантов зависимости, как, например, в таком положении Устава (Основного закона) Владимирской области, принятого постановлением Законодательного Собрания Владимирской области от 14 августа 2001 г. № 285: *Надзор за точным и единообразным исполнением действующего законодательства на территории области осуществляют органы прокуратуры* (ст. 37 гл. VI) ([URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/62078](http://www.humanities.edu.ru/db/msg/62078)). Слово-сочетание *на территории области* зависит одновременно от нескольких членов предложения и совмещает в себе значение определения и обстоятельства места, ср. «обычность» словосочетаний: *надзор (где? какой?) на территории области, исполнение (где? какое?) на территории области, действующего (где?) на территории области, осуществляют (где?) на территории области*.

Однако от проявления двойных синтаксических зависимостей компонентов высказывания

надо отграничивать случаи синтаксической омонимии, которая всегда снимается контекстом. Наши наблюдения подтверждают это. Например, вне контекста в следующем предложении: *Публичное размещение ценных бумаг – размещение ценных бумаг путем открытой подписки, в том числе размещение ценных бумаг на торгах фондовых бирж и/или иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг* (О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // Рос. газ. 1996. 25 апр.), – трудно установить, к чему относится компонент *на рынке ценных бумаг* (либо к сочетанию *организаторы торговли*, либо входит в однородный ряд с компонентом *на торгах*, относясь к *размещению*: возможно и *организаторы торговли на рынке ценных бумаг*, и *размещение на торгах фондовых бирж и/или на рынке ценных бумаг*). Но следующая за данным понятием дефиниция *Публичное обращение ценных бумаг – обращение ценных бумаг на торгах фондовых бирж и иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг* показывает однозначность отнесенности сочетания *на рынке ценных бумаг* к компоненту *организаторы торговли*. Таким образом, более широкий контекст устранил неясность в квалификации и связях элементов правового высказывания.

В случаях же, когда контекст не устраняет неясности связей словоформ, мы имеем дело с разрешимым или неразрешимым синкретизмом, который определяется характером слабой позиции. Вслед за В. И. Фурашовым мы различаем две разновидности слабых синтаксических позиций:

1) слабые позиции, связанные с частичной нейтрализацией противопоставлений между какими-либо двумя компонентами высказывания;

2) слабые позиции, связанные с полной нейтрализацией противопоставлений между какими-либо двумя компонентами предложения (Фурашов В. И. Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы // Филология. Владимир, 1998. С. 185).

Функционируя в слабых синтаксических позициях первой разновидности, компоненты нормативно-правового высказывания оказываются в положении разрешимого синкретизма и не препятствуют восприятию смыслового содержания текста. Например, в формулировке: *Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме* (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Рос. газ. 2002. 15 июня), – компонент *принудить* имеет в своей семантике глагольную природу, обозначает действие (это кажется несомненным, поскольку перед нами

инфинитив – начальная форма глагола), но не является сказуемым (оно уже есть в предложении – *не вправе оказывать воздействие*), а, относясь к имени существительному *цель*, является при нем несогласованным определением: *цель* (какая?) *принудить*, т. е. из двух значений – атрибутивного и глагольного – в этом компоненте преобладает признаковая семантика; следовательно, синкретизм разрешается в пользу определения. То же наблюдаем и в других примерах: *Денежное обязательство – обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму* (Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 2). *Агитация по вопросам референдума – деятельность, осуществляемая в период кампании референдума и имеющая целью побудить или побуждающая участников референдума поддержать инициативу проведения референдума* (Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 2).

Оказываясь в позициях второй разновидности, т. е. в синтаксических позициях полной нейтрализации значений двух или более компонентов, элементы нормативно-правового высказывания проявляют двойные синтаксические связи, которые в одних случаях не затрудняют восприятия смыслового содержания юридической нормы, а в других приводят к искажению смысла нормативно-правового предписания.

Например, в предложении из Устава (Основного закона) Владимирской области: **Законодательное Собрание вправе образовывать постоянные или временные комиссии для подготовки законопроектов и выполнения других задач** (ст. 21 гл. III), – выделенный компонент, имеющий две связи – с элементами вправе образовывать и комиссии (вправе образовывать (зачем? с какой целью?) для подготовки законопроектов и выполнения других задач и комиссии (какие?) для подготовки законопроектов и выполнения других задач), – действительно служит «экономии» языковых средств, не препятствуя правильному восприятию смысла нормативно-правового высказывания.

Однако в том же документе обнаруживаем и такую формулировку: Решение о назначении председателя Счетной палаты принимается Законодательным Собранием большинством голосов от числа избранных депутатов ЗС **по представлению Губернатора** (ст. 43 гл. VII). Здесь возникает нежелательный синкретизм, искажающий смысл высказывания. Позиция детерминанта¹ (абсолютный конец предложения) у словосочетания **по представлению Губернатора** обеспечивает его (словосочетания)

смысловую связь со всем предложением в целом; тогда получается, что и решение принимается по представлению Губернатора, и депутаты Законодательного Собрания избраны по представлению Губернатора. Но верно лишь первое толкование: по представлению Губернатора принимается решение о назначении председателя Счетной палаты.

Становится очевидным, что деление членов предложения на типичные и синкретичные не совпадает и с различием первичных и вторичных синтаксических функций словоформ, и с разделением второстепенных членов предложения на члены с односторонними и двусторонними зависимостями в предложении. Например, полное имя прилагательное в качестве первичной имеет функцию определения, но такое определение вовсе не обязательно должно быть типичным, так как оно может оказаться обособленным или обнаруживающим двусторонние синтаксические зависимости и быть, следовательно, синкретичным членом предложения. Между тем неморфологизованные определения, даже будучи зависимыми от одного члена предложения, обычно бывают синкретичными (Бабайцева В. В. Изучение членов предложения в школе).

Итак, все неморфологизованные определения синкретичны, поскольку имеют добавочные оттенки значения: таковы присубстантивные косвенные падежи имен существительных и местоимения *его, ее, их*, простая сравнительная степень имени прилагательного, наречие и инфинитив (Фурашов В. И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984. С. 8).

Присубстантивные косвенные падежи имен существительных в функции несогласованных определений имеют оттенки значения обстоятельств или дополнений: *Солнце и легкий ветерок с моря нежат и ласкают мое больное тело* (А. Чехов); *Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду слетают желтые и красные листья берез и осин* (К. Паустовский). Определительное значение является здесь преобладающим, так как определяемые члены выражены именами существительными с предметной категориальной и лексической семантикой; добавочные оттенки значения (обстоятельства и дополнения) обусловлены лишь характером управляемых имен существительных и значением предлогов, если они есть (Там же). Следовательно, синтаксический синкретизм разрешается в пользу определения.

Однако синтаксический синкретизм далеко не всегда оказывается разрешимым в пользу того или иного члена предложения, поскольку доли синтаксических значений, объединенных в семантике синкретичного второстепенного члена, иногда не поддаются строгой количественной оценке. В таких случаях различия между определением и дополнением или определением и об-

¹ Детерминант – член предложения, относящийся ко всему составу предложения, распространяющий его в целом.

стоятельством могут быть нейтрализованы. Это происходит как при односторонней, так и при двусторонней синтаксической зависимости второстепенных членов.

Присубстантивные предложно-падежные формы имен существительных с двусторонними связями часто совмещают структурные и семантические дифференциальные признаки в сфере «определение – обстоятельство», поэтому мы рассматриваем в основном предложно-падежные формы с атрибутивно-обстоятельственной семантикой, в различной степени грамматически и семантически зависимые от подлежащего и сказуемого в конструкциях нормативно-правовых высказываний или от других его компонентов.

В процессе анализа языкового материала мы придерживаемся тех принципов, которые выработаны структурно-семантическим направлением, т. е. учитываем: диалектическое единство языка и мышления, языка и речи, структуры и семантики языковых единиц; многоаспектность синтаксических явлений; типичные и синкретичные реализации словоформ как членов предложения; наличие в синтаксической системе языка не только синтагматических, но и парадигматических отношений; выделение типичных структурных и семантических признаков членов предложения; различение сильных и слабых синтаксических позиций словоформ как членов предложения, случаев частичной и полной нейтрализации различий между членами предложения, явлений разрешимого и неразрешимого синтаксического синкретизма.

Атрибутивная и обстоятельственная синтаксическая семантика в чистом виде представлена только у типичных определений и обстоятельств. Если же говорить о синкретичных членах предложения, выраженных предложно-падежными формами, то здесь «имеет место сокращение (редукция) основного синтаксического значения и наличие добавочного оттенка» (Фурашов В. И. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 98).

Примеры синтаксического синкретизма в текстах правовых норм, составленных законодателями, были рассмотрены выше. Результаты социологического опроса, т. е. мнение носителей языка, которые являются субъектами толкования правовых норм и их применения, тоже доказывают, что синкретизм компонентов нормативно-правового высказывания может вести к двусмысленности его содержания, что в одних случаях не препятствует верному толкованию, а в других – затрудняет его.

Более чем тремстам опрошенным (людям со средним, средним специальным, высшим юридическим и высшим неюридическим образова-

нием) было предложено несколько примеров из текстов нормативных правовых актов, из которых уже были вычленены словосочетания (поскольку методикой такого вычленения люди без специальной лингвистической подготовки не владеют), теоретически имеющие место в данных предложениях. Каждое высказывание содержало словосочетания с предложно-падежными формами имен существительных, имеющими синтаксические связи одновременно с несколькими компонентами конструкций, и было неоднозначно в смысловом отношении (широкий контекст отсутствовал, но это не влияло на решение испытуемых, поскольку возможность синтаксической омонимии была исключена изначально). Так, в одном из предложенных текстов – *Надзор за точным исполнением действующего законодательства на территории области осуществляют органы прокуратуры* – предлагалось подтвердить наличие или отсутствие следующих словосочетаний с выделенной словоформой: *надзор на территории области, законодательство на территории области, осуществляется на территории области*. Около 23 % опрошенных увидели как действительно имеющее место в предложении только одно из словосочетаний (из них 37 % – *надзор на территории области*, 48 % – *законодательство на территории области* и 15 % – *осуществляется на территории области*); приблизительно 48 % респондентов определило как имеющее место в данном предложении два словосочетания (из них большая часть – 53 % – отдала предпочтение словосочетаниям *надзор на территории области* и *законодательство на территории области*, 35 % – *законодательство на территории области* и *осуществляется на территории области*, лишь 12 % – *надзор на территории области* и *осуществляется на территории области*); а 29 % респондентов подтвердили функционирование в составе предложенного для анализа высказывания всех трех словосочетаний, что действительно имеет место с точки зрения словорасположения и других факторов. Несмотря на то, что на такое распределение ответов мог в какой-то степени повлиять порядок следования словосочетаний в предложенной анкете, очевиден факт признания носителями языка двух и трех вариантов синтаксического описания фразы.

Итак, анализ текстов нормативно-правового характера и результатов социологического опроса подтверждает, что в юридическом языке, как и в общелитературном, имеет место синкретизм компонентов, который может приводить к неоднозначному толкованию одного и того же правового факта, нарушая одно из главных требований, предъявляемых к языку нормативно-правовых предписаний, – однозначность составляю-

щих текст слов. В связи с этим возникает необходимость редукции лингвистического понятия «синкретизм» в понятийный аппарат юридической техники.

В соответствии с концепцией правового синтаксиса предлагаем следующую формулировку понятия **правового синкретизма**: это совмещение (синтез) в одном компоненте значений двух или более элементов логико-грамматической конструкции нормативного правового акта, что является одним из проявлений общей тенденции развития правового синтаксиса – стремления к экономии языковых средств.

В результате анализа лингвистической литературы, текстов нормативных правовых актов и результатов социологических опросов мы пришли к следующим выводам.

1. Явления синкретизма членов предложения необходимо учитывать при синтаксической интерпретации правовых норм и понятий, так как указанные явления по-разному влияют на восприятие смыслового содержания юридических текстов.

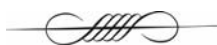
2. Поскольку реальные языковые факты не всегда укладываются в рамки традиционной классификации членов предложения, постольку особое внимание лингвистов на современном этапе обращено к анализу переходных, синкретичных случаев в синтаксисе.

3. Относительно синкретичных членов предложения среди языковедов нет единого мнения. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой в одних случаях мы имеем дело с синтаксической омонимией, в других – с проявлением двусторонних связей словоформ.

4. Функционируя в слабых синтаксических позициях, члены предложения подвергаются либо частичной нейтрализации своего основного значения, либо полной, совмещая в такой позиции примерно в равной степени значения разных членов предложения. В первом случае мы имеем дело с разрешимым синтаксическим синкретизмом, во втором – с неразрешимым.

5. Встречающиеся в текстах нормативных правовых актов словоформы в позициях неразрешимого синтаксического синкретизма по-разному влияют на восприятие смыслового содержания конкретного нормативного или понятийного высказывания.

6. Поскольку синкретичные словоформы в нормативно-правовых высказываниях являются неоднозначными (двузначными или многозначными) в семантическом отношении, постольку они напрямую связаны с одним из главных требований, предъявляемых к языку правовых норм, – однозначности содержания. В связи с этим необходима редукция правового синтаксического синкретизма в понятийный аппарат юридической техники.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная сущность / С. С. Алексеев. – М., 2001.
2. *Баранов В. М.* Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России / В. М. Баранов. – Н. Новгород, 2002.
3. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения. Вопросы грамматического строя / В. В. Виноградов. – М., 1955.
4. *Власенко Н. А.* Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск, 1997.
5. *Головкин Р. Б.* Право в системе нормативного регулирования современного российского общества / Р. Б. Головкин. – Владимир, 1999.
6. *Губаева Т. В.* Деловой русский язык: как правильно составить нормативный документ / Т. В. Губаева. – Йошкар-Ола, 2000.
7. *Петрова И. Л.* Синтаксис в праве / И. Л. Петрова. – Владимир, 2007.
8. *McLeod I.* Legal Method / I. McLeod. – L., 1993.

References

1. *Alekseev S. S.* Mystery of Law. Its Understanding, Purpose and Social Essence / S. S. Alekseev. – M., 2001.
2. *Baranov V. M.* Legal System, System and Systematization of Legislation in Russian Legal System / V. M. Baranov. – N. Novgorod, 2002.
3. *Vinogradov V. V.* Main Aspects of Syntax of a Sentence. Issues of Grammatical Structure / V. V. Vinogradov. – M., 1955.
4. *Vlasenko N. A.* Language of Law / N. A. Vlasenko. – Irkutsk, 1997.
5. *Golovkin R. B.* Law in the System of Normative Regulation of Modern Russian Society / R. B. Golovkin. – Vladimir, 1999.
6. *Gubaeva T. V.* Russian Business Language: How to Prepare a Normative Document Properly / T. V. Gubaeva. – Yoshkar-Ola, 2000.
7. *Petrova I. L.* Syntax in Law / I. L. Petrova. – Vladimir, 2007.
8. *McLeod I.* Legal Method / I. McLeod. – L., 1993.

А. А. Савин,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

A. A. Savin,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Means and Ways of Stimulation and Limitation of Legal Activity of the Participants of Law Enforcement Process

Аннотация. В статье уточняются понятие правовой активности участников правоприменительного процесса, субъектный состав таких участников, приводится классификация средств и способов стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса.

Ключевые слова: правовая активность, правоприменительный процесс, участник правоприменительного процесса, правоприменительная деятельность.

Abstract. The author of the article specifies the concept of legal activity of the participants of law enforcement process and the subject composition of such participants. The classification of means and methods of stimulation and limitation of legal activity of the participants of law enforcement process is presented.

Key words: legal activity, law enforcement process, participant of law enforcement process, law enforcement activity.

Правовая активность – это объективно существующее правовое явление. Различные аспекты правовой активности не раз становились объектом научного осмысления. Тем не менее считаем необходимым вновь обратиться к данной проблематике в связи с возрождением интереса в научном сообществе к правоприменению.

Правоприменительный процесс является стержнем правоприменительной деятельности, основным процедурным элементом разрешения юридических конфликтов. Теоретическая конструкция правоприменительного процесса, представленная в литературе по теории права, может создать впечатление о его относительной простоте и изученности. На первый взгляд ничего сложного: строго определенный субъектный состав, четкая структурированность (стадийность). Но это простота кажущаяся. Как показывает практика, и субъектный состав правоприменительного процесса имеет свои теневые стороны, и реальная структура его не всегда совпадает с теоретической моделью.

Под правовой активностью участников правоприменительного процесса предлагаем понимать качественную характеристику деятельности любых лиц, оказывающих влияние на конечный результат правоприменительной деятельности, которая может выражаться как в форме правомерного, так и неправомерного поведения в целях восстановления нарушенных прав в определенные законом сроки либо фальсификации принимаемого решения или затягивания процесса.

Несмотря на данное определение, считаем необходимым сделать некоторые пояснения. Кого

же все-таки следует понимать под участниками правоприменительного процесса? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно соотнести участников правоприменительного процесса с участниками правоприменительных отношений. Одним из наиболее спорных моментов в определении субъектного состава правоприменительных отношений является положение гражданина, которого характеризуют либо как субъекта (Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 10 ; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 125, 128 ; Калмыков Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С. 8–12 ; Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 129, 130 и др.), либо как участника данных отношений (Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 64), при этом необходимо указать, что последняя точка зрения является преобладающей в современной теории права. Отмечается, что гражданин, как правило, не является субъектом правоприменения, поскольку государство не уполномочило его на эту деятельность (Полторыпавленко В. Н. Общественный порядок и правовая активность личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 16). Однако, как отмечают некоторые исследователи, это не умаляет роли граждан в правоприменительном отношении, нередко именно они являются его инициаторами (например, заявление гражданина о приеме на работу или назначении пенсии и т. д.) (Евдокимова Е. Г. Правоприменительные отношения в сфере расследования преступлений органами внутренних дел (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.,

2001)», – констатирует М. М. Аносова (Аносова М. М. Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики : монография. Владимир, 2007. С. 172). Разрешение указанной дилеммы не снимает остроты проблемы. При этом нас интересует не просто абстрактная возможность участия в реализации умозрительной модели, каковой является правоприменительное правоотношение. Необходимо выяснить, кто оказывает влияние на конечный результат – правоприменительное решение, при этом хотя бы и не являясь субъектом правоотношения. Такие лица могут не принимать непосредственного участия в правоприменительном процессе, но, будучи заинтересованным в его исходе, пытаются повлиять на итоговое решение.

Деление лиц, участвующих в том или ином процессе, на тех, кто в нем участвует, и тех, кто непосредственного участия не принимает, но заинтересован в его исходе, не является научной новеллой. Подобный подход используется, например, в науке гражданского процессуального права применительно к исполнительному производству. «Закон об исполнительном производстве (ст. 48) различает следующих лиц, участвующих в исполнительном производстве: 1) стороны; 2) лица, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительном документе; 3) иные лица, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (переводчик, понятые, специалист, лицо, которому судебным приставом-исполнителем передано под охрану или на хранение арестованное имущество, и др.). Такой подход изменяет сложившуюся в гражданском процессуальном праве традицию разграничения участника процесса и лица, заинтересованного в его исходе. В соответствии с этой традицией не всякий “участник исполнительного производства” должен считаться “лицом, участвующим в исполнительном производстве”. То, что действующий Закон поставил между двумя этими терминами знак равенства, не отменило необходимости различать группы участников исполнительного производства в зависимости от их отношения к исполняемому делу» (Коршунов Н. М., Мареев Ю. Л. Гражданский процесс : учебник. М., 2008. С. 701).

Учитывая тот факт, что термины носят конвенциональный, договорный характер, в качестве участников правоприменительного процесса мы будем рассматривать всех лиц, оказывающих влияние на конечный результат правоприменительной деятельности. Этими лицами, помимо сторон в процессе, прокурора и судьи, являются различные субъекты «телефонного права» и др.

На исход правоприменительного процесса пытаются оказать влияние достаточно широкий круг лиц, как правило, обладающий властными полномочиями. Это и члены Совета Федерации, и депу-

таты Государственной Думы, и председатели судов, и представители местных органов власти. Мы солидарны с А. В. Малько в том, что «в любом обществе, где присутствует власть, т. е. выполняются особые публично-политические функции, появляется и необходимость в юридическом “выделении” лиц, осуществляющих в общем-то непростые функциональные обязанности, нацеленные в той или иной степени на упорядочение процессов удовлетворения интересов различных субъектов. В целях наиболее полной и качественной реализации служебных обязанностей, независимого выполнения официальных функций, возмещения властвующим лицам затрат, возникающих в процессе управления, и необходимы юридические преимущества, называемые привилегиями. И хотя данное средство в целом олицетворяет известное неравенство – без привилегий не обойтись» (Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. С. 69). Вот только права, предоставленные этими привилегиями, должны быть направлены в конструктивное русло, на пользу тем, кто вынужден оплачивать эти привилегии, неся налоговое бремя. Практика же показывает, что привилегированное положение используется для лоббирования интересов, далеких от общественных потребностей. Так, нередко оказывается давление на судей, правоохранительные органы, механизм которого достаточно разнообразен. Например, сотрудники департамента экономической безопасности МВД России задержали помощника одного из депутатов Госдумы, который за 70 тыс. долл. организовал депутатский запрос в правоохранительные органы с требованием прекратить проверку финансово-хозяйственной деятельности одного из московских развлекательных клубов (Фалалеев М. Взятка комфорта (Эксперты экономической безопасности МВД определили уровень бытовой коррупции) // Рос. газ. 2010. 10 авг.).

Аналогичным способом пытаются оказывать давление и на судей. С отдельными негативными проявлениями в этой области пытаются бороться при помощи гласности. «По словам Антона Иванова (главы Высшего Арбитражного суда РФ. – А. С.), Высший Арбитражный Суд намерен обобщить практику обращений официальных лиц к людям в мантиях и направить ее во властные органы, чтобы читали, изучали и принимали меры. Как показывает практика, гласность – страшная сила. Недавно Высший Арбитражный Суд начал публиковать все обращения и запросы в адрес суда по конкретным делам из различных властных инстанций. Речь идет о влиятельных лицах и учреждениях, которые не имеют никакого отношения к процессу, но все же живо интересуются делом. В таких случаях резонно было бы спросить: а вы, собственно, с какой целью интересуетесь? Но эта фраза не для официальной переписки. Но – странное дело – после того как Высший Арбит-

ражный Суд стал размещать подобные запросы на своем сайте, число таких бумаг резко сократилось. Как-то пропал интерес у важных людей к актуальным делам. Но все же совсем почти не иссякла» (Куликов В. Мобильное правосудие (Высший арбитражный суд готовит прием исков по Интернету) // Рос. газ. 2009. 27 нояб.).

Правовая активность участников правоприменительного процесса нуждается либо в стимулировании, либо в ограничении, что вызвано необходимостью достижения оптимума в этой сфере общественной деятельности. Искоренить нежелательную правовую активность так же невозможно, как невозможно победить зло, искоренить преступность и т. п. Стимулирование желательной правовой активности нужно для достижения социально значимых целей: построения правового государства, построения гражданского общества, построения эффективной судебной системы и др. «Цели и объективная необходимость использования правовых стимулов заключается в том, что у общества и государства существует насущная потребность в социально полезном и активном поведении субъектов права в различных сферах жизнедеятельности... Основная функция правовых ограничений заключается в создании условий для удовлетворения интересов контр субъектов и общественных интересов по охране и защите... Осуществляя функцию охраны и защиты, правовые ограничения призваны препятствовать активности противозаконной, антиобщественной. Они, в отличие от правовых стимулов, связаны с государственным принуждением и специализируются на противодействии противоправному поведению», — отмечает А. В. Малько (Малько А. В. Указ. соч. С. 84, 106).

Средства и способы стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса можно классифицировать на юридические и неюридические средства, например технические. Приведем примеры последних.

Одним из действенных способов стимулирования и ограничения правовой активности является возможность огласки неправомерного поведения правоприменителя. В случае рукописного протоколирования судебного заседания за рамками протокола остаются нелестные высказывания участников правоприменительного процесса. С этой целью наиболее предпочтительно аудиопроотолирование. «Сегодня в судах общей юрисдикции стало широко применяться аудиопроотолирование, которое позволяет полностью фиксировать ход судебного разбирательства», — отмечает И. В. Решетникова (Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2010. С. 329).

Доступ к правосудию также имеет не только юридический аспект, но и технический. Люди с

ограниченными возможностями не могут попасть в здание суда и другие государственные учреждения, так как последние технически для этого не приспособлены. Столкнулся с такой проблемой бывший рядовой Российской армии, пострадавший от дедовщины, инвалид-колясочник Андрей Сычев. Впервые посетить здание одного из районных судов г. Екатеринбурга Сычев захотел, заинтересовавшись процессом об избитом в милиции молодом человеке, но не смог. В здание суда вела крутая лестница с высокими ступеньками, преодолеть которую на инвалидной коляске невозможно. Аналогичную картину он увидел и при входе в здания прокуратуры и милиции. Сычев обратился в суд, который обязал администрацию г. Екатеринбурга оборудовать пандусами вход в прокуратуру, а УВД города — установить кнопку вызова для инвалидов-колясочников у крыльца райотдела милиции (Добрынина С. Пандус к правосудию (Рядовой Сычев через суд добился доступности Фемиды для людей с ограниченными возможностями) // Рос. газ. 2010. 21 окт.).

В качестве еще одного интересного примера технических средств и способов стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса можно привести факт отсутствия официального перевода постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации (Зорькин В. Предел уступчивости // Там же. 29 окт.). Кроме того, доступ к информационным ресурсам, содержащим правовую информацию («Консультант-Плюс», «Гарант», «Кодекс» и др.), не бесплатный, а работа со справочными поисковыми системами требует определенных навыков. Проблема поиска информации, таким образом, также носит технический характер.

Юридические средства и способы стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса, несмотря на их кажущуюся однородность применительно к заданной классификации, также могут быть подразделены на некоторые составляющие. Так, существуют средства и способы стимулирования и ограничения правовой активности участников правоприменительного процесса, содержащиеся в национальной правовой системе, а также аналогичные средства и способы, насаждаемые извне. Здесь мы абстрагируемся от возможно излишней эмоциональности слова «насаждаемые», используя лишь его эвристический потенциал в виде принятия каких-либо решений по указанию извне, а не по собственной инициативе. Такие решения часто принимаются Конституционным Судом Российской Федерации во исполнение постановлений Европейского суда по правам человека. Например, 20 ноября 2007 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление № 13-П о

положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не позволяющих лицам, к которым применяются принудительные меры медицинского характера (по заключению психиатров), лично участвовать в уголовном процессе и судебном заседании, знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и обжаловать принятые решения. Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации эти положения статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой они – по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, – не позволяли гражданам реализовывать свои процессуальные права (Рос. газ. 2007. 28 нояб.). Как отмечает председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин, такое решение высшей судебной инстанции можно рассматривать как исполнение постановления Европейского суда по правам человека от 20 октября 2005 г. по делу «Романов против России». В постановлении было указано, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение. Данная правовая позиция была воспроизведена Конституционным Судом Российской Федерации (Там же).

Как видно, Конституционный Суд Российской Федерации указал на возможность активного участия лиц, в отношении которых решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, в судебном процессе.

В качестве еще одного примера «попытки насаждения извне» можно назвать ювенальную юстицию, отношение к которой там, где она есть (Франция, Германия, Канада, Венгрия и др.), далеко не однозначное. Многие авторы полагают, что ювенальная юстиция – это серьезная угроза семье, поскольку принцип этой системы – государству всегда виднее, что для ребенка лучше (Куприянов Ф., Куприянов А. Семья по назначению (Чем опасно принятие спорного законопроекта о ювенальной юстиции) // Там же. 16 нояб.). Мы находим обоснованным опасения некоторых исследователей относительно того, что «ювенальная юстиция, как и любая управленческая структура, сама себе будет искать работу и расширять сферу деятельности. Это неизбежно, и именно такой путь прошли Франция и Канада, где разлучение детей с родителями стало чуть ли не фетишем всей политики в области воспитания» (Там же). Такое положение вещей противоречит одному из принципов российского семейного права – приоритет семейного воспитания детей (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации).

Юридические средства и способы тесно связаны с морально-этическими. Ведь неслучайно в

сфере регулирования общественных отношений действуют различные кодексы чести, профессиональной этики и т. п. Применять на практике такие регуляторы достаточно не просто, так как нарушающее их лицо довольно сложно призвать к ответственности. Подобная ситуация, в частности, складывается в практике применения Кодекса профессиональной этики адвоката (Рос. газ. 2005. 5 окт.). Так, руководитель рабочей группы по совершенствованию практики применения Кодекса профессиональной этики адвоката, вице-президент Федеральной палаты адвокатов В. Калитвин отмечает, что за время действия данного Кодекса выявились некоторые неточности и нестыковки отдельных его положений, которые надо исправить. Нуждается в совершенствовании и сама дисциплинарная практика. Об этом свидетельствует характер жалоб граждан. Наиболее часто жалуются на то, что защитники не отработывают гонорары или, получив деньги, не совершают нужных процессуальных действий в интересах своих доверителей. Проблема заключается в отсутствии единого подхода к разрешению таких ситуаций. В одних случаях последствием рассмотрения является строгое дисциплинарное взыскание, в других – жалобы не принимают к рассмотрению по формальным основаниям (неправильное изложение претензии и т. п.). Нет единой практики рассмотрения таких дел и в судебных инстанциях (Куликов В. Адвокат рискует статусом (Предложено выработать единые подходы к наказанию нерадивых защитников) // Там же. 2 нояб.).

С аналогичными проблемами сталкивается и судейское сообщество. Возникла необходимость в подготовке нового Кодекса этики судей ввиду того, что действующий Кодекс судейской этики содержит лишь общие положения, которые затруднительно применять на практике ([URL: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=22](http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=22)). «Большинство из нас и так примерно представляет, что такое хорошо и что такое плохо. Между тем важны именно детали. Сейчас, по словам судей, их кодекс не прописывает четких стандартов поведения в той или иной конкретной ситуации. “Возможно, поэтому судьи не всегда могут четко сориентироваться, где та черта, через которую переступить нельзя, и допускают ошибки, за которые потом несут ответственность”, – сказал представитель Высшего Арбитражного Суда» (Куликов В. Судя по всему (Судей тоже будут наказывать) // Рос. газ. 2010. 9 нояб.).

В заключение еще раз отметим, что формы проявления правовой активности участников правоприменительного процесса весьма разнообразны. Стимулирование социально значимых форм и ограничение антиобщественных являются важным этапом на пути построения правового государства.

Библиографический список

1. *Аносова М. М.* Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики : монография / М. М. Аносова ; под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина. – Владимир, 2007.
2. *Зорькин В.* Предел уступчивости / В. Зорькин // Рос. газ. – 2010. – 29 окт.
3. *Куликов В.* Адвокат рискует статусом (Предложено выработать единые подходы к наказанию нерадивых защитников) / В. Куликов // Рос. газ. – 2010. – 2 нояб.
4. *Куликов В.* Судя по всему (Судей тоже будут наказывать) / В. Куликов // Рос. газ. – 2010. – 9 нояб.
5. *Куприянов Ф.* Семья по назначению (Чем опасно принятие спорного законопроекта о ювенальной юстиции) / Ф. Куприянов, А. Куприянов // Рос. газ. – 2010. – 16 нояб.
6. *Решетникова И. В.* Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие / И. В. Решетникова. – М., 2010.

References

1. *Anosova M. M.* Law Understanding and Law Enforcement at the Modern Stage: Some Problems of Theory and Practice / M. M. Anosova ; ed. by Doctor of Law A. V. Averin. – Vladimir, 2007.
2. *Zorkin V.* Limit of Pliability / V. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – October 29.
3. *Kulikov V.* An Advocate Risks the Status (It is Proposed to Work out Integrated Approaches to Punishing Negligent Advocates) / V. Kulikov // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – November 2.
4. *Kulikov V.* Judging by Everything (Judges Will also Be Punished) / V. Kulikov // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – November 9.
5. *Kupriyanov F.* Family on Purpose (In what Way the Approval of an Arguable Bill on Juvenile Justice May Be Dangerous) / F. Kupriyanov, A. Kupriyanov // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – November 16.
6. *Reshetnikova I. V.* Proving in Civil Procedure / I. V. Reshetnikova. – M., 2010.

А. Г. Сергеев,
*адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России*

A. G. Sergeev,
*post-graduate student
of the Department of State and Law Studies
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia*

**РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЗАЩИТЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ**

**Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Protection
of Citizen Housing Rights**

Аннотация. В статье анализируются правовые позиции и решения Конституционного Суда Российской Федерации в защите права граждан на жилище, а также мнения авторитетных отечественных ученых о значении конституционного контроля в защите прав граждан, включая право на жилище.

Ключевые слова: право на жилище, судебная защита права граждан на жилище, конституционный контроль, конституционный суд.

Abstract. The given article analyzes the legal positions and resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the sphere of protection of citizen housing rights. The author also considers the opinions of the authoritative Russian scientists on the importance of constitutional control in the protection of citizens' right including housing right.

Key words: housing right, protection of the citizen housing right in the court, constitutional control, constitutional court.

Конституционный Суд Российской Федерации – это судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства (Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 542), одной из основных целей которого является защита основных прав и свобод человека и гражданина (Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1. С. 630).

В соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом.

Очевидно, что одной из наиболее значимых задач органов судебного контроля в Российской Федерации является защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жилище. Так, по мнению Э. В. Голоманчук, «гарантии права на жилище, предусмотренного Конституцией Российской Федерации, – это прежде всего судебная защита» (Голоманчук Э. В. Конституционное право граждан на жилище в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 144).

Вместе с тем, как определил О. Е. Кутафин, закрепленное в ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости (Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 511).

Необходимо отметить, что при защите права граждан на жилище в процессе судопроизводства, наряду с использованием в судебной практике положений действующего российского законодательства, иногда возникают сложные ситуации, когда, например, Верховный Суд РФ вынужден обращаться в Конституционный Суд РФ за разъяснениями (По делу о проверке законности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М. Ш. Орлова, Х. Ф. Орлова и З. Х. Орловой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 6-П // Рос. газ. 2006. 21 июня).

Важной гарантией охраны конституционных прав и свобод, включающих право граждан на жилище, как указывает Н. В. Витрук, следует признать наличие конституционного контроля, под которым понимают специфическую функ-

цию компетентных органов по обеспечению верховенства конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений (Витрук Н. В. Конституционное правосудие: Судебное конституционное право и процесс : учеб. пособие. М., 1998. С. 25). При этом гарантии защиты конституционных прав человека и гражданина представляют собой «средства правового воздействия в отношении обязанных лиц с целью восстановления в полном объеме нарушенных субъективных прав» (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 218).

Ссылаясь на опыт защиты социально-экономических прав в большинстве развитых стран, основанный на так называемом интегративном подходе, который подробно описан В. С. Нерсисянцем (Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2003. С. 73), Т. Н. Селифонова и О. Е. Чуйков обоснованно полагают, что социально-экономические права, а значит, и право на жилище в особенности, «подлежат судебной защите не только вследствие ошибок и “непреднамеренных” (“технических”) нарушений, но и в рамках конституционного контроля с реализацией конституционной ответственности государства в суде (в случае противоправных действий или бездействия органов и должностных лиц)» (Селифонова Т. Н., Чуйков О. Е. Проблема защиты социально-экономических прав граждан в Российской Федерации // Проблемы совершенствования управления, укрепления национальной безопасности, обеспечения прав и свобод личности в Российской Федерации : материалы межвуз. науч.-практ. конф., 18 дек. 2008 г. М., 2009. С. 217).

В свою очередь, О. Е. Кутафин справедливо отмечает, что Конституционный Суд РФ выступает важнейшим механизмом обеспечения законности в нашей стране, причем «...этот орган не является судом над гражданами. Он выступает в качестве суда над властью. Именно ему принадлежит ведущая роль в деле защиты прав и свобод человека и гражданина» (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 537).

По общему мнению, необходимость в защите права, включая и право на жилище, возникает в тот момент, когда происходит покушение на права человека и гражданина или они уже нарушены и требуют восстановления. В соответствии с ч. 2 ст. 45 и ст. 46 Конституции РФ гражданин Российской Федерации в случае нарушения его конституционных прав может самостоятельно отстаивать свои права всеми не запрещенными законом способами либо обратиться за судебной защитой к специально уполномоченным на то органам, в частности, в Конституционный Суд РФ.

Конституционное судопроизводство в Российской Федерации возбуждается по инициативе не

только государства в лице его органов и должностных лиц, преследующих публичный интерес, но и граждан и их объединений в интересах защиты своих прав и свобод, нарушенных законом в конкретном случае его применения. Тем самым Конституция РФ прямо предусматривает не только возможность возникновения конституционного спора между гражданами и государством, но и механизм его разрешения и необходимые гарантии для гражданина (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 537).

По мнению В. А. Четвернина, прежде всего «суд или конституционный суд является высшим хранителем конституционности государства и, следовательно, не только контролирует соблюдение конституции, но и выступает как интерпретатор наиболее фундаментальных прав независимо от их эксплицитного выражения в тексте конституции и в этом смысле – как творец живого конституционного права» (Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 122–126).

В. Р. Скрипко справедливо полагает, что «основная функция судебного конституционного контроля состоит в том, что орган судебного конституционного контроля наделяется правом отмены законов (или отдельных положений законов), признанных им не соответствующими конституции, и соответственно правом толкования конституционных норм» (Скрипко В. Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище // Государство и право. 2002. № 12. С. 37–39).

В контексте настоящей статьи предполагается более подробно остановиться на деятельности Конституционного Суда РФ, который является гарантом государственной защиты конституционного права на жилище и последовательно защищает конституционное право граждан на жилище (По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 22, ст. 2276 ; По делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации «Об образовании», статьи 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и марафонов на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском образовании» в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е. Е. Насоновой и Н. П. Ярушиной : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 окт. 2000 г. № 13-П // Там же. 2000. № 44, ст. 4399).

Указанная задача выполняется Конституционным Судом РФ при осуществлении всех его полномочий, т. е. не только в случае прямого обращения гражданина, но и при разрешении иных дел. Предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ были и положения Жилищного кодекса РФ. В частности, неконституционными были признаны положения, допускающие лишение гражданина права пользования жилым помещением в случае временного отсутствия более шести месяцев (По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Таковой, Е. А. Оглоблина, А. Н. Ващука : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 июня 1995 г. № 8-П // Рос. газ. 1995. 4 июля).

В постановлении от 3 ноября 1998 г. № 25-П (По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В. А. Мостипанова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 нояб. 1998 г. № 25-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 45, ст. 5603) Конституционный Суд РФ установил, что отдельные положения ст. 4 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», ограничивающие приватизацию жилых помещений в коммунальных квартирах государственного и муниципального жилищного фонда социального использования, не соответствуют ст. 19, 46 и 55 Конституции РФ (Несмеянова С. Э. Судебная практика Конституционного Суда РФ с комментариями. М., 2008. С. 101–107).

Предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ неоднократно становились вопросы, связанные с порядком перехода имущества из государственной или муниципальной собственности в частную, имеющие принципиальное значение в условиях государственно-правового развития на основе экономики переходного типа. Именно в этих решениях Конституционного Суда РФ, по мнению О. Е. Кутафина, была выявлена юридическая природа права на приватизацию как конституционно значимого (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 522).

Так, в своем постановлении от 3 ноября 1998 г. № 25-П Конституционный Суд РФ признал, что приватизация в Российской Федерации обусловлена переходом к многообразию форм собственности, свободе экономической деятельности, гарантированными, в частности, ст. 8 и 34 Конституции РФ, поэтому установление права на приватизацию осуществляется публичной властью,

т. е. не является конституционным и регулируется федеральным законодательством.

Вместе с тем, закрепляя это право в федеральном законе, государство, как справедливо полагает О. Е. Кутафин, обязано обеспечить возможность его реализации таким образом, чтобы при передаче определенного имущества в собственность субъектов частного права соблюдались соответствующие гарантии, предусмотренные Конституцией РФ (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Костиной Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2004 г. № 241-О // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2004. № 2).

Как показывает практика Конституционного Суда РФ, право на приватизацию находится под защитой Конституции РФ, включая закрепленные в ней требования равенства, соразмерности и др. Об этом свидетельствует, в частности, постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2000 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации “Об образовании”, статьи 1 Федерального закона “О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию” и пункта 7 статьи 27 Федерального закона “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е. Е. Насоновой и Н. Л. Ярушиной (Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2001. № 1).

Майнский районный суд Ульяновской области, в производстве которого находилось дело по иску гражданки В. Г. Прохоровой к Вешкаймскому районному отделу народного образования и Комитету по управлению имуществом Вешкаймской районной администрации о признании необоснованным отказа в приватизации занимаемого истицей жилого помещения, состоящего на балансе районного отдела народного образования, в своем запросе в Конституционный Суд РФ оспаривает конституционность положения п. 13 ст. 39 Закона РФ «Об образовании», согласно которому не подлежат приватизации закрепленные на праве оперативного управления за государственными и муниципальными образовательными учреждениями жилые помещения, расположенные в сельской местности.

Аналогичное нормативное положение содержится в оспариваемой гражданкой Е. Е. Насоновой ст. 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и в оспариваемом п. 7 ст. 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Конституционный Суд РФ установил, что, во-первых, имела место дискриминация по территориальной принадлежности объектов приватизации, так как запрет на приватизацию распространялся лишь на те жилые помещения государственных и муниципальных образовательных учреждений и высших учебных заведений, которые расположены в сельской местности. Соответственно граждане, работающие в сфере образования, проживающие в сельской местности, были лишены равной возможности со всеми другими гражданами, имеющими право на приватизацию занимаемого ими государственного и муниципального жилья, воспользоваться этим правом, т. е. имело место нарушение социально-территориального равенства граждан Российской Федерации.

Во-вторых, оспариваемые нормы указанных законов содержали дискриминационные положения по субъектам права на приватизацию, что проявилось, в частности, в запрете на приватизацию государственного и муниципального жилья в сельской местности лишь для граждан, работающих в сфере образования в лице учителей общеобразовательных школ и преподавателей высших учебных заведений. Следовательно, речь шла о дискриминации соответствующей категории граждан Российской Федерации по их профессиональной принадлежности.

В-третьих, оспариваемые нормы не соответствовали требованиям конституционного принципа равенства по причине, содержащейся в них неопределенности, а именно: отсутствия законодательно установленных критериев допустимого введения ограничений (запрета) на приватизацию жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда, закрепленных за государственным и муниципальным образовательным учреждением и высшими учебными заведениями, неизбежно приводившего к произвольному ограничению прав соответствующей категории граждан.

В связи с этим, как справедливо постановил Конституционный Суд РФ, принцип равной защиты прав граждан предполагает, что особый правовой режим жилого помещения (а законодатель мог бы установить определенные ограничения прав граждан) должен определяться законодателем не только исходя из специального целевого назначения жилого помещения, но и из других критериев допустимости ввода такого режима, как, например, невозможность распространения особого правового режима на уже занятые жилые помещения.

Иначе говоря, законодатель должен установить такие критерии, чтобы можно было устранить неопределенность содержания соответствующих нормативных правовых положений и тем самым исключить противоречивую правоприменительную практику. В противном случае, по мнению Конституционного Суда РФ, такие положения про-

тиворечат конституционному требованию равенства (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 522–524).

Разделяя точку зрения В. А. Четвернина, О. Е. Кутафин также отмечает следующее: именно Конституционный Суд РФ выступает интерпретатором нормативного содержания социальных прав, включая право на жилище, и других институтов социальной защиты граждан (Там же. С. 534).

По нашему мнению, об этом аспекте деятельности Конституционного Суда РФ свидетельствует и его постановление от 10 ноября 2009 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 14 и пункта 1 части 1 статьи 15 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатовского городского суда Курской области и жалобами граждан А. В. Жестикова и П. У. Мягчило» (Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2009. № 6. С. 26–35), в котором принятое решение и ряд правовых позиций, высказанных Конституционным Судом РФ, позволяют нам сделать обоснованный вывод о его существенной роли в обеспечении гарантий конституционного права граждан Российской Федерации на жилище.

Основополагающий подход, лежащий в основе приведенных выше постановлений Конституционного Суда РФ, как определил О. Е. Кутафин, состоит именно в том, что федеральный законодатель, хотя и располагает достаточно широкой свободой усмотрения в определении мер социальной защиты граждан, включая выбор и последующее применение форм их предоставления (денежной или натуральной), обязательно должен основывать свои решения на конституционных принципах и нормах, предполагающих, в частности, недопустимость отказа государства от ранее принятых на себя социальных обязательств без создания такого компенсационного механизма, который позволил бы гражданам, чьи интересы были затронуты, легко приспособиться к новым правовым условиям.

При этом в рамках перевода мер социальной поддержки из натуральной в денежную форму необходимо учитывать, по мнению О. Е. Кутафина и разделяющих его точку зрения судей Конституционного Суда РФ (Там же. С. 34), что адресаты таких мер и в новых условиях должны располагать реальной возможностью воспользоваться объемом социальных благ, сопоставимым с ранее предоставляемыми им натуральными формами социальной защиты (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 522–524).

Кроме того, как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ, при внесении в законодательство изменений, касающихся форм обеспечения граждан жильем, законодателю надлежит иметь в виду, что любая дифференциация, приводящая к различиям в

правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции РФ, в том числе вытекающим из закрепленного ею в ст. 19 принципа равенства, в соответствии с которыми такие различия допустимы, только если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им.

В свою очередь, соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего каждому защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод человека и гражданина, включая право на жилище, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П ; По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного Суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов Липецка, а также жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 июня 2004 г. № 11-П // Рос. газ. 2004. 15 июня ; Постановление Конституционного

Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 6-П ; По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Государственные жилищные сертификаты» на 2004–2010 годы, входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 апр. 2007 года № 5-П // Там же. 2007. 11 апр.).

В настоящее время во исполнение приведенных решений Конституционного Суда РФ, законодателем внесены соответствующие изменения и дополнения в указанные федеральные законы (URL: <http://www.garant.ru/ipo/>).

Таким образом, соглашаясь с мыслью О. Е. Кутафина о том, что «...развитие конституционного правосудия является важнейшей правовой гарантией не только конституционности нашего государства, но и реализации других правовых гарантий этой конституционности» (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 537), а также учитывая, что постановления и определения Конституционного Суда РФ, касающиеся защиты прав и свобод человека и гражданина, включающих в себя конституционное право на жилище, занимают приоритетное место в его решениях (Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Б. С. Эбзеев : в 2 т. М., 2000. Т. 2), по нашему мнению, можно с уверенностью говорить о важнейшей и постоянно возрастающей роли Конституционного Суда РФ в защите права граждан на жилище.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс. В 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
2. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: Судебное конституционное право и процесс : учеб. пособие / Н. В. Витрук. – М., 1998.
3. Голоманчук Э. В. Конституционное право граждан на жилище в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Голоманчук Эйда Владимировна. – Волгоград, 2006.
4. Козлова Е. А. Конституционное право России : учебник / Е. А. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
5. Кутафин О. Е. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М., 2008.
6. Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В. С. Нерсисянц. – М., 2003.
7. Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В. А. Четвернин. – М., 1993.

References

1. Avakyan S. A. Constitutional Law in Russia. In 2 vol. Vol. 1 / S. A. Avakyan. – 2th ed., rev. and suppl. – M., 2007.
2. Vitruk N. V. Constitutional Justice: Judicial Constitutional Law and Process / N. V. Vitruk. – M., 1998.
3. Golomanchuk E. V. Constitutional Right to Housing of the Citizens in the Russian Federation / Golomanchuk Eyda Vladimirovna. – Volgograd, 2006.
4. Kozlova E. A. Constitutional Law of Russia / E. A. Kozlova, O. E. Kutafin. – 4th ed., rev. and suppl. – M., 2008.
5. Kutafin O. E. Russian Constitutionalism / O. E. Kutafin. – M., 2008.
6. Nersesyants V. S. Jurisprudence. Introduction to the Course of General Theory of Law and State / V. S. Nersesyants. – M., 2003.
7. Chetvernin V. A. Democratic Constitutional State: Introduction to Theory / V. A. Chetvernin. – M., 1993.

И. О. Смирнов,*соискатель кафедры уголовного права и процесса
Сургутского государственного университета
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры***I. O. Smirnov,***applicant of the Department of Criminal Law
and Process of Surgut State University
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Region – Yugra***ПОНЯТИЕ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 208 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Concept of an Illegal Armed Formation as a Sign of Formal Components of a Crime
Stipulated by Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation**

Аннотация. В статье исследуется понятие незаконного вооруженного формирования на основе анализа его отличительных признаков (формирование, незаконность, вооруженность).

Ключевые слова: вооруженное формирование, незаконное вооруженное формирование, отличительные признаки вооруженного формирования, незаконность вооруженного формирования, понятие вооруженности военизированного формирования.

Abstract. In the given article the author considers the concept of an illegal armed formation on the basis of the analysis of its peculiar features (formation, illegality, armament).

Key words: an armed formation, an illegal armed formation, distinctive features of an armed formation, illegality of an armed formation, concept of armament of a militarized formation.

Понятие «незаконное вооруженное формирование» включает в себя три основных признака: формирование, незаконность и вооруженность. Раскроем содержание каждого из указанных признаков более подробно.

В русском языке применительно к содержанию указанного состава преступления под *формированием*, объединением, отрядом и дружиной понимаются вновь организованная воинская часть, организация (общество), специальная войсковая группа, ополченская войсковая часть (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 155, 376, 412, 743). Исходя из смысла названий, использованных в диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ, придания законодателем словосочетанию «вооруженное формирование» обобщающего значения, можно заключить, что формирование (как и «иная группа») – это воинская часть или близкая к ней по своим основным параметрам вооруженная организация. Полагаем, что к таким параметрам следует отнести: количество членов, вооруженность, дисциплина, обмундирование, организованная структура, несение службы, подготовленность и реальная способность к ведению боевых операций. К вооруженным организациям могут быть отнесены, в частности, разного толка экстремистские отряды, вооруженные организации партий, общественных движений, коммерческих структур и т. д. (Мальцев В. С. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Рос. юстиция. 1999. № 2. С. 44). Воинская часть – формирование достаточно крупное, и его численность может насчитывать

300 и более человек. Однако возможно и менее масштабное образование – боевая дружина или иная незначительная по численности группировка? Следует отметить, что в законе не определяется минимально необходимое число членов группировки для признания ее формированием. Вместе с тем некоторые изменения в законодательстве позволяют сделать соответствующие выводы. Дело в том, что в отличие от УК РСФСР в УК РФ 1996 г. вместо обобщающего термина «формирование» введен термин «иная группа». Данный термин является более привычным и определенным для уголовного права (Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2010. С. 245–246).

Главной отличительной особенностью незаконного вооруженного формирования от иной вооруженной группы лиц (например, банды, вооруженных рэкетиров или хулиганов) является, на взгляд А. В. Павлинова, ее способность провести боевую операцию по типу войсковой, на которую не способны банда или вооруженная группа рэкетиров (а не просто нападение на гражданина или организацию) (Павлинов А. В. Чем незаконное вооруженное формирование отличается от банды // Рос. юстиция. 2000. № 4. С. 26).

Современный отечественный опыт свидетельствует о том, что в зоне вооруженного конфликта вначале создаются разрозненные отряды боевиков численностью до 60–100 человек, вооруженные преимущественно стрелковым оружием (пистолетами, винтовками и автоматами). При этом организационная разнородность отрядов дополняется разнородностью и в их вооружении. Наряду с легким стрелковым оружием, они имеют и вполне современные переносные зенитно-

ракетные комплексы, ручные противотанковые гранатометы, безоткатные орудия, минометы. В структуре таких незаконных вооруженных формирований можно, хотя и достаточно условно, выделить следующие элементы: главарь и 1–2 его помощника, выполняющие роль штаба (как правило, подготовленные люди из числа бывших военнослужащих или сотрудников органов внутренних дел), группа охраны руководства формирования, сопровождающая главаря и охраняющая его на стоянках и в базовых районах, группа разведки и сеть разведчиков (последняя формируется в основном из местных жителей, непосредственно не входящих в отряд), связники, специалисты по диверсиям и террору, снайперы и стрелки. Специально назначенные боевики занимаются вопросами обеспечения отряда боеприпасами, продовольствием и другими средствами, а также связью. Если не принимаются меры по разоружению этих отрядов, то они сводятся в более крупные формирования, централизуется управление ими, создаются базовые районы, учебные центры и склады, накапливается оружие (Бейбулатов Б. Ш. Некоторые вопросы организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. М., 2001. С. 57).

Диспозиция ст. 208 УК РФ раскрывает признак *незаконности* вооруженного формирования как непредусмотренность его федеральным законом либо запрещенность им.

Под незаконностью вооруженных формирований понимается их организация с нарушением федеральных законов, определяющих порядок создания и деятельности вооруженных структур, их подчиненность и подконтрольность. К таковым относятся: Конституция Российской Федерации; законы федерального уровня: «О безопасности», «О частной детективной и охранной деятельности в РФ», «Об обороне», «Об оружии» и ряд других.

Конституция Российской Федерации определяет, что вопросы обороны и безопасности в стране находятся в ведении Российской Федерации, т. е. исключительно в ведении федеральных органов власти. Основным закон в ч. 5 ст. 13 запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» оговаривает, что «создание органов обеспечения безопасности, не установленных законом Российской Федерации, не допускается» (Рос. газ. 1992. 6 мая).

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» предусматривает в п. 9 ст. 1, что создание и существование формирований, где имеются военная организация или вооружение и военная техника, предусматривается прохождение военной службы, положение которых не урегулировано федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону (Там же. 1996. 6 июня).

В ст. 21 Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» указано, что создание или деятельность частных детективных и охранных предприятий (объединений, ассоциаций), образовательных учреждений и служб безопасности, не предусмотренных настоящим Законом, влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (Там же. 1992. 30 апр.).

По мнению многих юристов, незаконными признают вооруженные формирования, образование и деятельность которых не урегулирована федеральными законами. В связи с этим незаконными признаются и действующие на основании решений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и федеральных органов исполнительной власти. Таким образом, нельзя признать законным создание любого вооруженного формирования, названного частью внутренних войск (под каким бы то ни было благовидным предлогом: защиты суверенитета субъекта Федерации, обеспечения безопасности народа, народности или граждан какого-либо региона, усиления борьбы с преступностью и т. д.), если оно не утверждено Президентом Российской Федерации, или ему неподконтрольно, или находится за границами непосредственного руководства министра внутренних дел Российской Федерации или управления главнокомандующего внутренними войсками.

В качестве примера деятельности вооруженных формирований на основании решений органов власти субъектов Федерации можно привести постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 9 августа 1999 г. № 138 «О ситуации в Республике Дагестан в связи с вторжением на ее территорию Республики незаконных вооруженных формирований и мерах по обеспечению безопасности Республики Дагестан» (URL: <http://law7.ru/base71/part3/d71ru3205.htm>) и изданный во исполнение данного постановления приказ МВД Республики Дагестан от 9 августа 1999 г. № 918 «О закреплении оружия за гражданским населением» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Позднее был издан Указ Государственного Совета Республики Дагестан от 18 августа 1999 г. № 231 «Об утверждении По-

ложения об отрядах самообороны Республики Дагестан» (URL: <http://lawru.info/base91/part3/d91ru3969/htm>).

Наконец, третьим признаком, образующим понятие незаконного вооруженного формирования, является *вооруженность*. По нашему мнению, конкретное количество единиц оружия и его виды определяются в зависимости от поставленных перед формированием задач и для квалификации значения иметь не должно. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов (Рос. газ. 1996. 18 дек.). Оно может быть огнестрельным (оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда) и холодным (оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека) при непосредственном контакте с объектом поражения. К огнестрельному относятся все виды боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского оружия: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра, включая и гладкоствольное охотничье ружье независимо от того, подвергалось оно изменениям или нет. Холодное оружие классифицируется: на холодное клинковое оружие (кинжалы, боевые ножи, охотничьи ножи, являющиеся оружием, сабли и т. д.), оружие режущего, колющего, рубящего или комбинированного вида (копья, боевые топоры и т. д.), метательное (оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека – метательные ножи и топоры, дротики и т. д. или механического устройства – луки, арбалеты и т. п.). Кроме того, оружие может быть газовым (оружие, предназначенное для временного поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ, разрешенных к применению Министерством здравоохранения Российской Федерации, – газовые пистолеты и револьверы) или пневматическим (оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии сжатого, сжиженного или отвержденного газа) (О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верхов. Су-

да Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5. Пп. 2–8 // Там же. 2002. 19 марта).

Относительно механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами, разрешенными к применению Министерством здравоохранения Российской Федерации, и электрошоковых устройств и искровых разрядников отечественного производства, имеющих выходные параметры, соответствующих требованиям государственных стандартов Российской Федерации и нормам Министерства здравоохранения Российской Федерации, а также пневматического оружия с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибра до 4,5 мм включительно, следует сказать, что для их приобретения не требуется соответствующей лицензии, и они не подлежат регистрации, следовательно, их нельзя рассматривать в качестве оружия исходя из смысла данной статьи. Кроме того, согласно вышеназванному постановлению не относятся к оружию строительно-монтажные пистолеты и револьверы; предметы, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения; спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием.

Вооруженными формирования следует признавать и тогда, когда они оснащены боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами. Под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание (снаряды и мины, гранаты, авиабомбы, все виды патронов к стрелковому огнестрельному оружию и т. д.). Не относятся к боеприпасам патроны к длинноствольному гладкоствольному охотничьему оружию, так как они не предназначены для боевого применения и не могут использоваться для поражения цели.

Взрывчатыми веществами являются химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха. К ним относятся: тротил, аммониты, пластиты, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и т. п.

Взрывное устройство представляет собой комбинацию взрывчатого вещества и специального приспособления, предназначенного для производства взрыва. Оно имеет целью подрыв различных объектов и может быть различной мощности (Там же).

Наличие у членов незаконных вооруженных формирований макетов оружия или не пригодного к целевому применению оружия не образует признака вооруженности такого формирования.

Это следует из п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (Там же. 1997. 30 янв.). Кроме того, для квалификации по ст. 208 УК РФ не имеет значения, было ли оружие, боеприпасы, патроны и взрывчатые вещества заводского изготовления либо самодельные. Вместе с тем, когда для определения характера предметов требуются специальные познания, по делу необходимо проведение соответствующей экспертизы.

В связи с этим необходимо отметить следующее: для того чтобы устройство было признано оружием, оно должно иметь определенное предназначение: 1) пригодное для поражения живой или иной цели, т. е. пригодным является то оружие, с использованием которого можно вести

боевые действия (сюда же можно отнести учебное, вышедшее из строя оружие после ремонта); 2) должно иметь категорию противоправности (т. е. оружие, изъятое из гражданского оборота).

Таким образом, проведенный краткий анализ соответствующих нормативных правовых актов, специальной юридической литературы позволяет нам предложить собственную формулировку понятия незаконного вооруженного формирования. Под незаконным вооруженным формированием мы понимаем вооруженную организацию, группу, близкую по своим признакам к воинской части, создание и деятельность которой не урегулированы федеральными законами, имеющую военную технику, огнестрельное стрелковое ручное и иное оружие, изъятое из гражданского оборота, и способную вести боевые действия.

Библиографический список

1. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. В. Бриллиантов. — М., 2010.
2. Бейбулатов Б. Ш. Некоторые вопросы организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем : монография / Б. Ш. Бейбулатов. — М., 2001.
3. Мальцев В. С. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем / В. С. Мальцев // Рос. юстиция. — 1999. — № 2.
4. Павлинов А. В. Чем незаконное вооруженное формирование отличается от банды / А. В. Павлинов // Рос. юстиция. — 2000. — № 4.

References

1. Brilliantov A. V. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / A. V. Brilliantov. — M., 2010.
2. Beybulatov B. Sh. Some Questions of the Organization of an Illegal Armed Formation or Participation in it / B. S. Beybulatov. — M., 2001.
3. Maltsev V. S. Responsibility for the Organization of an Illegal Armed Formation or Participation in it / V. S. Maltsev // Russian Justice. — 1999. — № 2.
4. Pavlinov A. V. In what Ways an Illegal Armed Formation Is Different from a Gang / A. V. Pavlinov // Russian Justice. — 2000. — № 4.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

T. A. Tkachuk,
Associate Professor of the Forensic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ РОЗЫСКА
В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ**

Prospects of the Performance of Detection Tasks in Integrated Information Space of Russia

Аннотация. В статье обосновывается актуальность создания единого информационного пространства России, обозначены роль и ответственность государства в обеспечении жизнедеятельности единых информационных систем. Особое внимание уделено потенциальным возможностям реализации задач розыска в указанных условиях.

Ключевые слова: единое информационное пространство, розыск, розыскная деятельность, автоматизированные поисковые системы.

Abstract. The paper underlines the urgency of creating integrated information space of Russia, defines the role and responsibilities of the state in providing the operation of integrated information systems. Special attention is paid to the prospective opportunities of detection tasks performance under the given conditions.

Key words: integrated information space, detection, detection activities, automated search and registration systems.

В настоящее время в Российской Федерации существует достаточно большое количество разрозненных и не согласованных между собой различных информационных систем, содержащих информацию о физических лицах, однако ни одна из них не имеет «полного охвата всей массы объектов учета», даже по минимально необходимому для их идентификации перечню информации (Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Нестерова А. А. Развитие представлений об информации и информационное взаимодействие в криминалистике // Рос. следователь. 2010. № 1. С. 4–7 ; Усманов Р. А. Информационное обеспечение деятельности ОВД. Криминалистическая регистрация : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002). По данным исследования, проведенного в ходе реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 (в ред. от 9 июня 2010 г.) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5, ст. 531 ; 2010. № 25, ст. 3166) среди федеральных органов исполнительной власти было установлено, что главная цель программы – создание благоприятных условий для оказания государством качественных услуг населению и бизнесу с помощью применения в деятельности органов государственной власти информационно-коммуникационных технологий, – не была достигнута. Так, 95 % информации, хранящейся

в государственных информационных ресурсах, используется исключительно для решения внутренних, ведомственных задач, и лишь 5 % – при межведомственном взаимодействии (Отчет о выполнении научно-исследовательской, опытно-конструкторской работы «Разработка механизмов однозначной идентификации данных о физических лицах и объектах недвижимости, хранящихся в различных информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления» / Литвак Е. Г. [и др.]. М., 2004. С. 7–8).

Такое положение дел не может не влиять на эффективность розыскной деятельности, так как хранение информации в различных информационных системах, порой ее многократное дублирование затрудняют ее быстрое и комплексное использование, столь необходимое при осуществлении розыска самых различных объектов. Информационные ресурсы, не согласованные по форме представления данных, способам их учета, рассредоточенные в различных информационных системах, не могут отвечать современным требованиям и, по нашему убеждению, нуждаются в совершенствовании через централизацию, объединение в единую информационную систему (включающую в себя, помимо прочих, информационно-поисковую систему регистрации граждан).

Безусловно, положительное решение данного вопроса находится в прямой зависимости не только от уровня развития науки и техники, но и от общественного прогресса, степени осознания обществом реальной угрозы со стороны преступности, в борьбе с которой (как и для защиты собственных прав и интересов) становятся объективно необходимыми:

– дальнейшее развитие и использование компьютерных и информационных технологий;

– совершенствование средств обеспечения автоматизированных информационных систем и их технологий – программных, технических, лингвистических, правовых, организационных средств¹, – используемых или создаваемых при проектировании информационных систем и обеспечивающих их надлежащую эксплуатацию.

Заметим, что создаваемая единая информационная система прежде всего преследуя главную цель – обеспечение безопасности граждан, в то же время сможет способствовать более эффективной работе правоохранительных органов, в частности, при наличии столь мобильной по объему и содержанию информации, успешно смогут быть реализованы стоящие перед субъектами розыска задачи с минимальными временными затратами.

Очевидно, что реализуемый при наличии такой информационной системы «контроль за преступностью» (Тишутина И. В. К вопросу об информационном обеспечении социально-правового контроля над преступностью // 49-е криминалистические чтения: Значение творческого наследия профессора А. И. Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения). М., 2008. С. 176–182) и борьба с ней как никогда ранее обнажат прямую связь с обеспечением прав и свобод граждан (Волинский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в аспекте социальных функций криминалистики // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений. М., 2009. Ч. 2. С. 15–21); социально-экономической стабильностью и эффективностью государственной социальной политики (Алешкин Е. Ф. Информационная сеть автоматизированной системы учета персональных данных населения административного округа города Москвы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7). Как показывает международный опыт, высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, являются настоящим «локомотивом» социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации – одна из важнейших задач государств (Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. распоряжением Президента Рос. Федерации от 7 февр. 2008 г. № Пр.-212 // Рос. газ. 2008. 16 февр.).

В рассматриваемом аспекте считаем особенно важными, хоть и несколько запоздавшими, те изменения, которые произошли за последнее десяти-

летие в отношении граждан России и общества в целом к пониманию необходимости создания единого информационного пространства России, включающего в себя такие структуры, как информационно-поисковая система регистрации граждан. Подтверждением тому служит принятие более 40 федеральных законов, расширяющих перечень информации о гражданах, собираемой как на добровольной, так и на обязательной основах, более 80 актов Президента Российской Федерации и около 200 актов Правительства Российской Федерации (напр. : О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля ; Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела : указ Президента Рос. Федерации от 30 мая 2005 г. № 609 // Там же. 2005. 7 июня ; Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации // Там же. 2008. 24 сент. и др.), что, с одной стороны, свидетельствует об отсутствии системного подхода к правовому регулированию данного вопроса, с другой – демонстрирует готовность и желание государства цивилизованно решить возникающие при этом проблемы.

Именно активность и последовательность государственной политики могут способствовать развитию области информационных технологий в России. Ведущая роль Правительства Российской Федерации при этом, по нашему убеждению, должна проявляться не только в выработке долгосрочной Программы, но и в определении органа, полностью ответственного за развитие информационных технологий и реализацию указанной Программы. Наделение такого органа соответствующими полномочиями для координации усилий правительства, правами и возможностями позволит обеспечить всесторонний мониторинг отрасли и определить необходимые для ее развития условия.

В качестве приоритетных направлений развития самих информационных технологий специалисты выделяют: совершенствование программного обеспечения; повышение уровня использования вычислительной техники и компьютерных сетей внутри государства.

Справедливости ради отметим, что у потенциальных информационных партнеров России не может не вызывать беспокойства тот факт, что информация, содержащая персональные данные граждан, как и базы данных различных органов государственной власти, практически свободно можно приобрести на рынках и иных торговых точках, в то время, как «сами граждане и представители государственных организаций не владеют в полной мере информацией о том, в каких базах данных о них накапливается информация,

¹ Программы для электронных вычислительных машин, средства вычислительной техники и связи, словари, тезаурусы и классификаторы, инструкции и методики, положения, уставы, должностные инструкции, схемы и их описания, другая эксплуатационная и сопроводительная документация.

где ее можно получить, изменить или исключить из свободного доступа» (Михеева М. Р. Проблема правовой защиты персональных данных (Исследование по программе малых грантов). URL: <http://www.crime.vi.ru>). Между тем такого рода информация должна иметь гарантированный уровень правовой и организационно-технической защиты, независимо от того, в государственной или частной организации она находится.

Проблемы функционирования информационных сетей, как и защиты содержащейся в их базах информации справедливо связываются с конкретным видом компьютерных сетей. Выделяют следующие виды:

1. Прямое соединение компьютеров (используется, как правило, внутри отдела, подразделения, например, сотрудниками уголовного розыска или следствия), при этом ответственность за сохранение информации возлагается на конкретных пользователей.

2. Локальная сеть (достаточно востребована организацией, для связи отделов и иных структур). Достоверность и защиту информации обеспечивает созданная для этого служба безопасности.

3. Региональная сеть (обеспечивает связь регионов с центром или нескольких организаций в одном регионе). Как правило, ответственность за безопасность хранения собираемой информации инициативно берет на себя центральное звено (офис, управление, центр).

4. Глобальная сеть – по сути, прообраз единого информационного пространства, обеспечиваемого необходимой информацией о самых различных объектах, фактах, событиях и надежно защищающего конфиденциальную информацию. В связи с этим безопасность информационных баз должен обеспечивать также единый межгосударственный орган, имеющий представителей от всех участвующих в информационном обмене государств.

Опыт борьбы с несанкционированным доступом к различным информационным системам позволяет выделить среди видов компьютерных систем глобальную как чаще всего страдающую от утечки информации (53 % от всех зарегистрированных случаев), далее по интенсивности утечки информации следуют: региональная (или корпоративная) сеть, на долю которой приходится более 36 % всех утечек информации; локальная сеть – 10 % случаев и прямое включение – около 1 %. Очевидно, эти и другие причины вынуждают некоторых авторов делать вывод о неизбежной реинтеграции для защиты конфиденциальной информации (Голик Ю. В. Реинтеграция как основа национальной безопасности // Рос. право. 2001. № 2. С. 56 ; Мамонов В. В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России // Там же. 2003. № 6. С. 32 и др.).

Полагаем, что подобное решение, в случае его принятия, было бы шагом назад. Уже сейчас многие граждане оценили тот эффект (быстрота и удобство), который дает доступ пользователей к электронным базам данных при решении социально-бытовых проблем и вопросов. Оказание социальных услуг – одна из развивающихся отраслей информационной индустрии (Емельяников М. Персональные данные клиентов в банках и страховых компаниях // Финансовая газ. 2009. № 1). Впервые подобная практика была воплощена в ряде ведомственных сетей, которые в свою очередь и стимулировали создание качественных профессиональных отечественных программных разработок, позволяющих быстро и удобно пользоваться соответствующими базами данных. Безусловно, любая информация в таких информационных системах должна быть надежна защищена, и один из путей обеспечения безопасности информационных систем, по нашему мнению, заключается в упразднении разобщенности, раздробленности баз данных, находящихся в многочисленных общественных, коммерческих и иных организациях, как уже отмечалось выше, часто дублирующих информацию и не имеющих надлежащего уровня защиты от несанкционированного проникновения, что делает такие системы уязвимыми.

В то же время создание единой информационной сети, включающей в себя различные «блоки» информации (в том числе и информационно-поисковые системы, система персональной регистрации граждан и др.), эксплуатация которой будет происходить под контролем государственного органа власти, позволит, по нашему мнению, обеспечить не только высокий уровень качества и систематизации накапливаемых данных, их надежную защиту, но и стабильный информационный обмен между всеми заинтересованными пользователями на основе новейших информационных технологий в рамках обеспечения конституционных прав граждан.

Неслучайно по-прежнему остро стоит вопрос о создании более мобильных информационных сетей для эффективной работы правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел (Проблемы и перспективы развития информационных систем в правоохранительных органах : материалы науч.-практ. конф., 20 нояб. 2009 г. Махачкала, 2009). В соответствии с концепцией развития органов внутренних дел (Концепция реформирования МВД. URL: http://www.novayagazeta.ru/file/pdf/fin_for_19_march.pdf) активно воплощается в жизнь решение по компьютеризации всей системы МВД, продолжается работа по переходу на безбумажные технологии сбора, обработки, хранения и передачи служебной информации, созданию единой ведомствен-

ной информационной сети, которая также сможет в последующем стать одним из блоков единого информационного пространства, естественно, с ограниченным доступом пользователей.

Особые надежды уже сегодня субъектами розыска возлагаются на реализацию Программы «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» (Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 20 мая 2008 г. № 435. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»; О системе адресации в Единой информационно-телекоммуникационной системе органов внутренних дел : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 25 апр. 2006 г. № 298. Документ опубликован не был), совершенствование мобильных автоматизированных рабочих мест (Компьютерные технологии в юридической деятельности. М., 1995. С. 189). При этом совместимость используемых информационных систем и комплексов должна рассматриваться в организационном, техническом, программном и информационно-лингвистическом аспектах, что предполагает наличие единого заказчика (государство, правительство), единой нормативно-технической и методической документации, разработанной и контролируемой государственным органом (или иной организацией по поручению правительства).

Располагая достаточным объемом идентификационного материала, субъекты расследования уже сейчас могут провести проверку по учетам данных ДНК и установить личность без вести пропавших и неопознанных трупов граждан, выявить лиц, причастных к совершению преступления, установить связи между отдельными преступлениями, совершенными на территории различных городов и государств. Однако отсутствие единого информационного пространства не могут компенсировать разрозненные информационные системы, использующие в основном традиционные (официальные) источники информации, не имеющие единой нормативно-правовой базы и центра, координирующего (согласовывающего) их деятельность.

В нашем представлении модель единого информационного пространства методологически должна обеспечить: единый порядок сбора и использования персональных и иных данных о потенциальных объектах розыска; их единый идентификационно-удостоверительный механизм; единое программное обеспечение и высокий уровень информационного взаимодействия; единую систему информационной безопасности с обязательной авторизацией пользователей сети; единый порядок предоставления услуг насе-

нию (Концепция создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения». URL: [http:// www.rfcmd.ru/sphider/docs/concept/Konsept_Registr.htm](http://www.rfcmd.ru/sphider/docs/concept/Konsept_Registr.htm)) и др.

В рассматриваемом аспекте использование единого информационного пространства станет реальностью при условии создания нормативно-правовой базы (федерального закона), регламентирующей порядок, структуру и условия ее функционирования (включая сбор, хранение, использование и распространение персональных данных), определяющей все основные понятия, права и обязанности пользователей, законодательно закрепляющей право каждого гражданина знать, какая информация о нем содержится в системе «персональных данных», обеспечивающей надежную защиту хранимой информации от несанкционированного доступа.

Согласно официальной статистике только за первое полугодие 2010 г. на территории России было зарегистрировано 287 преступлений террористического характера и 370 преступлений экстремистской направленности (Преступность в России : краткий анализ за первое полугодие 2010 года. URL: [http:// www.prisonlife.ru/analitika/642-kratkiy-analiz-sostoyania-prestupnosti-v-rossii.html](http://www.prisonlife.ru/analitika/642-kratkiy-analiz-sostoyania-prestupnosti-v-rossii.html)), причем на фоне общего роста совершаемых преступлений увеличивается и удельный вес преступлений, последствиями которых является массовая гибель людей. В такой ситуации государство просто обязано принять адекватные меры по защите своих граждан, в числе которых, вполне логично, приоритетное место должно занимать создание единой информационной системы на базе государственного органа, регулируемое федеральным законом и обеспечиваемое на государственном уровне. Именно государственный уровень сможет обеспечить внедрение в рассматриваемые информационные системы таких инновационных направлений, как нанoeлектроника, нанотехнологии, которые в настоящее время уже вышли за пределы теоретических разработок и готовы к промышленному выпуску.

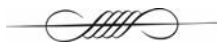
Перспективы развития информационных технологий, что представляется вполне логичным, напрямую связаны с созданием более совершенной компьютерной техники. Разработчики многих стран ежегодно представляют свои все более мощные суперкомпьютеры (URL: [http:// www.hwp.ru/articies/Superkompyuteri_y_Rossii_osnovnie_problemi_2C_tendentsii_2C_voprosi_73554/](http://www.hwp.ru/articies/Superkompyuteri_y_Rossii_osnovnie_problemi_2C_tendentsii_2C_voprosi_73554/)) и прогнозируют к 2015 г. создание машины с уровнем интеллекта человека. Такие поистине удивительные возможности позволят практически мгновенно решить проблему поиска человека, иного объекта, его идентификации, расшифровать его ДНК, проследить его миграцию и извлечь иную важную для осуществления розыска информацию.

Специалисты всех стран уже оценили информационные технологии Web Fontane, зародившиеся на базе вычислительных возможностей суперкомпьютера и созданных для него программных разработок, позволяющие подвергать анализу самую разнообразную информацию, что, по нашему мнению, трудно переоценить при осуществлении розыскной деятельности, реализуемой нередко при минимуме полезной к тому информации.

И в данном направлении объективно прослеживается связь с еще одним важным аспектом развития информационных технологий – виртуализацией ресурсов (Яскевич С. Перспективы развития информационных технологий. Вести из лаборатории IBM. URL: <http://www.iemag.ru/analytics/detail.php?ID=16105>), с помощью которых современные машины смогут в круглосуточном режиме не только производить различные вычисления, но, что не менее важно, строить и анализировать модели событий по следовой информации и

разыскиваемых объектов; воссоздавать прижизненный облик погибших по останкам с максимальной точностью; определять место вероятного нахождения разыскиваемого объекта и т. д.

Указанные инновации, по нашему мнению, особенно будут востребованы при создании единого информационного пространства России, учитывая объемы и особенность информации, которую предстоит собрать и проанализировать, а также ее ценность (конфиденциальность) и значимость для осуществления различной по виду и роду деятельности (в том числе и розыскной). Принимая во внимание то влияние, которое оказывают современные информационные технологии на жизнедеятельность государства (его органов и структур), общества и развитие отдельно взятой личности, можно сказать, что перспективы развития информационных технологий, по сути, определяют основные направления дальнейшего развития личности, общества и государства в целом.

Библиографический список

1. Белов О. А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белов Олег Александрович. – М., 2007.
2. Волинский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Волинский Александр Фомич. – М., 1999.
3. Захарин С. И. Информационное обеспечение расследования деятельности по установлению разыскиваемых лиц, предметов и орудий преступлений с помощью компьютерных технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Захарин Сергей Иванович. – Волгоград, 2003.
4. Нестерова А. А. Развитие представлений об информации и информационное взаимодействие в криминалистике / А. А. Нестерова // Рос. следователь. – 2010. – № 1.
5. Усманов Р. А. Информационное обеспечение деятельности ОВД: криминалистическая регистрация: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Усманов Раммил Ахматович. – Екатеринбург, 2002.
6. Яковенко И. Н. Современное состояние и перспективы использования информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Яковенко Игорь Николаевич. – Краснодар, 2005.

References

1. Belov O. A. Information Support of Crime Detection and Crime Investigation / Belov Oleg Alexandrovich. – M., 2007.
2. Volynskiy A. F. Conceptual Foundations of Technical and Forensic Support of Crime Detection and Investigation / Volynskiy Alexander Fomich. – M., 1999.
3. Zakharin S. I. Information Support in the Process of Detection and Identification of Wanted Persons, Objects and Instruments of Crimes with the Help of Computer Technologies / Zakhazin Sergey Ivanovich. – Volgograd, 2003.
4. Nesterova A. A. Development of Ideas about Information and Communication in Criminalistics / A. A. Nesterova // Russian Investigator. – 2010. – № 1.
5. Usmanov R. A. Information Support of the Activities of Internal Affairs Agencies (OVD): Forensic Registration / Usmanov Rammil Akhmatovich. – Ekaterinburg, 2002.
6. Yakovenko I. N. Modern State and Prospects of the Use of Information Technologies in Detecting and Investigating Crimes / Yakovenko Igor Nikolaevich. – Krasnodar, 2005.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
А. Е. Михайлов,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России

T. A. Tkachuk,
Associate Professor of the Forensic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor
A. E. Mikhailov,
Lecturer of the Department of Criminal Law
and Criminology of VLI of the FPS of Russia

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Identification of a Person with the Help of Non-traditional Methods: Perspective Tendencies

Аннотация. В статье рассмотрены виды криминалистической идентификации и нетрадиционные методы идентификации. Авторами обозначены основные перспективные направления идентификации личности с использованием нетрадиционных методов. В статье обобщены итоги анкетирования сотрудников следственных подразделений и органов дознания, показавшие идентификационную значимость нетрадиционных методов исследования.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, нетрадиционные методы идентификации, следственные действия, предъявление для опознания, преступление.

Abstract. The article considers the concept of forensic identification and non-traditional methods for identification. The authors underline the main perspective tendencies of identifying a person with the help of non-traditional methods. Besides, the paper summarizes the results of questionnaires completed by investigation officers which demonstrate the importance of non-traditional methods in the process of identification.

Key words: forensic identification, non-traditional methods for identification, investigative measures, presentation for identification, crime.

В настоящее время, несмотря на наметившуюся позитивную тенденцию к снижению уровня преступности в целом, наблюдается увеличение числа отдельных видов преступлений, в частности, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также преступлений террористической экстремистской направленности. Одновременно происходит снижение общей раскрываемости преступлений (Краткий анализ состояния преступности. URL: <http://www.mvd.ru/stats>). Это актуализирует необходимость повышения качества деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, о чем неоднократно говорил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев. Он особо подчеркивал острую потребность в правовом и научном обеспечении деятельности по борьбе с преступностью (разработка теоретических и методологических основ раскрытия и расследования преступлений) (Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации Д. Медведевым 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.).

Перспективным направлением усовершенствования научно-правового обеспечения противодействия преступности, по нашему мнению, можно считать деятельность по развитию криминалистической идентификации. Являясь одной из основополагающих частных теорий, идентификация предопределяет методы, цели и задачи проведения судебных экспертиз и следственных действий, в том

числе такого следственного действия, как предъявление для опознания¹.

В криминалистике традиционно различают две формы криминалистической идентификации: процессуальную и непроцессуальную (Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. М., 1977. С. 18). Процессуальная криминалистическая идентификация в свою очередь подразделяется на следственно-судебную и экспертную формы (Ткачук Т. А., Михайлов А. Е. Криминалистическая идентификация и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2009. № 3. С. 136). При этом традиционные методы экспертной криминалистической идентификации реализуются посредством дактилоскопических, трасологических, баллистических, почерковедческих и других исследований, а традиционные методы следственно-судебной идентификации – через систему следственных действий (Колмаков В. П. Указ. соч. С. 19–21).

Как показывает практика, при раскрытии и расследовании преступлений чаще применяются традиционные методы криминалистической идентификации личности. Это обусловлено тем, что данные методы более разработаны, подробно рассмотрены в традиционных курсах криминалистики и уголовно-процессуального права, а потому не вы-

¹ Идентификация происходит от латинского понятия «idem» (т. е. тот же самый), равнозначного русскому термину «отождествление» (Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности : лекции по криминалистике. М., 1961. С. 3). Понятие «тождество» толкуется в русском языке как «полное сходство» (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2005. С. 1047).

зывают вопросов у практических работников правоохранительных органов, использующих в своей деятельности традиционные методы.

Вместе с тем в последнее время появились новые, более современные и эффективные, методы исследования, которые относят к нетрадиционным¹. Они могут быть использованы как при экспертной, так и при следственно-судебной идентификации, существенно расширяя ее возможности. Данные методы не имеют четкой правовой регламентации, однако они характеризуются достаточно высокой степенью научной обоснованности. Кроме того, согласно проведенному нами опросу сотрудников правоохранительных органов, в обязанности которых входят розыск и идентификация граждан, более 80 % респондентов убеждены, что научно-технические средства применяются не в полном объеме и не соответствуют современному уровню научно-технического прогресса².

Подтверждая острую потребность в применении всей совокупности средств и методов, разработанных на научной основе, практические работники правоохранительных органов особо выделяют потенциальные возможности именно нетрадиционных методов идентификации, поскольку в результате их использования можно получить информацию как розыскного, так и доказательственного характера (Китаев Н. Н. Нетрадиционные методы расследования и раскрытия преступлений // Вестн. криминалистики. 2007. № 4(24). С. 46 ; Мальцев В. В. Нетрадиционные методы исследования в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. С. 17). Однако, несмотря на очевидный потенциал нетрадиционных методов криминалистического исследования, нередко они остаются невостребованными, что обусловлено несовершенством существующей нормативной базы, отсутствием должной профессиональной подготовки и неурегулированностью некоторых общественных отношений³.

Так, по итогам опроса следователей и работников органов дознания ОВД, проводимого нами в связи с использованием нетрадиционных методов при идентификации личности посредством следственного опознания, 49,6 % респондентов отметили, что значительной трудностью в использовании дан-

ных методов является отсутствие надлежащих методик производства следственного действия, 37,8 % опрошенных признали, что препятствием в производстве подобных следственных действий является отсутствие в законодательстве нормы, регламентирующей возможность использования нетрадиционных методов, а 27,5 % респондентов в качестве препятствия в применении нетрадиционных методов идентификации назвали отсутствие терминологии, позволяющей выявить индивидуальные признаки объектов последующей идентификации. При этом 84,4 % опрошенных лиц указывали на необходимость использования при производстве опознания нетрадиционных методов исследования⁴.

Оценивая результаты идентификационной деятельности, мы пришли к выводу о том, что в функционировании всей правоохранительной системы есть и отрицательные, и положительные стороны, а наличие негативных тенденций требует принятия мер по их нейтрализации. При этом в первую очередь необходимо учитывать возможность непосредственной идентификации в совокупности с затратами, качеством и сроками производства данного вида деятельности. Ведь получение и прирост относящейся к делу информации в результате применения технико-криминалистических средств – это всего лишь одна, позитивная, сторона рассматриваемой проблемы. Но существует еще и другая сторона, не менее важная, но негативная, касающаяся «упущенных возможностей», когда указанные средства не применялись, и реальные результаты получены не были (Волинский В. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 37).

В качестве примера могут служить ситуации, когда необходимо произвести идентификацию лиц, пострадавших от взрывов (часто сами поражающие факторы оказывают сильное разрушительное действие на тело человека), но на месте происшествия обнаруживают лишь фрагменты тел. Так, при расследовании взрывов в Московском метрополитене, совершенных 29 марта 2010 г., возникали серьезные трудности при идентификации личности некоторых погибших (Власти Москвы оформили документы на похороны 34 погибших в метро. URL: http://www.rian.ru/ter_news/20100331/217355970.html), которые можно было бы избежать при наличии единого генетического банка данных граждан стра-

¹ К нетрадиционным методам криминалистической идентификации относятся исследования биологических следов человека, одорологические исследования и др. (Столбов А. Н. Об использовании нетрадиционных методов получения доказательств // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. М., 2006. С. 233).

² В опросе принимали участие 292 оперативных работника и 112 следователей УВД по Владимирской, Ярославской, Костромской, Ивановской областям, следственных комитетов при прокуратуре г. Владимира и г. Грозного (Чеченская Республика).

³ Например, несмотря на то, что Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (Рос. газ. 2008. 9 дек.) действует с 1 января 2009 г., существуют определенные препятствия в его реализации, связанные в том числе и с правовым нигилизмом рядовых граждан.

⁴ В опросе приняли участие 190 следователей и дознавателей УВД по Владимирской, Ярославской, Костромской, Ивановской областям, Шестого управления внутренних дел МВД России, следователей следственных комитетов при прокуратуре г. Владимира и г. Грозного (Чеченская Республика). Большинство респондентов связывали возможность использования нетрадиционных методов при производстве опознания с возможностью использования органов слуха при опознании признаков голоса и особенностей речи.

ны, закон о создании которого вступил в действие с 1 января 2009 г. (О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 3 дек. 2008 г. № 242-ФЗ).

Между тем при наличии соответствующей информации вполне возможно было бы идентифицировать останки погибших с помощью таких опробованных практикой методов, как исследование зубов человека, костных останков, которые, в отличие от мягких тканей человеческого организма, выдерживают высокие температуры и достаточно долго сохраняются в земле и других средах, что создает потенциальную возможность использования их для последующей идентификации личности. Однако такого рода информация у нас также не накапливается и не подлежит централизованной обработке и систематизации.

Следует заметить, что в настоящее время исследование зубов человека, а также антропологические методы восстановления облика и идентификации приобрели характер традиционных методов идентификации. В России и за рубежом этому способствует широкое распространение маркировки коронок и протезов. При наличии соответствующей информации стало возможным определить расу, привычки, питание, заболевания человека и т. п., восстановить его вероятный облик, установить групповую принадлежность, после чего провести индивидуальную идентификацию (Исаева Л. Идентификация личности погибшего // Законность. 2001. № 2. С. 10–12).

Безусловно, одно из перспективных направлений развития идентификации личности – использование ДНК-объектов. Это обусловлено тем, что дезоксирибонуклеиновая кислота (далее: ДНК) содержится в клетках всех живых организмов, включая человека, и является носителем генетической информации. Суть снятия «отпечатков ДНК» заключается в том, что некоторое количество ДНК, полученное из любой ядро-содержащей ткани (спермы, крови и т. п.) индивидуума, с помощью фермента расщепляют на фрагменты различной величины¹. Так как каждый человек в соматических клетках имеет удвоенный набор хромосомных локусов (один – от отца, другой – от матери), то на основании анализа «отпечатков ДНК» объекта и его кровных родственников можно установить родство и идентифицировать лицо.

Таким образом, в целях совершенствования деятельности по криминалистической идентификации личности, в том числе осуществляемой с применением нетрадиционных методов исследования, необходимо, по нашему мнению, всю информацию о

свойствах личности устанавливаемого лица регистрировать в общей базе биометрических параметров человека, включающей не только информацию об отпечатках пальцев его рук, следовой материал, фотоизображения, видеоматериалы, но и биологический материал, содержащий информацию о ДНК (Барковская Е. Г. Концепция создания криминалистических учетов на основе баз данных биометрии человека // Общество и право. Краснодар, 2009. № 1(23)). При этом актуализируется необходимость формирования единой интегрированной системы информационного обеспечения, доступной всем правоохранительным органам. Не менее перспективным направлением использования биометрической информации в правоохранительной деятельности является участие в обмене криминалистической информацией посредством формирования межгосударственных информационных банков данных криминалистической информации о всех гражданах государства, а не только о лицах, совершивших преступления (О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 3 дек. 2008 г. № 242-ФЗ).

В связи с этим объективно возникает проблема, связанная с нежеланием отдельных граждан участвовать в формировании единой информационной базы биометрических параметров человека. Ее преодоление возможно только посредством формирования правильного правосознания граждан, повышения их правовой культуры и разъяснения необходимости создания единой информационной базы биометрических параметров жителей России прежде всего в целях защиты и гарантии их прав и свобод.

Так, ежегодно на территории Российской Федерации, благодаря использованию уже существующих криминалистических учетов и автоматизированных информационно-поисковых систем (например, АИПС «Опознание»), устанавливаются личности более чем 12 тыс. погибших. Розыск и идентификация конкретных лиц, бесспорно, были бы более эффективными, если бы при обнаружении каждого неопознанного трупа (фрагмента останков) использовалось генетическое, иммуноферментное и даже обычное (по системе АВО, т. е. по группе крови) исследование крови или другого биологического материала.

Формирование и подробная регламентация широкой системы регистрации биометрических данных человека, по нашему мнению, в будущем сможет оказать существенное влияние на идентификационные возможности и различных следственных действий, таких как предъявление для опознания, осмотр, обыск и др. (Дубягин Ю. П. Криминалистическое отождествление человека в обычных условиях расследования и в чрезвычайных ситуациях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 51 ; Дубягин Ю. П., Дубягина О. П., Логинов С. Г. Опознание в практике розыска чело-

¹ Причем набор фрагментов индивидуален для каждого человека и неизменен на протяжении всей его жизни. Эти фрагменты можно разделить по величине и выделить определенные последовательности ДНК с помощью соответствующих зондов, получив таким образом «отпечаток ДНК».

века и раскрытия преступлений (научно-методические аспекты). М., 2006. С. 284–296).

Безусловно, использование нетрадиционных форм и методов идентификации как в процессуальной, так и непроцессуальной криминалистической идентификации будет сопровождаться определенными трудностями, связанными с верификацией полученных результатов, наличием научно-технических средств, программного обеспечения, подготовкой соответствующих специалистов.

Непредсказуемость следственной ситуации, необходимость срочного решения тактических, диагностических и идентификационных задач, как показывает практика, в ряде случаев могут оправдать использование в указанных целях всей совокупности имеющихся данных, включая субъективные портреты, модели лица, изготовленные по реконструкции черепа. Например, один из водителей маршрутного такси опознал по субъективному портрету женщину-смертницу, подозреваемую в совершении террористического акта 6 ноября 2008 г. в г. Владикавказе (Опознать смертницу. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=4915B8ECD66FA>). Причем успех использования такого нетрадиционного способа следственной идентификации во многом зависит именно от итогов реконструкции поврежденных при взрыве останков лица последней (Гуриев А. Готов фоторобот террористки-смертницы. Следователи ищут соучастников теракта. URL:

<http://osradio.ru/proishestvija/print:page,1,10330-gotov-fotorobot-terroristki-smertnicy.html>). Также интересно отметить положительный опыт британских криминалистов, организующих опознания лиц по их карикатурным изображениям, что связано с большой информативностью рисованного портрета в эмоциональном плане (В Британии преступников будут опознавать по карикатурам. URL: <http://www.topnews.ru/index.html>).

Таким образом, успешное осуществление криминалистической идентификации личности с использованием нетрадиционных методов в настоящее время станет возможным только в результате реформирования законодательной базы, повышения профессионализма практических работников, разработки методических рекомендаций, а также формирования правильного понимания необходимости использования указанных методов при расследовании и раскрытии преступлений среди сотрудников правоохранительных органов и рядовых граждан. Приоритет в развитии практики применения нетрадиционных методов при идентификации личности, по нашему убеждению, принадлежит формированию автоматической базы биометрических данных человека на федеральном уровне с возможностью доступа к ней всех государственных правоохранительных структур и международного обмена информацией.

Библиографический список

1. Барковская Е. Г. Концепция создания криминалистических учетов на основе баз данных биометрии человека / Е. Г. Барковская // Общество и право. – Краснодар, 2009. – № 1(23).
2. Китаев Н. Н. Нетрадиционные методы расследования и раскрытия преступлений / Н. Н. Китаев // Вестн. криминалистики. – 2007. – № 4(24).
3. Колдин В. Я. Судебная идентификация : учеб. пособие / В. Я. Колдин ; науч. ред. В. В. Крылов. – М., 2003.
4. Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя / В. П. Колмаков. – М., 1977.
5. Мальцев В. В. Нетрадиционные методы исследования в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мальцев Вадим Владимирович. – Владивосток, 2001.
6. Столбов А. Н. Об использовании нетрадиционных методов получения доказательств / А. Н. Столбов // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. – М., 2006.
7. Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности : лекции по криминалистике / Н. В. Терзиев. – М., 1961.

References

1. Barkovskaya E. G. Concept of Creating Criminal Statistics with the Help of Databases of Human Biometrics / E. G. Barkovskaya // Society and Law. – Krasnodar, 2009. – № 1(23).
2. Kitaev N. N. Non-traditional Methods of Investigating and Detecting Crimes / N. N. Kitaev // Bulletin on Forensic Studies. – 2007. – № 4(24).
3. Koldin V. Ya. Forensic Identification / V. Ya. Koldin ; ed. by V. V. Krylov. – M., 2003.
4. Kolmakov V. P. Identification Measures Taken by an Investigator / V. P. Kolmakov. – M., 1977.
5. Maltsev V. V. Non-traditional Methods of Research in Forensic Studies / Maltsev Vadim Vladimirovich. – Vladivostok, 2001.
6. Stolbov A. N. On the Usage of Non-traditional Methods of Getting Evidence / A. N. Stolbov // Modern Tendencies in Management of Investigating Crimes. – M., 2006.
7. Terziev N. V. Identification and Determination of Patrimonial (Group) Membership / N. V. Terziev. – M., 1961.

М. В. Ходжич,
докторант Академии управления МВД России
кандидат психологических наук

M. V. Hodzhich,
doctoral candidate of the Academy of Management
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
Candidate of Psychology

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НАУЧНО ОБОСНОВАННЫЕ ПОДХОДЫ**

**Strategic Planning in Internal Affairs Agencies (OVD) of the Russian Federation:
Scientifically Grounded Approaches**

Аннотация. Статья посвящена вопросам методологии стратегического планирования, отдельным проблемам, возникающим при формировании стратегических планов органов внутренних дел, эффективности стратегического планирования.

В статье рассмотрены обязательные компоненты (этапы) и структурные элементы науки стратегического планирования.

Ключевые слова: методология стратегического планирования, структурные элементы науки стратегического планирования, стратегический план.

Abstract. The article is devoted to the issues of methodology of strategic planning and to some problems which arise while making up strategic plans of internal affairs agencies (OVD) as well as the efficiency of strategic planning.

The article studies essential elements (stages) and structural elements of science of strategic planning.

Key words: methodology of strategic planning, structural elements of the science of strategic planning, strategic plan.

Методология стратегического планирования, как и любой науки, представляет собой органическое единство общемировоззренческих, общеметодологических принципов, общенаучных методов познания и специфической, частной методологии.

Предметом науки стратегического планирования является изучение возможностей использования его в практической деятельности для составления стратегических прогнозов, проектов программ и планов, определяющих дальнейшее развитие, разработку и совершенствование методологии и методики решения многообразных проблем стратегического планирования, а также организации его осуществления (Видяпина В. И., Журавлева Г. П. Внутрифирменное планирование – стратегическое планирование. Изд. 4-е. М., 2007. С. 244).

Это позволяет выделить в теоретико-методологической подсистеме науки стратегического планирования следующие структурные элементы:

- теория и методология философии, социологии и экономики. Этот элемент является общим и главным теоретико-методологическим элементом науки стратегического планирования;

- общенаучная методология;

- локальная система методологии стратегического планирования (Моргун А. И. Стратегическое планирование в органах внутренних дел: теоретический, организационный и правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 80–82).

В основе первого структурного элемента науки стратегического планирования лежат теория познания, диалектика, а также теория функцио-

нирования экономики. Второй структурный элемент включает в себя развитую систему общенаучных методов, таких как: наблюдение, анализ и синтез, индукция и дедукция, традиции, аналогии, сочетание исторического и логического, моделирование социально-экономических процессов, восхождение от абстрактного к конкретному и т. д. Третий структурный элемент представляет собой систему принципов и способов организации построения теоретической и практической деятельности, связанной с разработкой проектов управленческих решений в форме стратегических прогнозов, программ и планов развития различных социально-экономических подсистем общества и общества в целом. В этом элементе находят свою конкретизацию и развитие общая методология общественных наук, теория познания и система общенаучных методов применительно к предмету данной науки.

В философии методология науки определяется как «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учения об этой системе» (Философский словарь. М., 2009. С. 233).

Опираясь на данное определение методологии науки, можно привести следующее определение методологии стратегического планирования, учитывая его особенности: это органическое единство логики разработки стратегических прогнозов, проектов программ и планов; специфических методологических принципов и подходов; системы показателей, используемых в процессе стратегического планирования, а также системы методов составления и обоснования оптимальности прогноз-

ных и плановых показателей, в которых отражены задания стратегических программ и планов.

Система методологии стратегического планирования в органах внутренних дел, являясь научной основой разработки системы прогнозов, проектов программ и планов, позволяет получить ответ на следующие пять важных вопросов:

1) Каковы цели развития соответствующего объекта стратегического планирования?

2) Какой должна быть последовательность процесса разработки управленческих решений в форме стратегических прогнозов, программ и планов?

3) Какими должны быть стратегические прогнозы, программы и планы и каким требованиям они должны удовлетворять?

4) Какие методологические подходы и решения каких проблем стратегического планирования следует использовать;

5) С помощью какой системы показателей и методов можно обеспечить оптимизацию стратегических прогнозов, программ и планов (Моргун А. И. Указ. соч. С. 93).

Стратегическому планированию в органах внутренних дел присущи определенные обязательные компоненты (этапы):

- определение и формирование цели и системы целей, достижение которых преследуется в планируемом периоде субъектом стратегического планирования;

- анализ исходного уровня развития объекта стратегического планирования за период, предшествующий планируемому, и уточнение параметров достигнутого уровня и его структуры к началу планируемого периода;

- определение объема и структуры потребностей общества в планируемом периоде, получаемых в результате функционирования соответствующих объектов стратегического планирования;

- выявление объема и структуры ресурсов, имеющихся на начало планируемого периода, и потребности в них в планируемом периоде;

- согласование выявленных потребностей и ресурсов социально-экономических подсистем различного уровня путем преодоления временных противоречий (несоответствий) между ними на базе систем шкал, с последующим ранжированием потребностей, и как результат – подготовка управленческих решений в форме стратегических прогнозов, программ и планов (Кузык Б. Н., Яковец Ю. В., Кушлин В. И. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование : учебник. 3-е изд., доп. 2009. С 322.).

Эффективность стратегического планирования в органах внутренних дел предполагает его достаточную напряженность, насыщенность мероприятиями, требующими для его осуществления значительных затрат времени, а также материальных и трудовых ресурсов; мероприятиями, позволяющи-

ми мобилизовать все силы личного состава органов внутренних дел на творческое и оперативное решение поставленных задач. В обеспечении такой напряженности планов важную роль играет рассмотрение их, а в необходимых случаях и утверждение вышестоящими органами, благодаря чему значительно сокращается возможность принятия явно «заниженных» планов, выполнимых при неполной затрате сил и средств. В то же время в план не следует включать мелкие, второстепенные вопросы деятельности отдельных служб. Их целесообразно отражать в планах соответствующих служб, которые конкретизируют основные положения общего плана.

Важным требованием успешного осуществления стратегического плана органов внутренних дел является своевременность его разработки. Достижение целей и задач, определенных планом, обязательно предполагает соответствующую подготовку, выделение необходимых сил и средств, их правильную расстановку и использование, что может быть обеспечено лишь при своевременном составлении плана и доведении его до исполнителей. Несвоевременно, с опозданием принятый план теряет свою актуальность, не дает возможности успешно подготовить его выполнение, эффективно организовать работу подразделений органов внутренних дел. Следовательно, общим правилом должны быть составление и утверждение планов работы органов внутренних дел заблаговременно, до начала планируемого периода.

Обязательным условием повышения эффективности стратегических планов является установление в них конкретных показателей, которых необходимо достичь имеющимися силами и средствами, а также нормативов затрат труда, времени и средств для проведения определенных видов работ.

Стратегический план органов внутренних дел должен предусматривать научную разработку отдельных проблем, имеющих важное практическое значение. В их числе можно назвать:

- изучение конкретных причин преступности на основе социологических исследований;

- эффективность использования сил и средств органов внутренних дел в борьбе с преступностью;

- разработку новых, более эффективных форм и методов решения практических задач;

- совершенствование системы управления органами внутренних дел, в том числе дальнейшее совершенствование организационной структуры; создание системы информации, основанной на современных автоматизированных методах обработки, а также разработка новых форм и методов прогнозирования, планирования и принятия управленческих решений; совершенствование нормотворческой деятельности; определение нормативов штатной численности, критериев оценки деятельности органов внутренних дел и т. п.;

– внедрение в деятельность органов внутренних дел достижений науки и техники (оперативной, криминалистической, организационной), новейших средств связи и сигнализации, современного оборудования дежурных частей, средств автоматизированной обработки информации и др.

Говоря об особенностях стратегического планирования в органах внутренних дел, необходимо отметить, что процесс стратегического планирования предполагает наличие обратной связи. Если осуществление предлагаемой в плане политики не принесло желаемых результатов, это означает, что необходимо пересмотреть либо эту политику, либо исходные данные, либо сам процесс планирования. Если выбранная модель стратегического планирования оказалась неудачной, ее надо усовершенствовать (Виханский О. С. Стратегическое управление. М., 2005. С. 177). Стратегические планы не должны иметь жесткой конструкции. Они должны меняться, трансформироваться, уточняться как в силу изменений в оперативной обстановке, так и в силу создания в процессе реализации стратегий новых возможностей.

Еще одной особенностью стратегического планирования является его непрерывность, обусловленная тем, что, как уже отмечалось выше, стратегическое планирование осуществляется с учетом изменений обстановки, т. е. организации каждый раз заново определяют или меняют свои цели на основе стратегического контроля, если полное достижение первоначальных целей практически завершено или невозможно.

Основное преимущество стратегического планирования в органах внутренних дел состоит в большей степени обоснованности плановых показателей за счет охвата большего объема информации и учета большого количества факторов, способных повлиять на развитие обстановки в плановый период, что делает его значимой функциональной частью механизма стратегического управления.

В целом процесс стратегического планирования в органах внутренних дел представляет собой набор алгоритмов действий и решений, предпринятых высшим руководством МВД России, которые ведут к разработке конкретных стратегий, способствующих достижению стратегических целей. Его основной задачей является обеспечение достаточных нововведений и изменений в системе органов внутренних дел. В общем плане такие нововведения и изменения направлены на распределение ресурсов, создание новых потенциалов, адаптацию системы органов внутренних дел к внешней среде, совершенствование системы управления и формирование системы организационного стратегического предвидения.

Стратегическое планирование в органах внутренних дел позволяет осуществлять согласованные мероприятия социально-экономического, воспитательного, организационного, профилактического, государственно-правового характера. Оно нацеливает на более правильную расстановку сил в борьбе с преступлениями и правонарушениями, обеспечивает дифференцированный подход к организации предупредительных мероприятий.

Библиографический список

1. Акофф Рассел Л. Планирование будущего корпорации : [пер. с англ.] / Р. Л. Акофф. – М., 2002.
2. Видяпина В. И. Внутрифирменное планирование – стратегическое планирование / В. И. Видяпина, Г. П. Журавлева. – Изд. 4-е. – М., 2007.
3. Виханский О. С. Стратегическое управление / О. С. Виханский. – М., 2005.
4. Кузык Б. Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование : учебник / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец, В. И. Кушлин. – 3-е изд., доп. – М., 2009.
5. Фатхутдинов Р. А. Стратегический менеджмент / Р. А. Фатхутдинов. – М., 2005.

References

1. Akoff R. L. Planning the Corporation's Future / R. L. Akoff. – M., 2002.
2. Vidyapina V. I. In-house Planning – Strategic Planning / V. I. Vidyapina, G. P. Zhuravleva. – 4th ed. – M., 2007.
3. Vikhanskiy O. S. Strategic Management / O. S. Vikhanskiy. – M., 2005.
4. Kuzyk B. N. Prognostication, Strategy of Planning and National Programming / B. N. Kuzyk, Yu. V. Yakovets, V. I. Kushlin. – 3rd ed., suppl. – M., 2009.
5. Fatkhutdinov R. A. Strategic Management / R. A. Fatkhutdinov. – M., 2005.

И. В. Щеблыкина,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Голицынского пограничного института ФСБ России
кандидат юридических наук, доцент*

I. V. Shcheblykina,

*Associate Professor of the Department of Criminal
and Law Studies of Golitsyno Border-guard Institute
of Federal Security Service of Russia
Candidate of Law, Assistant professor*

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**International Legal Basics of Criminalization of Human Trade in Russian Legislation:
Some Aspects of Criminological Investigation**

Аннотация. В статье представлен хронологический и содержательный анализ документов международных организаций, направленный на поиск адекватных мер в борьбе с торговлей людьми в XX–XXI вв.

Введение в УК РФ ст. 127.1 «Торговля людьми» было обусловлено сложившейся ситуацией и стало ответной мерой на разнородную организованную преступную деятельность организованных преступных формирований, в том числе транснационального характера.

Ключевые слова: торговля людьми, транснациональная организованная преступная деятельность, криминологическая ситуация, документы международных организаций.

Abstract. The article presents the chronological and contextual analysis of the documents of international organizations aimed at the search of adequate measures in the struggle against human trade in XX–XXI centuries.

The introduction of article 127.1 «Human Trade» into the Criminal Code of the Russian Federation was stipulated by the formed situation and became a countermeasure against the diverse organized criminal activity of organized criminal units including transnational ones.

Key words: human trade, transnational organized criminal activity, criminological situation, documents of international organizations.

Появление в 2003 г. в уголовном законодательстве специального состава ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» было обусловлено сложившейся криминологической ситуацией¹ в стране, связанной не только с отдельными фактами, но и с наличием организованной преступной деятельности транснационального характера. Данному правовому решению в России предшествовала многолетняя практика, связанная с принятием международных правовых инициатив в сфере противодействия торговле людьми.

Восемнадцатого мая 1904 г. был принят Международный договор о борьбе с торговлей белыми рабами (URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/whiteslavetraffic1904.html>). Четвертого мая 1910 г. данный договор трансформиро-

вали в Международную конвенцию о борьбе с торговлей белыми рабами (URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/whiteslavetraffic1910.html>). Впоследствии под эгидой Лиги Наций были заключены Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми от 30 сентября 1921 г. (URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/draft/treaties/1922/10.html>) с изменениями, внесенными в нее Протоколом, принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее: ООН) в 1947 г., и Международная конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами от 11 октября 1933 г. (URL: http://www.oas.org/Juridico/mla/en/traites/en_traites-interwomen_1933.pdf) с изменениями, внесенными в нее Протоколом, принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 г. Эти конвенции криминализировали деятельность лиц, занимающихся торговлей женщинами и детьми, причем в документе 1933 г. государства-участники должны были наказывать лиц, занимавшихся торговлей независимо от согласия женщины.

В 1949 г. четыре вышеуказанных документа были сведены в единую Конвенцию ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, одобренную резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 г. (Противодействие торговле людьми: сб. норматив. правовых док. / под ред. Н. И. Абукировой. М., 2004. С. 24–25). В ее тексте говорилось: «Принимая во внимание, что новые факторы... делают возможным заключение конвенции... Договаривающиеся стороны на- стоящим согласились со следующим:

© И. В. Щеблыкина, 2011

¹ Криминологическая ситуация – понятие, которое включает в себя совокупность криминогенной, криминальной ситуации и состояние борьбы с преступностью (Криминологическая энциклопедия. М., 1999. С. 91). В теории криминологическая ситуация рассматривается по предмету криминологии как совокупность зарегистрированных преступлений и их видов, обусловленных особенностями развития причинного комплекса, личностью преступника, спецификой предупреждения и борьбы с преступностью. Криминологическая ситуация по стадиям включает в себя криминогенную и криминальную ситуацию. Первая характеризуется совокупностью условий, способных детерминировать механизм преступного поведения отдельных субъектов. Криминогенная ситуация переходит в стадию криминальной ситуации после совершения преступлений, когда в результате процесса взаимодействия личности и среды совершено преступление (Щеблыкина И. В. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. Голицыно, 2006. С. 47).

Статья 1. Стороны в настоящей Конвенции обязуются подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти другого лица:

1) сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица;

2) эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица.

Статья 2. Стороны в настоящей Конвенции обязуются далее подвергать наказанию каждого, кто:

1) содержит дом терпимости, или управляет им, или сознательно финансирует, или принимает участие в финансировании дома терпимости;

2) сдает в аренду или снимает здание, или другое место, или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами».

Акцентирование внимания данной Конвенции на эксплуатации проституции привело к тому, что ее ратифицировали ограниченный круг государств-участников (72 государства). Возможно, это связано с тем, что направленность документа на борьбу с проституцией вступила в противоречие со сложившимися традициями ряда европейских государств. Тем не менее данная Конвенция заложила основы и перспективы международного сотрудничества в сфере борьбы с торговлей людьми. Именно в ней был четко обозначен круг лиц, нарушающих установленный запрет. Эти нормы в современных условиях приобрели еще большую актуальность и востребованность¹.

Поиск адекватных мер в борьбе с торговлей людьми продолжался на протяжении всего XX столетия. Особое значение в рамках данной проблемы имела состоявшаяся в 1995 г. в Пекине IV Всемирная конференция ООН по положению женщин. В итоговом документе – «Платформе действий» – было определено, что в настоящее время понятие торговли людьми расширилось и стало включать в себя и другие виды эксплуатации женщин – принудительный труд и браки по принуждению. В ней же, как и в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, принятой на 85-м пленарном заседании 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г.), проблема торговли людьми была связана с применяемым к ним насилием (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml).

В соответствии с п. 113 «Платформы действий» «насилие в отношении женщин охватывает следующие случаи, но не ограничивается ими:

а) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в семье (выделено нами. – И. Щ.), включая нанесение побоев, половое

принуждение в отношении девочек в семье, насилие, связанное с приданым, изнасилование жены мужем, калечащие операции на женских половых органах и другие традиционные виды практики, наносящие ущерб женщинам, внебрачное насилие и насилие, связанное с эксплуатацией;

б) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в обществе (выделено нами. – И. Щ.) в целом, включая изнасилование, половое принуждение, половое домогательство и запугивание на работе, в учебных заведениях и в других местах, торговлю женщинами и принуждение к проституции;

с) физическое, половое и психологическое насилие со стороны или при попустительстве государства (выделено нами. – И. Щ.), где бы оно не происходило.

114. К числу актов насилия в отношении женщин относится нарушение прав женщин, находящихся в зонах вооруженных конфликтов, в частности убийство, систематическое изнасилование, сексуальное порабощение и принудительная беременность.

115. К актам насилия в отношении женщин относятся также принудительная стерилизация и принудительный аборт, принудительное/насильственное использование контрацептивов, убийство новорожденных девочек и дородовой отбор пола» (Противодействие торговле людьми. С. 69).

В п. 122 «Платформы действий» отмечается: «Использование женщин в международных сетях торговли живым товаром и проституции стало одной из основных сфер приложения усилий для международной организованной преступности». В связи с этим «Стратегическая цель D.3. Ликвидация торговли женщинами и оказание помощи женщинам, ставшим жертвами насилия в результате проституции и торговли» (Там же. С. 70).

Из текста «Платформы действий» следует отождествление жертв насилия и торговли людьми, используемых в целях обогащения организованными преступными формированиями.

В 1996 г. тезис о необходимости «защитить безопасность и благосостояние своих граждан и всех лиц, находящихся под их юрисдикцией, путем принятия эффективных национальных мер по борьбе с опасной транснациональной, в том числе организованной, преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия, контрабандой других незаконных товаров, организованной торговлей людьми, террористическими преступлениями и отмыванием доходов от опасных преступлений...» войдет в ст. 1 Декларации ООН о преступности и общественной безопасности, принятой резолюцией 51/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г. (URL: http://www.un.org/ru/documents/docl_conv/declarations/crime.shtml). Торговля людьми, наряду с другими особо опасными преступлениями, стала сферой деятельности транснациональной организованной преступности, требующей принятия эффективных мер в борьбе с ними.

Декларация тысячелетия ООН, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентяб-

¹ В историческом контексте обращает на себя внимание заявление, сделанное при сдаче СССР ратификационной грамоты: «В Советском Союзе устранены социальные условия, порождающие преступления, предусмотренные Конвенцией. Однако, учитывая международное значение борьбы с этими преступлениями, Правительство Советского Союза решило присоединиться к Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятой на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 года».

ря 2000 г., содержит положение о том, что «*существенное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей... мы преисполнены решимости активизировать наши усилия по борьбе с транснациональной преступностью во всех ее аспектах, включая торговлю людьми и их контрабандный провоз и отмывание денег*» (Противодействие торговле людьми. С. 85).

Вслед за этой Декларацией, определившей дальнейший вектор развития документов международных организаций, 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Данная Конвенция была дополнена Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. В документах были установлены различные аспекты торговли людьми. В ст. 3 Протокола представлены следующие дефиниции:

а) «*торговля людьми*» (выделено нами. – И. Щ.) означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов;

б) согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию, о которой говорится в подпункте “а” настоящей статьи, не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных в подпункте “а”;

с) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются “торговлей людьми” даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия, указанных в подпункте “а” настоящей статьи;

д) “ребенок” означает любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста».

Данное в статье понятие торговли людьми носит универсальный характер. Несмотря на вытекающее из названия Протокола особое акцентирование внимания на женщинах и детях, в категории жертв торговли людьми, осуществляемой в целях эксплуатации подразумеваются и мужчины, что объективно отражает различные криминологические ситуации.

Конвенция существенно расширила перечень форм эксплуатации, осуществляемой в преступных целях. Она не ограничивается лишь проституцией и другими формами сексуальной эксплуатации, а распространяется на принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, а также на подневольное состояние че-

ловека, которое может быть использовано с противоправным нанесением вреда его здоровью.

Особую значимость имеет решение о наступлении уголовной ответственности, даже при наличии согласия жертвы на запланированную эксплуатацию, если при этом использовались перечисленные формы насилия и принуждения. Особые оговорки закреплены в статусе ребенка.

Таким образом, в данной Конвенции: во-первых, представлен более широкий спектр понятия «торговля людьми»; во-вторых, расширен перечень форм эксплуатации; в-третьих, – перечень субъектов потенциальных жертв торговли.

Проблемы торговли людьми и борьбы с организованной преступной деятельностью в данной сфере рассматривались международным сообществом на протяжении всего XX в. Поиск адекватных мер будет продолжен и в нынешнем столетии. Криминализация торговли людьми в документах международных организаций создавала возможность и диктовала необходимость гармонизации российского законодательства. Во исполнение обязательств, вытекающих из подписания и ратификации Конвенции ООН и дополняющих ее Протоколов Российская Федерация приняла надлежащие законодательные и иные меры (О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее : федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Бюл. междунар. договоров. 2004. № 7. С. 78–79). Время заявлений о том, что в Российской Федерации «устранены социальные условия, порождающие преступления, предусмотренные Конвенцией», миновало. Торговля людьми, наряду с другими не характерными для прошлого преступлениями, стала прибыльной формой деятельности преступных формирований различной степени организованности.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 127.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за торговлю людьми (Рос. газ. 2003. 16 дек.). Ее появлению способствовали не только международные обязательства, но и результаты оперативно-розыскной деятельности и специальных криминологических исследований.

По данным ООН, объем мировой торговли женщинами как товаром оценивается примерно в 12 млрд долл. в год. По сведениям международных экспертов, прибыль, получаемая преступными синдикатами, ежегодно составляет 5–7 млрд долл. Это соответствует общему доходу от мировой торговли основными товарами потребления.

Во Всемирном докладе по торговле людьми, представленном 12 февраля 2009 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, директором-исполнителем Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста отмечается, что 79 % жертв

торговли людьми – это жертвы сексуальной эксплуатации; из них 20 % – дети, которых продают родители (Противодействие торговле людьми в Российской Федерации : науч. докл. / под ред. В. С. Овчинского, Ю. Г. Торбина. М., 2009. С. 8).

Эксперты Совета по международным исследованиям и обменам считают, что из России и стран Центральной и Восточной Европы ежегодно своевременно не возвращаются на родину около 175 тыс. человек (Козлова Т. Кому нужны незваные гости? // Цит и меч. 2003. 18 сент.). Большая часть из них – женщины, вывозимые за рубеж для сексуальной эксплуатации, что соответствует общемировым тенденциям. В иностранных средствах массовой информации получила распространение информация о том, что из стран Восточной Европы Украина, Молдавия и Белоруссия входят в число государств, являющихся крупными поставщиками молодых женщин для занятия проституцией. Из этих стран ежегодно за рубеж вывозятся до 225 тыс. потенциальных жертв (Алексеев Н. Торговле «живым товаром» надежный заслон // Граница России. 2007. № 9. С. 2.).

Эти данные свидетельствуют о наличии экономических предпосылок деятельности «международных преступных сетей», «транснациональных синдикатов», «транснациональных корпораций», «структурно оформленных групп», «организованных преступных групп», извлекающих прибыль от «незаконной международной торговли людьми, их контрабандного провоза и отмывания денег»¹.

В Программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми на 2007–2010 гг., утвержденной Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2006 г., говорится о необходимости создания специализированного банка данных о транснациональных преступных группах, занимающихся торговлей людьми, их лидерах, а также коммерческих, общественных и иных организациях и структурах, причастных к организации и финансированию этой преступной деятельности (URL: <http://spravka-jurist.com/base/part-ux/tx-fssgra.htm>).

Исходя из содержания документов международных организаций, торговля людьми чаще всего осуществляется в целях принуждения к проституции. За данные деяния в российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность по ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «Организация или содержание притонов для занятий проституцией» УК РФ.

Судя по материалам, опубликованным в различных источниках, торговля людьми как преступление транснационального характера нередко связана с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ), а также с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ).

¹ Данная терминология представлена в документах международных организаций.

Совокупность деяний, квалифицируемых по ст. 127.1, 322, 322.1 УК РФ, как и высоколатентные деяния, квалифицируемые по ст. 127.1, 174, 174.1 УК РФ, являются сегментами организованной преступной деятельности транснационального характера. Для противоборствующих структур данная совокупность выступает ориентиром деятельности организованных преступных формирований.

За последние годы из России в поисках работы уехали более полумиллиона человек, но лишь 47 тыс. сделали это с соблюдением закона. Остальные покинули родину с нарушением норм права, касающихся, в частности, оформления документов, виз и разрешений, установленного порядка пересечения Государственной границы Российской Федерации и стран въезда и пр. Около 370 тыс. человек, нашедших работу в Европе, трудятся с нарушениями миграционного режима, трудового права и иных законодательных норм стран пребывания.

Криминологическое исследование торговли людьми свидетельствует об особой опасности совокупности торговли людьми с преступлениями террористического характера.

Изученные материалы дают основание сделать вывод о том, что в Российской Федерации данная совокупность имеет место при использовании женщин в террористических преступлениях. Так, в числе участниц захвата заложников 23 октября 2002 г. в ДК ОАО «Московский подшипник» оказались лица, ставшие жертвами торговли людьми в результате продажи их близкими родственниками, руководовавшимися корыстью, страхом, другими мотивами (Щеблыкина И. В. Особенности взаимосвязи системы ценностей с преступлениями террористического характера в Российской Федерации // Преступность и духовная сфера жизнедеятельности / под ред. А. И. Долговой. М., 2008. С. 173 ; Юзик Юлия. Невесты Аллаха: Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. М., 2003. С. 61, 92).

Современное общество не в должной мере готово к появлению столь опасных и циничных ситуаций. Особенности развития противоправной деятельности в различных сферах нередко обусловлены как правовой неопределенностью, так и либерализмом действующих правовых норм. Российская Федерация, как и государства-участники Содружества Независимых Государств, находившиеся в состоянии экономического и социального кризиса, стали поставщиками по вывозу сырьевых ресурсов, людей и «частей человеческого организма»².

² По заявлению руководителя ФТС России А. Бельянинова, в стране процветает торговля человеческими органами и тканями, носящая криминальный характер. Этому способствуют пробелы в российской правовой базе, которая должна жестко регламентировать коммерческую деятельность по ввозу и вывозу биологического материала. (Зыкова Т. Невыездные органы. Глава ФТС наводит порядок в вывозе из страны биоматериалов человека // Рос. газ. 2007. 2 июня. С. 3.)

Осуществляя целенаправленную оперативно-розыскную деятельность, сотрудники органов внутренних дел и федеральной службы безопасности располагают данными, свидетельствующими об организации торговли людьми под видом коммерческой деятельности туристических агентств, частных агентств, занимающихся трудоустройством граждан за границей, брачных и модельных агентств, рекламных фирм. Именно посредством деятельности данных субъектов осуществлялся выезд за границу для работы по несоответствующим целям. В этой связи и в соответствии со ст. 18 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности необходимо осуществлять экстерриториальную юрисдикцию вне зависимости от стран, где совершен акт торговли людьми:

Библиографический список

1. Противодействие торговли людьми : сб. норматив. правовых док. / под ред. Н. И. Абубикровой. – М., 2004.
2. Противодействие торговле людьми в Российской Федерации : науч. докл. / под ред. В. С. Овчинского, Ю. Г. Торбина. – М., 2009.
3. *Щеблыкина И. В.* Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. – Голицыно, 2006.
4. *Щеблыкина И. В.* Особенности взаимосвязи системы ценностей с преступлениями террористического характера в Российской Федерации // Преступность и духовная сфера жизнедеятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф. Псков, 21–23 сент. 2007 г. / под ред. А. И. Долговой. – М., 2008.
5. *Юзик Ю.* Невесты Аллаха: Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России / Ю. Юзик. – М., 2003.

«1. Государства-участники оказывают друг другу самую широкую взаимную правовую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве в связи с преступлениями, охватываемыми настоящей Конвенцией, как это предусмотрено в статье 3, и на взаимной основе предоставляют друг другу иную аналогичную помощь, если запрашивающее Государство-участник имеет разумные основания подозревать, что преступление, указанное в пункте 1(а) или (b) статьи 3, является транснациональным по своему характеру и, в том числе, что потерпевшие, свидетели, доходы, средства совершения преступлений или доказательства в отношении таких преступлений находятся в запрашиваемом Государстве-участнике, а также что к совершению этого преступления причастна организованная преступная группа».

References

1. Counteraction to Human Trade / ed. by N. I. Abubikrova. – M., 2004.
2. Counteraction to Human Trade in the Russian Federation / ed. by V. S. Ovchinskiy, Yu. G. Torbina. – M., 2009.
3. *Shcheblykina I. V.* Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation: Criminal, Legal and Criminological Aspects. – Golitsyno, 2006.
4. *Shcheblykina I. V.* Peculiarities of Interrelation between the System of Values and Terrorist Crimes in the Russian Federation // Criminality and Spiritual Sphere of Life / ed. by A. I. Dolgova. – M., 2008.
5. *Yuzik Yu.* Allah's Brides: Personalities and Fates of Shahidkas Who Blew Themselves Up in the Russian Federation / Yu. Yuzik. – M., 2003.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 94(47).082

А. А. Басов,
*аспирант кафедры новой и новейшей истории
Владимирского государственного
гуманитарного университета*

A. A. Basov,
*post-graduate student of the Department of Modern
and Contemporary History
of Vladimir State University for Humanities*

ИНЦИДЕНТ В ОЦУ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

The Otsu Incident: Legal and Political Aspects

Аннотация. В статье подробно рассматриваются покушение на российского цесаревича Николая Александровича в 1891 г. в Оцу и влияние этого события на юридическую практику и внутривнутриполитический курс Японии.

Ключевые слова: инцидент, Уголовный кодекс Японии, цесаревич, покушение, российское посольство.

Abstract. The article gives a detailed consideration of the assassination on the crown prince Nicholas Alexandrovich in Otsu in 1891 and the influence of this event on the legal practice and the domestic policy of Japan.

Key words: incident, the Criminal Code of Japan, crown prince, assassination, Russian embassy.

Важным событием в российско-японских отношениях в начале 1890-х гг. стало посещение наследником российского престола великим князем Николаем Александровичем (будущим Николаем II) Японии. Между тем события, связанные с этим визитом, в первую очередь покушение на жизнь цесаревича, недостаточно полно освещены в отечественной историографии.

Покушение на представителя семьи монарха, тем более наследника престола, не могло пройти бесследно и не оказать влияния на отношения между двумя странами. Несмотря на крайне сдержанную реакцию Александра III в деле о покушении на его сына и благоприятную для Японии позицию, занятую российским Министерством иностранных дел по данному вопросу, инцидент не мог не сказаться на внутривнутриполитической ситуации и международном престиже Страны восходящего солнца.

Российский посланник в Токио Дмитрий Егорович Шевич еще до инцидента в Оцу в депеше от 16 (28) февраля 1891 г. сообщал о тревожной внутривнутриполитической ситуации в Японии, широком распространении ксенофобских настроений, выразившихся, в частности, в нападении на российское посольство в Токио в ноябре 1890 г. Особую тревогу Д. Е. Шевич высказывал по поводу задержки до следующей осени решения японского парламента о введении в Уголовный кодекс Японии статьи за нападение на представителей царских семей, иностранных миссий и других лиц иностранных государств. Д. Е. Ше-

вич в разговоре с японским министром юстиции Ямада отметил, что, не желая производить какого-либо давления на решение японского правительства, не может «не выразить желания своего», чтобы этот закон был принят до приезда в Японию наследника российского престола (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1746. Л. 128).

Российский дипломат также выразил мнение о том, что японское правительство должно «серьезно позаботиться о доставлении себе легальных средств для укрощения каких-либо поповолзновений со стороны японских анархистов оскорбить чем-либо неприкосновенную особу августейшего гостя Императора» (Там же. Л. 129). В заключении беседы Дмитрий Егорович заверил японского министра, что не сомневается в полной готовности японского правительства всячески обеспечивать спокойное пребывание российского цесаревича, «тем не менее, я (Шевич. — А. Б.) должен напомнить ему (Ямада. — А. Б.), что в течение этого времени бдительное внимание 120 миллионов русских будет обращено на Японию и что малейшая неприятность, которая омрачила бы посещение страны сей наследником русского престола, могла бы иметь для нее несоизмеримые последствия. Граф Ямада, выслушав мои предостерегающие советы, признал полную основательность их и обещал принять в серьезное внимание мои дружественные представления» (Там же).

В беседе с главой японского правительства графом Ямагата Д. Е. Шевич высказал свои опасения по поводу политической обстановки внут-

ри Японии и «относительно полного удобства посещения этой страны государем наследником цесаревичем», поскольку «различные, весьма неблагоприятные проявления разнузданности в некоторой части народонаселения, как, например, нападение на императорскую миссию 17 ноября, указывают на чувствительное ослабление правительственной власти, относящейся слишком снисходительно к подобным беспорядкам» (Там же. Л. 38). В ответ Ямагата пообещал «принять строжайшие меры к укрощению впредь подобных проявлений необузданности со стороны некоторых элементов (“соси”), на беспокойные действия коих я (Шевич. – А. Б.) намекал ему» (Там же. Л. 40).

Цесаревич Николай Александрович вместе с двоюродным братом греческим принцем Георгом прибыл в Кобе на фрегате «Память Азова» 27 апреля (9 мая) 1891 г., где им была приготовлена торжественная встреча. Вечером наследник российского престола отправился по железной дороге в экстренном поезде в древнюю столицу Японии Киото. На всем протяжении пути население городов и деревень, через которые следовал поезд, стояло вдоль полотна железной дороги и восторженно приветствовало цесаревича криками и пением «многочетия русскому наследнику» (Там же. Л. 236).

Утром 29 апреля (11 мая) 1891 г. наследник российского престола в сопровождении японских принцев, обеих свит, русского посланника и киотского губернатора выехал в джинрикше в Оцу, располагавшийся недалеко от озера Бива. Вдоль дороги были расставлены полицейские, а при въезде в Оцу также и высланные для этого случая полтора батальона пехоты. После прогулки на маленьком пароходе по озеру Бива все отправились в губернаторский дом, где был сервирован завтрак. Во время завтрака цесаревич говорил о радушии народной встречи как в Киото, так и в самом Оцу, и в теплых выражениях поблагодарил местного губернатора за все его любезности (Там же. Л. 236).

Японский полицейский Санзо Цуда был в тот день в цепи охранников цесаревича. Утром Цуда уже находился на своем посту, но пропустил мимо себя эскорт Николая Александровича. Он знал, что цесаревич проследует обратно тем же путем.

Когда коляска, в которой ехал будущий российский император, поравнялась с Цуда, тот выскочил из цепи охранения и, держа саблю обеими руками, нанес справа, несколько сзади между джинрикшей и правым возницей, с размаху удар по голове цесаревича, который, обернувшись и видя, что преступник замахивается второй раз, выскочил из коляски на левую сторону улицы и побежал. Принц Георг, ехавший на соседней

джинрикше, попытался ударить нападавшего сзади бамбуковой тростью по голове. В это время главный возница Николая Александровича хладнокровно бросился под ноги полицейскому и, схватив их руками, повалил его на землю. Подоспевший возница принца Георга, видя, что при падении Цуда выронил саблю, поднял ее и двумя ударами по шее и спине привел преступника в почти бесчувственное состояние. Все нападение длилось около 15–20 секунд, поэтому кинувшиеся со всех сторон полицейские успели схватить террориста лишь тогда, когда он уже лежал на земле (Там же. Л. 237–238).

Сразу после покушения Д. Е. Шевич попытался допросить Цуда. «Никогда не забуду зверского выражения его лица, когда, скаля зубы, он отвечал на мой вопрос, что он “самурай”. Глубокая, неукротимая ненависть пылала в его глазах, пока он смотрел на меня», – вспоминал российский дипломат (Там же. Л. 238).

Рана, полученная Николаем Александровичем, оказалась неопасной, о чем на следующий день после покушения докладывал губернатор цесаревича князь В. А. Барятинский: «Рана не опасна, состояние здоровья весьма удовлетворительное. Доктора спокойны. Осложнений не предвидится» (Там же. Л. 175).

В секретной телеграмме от 1 (13) мая 1891 г. Д. Е. Шевич получил следующие инструкции по поводу инцидента: «Государю Императору (Александру III. – А. Б.) не угодно требовать никакого удовлетворения, но его Величество ожидает и поручает Вам требовать от японского правительства самое полное и тщательное следствие, а главным образом, сколь возможно скорейшее исследование, действовал ли убийца по собственному желанию или в заговоре и есть ли сообщники? От этого будет зависеть дальнейшее пребывание цесаревича в Японии» (Там же. Л. 180). Однако продолжить путешествие по Стране восходящего солнца Николаю Александровичу было не суждено. Александр III принял решение об отбытии цесаревича во главе российской эскадры во Владивосток. Досрочный отъезд цесаревича означал, что правительство Российской империи считает японские власти не в состоянии обеспечить безопасность российского наследника престола, что в дальнейшем пагубно отразилось на международном престиже Японии.

Российские политики рассматривали поступок Санзо Цуда не как политическую демонстрацию, а как преступление человека с нездоровой психикой. В таком случае Цуда выступал не в качестве террориста, выражавшего ксенофобские и антироссийские настроения некоторой части населения Японии, а как психически неуравновешенный фанатик.

Ответы Санзо Цуда на предварительном следствии явно свидетельствовали о том, что главной побудительной причиной к преступлению было его негодование по поводу торжественной народной встречи и императорских, если не больших, почестей, оказанных российскому наследнику: «Своими умолчаниями и намеками Цуда ясно дает понять, что он считает Императора и народ униженными всеми этими овациями, а один раз даже прямо говорит, что, высказываясь вполне откровенно, *он боится оскорбить Императора*», – писал Д. Е. Шевич в депеше от 9 (21) июня 1891 г. (Там же. Л. 341).

Самого Цуда российский дипломат Д. Е. Шевич, присутствовавший на допросах, характеризовал как «чистейший экземпляр отчаянного фанатика-самурая, с дикой своеобразной логикой, выработанной односторонним пониманием китайских классиков, единственного образовательного материала, духом которого он был проникнут, и размышлениями про себя, постоянно устремленными в одном направлении, человека, глубоко ненавидящего иностранцев, гордого и самолюбивого, под личиной внешнего смирения мечтающего о великих подвигах и перемене своей скромной доли простого полицейского на более главное и почетное положение, от природы мрачного, упрямого, необщительного и сосредоточенного» (Там же. Л. 342). Определенное влияние на поступок Цуда, скорее всего, оказали и инспирированные иностранными недоброжелателями России газетные статьи, в которых заявлялось о том, что наследник российского престола приехал в Японию с целью провести разведку, а затем подчинить и аннексировать Страну восходящего солнца.

После шока, вызванного первыми известиями о покушении на наследника российского престола, японские политики и юристы столкнулись с новой сложной дилеммой: в японском законодательстве не было четких законов, которые бы предусматривали наказания за покушения на представителей иностранных государств. Инициативы Д. Е. Шевича по введению таких законов после нападения на российскую миссию в Токио пятью месяцами ранее не были реализованы японскими властями, несмотря на все настояния и увещевания российского посланника. Цуда могли судить либо по статье о нападении на представителя японской императорской династии, что предусматривало смертную казнь, либо на основании общих законов японского Уголовного кодекса, согласно которым за подобное преступление максимальным наказанием была пожизненная каторга. Причем российский посланник настаивал на смертной казни для преступника (Там же. Л. 277). Однако приравнивание представителя иностранного монаршего се-

мейства к японскому было большим унижением для японцев, считавших своего императора прямым потомком богов и символом нации. Между тем отказ от вынесения смертного приговора мог вызвать негативную реакцию России. Эта проблема возникла сразу после покушения (Там же. Л. 262).

Главный судья верховной судебной палаты Кодзима Икэн вынес решение о назначении Санзо Цуда наказания в виде пожизненной каторги, отказавшись применять статью о нападении на членов японской императорской семьи. Российские дипломаты отреагировали на это известие с пониманием и уважением к мнению японских юристов, не став настаивать на более жестком наказании, о котором изначально говорил Д. Е. Шевич. Российский посланник также не сделал особых заявлений по этому поводу, посчитав следствие и наказание достаточно адекватными преступлению. В секретной телеграмме на имя министра иностранных дел России Н. К. Гирса Д. Е. Шевич даже привел доводы в пользу приговора Цуда к пожизненной каторге, а не к смертной казни: у Японии не было повода обвинять Россию в том, что она вмешивается в ее внутренние дела и соответственно стремится выяснить ее политические слабости; Цуда не стал национальным героем-мучеником, пострадавшим за правое дело изгнания иностранцев и предотвращения их возможной агрессии; такое решение суда не провоцировало шовинистически настроенную часть патриотов к акциям отмщения иностранцам (Там же. Л. 301–302).

Однако покушение на цесаревича отразилось на внутривластной обстановке в Японии, в частности, были отстранены от должностей несколько министров, чему в немалой степени способствовал российский посланник в Токио. «Главное, если не виновное, то, во всяком случае, прямо ответственное лицо во всем этом деле, виконт Аоки, забывая, вероятно, что я получил от него в свое время *письменное заверение в полной безопасности пребывания государя наследника цесаревича в Японии*, имел дерзость на днях приехать ко мне для обсуждения вопроса о подсудности тому или другому трибуналу злодея Цуды... Я отклонил дальнейшие прения по этому предмету с виконтом Аоки, сказав ему, что я удивляюсь только одному, а именно, как он считает еще возможным являться ко мне в своем качестве министра иностранных дел», – писал Д. Е. Шевич в депеше от 14 мая 1891 г. (Там же. Л. 262).

На аудиенции у японского императора Муцухито Д. Е. Шевич изложил свою позицию относительно вины министров внутренних и иностранных дел за инцидент 29 апреля. Аудиенция проходила в дружественной атмосфере, и япон-

ский император с пониманием отнесся к словам российского посланника (Там же. Л. 315–316). После этого министры иностранных и внутренних дел Аоки и Сайго были смещены со своих постов, причем пост министра иностранных дел занял Эномото, считавшийся в японских кругах прорусски настроенным политиком. Несколько позже был освобожден от исполнения обязанностей министра юстиции Ямада, не принявший должных мер для своевременного принятия законов, предусматривавших наказание за нанесение оскорблений или покушение на жизнь офи-

циальных представителей иностранных государств (Там же. Л. 328).

Таким образом, несовершенство японского Уголовного кодекса повлекло за собой значительные внутри- и внешнеполитические последствия, негативно отразилось на международном престиже Страны восходящего солнца. Отсутствие современного уголовного законодательства способствовало в Японии росту ксенофобских и шовинистических настроений, проявившихся, в частности, в преступлении Санзо Цуда и нападении на российское посольство в Токио в ноябре 1890 г.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. Мак-Клейн Дж. Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век / Дж. Л. Мак-Клейн ; пер. с англ. Е. А. Красулина. – М., 2006.
3. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония / А. Н. Мещеряков. – М., 2006.
4. Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени / А. Н. Мещеряков. – М., 2010.
5. Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии конца XIX – начала XX в. / П. Э. Подалко. – М., 2004.
6. Уткин А. И. Русско-японская война: в начале всех бед / А. И. Уткин. – М., 2005.

References

1. Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire.
2. McClain J. L. Japan. From the Tokugawa Shogunate to the XXIst Century / J. L. McClain. – M., 2006.
3. Meshcheryakov A. N. The Meiji Emperor and His Japan / A. N. Meshcheryakov. – M., 2006.
4. Meshcheryakov A. N. Japan Through Space and Time. – M., 2010.
5. Podalko P. E. Japan in the Fates of Russians: Studies of the History of Tsar's Diplomacy and the Russian Diaspora in Japan at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century / P. E. Podalko. – M., 2004.
6. Utkin A. I. The War Between Japan and Russia: at the Beginning of All Misfortunes. – M., 2005.

Д. Н. Кушнир,
*адъюнкт кафедры уголовного права
 Тюменского юридического института
 МВД России*

D. N. Kushnir,
*post-graduate student of the Department of Criminal Law
 of Tyumen Legal Institute
 of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ВИДЕ ПОСОБНИЧЕСТВА В РОССИИ:
 ОТ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» ДО СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**

**Development of the Institution of Accompliceship in the Form of Complicity in Russia:
 from Russkaya Pravda to the Criminal Code of Russia Currently in Force**

Аннотация. В статье исследуется эволюция института соучастия в виде пособничества, начиная с эпохи «Русской правды» до современного уголовного законодательства Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что современное понятие пособничества совершению преступления сформировано без учета в полном объеме положительного исторического опыта и не в полной мере соответствует сегодняшним реалиям.

Ключевые слова: соучастие, ответственность соучастников, виды соучастников, подстрекатель, пособник.

Abstract. The given article considers the evolution of the institution of accompliceship in the form of complicity starting with the epoch of «Russkaya Pravda» and finishing with the criminal legislation of the Russian Federation currently in force. The author draws the conclusion that the modern concept of complicity to a crime has been formed without detailed consideration of positive historical experience and doesn't meet the requirements of today's reality.

Key words: complicity, responsibility of accomplices, types of accomplices, instigator, accessory.

В отечественном уголовном праве институт соучастия является одним из древнейших, а нормы, связанные с ответственностью за совместное совершение преступления несколькими лицами, были известны еще в Киевской Руси.

Впервые ответственность нескольких лиц была закреплена на законодательном уровне в «Русской правде» (начало XI – конец XIII в.). Например, в ст. 40 «Русской правды» в Краткой редакции говорится следующее: «Если украдут одну овцу, козу или свинью, притом одну овцу украли 10 (человек), то пусть положат по 60 резан штрафа (каждый)...» (Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. С. 81–85).

Вместе с тем первые положения о соучастии, содержащиеся в «Русской правде», еще не знали самого понятия соучастия, подразделения соучастников на различные виды также не существовало. В них устанавливалась лишь одинаковая ответственность всех участников преступления. Однако это нисколько не умаляет того факта, что данные положения «Русской правды» явились первым и значительным шагом в развитии института соучастия (Косарева Т. И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 12–13).

В дальнейшем уголовное право претерпело серьезные изменения в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства, о чем свидетельствуют судебники 1497 г. и

1550 г. Однако в этот период институт соучастия не получил заметного развития. Только в некоторых законодательных памятниках содержались отдельные указания о необходимости привлечения к ответственности всех участников преступления (Там же. С. 13). Так, в гл. 69 постановления церковно-земского собора говорится о сговоре как о разновидности совместной преступной деятельности, а также устанавливается ответственность за укрывательство (например, ст. 3 Губной Белозерской грамоты) (Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства: XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепина. С. 356).

Институт соучастия стал развиваться после принятия Соборного уложения 1649 г. (URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>). Именно в этом законодательном акте были выделены такие виды соучастников, как подстрекатель и пособник. Действия пособника могли выражаться либо в «подводе» (предоставление средств для совершения преступления), либо в «попоровке» (устранение препятствий при совершении преступления) (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 338). Законодатель, таким образом, определил способы пособничества.

Безусловно, Соборное уложение 1649 г. оказало серьезное влияние на развитие института соучастия. Именно с этого момента можно говорить о появлении специальных постановлений о соучастии: «...составители Соборного уложения попытались не только установить ответственный

ность за преступления, совершенные в соучастии, но и предприняли шаг в сторону законодательного закрепления понятия этого института, акцентировав особое внимание на умышленном характере деятельности виновных. Более того. Именно в этом памятнике средневековья впервые проводилось достаточно четкое и, по сути, завершенное деление соучастников на виды, с выделением фигур исполнителя, подстрекателя и пособника» (Пушкин А. В., Дидатов Ю. А. Понятие и признаки соучастия : учеб. пособие. М., 1998. С. 10–11).

С восшествием на престол Петр I осуществил ряд важных реформ, в том числе и в законодательстве. В этот исторический период уголовное законодательство представляло главным образом нормы военно-уголовного права. Основная часть этих норм была закреплена в Артикуле воинском 1715 г. с кратким толкованием (URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>). В нем были определены основные виды соучастников: исполнитель, подстрекатель, пособник, укрыватель, попуститель и недоноситель. Кроме того, Артикул воинский содержал положения, устанавливающие ответственность соучастников преступления. Ответственность по-прежнему была одинакова для всех действовавших лиц, за исключением преступлений небольшой тяжести. Допускалось менее строгое наказание в отношении пособников.

Вопросы соучастия получили отражение и в уголовно-правовых воззрениях Екатерины II, навеянных трудами просветителей XVIII в. (Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и др.). Об этом свидетельствует содержание Наказа Екатерины II от 1767 г. В нем было представлено прогрессивное требование дифференцированной ответственности соучастников. Однако этому было не суждено воплотиться в жизнь (Косарева Т. И. Указ. соч. С. 16).

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, что послужило новой отправной точкой в развитии уголовного права. Составители данного документа уделили большое внимание регулированию вопросов ответственности соучастников, что, безусловно, сыграло положительную роль. Соучастию в преступлении впервые были посвящены специально обособленные нормы закона: статьи отделения третьего «Об участии в преступлении» главы первой (ст. 13–15) и отделения второго «О мере наказания» главы третьей (ст. 123–129) (Российское законодательство X–XX веков / под ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 175, 197).

Например, в ст. 15 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было дано развернутое определение понятия пособника, содержащее исчерпывающий перечень способов по-

собничества. Такой описательный способ определения пособника с указанием именно исчерпывающего перечня способов пособничества будет использоваться во всех последующих уголовных законах.

Таким образом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в части регулирования вопросов соучастия в преступлении явилось своеобразным итогом законодательного опыта и научной мысли того времени. Бесспорно то, что «стержневые положения закона, определившие основы данного института в целом, имели неосценимое значение при конструировании уголовно-правовых норм о соучастии в будущем» (Пушкин А. В., Дидатов Ю. А. Указ. соч. С. 15).

Усовершенствование норм о соучастии произошло в Уголовном уложении 1903 г., которое, однако, так и не было полностью введено в действие (СПб., 1903). Между тем в ст. 51 Уголовного уложения указывалось: «В преступном деянии, учиненном несколькими лицами, согласившимися на его или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признаются те, которые: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, доставшими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное» (Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 105).

В Уголовном уложении 1903 г. система видов соучастников была значительно упрощена и более четко определена, по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных. Понятие пособника было сформулировано весьма лаконично и включало гораздо меньший перечень способов пособничества. Помимо этого ответственность соучастников зависела от вида совершенного преступления, степени участия в совершении преступления, а также учитывался добровольный отказ соучастников.

После Октябрьской революции были приняты декреты, постановления и инструкции, которые положили начало советскому уголовному законодательству. В законодательных актах советской власти не было понятия соучастия, не давалось определения видов соучастников, поэтому к соучастникам преступления часто относились и лица, прикосновенные к преступлению. Более того, в постановлениях и декретах четко был установлен принцип равной ответственности всех соучастников преступления, а также прикосновенных к преступлению лиц.

Двенадцатого декабря 1919 г. были приняты Руководящие начала по уголовному праву

РСФСР, раздел пятый которых специально посвящался вопросам соучастия в преступлении (Собр. узаконений РСФСР. 1919. № 66, ст. 590). В ст. 5 данного раздела мера наказания определялась не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния (Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.) : учеб. пособие. М., 1938. С. 37). В ст. 24 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР было не совсем удачно сформулировано понятие пособника: оно включало в себя укрывательство и попустительство. То есть в Руководящих началах понятие пособничества трактовалось очень широко, что было свойственно уголовному праву начального периода становления советской власти. Так, по мнению П. И. Гришаева и Г. А. Кригера, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР в рамках пособничества закрепили институт прикосновенности к преступлению в виде заранее не обещанного укрывательства и попустительства (Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959).

Уголовный кодекс (далее: УК) РСФСР от 26 мая 1922 г. несколько усовершенствовал нормы о соучастии (Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153). Так, в ст. 15 УК РСФСР отмечалось, что при назначении наказания необходимо определять как степень участия, так и степень опасности преступника и совершенного им преступления. Из действий пособника было исключено попустительство, но при этом к действиям пособника по-прежнему относилось укрывательство. Причем непонятно, о каком именно укрывательстве шла речь: о заранее обещанном или же о любом укрывательстве (Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Сер.: Уголовное право. Свердловск, 1962. Т. 5. С. 81).

В Основных началах уголовного законодательства, принятых постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., определения отдельных видов соучастников отсутствовали. Вопросы соучастия регулировались довольно кратко лишь в ст. 12: «Меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении».

Основные начала уголовного законодательства, таким образом, по сравнению с УК РСФСР 1922 г., формулировали ответственность соучастников на основании двух критериев – степени социальной опасности и степени его участия в преступлении (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1983. С. 24.).

УК РСФСР от 22 ноября 1926 г. определял пособника аналогичным образом, как и УК РСФСР 1922 г. (Собр. Узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600). Перечень действий пособника дополнило содействие совершению преступления предоставлением средств. При этом относительно содействия совершению преступления сокрытием преступника или следов преступления по-прежнему не делалось уточнений.

Существенные изменения в регулирование вопросов об ответственности за соучастие внесли Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. В законе появилось указание на умышленный характер соучастия. Существенно расширилось понятие пособника: «Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем» (URL: <http://pravo.levonevsrgy.org/baza/soviet/sssrg6067.htm>). Таким образом, законодатель специально отмечал, что только заранее обещанное укрывательство считается пособничеством. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступника отдельно была предусмотрена в ст. 18.

Следует подчеркнуть, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. понятие пособничества и положения, касающиеся пособничества совершению преступления, были сформулированы на высоком уровне. По этой причине УК РСФСР 1960 г. полностью продублировал понятие пособничества и положения, касающиеся пособничества совершению преступления, без каких либо изменений и дополнений (Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591).

Развитие советского общества требовало изменений и в нормативно-правовой базе. По этой причине 2 июля 1991 г. было принято постановление Верховного Совета СССР № 2282-I «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» (URL: http://zonazakona.ru/law/docs_ussr/115/). В Основах уголовного законодательства понятие пособника не подверглось изменениям и было закреплено в ст. 19. Кроме того, данная статья определяла и других соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель), а также регулировала вопросы ответственности соучастников.

Распад СССР и образование СНГ вызвали необходимость в очередных изменениях законодательства. Так, 17 февраля 1996 г. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 7-5 был принят Модельный Уго-

ловный кодекс, который стал рекомендательным законодательным актом для стран Содружества (URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901781490>).

УК РФ 1997 г. в части соучастия в преступлении вобрал в себя все задачи и принципы Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954). По этой причине, несмотря на значительные преобразования, произошедшие в стране и обществе, изменений в понятии пособника преступлению не произошло.

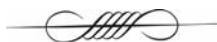
В 2010 г. в рамках усиления борьбы с терроризмом в России и мире 9 декабря 2010 г. был принят Федеральный закон № 352 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Он закрепил пособничество терроризму как самостоятельный состав преступления, добавив новую часть (ч. 3) в ст. 205.1 УК РФ, существенно ужесточил санкции за пособничество и дал новое определение пособничества: в примечании 1.1 к статье «Под пособничеством в настоящей статье понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его соверше-

нию, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы» (Рос. газ. 2010. 13 дек.). В своей сути данное определение несколько отличается от определения понятия «пособник», содержащегося в ч. 5 ст. 33 УК РФ: в нем изменена формулировка «заранее обещавшее» на «равно обещание».

Проанализировав развитие института соучастия в виде пособничества совершению преступления, можно сделать следующие выводы.

1. Становление данного института проходило в соответствии с особенностями конкретного исторического периода.

2. Современное понятие пособничества преступлению сформулировано без учета в полном объеме положительного исторического опыта и не в полной мере соответствует сегодняшним реалиям, о чем свидетельствуют последние изменения, касающиеся пособничества терроризму. Однако будем надеяться, что в дальнейшем законодателю удастся найти решение спорных вопросов и устранить имеющиеся пробелы относительно пособничества.

Библиографический список

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д, 1995.
2. *Косарева Т. И.* Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Косарева Татьяна Ивановна. – Рязань, 2004.
3. *Пушкин А. В.* Понятие и признаки соучастия : учеб. пособие / А. В. Пушкин, Ю. А. Дидатов. – М., 1998.

References

1. *Vladimirskiy-Budanov M. F.* Review of the History of Russian Law / M. F. Vladimirskiy-Budanov. – Rostov n/D, 1995.
2. *Kosareva T. I.* Complicity to Crime Commission / Kosareva Tatyana Ivanovna. – Ryazan, 2004.
3. *Pushkin A. V.* Concept and Features of Accompliceship / A. V. Pushkin, Yu. A. Didatov. – M., 1998.

УДК 94(450)(09)

М. А. Горбунов,

доцент кафедры теории и истории

государства и права

Российской правовой академии Минюста России

кандидат юридических наук

П. А. Ананьин,

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

M. A. Gorbunov,

Associate Professor of the Department

of Theory and History of State and Law

of the Russian Legal Academy

of the Ministry of Justice of Russia

Candidate of Law

P. A. Ananyin,

Senior Lecturer of the Department

of Civil Law Studies of VLI of the FPS of Russia

Candidate of Law

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЕРВИТУТОВ СЕЛЬСКИХ
И ГОРОДСКИХ ИМУНИИ В СИСТЕМЕ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА I–III ВВ. Н. Э.**

**Functional Aspects of Realization of Servitudes of Rural and Urban Estates in the System
of Roman Private Law (I–III Centuries A. D.)**

Аннотация. На основе анализа трудов ведущих древнеримских юристов авторы делают вывод о существовании в системе римского частного права классического периода общей формально-юридической конструкции вещного сервитутного права, применимой к правам сельских и городских имений. При этом в системе римского частного права классического периода не существовало какого-либо закрытого перечня сервитутов сельских и городских имений. Указанные обстоятельства являлись важными функциональными аспектами реализации данного права.

Ключевые слова: servitutes rusticorum et urbanorum praediorum, система римского частного права, признаки сервитутного права, реализация сервитутного права, содержание сервитутного права.

Abstract. On the basis of the works by leading ancient Roman lawyers the author concludes about the existence in the system of Roman private law of a classical period of general formally legal construction of proprietary servitude law applicable to the rights of rural and urban estates. At the same time in the system of Roman private law of the classical period there wasn't any closed list of servitudes of rural and urban estates. The given consequences served important functional aspects of realization of the given right.

Key words: servitudes of rural and urban estates, the system of Roman private law, signs of servitude law, realization of servitude law, content of servitude law.

Наряду с собственностью и владением древнеримскими юристами было детальнейшим образом разработано такое вещное право, как сервитуты. В самом общем виде понятие сервитута можно определить как **защищаемое абсолютным образом право использовать те или иные свойства чужой вещи**. Природа сервитутного права обусловлена тем, что физическое бытие любой вещи неотделимо от ее отношения к другим вещам. Существование всякой вещи, ее особенности и свойства, возможность полноценного использования в хозяйственном обороте зависят от совокупности ее отношений к другим вещам объективного мира, которые в свою очередь также используются в хозяйственном обороте. В результате этой объективной закономерности полноценное использование собственником в хозяйственном обороте большинства вещей пред-

полагает необходимость использовать в разной степени те или иные свойства вещей, принадлежащих другим лицам. При этом степень и функциональное назначение использования чужой вещи могут быть различными, определяемыми в конечном итоге общепризнанными интересами собственников и владельцев соотносимых вещей.

В силу социальной значимости и устойчивости этих интересов, а также их качественной связи с правом собственности подобное использование чужой вещи предстает в виде вещного права, т. е. в рамках правоотношения, управомоченная сторона которого (сервитуарий) имеет право защищать свое притязание на пользование чужой вещью против любых третьих лиц, не исключая и собственника.

Юридическое содержание сервитутного правоотношения включает в себя как минимум двух субъектов: обязанное лицо, собственника какой-либо вещи (движимой или недвижимой), и управ-

вомоченное лицо, сервитуарий, который имеет право требовать от первого извлекать те или иные свойства из чужой вещи. Классическое римское право подразделяло все сервитуты на вещные (или реальные) и сервитуты личные. Марциан отмечал: «Сервитуты суть или личные, как то: пользование и узупфрукт; или сервитуты вещные, как то: сервитуты сельских и городских имений» (Д.8.1.1)¹. Главнейшее различие между этими сервитутами заключалось в степени удовлетворения интересов сервитуария в отношении чужой вещи.

Говоря о реальных сервитутах, необходимо заметить, что интерес сервитуария в данном случае направлен лишь на использование каких то отдельных, узких, побочных свойств чужой вещи. Примером тому могут служить четыре древнейших сервитута, введенные еще законом XII таблиц. К ним относились: право прохода через соседний участок (*iter*), право прогона скота через участок соседа (*actus*), право проезда через участок соседа на груженой телеге (*via*) и право проведения воды через чужой участок (*aquaeductus*). В первом случае сервитуарий заинтересован только в том, чтобы беспрепятственно пройти через участок соседа, во втором случае – только чтобы прогнать скот, в третьем случае – проехать на телеге и т. д. По отношению к хозяйственному назначению участка эти свойства узки и побочны.

Каждый из личных сервитутов призван удовлетворить интерес сервитуария в более широком смысле, дать ему возможность использования не побочных, а основных свойств чужой вещи. Классическое римское право знало четыре типа личных сервитутов: пользование чужой вещью без извлечения доходов (*usus*); пользование чужой вещью с правом извлечения плодов и доходов (*ususfructus*), право пожизненного проживания в чужом доме (*habitatio*), право пользоваться трудом чужих рабов или животных (*operai servorum vel animalium*). Во всех перечисленных случаях сервитуарий с точки зрения удовлетворения своего интереса приближается к собственнику, конкурирует с ним в том смысле, что он использует вещь по прямому назначению, для достижения тех хозяйственных целей, для которых вещь предназначена и для которых ее ранее использовал сам собственник. То есть содержание любого личного сервитута шире, чем содержание сервитута реального.

¹ Цитирование трудов древнеримских юристов осуществляется по: Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002. Т. 2. Дигесты Юстиниана делятся на 50 книг, книги – на титулы, титулы – на фрагменты, фрагменты могут состоять из параграфов. В связи с этим способ цитирования Дигест следующий: Д.8.5.6.2 – Д – Дигесты; 8 – книга; 5 – титул; 6 – фрагмент; 2 – параграф.

Отсюда вытекает еще одно различие реальных и личных сервитутов, кроющееся в способах их возможного прекращения. Так, личный сервитут по своей природе прекращается смертью сервитуария. Например, право пользования чужой вещью всегда прекратится смертью того лица, которому собственник доверил пользоваться вещью. Сервитут же реальный смертью конкретного сервитуария никогда не прекращается, в подобных случаях он всегда переходит к наследнику умершего.

Рассмотрим реальные сервитуты более подробно. Правовая конструкция реального сервитута проста. Она всегда включает в себя два объекта недвижимости, находящихся рядом либо недалеко друг от друга: два земельных участка, два дома, два имения, две постройки и т. д. При этом один объект недвижимости (господствующий) имеет какие-либо объективные недостатки, которые легко устраняются путем использования какого-либо побочного свойства второго объекта недвижимости (служащего). Собственник первого объекта недвижимости (сервитуарий) будет наделен сервитутным правом в отношении второго объекта, собственник которого в свою очередь будет считаться лицом обремененным сервитутным правом. Например, Тицию принадлежит большой земельный участок, примыкающий к дороге. Испытывая недостаток в деньгах, Тиций захотел продать часть земельного участка Агерию, но ту его часть, которая находится дальше от дороги. Естественно, что Агерий купит часть участка только в том случае, если Тиций, продав часть участка, одновременно с ним продаст ему несколько вещных сервитутов, необходимых для нормального использования части участка: право беспрепятственного проезда и, возможно, проведения водопровода, а также клоаки (канализации). Без них покупка удаленной от дороги части участка для Агерия не имеет смысла. В этом случае Агерий будет собственником господствующего участка, а участок Тиция будет обременен сразу тремя сервитутами (служащий участок).

Получив данные сервитуты, Агерий сможет пользоваться каждым из них в строго определенном отношении, отступить от которого нет никакой возможности. Например, право проезда дает возможность проходить через чужой участок как пешком, так и проезжать его в повозке (поскольку более обременительный сервитут – проезд – включает в себя и менее обременительный – проход). Однако Агерий должен будет раз и навсегда придерживаться одного и того же маршрута проезда, так как изменить его невозможно. Похожий казус приводит Павел: «Кто имеет право прогона скота, тот может вести телегу и проводить скот. Но перетаскивать камень или

бревно никто из них не имеет права» (Д.8.3.7). Так, Цельс пишет: «Если кому-нибудь уступлен или просто оставлен проезд через какой-либо участок на неопределенное время, то это значит, что сервитуарию можно будет ходить и ездить через любую часть участка, но со строгим соблюдением интересов собственника: ибо в уговоре некоторые правила принимаются молчаливо. Действительно, не следует позволять ему ходить и ездить через сам дом или через середину виноградника, так как проход или проезд с одинаковым удобством может производиться через другую часть имения с меньшим вредом для имения, которое обременено сервитутом. Но установлено, что там, где он впервые проложил путь, только по тому пути он должен ходить или ездить и не властен более изменить его. Так рассматривает этот вопрос и Сабин, ссылаясь на пример водостока, который сначала можно провести куда угодно, но, после того как он проведен, его нельзя перемещать; что правильно соблюдать и в отношении пути» (Д.8.1.9).

Что-то построить на маршруте проезда также нельзя. Единственное, что может требовать Агерий от Тиция в будущем, чтобы Тиций не мешал проезду, чего-либо другого требовать нельзя. Как точно отмечает Помпоний, «природа сервитута не в том, чтобы кто-либо произвел какое-либо действие, например, уничтожил зеленые насаждения, или предоставил более приятный вид на окружающий участок соседа местности, или расцвечивал его как свой, но в том, чтобы лицо допускало что-либо или не делало чего-либо» (Д.8.1.15.1). Следовательно, суть обременения для Тиция в том, что он должен допускать проезд либо не препятствовать ему. В противном же случае, если возложить на собственника служащего участка совершение какого-либо положительного действия, такой сервитут полностью «сопьется» с обязательством, ведь суть любого обязательства в том, чтобы возложить какое либо положительное и строго определенное действие на одну из сторон. Таким образом, разграничительным признаком реальных сервитутов и обязательств является характер действия собственника служащего участка (При этом характер действия второй стороны (сервитуария) можно положить в основу классификации реальных сервитутов). При сервитутах он всегда носит отрицательный характер, направленный на воздержание собственника обремененного участка от каких-либо действий в пользу сервитуария. В любом же обязательстве должник (обязанная сторона) обязан, как правило, совершить положительное действие в пользу кредитора. Так, если маршрут проезда пострадает от дождей и утонет в грязи, то отремонтировать дорогу, чтобы обеспечить проезд, будет

Агерий, а не Тиций¹. В большинстве же обязательств, наоборот, действие совершает обязанная сторона.

Однако существуют и так называемые отрицательные обязательства, согласно которым должник обязывается воздерживаться от совершения того или иного действия, например, ссудодатель обязался не требовать возврата вещи от ссудополучателя ранее чем через три года. Разграничить такие обязательства с вещным сервитутом достаточно просто, нужно лишь указать, что в любом отрицательном обязательстве действие должника всегда носит временной характер, ведь не может быть обязательства, не ограниченного временем. В любом же вещном сервитуте обязанность собственника служащего участка воздерживаться от нарушения прав сервитуария временем не ограничена. Этот признак вещных сервитутов точно подмечен Папинианом, который утверждал: «Сервитуты в силу своего существа не могут быть устанавливаемы ни начиная с определенного времени и до определенного времени, ни под условием, ни до наступления известного условия» (Д.8.1.4). В этом смысле можно говорить о «вечности» сервитутного права.

Вместе с тем существовали и такие вещные сервитуты, где собственник служащего участка был обязан совершать в пользу сервитуария некоторые положительные действия, т. е. речь идет о сервитутах положительных. Например, сервитут вида, суть которого в том, что собственник служащего участка должен был обеспечить жителям господствующего участка вид на местность и с этой целью должен был постригать кроны деревьев. Об этом говорит Ульпиан: «Существует и сервитут, заключающийся в том, чтобы не заслонять вид» (Д.8.2.3). Однако такое по-

¹ Цельс отмечал: «Если в силу легата предоставлен проход, а по этому месту нельзя идти, не произведя работ, то Прокул говорит, что разрешается провести дорогу, делая выемки и насыпи» (Д.8.1.10). Однако из общего правила о том, что в вещных сервитутах собственник служащего участка не обязан совершать каких-либо действий в пользу сервитуария были, конечно же, и исключения в виде сингулярных норм. Так, Павел приводит такой казус: «Колонну, которая несет тяжесть постройки соседа, должен содержать в исправном состоянии тот, кому принадлежит обремененное сервитутом здание, а не тот, кто хотел бы положить на нее груз. Ибо когда в законе написано так: “стена для поддержания тяжести должна быть такой, какова она теперь”, то это достаточно ясно означает, что стена здесь должна быть всегда; этими словами не сказано, что эта стена должна сохраняться навсегда, вечно одной и той же, чего даже не может быть, но что всегда должна быть стена такого рода, чтобы поддерживать тяжесть. Таким образом, если бы кто-нибудь заверил кого-то, что предоставит сервитут, который бы поддерживал для него тяжесть, и если то имущество, которое обременено сервитутом и поддерживает для тебя тяжесть, погибло бы, то на его месте должно появиться другое» (Д.8.2.33).

ложительное действие хозяина служащего участка не идет вразрез с природой сервитута, ведь любое действие должника в обязательстве носит строго определенный характер, и изменить характер действия своей волей должник не может. Здесь же собственник участка может своей волей изменить характер действия. Так, он может выкорчевать деревья, заслоняющие вид вообще, и ему не надо будет постригать их кроны. Между тем подчеркнем, что это, как и было принято в римской традиции, только общее правило, из которого интерпретациями могли быть сделаны исключения. Тот же Ульпиан приводит такой казус: «В отношении сервитута, который установлен для поддержания тяжести нагрузки (например, балка опирается на стену соседа), нам принадлежит иск о поддержании тяжести и о ремонте здания (которое на служащем участке) для приведения его в такое состояние, которое имелось в виду при установлении сервитута; и Галл считает, что нельзя устанавливать сервитут таким образом, чтобы кто-либо обязывался к какому-либо действию (так как это уже обязательственное право), но в силу сервитута нельзя препятствовать моим действиям: ибо во всех сервитутах производство ремонта возлагается на того, кто утверждает, что ему принадлежит сервитут, а не на того, чья вещь обременена сервитутом. Но в данном вопросе взяло вверх мнение Сервия о том, что за лицом может быть признано право принуждать противника произвести ремонт стены для поддержания тяжести строения истца. Однако Лабейон в отношении этого пишет, что обязанным по этому сервитуту является не человек, а вещь, и в конце концов собственнику всегда разрешается бросить вещь» (Д.8.5.6.2).

Как отмечалось выше, сервитут как вещное право не может быть ограничен временем. В противном случае это будет обязательство. Однако время может относиться к способу осуществления сервитута. Так, нельзя установить право прохода на три года, но можно установить право прохода в светлое время суток, например с утра и до вечера. «Промежутки дней и часов относятся не к обстоятельствам времени, а к способу установления сервитута», – точно формулирует Папиниан (Д.8.1.4.2). Гай отмечает, что: «пользование сервитутами может различаться по временным ограничениям. Например, чтобы кто-нибудь пользовался этим правом с наступления третьего вплоть до десятого часа или чтобы пользовался через день» (Д.8.1.5.1). Юлиан полагает: «Ничто не мешает так установить право прохода, чтобы кто-нибудь проходил лишь днем; что обычно также необходимо по отношению к городским имениям» (Д.8.4.14).

Предметом вещного сервитута могут быть только такие свойства чужой вещи, которые объ-

ективно улучшают свойства соседнего объекта недвижимости. Если же улучшение субъективное, отвечающее специфическим требованиям только одного хозяина господствующего участка, такой сервитут не удовлетворяет праву. «Поскольку сервитуты не существуют ни для людей, ни для имений, если при этом они не служат интересам соседей, то не имеет силы, например, сервитут, предмет которого выражался бы в том, чтобы ты не ходил по своему участку, или не находился на нем; также если ты сделал мне уступку и указал, что ты не имеешь права пользоваться твоим участком и извлекать из него плоды, то эта уступка недействительна; но совершенно иное дело, если ты, например, сделал мне уступку и указал, что ты не имеешь права брать на своем участке воду, чтобы не уменьшать количества воды, идущей ко мне», – приводит показательный казус Помпоний (Д.8.1.15), имея в виду, что большее количество поступающей на участок воды объективно улучшает его. Другими словами, любой реальный сервитут должен быть объективно полезен участку, а не хозяину участка, хотя иногда допустимо и такое. Ульпиан приводит такой пример: «Нераций в книгах “Из Плавция” говорит, что ни право пользования водой, ни право прогона скота на водопой, ни право извлекать мел или обжигать известь на соседнем участке не могут быть установлены, кроме как того случая, когда это нужно соседнему участку, и он говорит, что так считали Прокул и Атилицин. Но сам он утверждает, что можно, чтобы сервитут обжигания извести и извлечения мела наилучшим образом мог быть установлен, но лишь до тех пор, поскольку это нужно для самого соседнего участка, как, например, он (участок) имел гончарные мастерские, в которых делаются такие сосуды, в которых вывозятся плоды поместья...» (Д.8.3.5–6). А Папиниан приводит такой казус, где практически невозможно различить, полезен ли больше сервитут самому участку, или хозяину участка: некто указал в завещании, что дарит соседу право прогона скота к водопою и одновременно право пасти скот на собственном участке. Очевидно, что пока хозяин соседнего участка (сервитуарий) занимается разведением скота на своем участке, то это объективно улучшает принадлежащий ему господствующий участок, но если он перестанет заниматься скотом, то эти подаренные ему сервитуты объективно улучшать соседний участок не будут. Что тогда произойдет с этими сервитутами? Папиниан делает такой вывод: «Сервитуты пастбы так же, как и прогон скота к водопою, если доходы имения состоят в скоте, очевидно скорее суть предиальные, чем сервитуты личные. Если же завещатель указал лицо, которому он пожелал предоставить сервитут, то вновь купившему это

имение или его наследнику не будет предоставляться ни один из этих сервитутов» (Д.8.3.4). То есть сервитут, установленный в пользу не участка, а его собственника рассматривается как личный. Личный сервитут не переходит ни по наследству, ни к новому собственнику недвижимости. «Когда на одно имение установлен сервитут в пользу другого имения, то сервитуты остаются также после продажи имения», – предельно ясно выражает это свойство реальных сервитутов Павел (Д.8.4.12).

Неотъемлемым свойством любого вещного сервитута является его безусловный приоритет перед правами собственника служащего участка. Как бы сильно сервитут не ущемлял его интерес, помешать осуществлению сервитута он не в состоянии. Однако со стороны сервитуария пользование таким сервитутом не должно выходить за рамки добросовестности и хозяйственной целесообразности, поскольку эти категории будут положены в основу судебного решения. Так, например, разводить огонь на собственном участке для сжигания листьев, приготовления еды, строительства, а следовательно, выпускать дым вполне допустимо. Подобные действия возможны и без какого-либо сервитута. Однако для того чтобы выпускать дым из сыроварни, нужен сервитут. Ульпиан приводит такие суждения: «Аристон в своем ответе Цереллию Виталису указал, что он не считает возможным по праву выпуск дыма из сыроваренного заведения в вышерасположенные строения, разве бы имелся такой сервитут. Он же говорит: и из верхних зданий в нижние не разрешается пускать ни воду, ни что-либо иное; на своем участке дозволяется делать это, если это не проникает на чужой участок; пуск дыма то же, что выпуск воды; поэтому верхний собственник может предъявить иск к нижнему собственнику о том, что последнему не принадлежит право так поступать. Наконец, он говорит, что Алфен пишет, что может также разбираться на суде, что у соседа нет права на своей земле добывать камень так, чтобы на землю моего соседнего поместья падали обломки. Итак, Аристон говорит, что тому, кто арендовал у минтурнийцев сырокопильню, его верхним соседом может быть запрещено пускать дым... Таким образом, он говорит, можно настаивать в суде, что у того, кто выпускает этот дым, нет права его пускать. А следовательно, и наоборот, можно в определенных случаях судиться о том, что такое право есть» (Д.8.5.8.5).

Как признак реального сервитута можно рассматривать следующее его свойство: собственная вещь ни при каких обстоятельствах не может быть объектом сервитутного права. Как указывает Яволен: «Я продаю собственную землю, могу ли я присоединить к договору продажи такой

сервитут, чтобы земля была обременена сервитутом одновременно в пользу и меня и соседа? Подобным образом, если я продаю только общую землю, могу ли я достигнуть того, чтобы она была обременена сервитутом в пользу меня и совладельца? Я ответил: принимать сервитут, кроме как для себя, не может никто: таким образом, при добавлении соседа он должен считаться излишним, так что сервитут целиком относится к тому, кто его принял. А так, чтобы общая земля при продаже была обременена сервитутом в пользу меня и сосовладельца, я не могу сделать, так как нельзя посредством одного сосовладельца приобретать сервитут для общей земли» (Д.8.4.5).

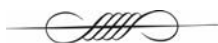
Как на признак римских реальных сервитутов можно указать на свойство их неделимости. Сервитутное право юридически никогда не может быть отделено ни от служащего, ни от господствующего участка. Любой сервитут может прекратиться только целиком. Эту мысль точно выражает Помпоний: «Сервитутная обязанность не может заключаться в части проезда, прохода, прогона скота, проведения воды, так как пользование этим неделимо; поэтому если договорившийся о сервитуте (сервитуарий) умрет, оставив несколько наследников, то отдельные наследники требуют проезда каждый в полном объеме, и если обещавший предоставить сервитут умрет, оставив несколько наследников, то к отдельным наследникам предъявляется требование в полном объеме» (Д.8.1.17). При общей собственности он не может быть дан кому-то одному.

По общему правилу, большинство связанных сервитутным правом объектов недвижимости должны были иметь общую границу, однако для некоторых объектов было достаточно, чтобы имения находились в пределах видимости друг от друга, пусть даже они были разделены общественным местом. Павел приводит такой пример: «Если между имениями находится общественное место или общественная дорога, то сервитут черпания воды может быть установлен, а сервитут провода воды – не может, но принято испрашивать разрешение у императора на провод воды через общественную дорогу без причинения обществу неудобства» (Д.8.1.14.2). В этой связи важна еще одна мысль Павла: «В сельских имениях установлению сервитута препятствует лежащее посредине имение, на которое нет сервитута» (Д.8.3.7.1).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: в системе римского частного права классического периода не существовало какого-либо закрытого перечня сервитутов сельских и городских имений. Хозяева соседних недвижимостей могли собственным соглашением создавать новое вещ-

ное сервитутное право с абсолютно любым, приемлемым для них, содержанием. Главное, чтобы данное соглашение отражало в себе те общие

формально-юридические признаки конструкции сервитутного права, которые выработала к тому времени римская юридическая мысль.

Библиографический список

1. *Барон Ю.* Система римского гражданского права / Ю. Барон. – СПб., 2005.
2. *Гарсия Гарридо М. Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты / М. Х. Гарсия Гарридо. – М., 2005.
3. Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 2 / отв. ред. Л. Л. Кофанов ; пер. с лат. Д. В. Афиногенова [и др.]. – М., 2002.
4. *Дождев Д. В.* Римское частное право : учеб. для вузов / Д. В. Дождев. – М., 2004.
5. *Рассолов М. М.* Римское право / М. М. Рассолов, М. А. Горбунов. – М., 2009.

References

1. *Baron Yu.* The System of Roman Civil Law / Yu. Baron. – SPb., 2005.
2. *Garsia Garrido M. H.* Roman Private Law: Cases, Claims, Institutions / M. H. Garsia Garrido. – M., 2005.
3. Digest of Justinian. In 8 vol. Vol. 2 / ed. by L. L. Kofanov. – M., 2002.
4. *Dozhdev D. V.* Roman Private Law / D. V. Dozhdev. – M., 2004.
5. *Rassolov M. M.* Roman Law / M. M. Rassolov, M. A. Gorbunov. – M., 2009.

Ю. Е. Ерохина,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

Yu. E. Erohina,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ)

Social and Economic Model of a Society (Considering the Example of Sweden)

Аннотация. Статья посвящена характеристике социально-экономической модели государства на основе анализа Шведской модели.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, шведская модель, социальная политика, социальное государство, полная занятость, социальная справедливость, прогрессивная система подоходных налогов.

Abstract. The article characterizes social and economic model of a state analyzing «the Swedish model».

Key words: social and economic development, «the Swedish model», social policy, social society, full-day occupation, social justice, progressive system of income-tax.

Появление на современной карте мира все новых государств уже никого не удивляет. При этом их социально-экономическое развитие, политическое устройство часто становятся объектом научных дискуссий. Нередко возникновение политико-правовых и социальных образований происходит на основании эталонов, сформировавшихся в так называемых развитых в социально-экономическом плане странах. Продуманная социальная политика, которая является обязательной частью внутренней политики любого государства, представляет собой своеобразный проводник в процессе общения государства со своими гражданами.

Социальная ориентированность государства и его экономическая основа – две взаимосвязанные и взаимообуславливающие категории.

Социальным называется такое государство, которое отвечает интересам большинства граждан, а не отдельной олигархической элите, которое базируется на представлениях античных мыслителей об идеальном государственном устройстве, обеспечивающем всеобщее благо для всех граждан (Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестн. рос. ун-та дружбы народов. 2000. № 2. С. 47). Экономически же развитым можно считать то государство, в котором основными политико-социальными началами являются такие категории, как «полная занятость» и «выравнивание доходов населения», в совокупности влияющие на жизнь в стране и поддерживающие ее высокий уровень.

Примером социального и экономического развития государства является Швеция. Изучение шведской модели социально-экономического развития может быть полезно при создании и выработке собственной модели, которая бы мак-

симально эффективно решила социальные проблемы именно в российском обществе.

В Швеции существует скандинавская модель социальной политики. В модели данного типа значительную часть расходов на социальные нужды берет на себя государство. Именно оно является основным производителем социальных услуг (Максимова А. А. Модели социальной политики зарубежных стран и выбор России // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2002. № 1–2. С. 6). В Швеции возникли и получили развитие такие понятия, как «политика полной занятости», «солидарная система зарплат», «шведская модель экономики».

В чем же заключаются особенности социально-экономической политики этой северной страны?

Термин «шведская модель экономики» появился в конце 60-х гг. XX в. и подразумевал под собой сочетание экономического роста и социальной стабильности. Основными целями указанной экономической модели являются полная занятость и выравнивание доходов населения. Социальная справедливость, недопущение классовых конфликтов, принцип уравнивания доходов (за счет прогрессивной системы подоходных налогов) – это те стержни шведской ментальности, которые позволяют поддерживать уровень жизни в этой стране на одном из самых высоких уровней в мире.

Забота о материнстве и детстве, пенсионное обеспечение пожилых лиц и инвалидов, социальная инфраструктура в городах Швеции свидетельствуют о высоком уровне интеграции государственных элементов для обеспечения лучшей жизни своих граждан.

Швеция – одна из немногих стран, максимально приблизившихся к окончательному решению гендерного вопроса. В этой стране мужской и женский пол равномерно представлен в любой сфере науки, искусства, промышленности, т. е. и мужчины, и женщины имеют равные

права, возможности, обязанности. Так, Швеция занимает лидирующее место по количеству женщин на руководящих постах и среди членов парламента (Чернышева О., Коликов Н. И Швеция – не без проблем. URL: http://www.rau.su/observer/N04_00/04_10.HTM). Для реализации этой цели в стране создан ряд специальных структур, решающих вопросы равноправия полов на государственном уровне. Каждый министр несет ответственность за соблюдение принципов равноправия в подведомственной ему области.

Институт омбудсмана по вопросам равноправия полов появился в Швеции в 1980 г. В обязанности уполномоченного входит контроль за соблюдением принципов равноправия полов в шведских школах, вузах, сфере услуг. Кроме того, к полномочиям омбудсмана относится контроль трудовой политики и системы социального страхования. Фактически омбудсмен следит за соблюдением и выполнением следующих пяти шведских законов:

1) Закон о равноправии мужчин и женщин (регулирует принципы равноправия в сфере трудовых отношений);

2) Закон о равном отношении к студентам вузов (регулирует принципы равноправия в сфере высшего образования);

3) Закон о запрете дискриминации и другого оскорбительного обращения с детьми и учащимися (регулирует принципы равноправия полов в сфере начального, среднего и среднеспециального образования);

4) Закон о запрете дискриминации (при запрете дискриминации по половому признаку);

5) Закон об отпуске по уходу за ребенком (URL: <http://norse.ru/society/Sweden/gendernajapolitika.html>).

Все дети в Швеции, независимо от доходов родителей, получают до 18 лет ежемесячное пособие, что говорит о продуманной, ориентированной на благополучие семьи, социальной политике. Оба родителя в связи с рождением ребенка имеют право на 480-дневный отпуск, который делится между обоими родителями по их усмотрению. Максимальный размер оплаты отпуска по уходу за ребенком составляет 874 шведские кроны в день. Доходы, полученные родителями за время данного отпуска, облагаются налогами и учитываются при выходе на пенсию. 390 из 480 дней оплачиваются аналогично отпуску по временной нетрудоспособности (80 % от совокупного годового дохода), а остальные 90 дней оплачиваются по минимальным тарифам (180 крон в день). Первые 60 дней отпуска по уходу за малышом закреплены за каждым родителем персонально (мама не имеет права отказаться от отпуска в пользу папы и наоборот).

Образовательный рынок Швеции также является предметом заботы государства и постоянных

инвестиций в него, в связи с чем система образования общедоступна, а благодаря налоговым поступлениям среднее и высшее образование бесплатное.

В профессионально-трудовой сфере существует следующая, хорошо зарекомендовавшая себя, тенденция: если человек потерял свое место работы по каким-либо причинам, государство обеспечивает ему реализацию социальной программы поиска новой работы или его переквалификации, что способствует быстрому вовлечению человека в производственную (новую для него) профессиональную среду. Социальная программа по трудоустройству действует по следующему принципу: кадровые службы в каждом конкретном случае, анализируя данные того или иного соискателя, его квалификацию, уровень заработной платы, причины потери работы, подбирают определенные вакансии, отвечающие потребностям и запросам соискателя. Причем подбор вакансии строго индивидуализирован и ориентирован на быстрый поиск места трудоустройства соискателя.

Данная тенденция проявляется и в сфере трудоустройства инвалидов. При социальных службах существуют специальные центры по найму инвалидов на работу, где им оказывается помощь в поисках работы, выделяются пособия для оплаты специального транспорта. Информация о таких центрах занятости размещена в различных консультационных буклетах.

Обращаясь к экономической составляющей шведской модели, нужно остановиться на предпринимательстве.

Предпринимательство в Швеции идет по пути социального партнерства, что во многом обусловлено ментальностью этого народа и его уважением к истории (достаточно вспомнить характер внешнеторговых сделок, заключаемых шведами со своими соседями – Норвегией, Финляндией, а также систему таможенных и иных пошлин).

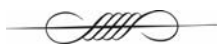
В Швеции социальное партнерство является двусторонним. Как правило, такой социальный диалог устанавливается между двумя сторонами: работодателями и организациями, представляющими интересы рабочих. В результате социального диалога принимаются так называемые пакетные договоренности, т. е. обсуждаются не только размер заработной платы, но и размер налогообложения, а также инвестиционная и экономическая политика. Успешность социального диалога возможна только в результате проведения честных переговоров на трех уровнях (уровень компании, отраслевой и национальный уровни). В Швеции действует так называемое отраслевое соглашение, которое было подписано в 1997 г. Благодаря этому значительно улучшилась экономическая обстановка в стране и на рынке труда, в частности. Отраслевое соглашение основывается на двух принципах: рост зара-

ботной платы должен быть адекватен экономическому росту и международной конкурентоспособности шведских предприятий; взаимное уважение к партнерам, взаимная ответственность. С момента подписания отраслевого соглашения в стране не было зафиксировано ни одного трудового конфликта.

Кроме того, в Швеции работает институт Трудового суда, основанный еще в 1928 г. Он решает споры, касающиеся трудового законодательства, коллективных соглашений и индивиду-

альных контрактов (URL: <http://www.expert.ua/articles/16/0/3543/>).

Современная социально-экономическая ситуация во многих странах мира характеризуется снижением экспорта, ростом безработицы, дефицитом бюджета. В этих непростых условиях шведская модель, социально ориентированная, отвечающая потребностям каждого члена общества, позволяет снизить воздействие указанных выше последствий мирового кризиса, тем самым заботясь о главном ресурсе любой страны – ее гражданах.

Библиографический список

1. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы / П. К. Гончаров // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – 2000. – № 2.
2. Максимова А. А. Модели социальной политики зарубежных стран и выбор России / А. А. Максимова // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2002. – №1–2.
3. Мировая экономика. Экономика зарубежных стран / под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осмоной. – М., 2000.
4. Носов П. А. Макроэкономическая модель социально-экономической системы (на примере Швеции) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Носов Павел Андреевич. – М., 1999.
5. Чернышева О. Швеция – не без проблем / О. Чернышева, Н. Коликов. URL: http://www.rau.su/observer/N04_00/04_10.HTM.

References

1. Goncharov P. K. Social Society: Essence and Principles / Bulletin of People's Friendship University of Russia. – 2000. – № 2.
2. Maksimova A. A. Models of Social Politics of Foreign Countries and Russian Choice / Taxes. Investments. Capital. – 2002. – № 1–2.
3. World Economy. Economy of Foreign Countries / ed. by V. P. Kolesov, M. N. Osmova. – M., 2000.
4. Nosov P. A. Macroeconomic Model of Social and Economic System (Considering the Example of Sweden) / Nosov Pavel Andreevich. – M., 1999.
5. Chernyshova O. Sweden: not without Problems / O. Chernysheva, N. Kolikov. URL: http://www.rau.su/observer/N04_00/04_10.HTM.

А. А. Илджев,
*начальник кафедры уголовного права и уголовного
 процесса Казанского филиала
 ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук, доцент

A. A. Ildzhev,
*Head of the Department of Criminal Law
 and Process of Kazan branch
 of VLI of the FPS of Russia*
Candidate of Law, Assistant professor

СУЩНОСТЬ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Essence of Accompliceship in Crime under Foreign Criminal Legislation

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта правовой регламентации определения соучастия в преступлении по уголовному законодательству стран ближнего и дальнего зарубежья. На основе этого проводится сравнительный анализ некоторых положений о соучастии уголовного законодательства зарубежных государств и соответствующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: сущность соучастия в преступлении, соучастие после факта, неосторожное соучастие, уголовные кодексы зарубежных стран, преступное объединение.

Abstract. The article is dedicated to studying the experience of legal regulation of determination of accompliceship in crime in the criminal legislation of near/far-abroad countries. On the basis of it the author conducts a comparative analysis of some regulations on accompliceship of the criminal legislation of foreign countries and the corresponding norms of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: essence of accompliceship in crime, accompliceship after the fact, careless accompliceship, criminal codes of foreign countries, criminal association.

В условиях все более развивающихся процессов глобализации необходимо активней использовать тот позитивный опыт зарубежных государств, который имеется в области правовой регламентации сущности соучастия в преступлении. Это особенно важно, так как в самой России в последние десятилетия значительно актуализировались проблемы соучастия в преступлении. В немалой степени это связано с подготовкой и принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) в 1996 г., поиском наиболее приемлемых решений по углублению дифференциации и индивидуализации наказания соучастников преступления в зависимости от вида соучастия, индивидуального вклада в совершаемое сообща преступление. С принятием УК РФ была создана необходимая правовая база дифференциации наказания отдельных видов соучастников преступления с учетом изменившихся реалий в криминальном мире. Однако, как свидетельствуют проведенные многими авторами исследования практики применения норм УК РФ о соучастии, правовое регулирование ответственности соучастников не лишено недостатков и даже пробелов.

С точки зрения поиска возможностей дальнейшего совершенствования регламентации в действующем УК РФ сущности соучастия представляет интерес обращение к анализу соответствующих положений уголовного законодательства ряда зарубежных государств.

В большинстве УК современных зарубежных государств, как правило, не дается определение соучастия в преступлении. Исключением в этом плане являются УК стран ближнего зарубежья, Вьетнама, КНР и некоторых других государств бывшего социалистического лагеря. Так, в ст. 26 УК КНР соучастием в преступлении признается совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении преступления. Согласно УК Украины соучастие в преступлении – совместное участие нескольких субъектов преступления в совершении умышленного преступления (ст. 26).

Определенной спецификой отличается законодательное определение соучастия в УК Латвии. Согласно ст. 18 данного Кодекса совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступного деяния является участием или соисполнением. Участием или соисполнением признаются сознательные преступные действия, которыми, сознавая это, двое или несколько лиц (т. е. группа) непосредственно совершили умышленное преступное деяние (ст. 19). В соответствии со ст. 20 соучастие определяется как умышленное действие или бездействие, которым лицо (соучастник) совместно с другим лицом (соисполнителем) участвовало в совершении умышленного преступного деяния, но само не являлось непосредственным исполнителем. Соучастниками преступного деяния являются организаторы, подстрекатели и пособники.

В УК большинства стран дальнего зарубежья не содержится общего определения соучастия в

преступлении, однако признаки соучастия раскрываются при регламентации его видов и отдельных форм. Как правило, соучастием признаются умышленные совместные действия, направленные на совершение преступления. Так, в соответствии со ст. 121-7 УК Франции «является соучастником преступления или проступка лицо, которое умышленно оказанием помощи облегчило их подготовку или совершение». На позиции признания умышленного характера действий соучастников при совершении умышленного противоправного деяния находится УК ФРГ (§ 26 и 27).

Кроме того, в УК ряда зарубежных стран допускается соучастие и при наличии неосторожной формы вины. При неосторожном преступлении, когда результат причинен совместной деятельностью нескольких лиц, как гласит ст. 113 УК Италии, каждое из них подлежит наказанию, установленному за данное преступление. Характерное в этом отношении положение содержится в ст. 4 УК Швеции, согласно которой каждый соучастник должен быть осужден в соответствии с умыслом или неосторожностью, относящихся к нему. Определение видов соучастников, даваемое в УК Японии, также допускает соучастие при неосторожной форме вины. Так, согласно ст. 60 лица в количестве от двух или более, совместно осуществившие преступление, все признаются исполнителями (Уголовное право буржуазных стран. Общая часть : сб. законодат. актов / под ред. А. Н. Игнатова, Д. И. Козочкина. М., 1990. С. 307). Соучастие «по небрежности» известно также УК Дании (ч. 3 § 23).

Уголовное законодательство подавляющего числа современных стран исходит из того, что соучастники совершают деяния до окончания исполнителем преступления. В то же время американскому уголовному законодательству известно так называемое соучастие после факта совершения посягательства. Так, в § 3 ч. 1 разд. 18 Свода законов США указывается: тот, кто, зная о совершении посягательства против Соединенных Штатов, укрывает, облегчает, поддерживает или содействует правонарушителю с тем, чтобы помешать или воспрепятствовать его аресту, преданию суду или наказанию, является пособником после факта совершенного посягательства (Там же. С. 340). В данном случае речь идет, по существу, об укрывательстве преступления. Соучастие после совершения преступления фактически размывает основания ответственности соучастников.

В УК ряда зарубежных государств наряду с соучастием регламентирована ответственность за укрывательство и недонесение о преступлении (Уголовное право зарубежных стран : сб. зако-

нодат. актов. М., 2006. С. 153). Причем уголовное законодательство Швеции допускает привлечение к ответственности за недонесение о преступлении при наличии неосторожной вины. Согласно ст. 6 УК данного государства в случаях, являющихся объектом специальных положений, наказание за несообщение о преступлении в соответствии с настоящим положением должно также назначаться лицу, которое не понимало, что совершается преступление, хотя должно было это понимать. Нечто подобное предусмотрено ст. 20 УК Польши: «Каждый из соучастников в совершении запрещенного деяния подлежит ответственности в пределах своего умысла или неумышленной вины независимо от ответственности остальных соучастников преступления». Здесь в то же время четко проводится мысль о самостоятельном характере ответственности каждого из соучастников преступления.

В связи с этим необходимо отметить, что отечественный законодатель дал наиболее приемлемую и оптимальную интерпретацию соучастия.

Совместность участия в совершении преступления предполагает наличие субъективной связи между соучастниками. В УК РФ соучастие определяется как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32). Формула закона совершенно определенно исключает возможность соучастия при наличии неосторожной формы вины. В связи с этим невозможны умышленное соучастие в неосторожном преступлении, неосторожное участие в умышленном преступлении и неосторожное соисполнительство¹. Ни в одном из указанных случаев не может быть признано соучастие в преступлении, поскольку здесь нет внутренней субъективной связи, предвидения и желания наступления единого преступного результата. Если исходить из этих позиций, то и прежнее советское законодательное определение соучастия исключало умышленное участие в неосторожном преступлении, поскольку соучастие предполагает объединение усилий в целях совершения преступления, как в объективном, так и в субъективном плане. При совершении же преступления по неосторожности нет ни того, ни

¹ Ранее Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергеевский, М. Д. Шаргородский и другие признавали возможность соучастия в неосторожном преступлении. Так, М. Д. Шаргородский писал: «Следует признать, что спорность этого вопроса в действующем праве, как мы полагали, окончательно разрешена формулировкой Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: “Соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления” (ст. 17), а преступление ведь может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности». (Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения соучастия // Правоведение. 1960. № 1. С. 94).

другого. Кроме того, формула «умышленное совместное участие», употребленная при определении соучастия, означает, что понятие «умышленное» относится ко всем последующим категориям, указанным в определении понятия соучастия в преступлении. Следовательно, оно относится и к преступлению, и упоминание в ст. 32 УК РФ второй раз об умышленном преступлении – это своего рода перестраховка законодателя в

целях правильного понимания правоприменителем сущности соучастия.

Только в одном случае – совершение преступления с двумя формами вины – возможно отношение соучастников к более тяжким последствиям в форме неосторожности. Однако в целом преступление, совершенное с двумя формами вины, в соответствии со ст. 27 УК РФ признается совершенным умышленно.

Библиографический список

1. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть : сб. законодат. актов / под ред. А. Н. Игнатова, И. Д. Козочкина. – М., 1990.
2. Уголовное право зарубежных стран : сб. законодат. актов. – М., 2006.
3. *Шаргородский М. Д.* Некоторые вопросы общего учения соучастия / М. Д. Шаргородский // Правоведение. – 1960. – № 1.

References

1. Criminal Law of Bourgeois Countries. General Part / ed. by A. N. Ignatov, I. D. Kozochkin. – М., 1990.
2. Criminal Law of Foreign Countries. – М., 2006.
3. *Shargorodskiy M. D.* Some Issues of the General Doctrine of Accompliceship // Jurisprudence. – 1960. – № 1.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Александров Д. Е.	aldrm2010@yandex.ru
2	Ананьин П. А.	petron@rambler.ru
3	Антонов А. Г.	antonovanton1@mail.ru
4	Арефьев А. Ю.	arefevnamvdrf@yandex.ru
5	Асцатурова В. Е.	vicasc35@mail.ru
6	Басов А. А.	a2006@mail333.com
7	Богачевская Е. А.	bogachevskaya@list.ru
8	Бойко В. Н.	boiko63@mail.ru
9	Бяткиев А. В.	andrey_byatkiev@mail.ru
10	Владимиров С. В.	sergvladimirof@yandex.ru
11	Глебова Н. А.	GlebovaNA@mail.ru
12	Головинская И. В.	irgolovinskaya@yandex.ru
13	Головкин Р. Б.	gospravo@vui.vladinfo.ru
14	Горбунов М. А.	mig75@list.ru
15	Гришина Т. Ю.	tais_g@list.ru
16	Дмитров Д. В.	den-dmitrov@yandex.ru
17	Емельянов Н. С.	nikita-e@inbox.ru
18	Емельянова Е. В.	eev-rusinovo@yandex.ru
19	Ерохина В. Е.	erohina.vera@gmail.com
20	Ерохина Ю. Е.	erohina.vera@gmail.com
21	Зезюлина Т. А.	tatina_zezyulina@mail.ru
22	Зюков А. М.	zukov@front.ru
23	Иванова Ж. Б.	Mgbpravo@yandex.ru
24	Идрисов М. М.	istra05@mail.ru
25	Илиджев А. А.	ilidsasha@yandex.ru
26	Казаринова Л. В.	Liana.Lm@yandex.ru
27	Каримов В. Х.	karimovvh@mail.ru
28	Колосов А. С.	upik@vui.vladinfo.ru
29	Котомин Д. С.	D.Kotomin@mail.ru
30	Краснов А.М.	gospravo@vui.vladinfo.ru
31	Кушнир Д. Н.	60712@rambler.ru
32	Лазарева Л. В.	larisa_vui@pochta.ru
33	Леонтьева Л. С.	lldom@mail.ru
34	Любитенко Д. Ю.	lubitenko@mail.ru
35	Любишкин Д. Е.	lyubishkin@bk.ru
36	Мартынов О. А.	martinovoa@mail.ru
37	Меркурьев В. В.	merkuriev-vui@mal.ru
38	Миролюбов С. Л.	mirolubov2008@yandex.ru
39	Михайлов А. Е.	Urgantfk@mail.ru
40	Невский Н. Н.	neva49@yandex.ru
41	Непотенко А. В.	judge_lexx@mail.ru
42	Новиков С. С.	novikov-sergey@bk.ru
43	Остапенко Е. П.	kfvui.04@mail.ru
44	Петрова И. Л.	iri060461@yandex.ru
45	Радченко К. Н.	adunkt@vui.vladinfo.ru
46	Савин А. А.	magnat33@mail.ru
47	Семенов С. А.	upik@vui.vladinfo.ru
48	Сергеев А. Г.	gennadei_1941@mail.ru
49	Смирнов И. О.	schich777@list.ru
50	Ткачук Т. А.	tatkachyk@mail.ru
51	Ходжич М. В.	marina.vitali@mail.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы рукописи), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; аннотацию; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения личных данных автор обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить **рецензию, анкету автора публикации и оператора персональных данных**. Заполненная и подписанная автором анкета является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: **«Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»**, **«Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики»**, **«История отечественного государства и права»**, **«Правовые системы зарубежных стран»**. Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

С авторами, в статьях которых обнаружен плагиат, журнал прекращает сотрудничество.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, а также рецензией высылается заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, с **обязательным указанием в поле «Тема письма»: «Статья в Вестник»**.

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
	БИК	041708001
	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается
в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО: _____, паспорт № _____

выдан _____

должность _____

адрес _____

тел., e-mail _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе,
место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства,
адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных
автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации;
способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / Данилова И.Б. / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».